

Д. В. Мазарчук

ПЕРВАЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА И МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В КОНЦЕ XV в.

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт подготовки научных кадров

Д. В. Мазарчук

**ПЕРВАЯ
ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА
И МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ
ОТНОШЕНИЯ**

В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В КОНЦЕ XV в.

Минск
«Беларуская навука»
2021

УДК [94+327](4-15)“14”

ББК 63.3(4)4

М13

Р е ц е н з е н т ы:

доктор исторических наук, профессор В. В. Тугай;
доктор исторических наук, профессор М. Э. Чесновский

*Рекомендовано Ученым советом ГУО «Институт подготовки научных кадров
Национальной академии наук Беларуси» (протокол от 22 октября 2020 г. № 2)*

Мазарчук, Д. В.

М13 Первая Итальянская война и межгосударственные отношения в Западной Европе в конце XV в. / Д. В. Мазарчук ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т подготовки научных кадров. – Минск : Беларуская навука, 2021. – 278 с. : ил.

ISBN 978-985-08-2776-0.

В написанной на основе зарубежных источников монографии рассматриваются межгосударственные отношения в Западной Европе в конце XV в. на материале Первой Итальянской войны (1494–1495 гг.). Особое внимание уделяется дипломатической подготовке и ходу военных действий, соперничеству ведущих европейских государств на внешнеполитической арене, складыванию форм и методов дипломатии раннего Нового времени.

Книга предназначена для специалистов и всех, кто интересуется историей международных отношений и военной историей позднего Средневековья и раннего Нового времени.

УДК [94+327](4-15)“14”

ББК 63.3(4)4

ISBN 978-985-08-2776-0

© Мазарчук Д. В., 2021

© Оформление. РУП «Издательский дом
«Беларуская навука», 2021

Uxori meae amatissimae

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы

С конца XV в. Апеннинский полуостров являлся объектом приложения амбиций «великих держав» того времени, в первую очередь, Франции и Испании¹. Поход французского короля Карла VIII на Неаполь в 1494 г. открыл период Итальянских войн, которые длились до середины следующего столетия. На протяжении этого времени французские Валуа и испанские Трастамара (с 1516 г. Габсбурги) не просто вели между собой вооружённую борьбу за отдельные области Италии (Неаполь, Милан), но соперничали за роль ведущей западно-европейской силы. За десятилетия Итальянских войн некоторые из государств Апеннинского полуострова успели несколько раз поменять внешнеполитическую ориентацию на Францию либо Испанию. Все они в той или иной степени балансировали между Валуа и испанским правящим домом, стремясь таким образом соблюсти максимальную выгоду для себя. Политические рокировки сопровождались сложными переговорами и запутанными альянсами, поэтому период Итальянских войн был крайне продуктивным для развития не только военного искусства, но и дипломатии.

Борьба Франции и Испании за гегемонию шла на фоне более глобальных перемен. За это время мир европейского человека стал совершенно другим: он раздвинулся до размеров Земного шара; было положено начало процессу формирования единой системы мировой экономики; появились и были внедрены новые технологии производства материальных благ и трансляции продуктов культуры; военное дело стало опираться на использование огнестрельного оружия; была подготовлена почва для укрепления национальных государств; начался процесс религиозного реформирования². Мир ощутимо менялся и изменения отзывались в каждом уголке Европы. Её центром в эту эпоху была Италия, аккумулировавшая в себе призрачную славу Древнего Рима и достижения Ренессанса, финансово-коммерческие богатства и культурные ценности.

¹ Испания формально не была объединена, а состояла из Кастилии, Арагона и других политических единиц.

² В широком смысле слова, включая протестантскую Реформацию и так называемую католическую Контрреформацию.

Соперничество «великих держав» на Апеннинском полуострове усугублялось существованием сложного клубка противоречий между интересами итальянских государств, важнейшими из которых были Неаполь, Милан, Венеция, Флоренция, Папская область. Каждое из основных итальянских государств стремилось увеличить свою территорию или расширить сферу своего влияния на небольшие княжества и городские республики, составлявшие политическую карту полуострова. К середине XV в. в Италии сложилась удивительная ситуация политического равновесия, когда ни одно из ведущих государств не было достаточно сильным, чтобы дальше расширять свою территорию за счёт соседей. Такое равновесие было закреплено в 1454 г. миром в Лоди и последующим созданием Итальянской лиги. По условиям этих соглашений основные государства Италии признавали существующие границы в качестве *status quo*, обещали не нарушать территориальную целостность и обязались помогать друг другу в случае нападения извне [238]. На целое поколение в Италии воцарился мир, правда, время от времени прерываемый локальными конфликтами.

В то же время равновесие было достаточно хрупким, любое достаточно серьёзное вмешательство сильного соседа грозило его нарушить, при условии поддержания агрессора в самой Италии. Катализатором окончательного краха «системы Лоди» стал поход французского короля Карла VIII, который объявил о своих притязаниях на Неаполь. Описанию предыстории этого конфликта, хода военных действий и дипломатических сношений, а также его завершению посвящена данная книга. Основное внимание при этом уделено дипломатической подготовке войны и её ходу вплоть до возвращения Карла VIII во Францию. Последовавшие за этим военные действия на юге Италии и дипломатическая борьба изложены обзорно.

Не составляет сомнения то, что в эпоху Возрождения итальянские земли являлись мощным источником культурных влияний на прочие страны Европы и неевропейского Средиземноморья. При этом помимо новаций в художественной сфере, точных науках и гуманитарных штудиях, Италия явилась местом рождения дипломатии как искусства и рода деятельности. В «классической» школе дипломатической истории Нового времени период между 1420 и 1530 гг. расценивается как начало перелома в истории западноевропейской дипломатии. По мнению представителей данного направления, ренессансная дипломатия являлась итальянским «изобретением», затем заимствованным другими странами – Францией, Испанией, позднее – Англией, Германией и другими. При этом основным содержанием преобразований в сфере дипломатии является появление постоянных дипломатических миссий [159, р. 61–86, 132–139].

Безусловно, определение решающей роли итальянских государств в рождении дипломатии Нового времени не является случайным. В терминах одного из теоретических подходов Апеннинский полуостров в конце XV – первой половине XVI в. представлял собой системообразующее ядро системы международных отношений [293, с. 6–7, 13–15]. Сложившиеся там образцы межгосударственного взаимодействия, включая конкретные дипломатические практики,

в определённой мере являлись модельными для основных государств Западной Европы. Важную роль в их распространении сыграли Итальянские войны 1494–1559 гг.

Без сомнения, серия конфликтов, которые разворачивались на Апеннинском полуострове в указанный период, занимает особое место в военно-политической истории Западной Европы и в истории формирования современной системы международных отношений. Это время формирования особого типа политических сообществ – государств современного типа (национальных государств), которые становятся монополистами верховной политической власти, с одной стороны, и ведущими акторами внешнеполитической деятельности, с другой. Их появление и обретение ими ведущего значения совпало по времени с зарождением и распространением в глобальном масштабе современной (капиталистической) мир-системы.

По словам одного из замечательных исследователей XX в., «...не до конца осмысленное прошлое представляет собой вызов хорошему историку...» [304, с. 13]. В этом смысле обращение к такому значимому даже в масштабах всемирной истории событию, как Итальянские войны, представляется не просто оправданным, но и совершенно необходимым. История международных отношений принадлежит к числу фундаментальных проблем исторического знания. В современном мире, когда усиливаются глобальные информационные процессы, изучение их истоков и исторических форм реализации видится вполне естественным. Равным образом немаловажным представляется выявление корней современных внешнеполитических стратегий.

Специфика гуманитарного знания предполагает постоянный пересмотр сложившихся решений и поиска новых ответов на основные вызовы, которые ставит перед нами современность. Постоянное развитие историографии обусловлено как меняющимися запросами общества, так и развитием методологии и методики анализа исторических источников. Согласимся, что в связи с изменением подходов к истории международных отношений некоторые вопросы (причины столкновений на Апеннинском полуострове, стратегия и тактика противоборствующих государств) нуждаются в комплексном исследовании [294, с. 32]. Настоящая книга представляет собой попытку раскрыть место и значение Первой Итальянской войны в межгосударственных отношениях раннего Нового времени.

Источники

Настоящее исследование построено на обширном материале источников, которые использовались нами с разной степенью проработки. Источниковый материал по истории Итальянских войн 1494–1559 гг., в том числе первой из них, фактически безграничен. По этой причине всеобъемлющее, а значит и полноценное, его использование до настоящего времени не предпринималось. К сожалению, отсутствует полный корпус источников по теме, хотя существует ряд

достойных работ обзорного характера [50; 108; 109; 163]. Безусловно, ценными для исследователя являются критические издания исторических трудов современников, а также сочинений, написанных в форме дневников и мемуаров, издания актового и эпистолярного материалов. Всего можно выделить четыре основные группы источников по истории Первой Итальянской войны: нарративные, документальные, изобразительные, материальные.

Основные источники, в том числе использованные в данном исследовании, относятся к первой группе. Сочинения современников военной и дипломатической подготовки и обстоятельств итальянского похода короля Карла VIII Валуа, а также мер, предпринятых для изгнания французов с Апеннинского полуострова, нашли яркое отражение в текстах публичного и частного предназначения. Безусловно, на первом месте для учёных находятся труды, написанные в форме хроник, исторических трактатов или воспоминаний. Их авторами являются участники (Д. Малипьеро, Л. Ландуччи, Ф. де Коммин, М. Санудо, Д. д'Атри, А. Бенедетти и др.) или же младшие современники (П. Бембо, Д. Приули, П. Джовио, Ф. Гвиччардини и др.) событий. При написании данной работы мы пользовались прежде всего этими сочинениями, отдавая приоритет итальянским и французским авторам, тексты которых позволяют составить полную картину событий Первой Итальянской войны.

К числу важнейших нарративных источников по истории Первой Итальянской войны относятся сочинения флорентинца Франческо Гвиччардини («История Италии» [102]), венецианцев Доменико Малипьеро («Венецианские анналы» [152]) и Марино Санудо («Экспедиция Карла VIII в Италию» [224]). Последние два труда особенно важны, поскольку написаны современниками событий, имевшими возможность пользоваться при написании своих сочинений практически всеми доступными в то время источниками, включая свидетельства участников и государственные бумаги.

Ф. Гвиччардини заслуженно считается «одним из величайших авторов современной истории» [106, р. VII]. Его новаторством является отход от традиции городской историографии в пользу общей итальянской истории. При этом, пишучи «Историю», автор преследовал целью дать ответ на вопрос: «отчего процветавшая ещё полвека тому назад Италия оказалась в её нынешнем состоянии» [268, с. 242]. Начав с описания событий, непосредственно предшествовавших французскому вторжению 1494 г., флорентийский дипломат и историк довёл изложение событий до начала 1530-х гг.

Труд Гвиччардини продолжает традиции позднесредневековых флорентийских хронистов, переводя их на качественно новый уровень. В частности, в центре внимания автора находится общеитальянская политическая история, хотя значительное внимание он уделяет и сугубо флорентийским сюжетам. «Историю Италии» отличает внимательное отношение автора к данным источников; полнота и детальность фактического материала; содержательность авторского комментирования событий; глубокий анализ характеров, мотивов и поступков «действующих лиц» истории. Приводимые Гвиччардини колоритные подроб-

ности отражают как его собственное восприятие, так и отношение к событиям других современников и действующих лиц [306, с. 9–10, 12].

«История Италии» является ценнейшим источником по истории западноевропейской дипломатии и политики конца XV – первой половины XVI в. Это монументальное произведение отличает полнота, выражающаяся в единстве замысла и содержания. Проницательность в объяснении причин исторических событий, внимание к характерам действующих лиц и психологизм в объяснении мотивов их поступков обусловили автору «Истории Италии» особое место в числе других историков его времени. В то же время следует отметить зависимость Гвиччардини от определённого концептуального замысла, что отразилось не только на композиции текста, но и на его содержании.

Особо отметим недавний полный русский перевод «Истории Италии» М. А. Юсима [264], использовавшийся нами наряду с классическим итальянским изданием Einaudi. Добавим, что помимо основного труда Гвиччардини использовалась его «История Флоренции» [103; 104].

Автор «Анналов» Доменико Малипьеро был патрицием, принимавшим участие в нескольких военных операциях Венецианской республики. Начатый им в 1485 г. дневник позже перерос в исторический труд, в центре внимания которого находился итальянский поход Карла VIII. Малипьеро писал на венецианском диалекте, и его труд первоначально не отличался изысканностью стиля и стройностью композиции. Хронологически «Анналы» охватывают события с 1457 г., внезапно обрываясь на 1500 г. В середине XVI в. единственная рукопись была переработана Франческо Лонго и в этом виде дошла до нас. Особенностью сочинения Малипьеро является обильное использование им официальных документов, писем, донесений. В целом «Анналы» имеют антифранцузскую направленность, однако их автор признавал за венецианцами по меньшей мере часть ответственности за вторжение французской армии в Италию.

Подобно Малипьеро, Марино Санудо представил Первую Итальянскую войну в виде драмы, начавшейся с просчётов Лодовико «Моро» Сфорца и благополучно завершившейся благодаря прозорливости и мудрости венецианского Сената [52, р. 168]. Также будучи выходцем из патрицианской семьи, Санудо получил гуманистическое воспитание и своим трудом о событиях 1494–1495 гг. пытался подражать «Комментариям о Галльской войне» Юлия Цезаря. В отличие от последних «Экспедиция Карла VIII в Италию» написана на венецианском диалекте и гораздо менее литературно обработана. Автор разделил сочинение на несколько книг по принципу равенства объёма, так что связный текст у него нередко внезапно обрывается.

Стремясь приобрести признание в качестве официального историографа Венецианской республики, Санудо наткнулся на непонимание сенаторов и впоследствии нашёл себя в роли собирателя исторического материала, оставившего нам многотомные дневники, хронологически выходящие за пределы Первой Итальянской войны. При этом он получил от руководства республики разрешение на копирование государственных бумаг и широко использо-

вал их при написании своих трудов, включая «Экспедицию». Достоинством этого сочинения является его полнота, насыщенность деталями и изобилие приведённых в тексте официальных документов. Впрочем, эти достоинства легко обращаются в недостатки: для Санудо характерны частые пространные отступления от основной линии повествования. В конце XVI в. падуанский гуманист Марко Гуаццо вычеркнул половину текста и полностью переписал оставшуюся, составив эпитому сочинения Санудо, более удобную для восприятия читателями [101].

Подобно своему соотечественнику Малипьеро, Санудо стоит на антифранцузских и провенецианских позициях. Он подчёркивает стремление властей Республики Св. Марка к миру в Италии, что воспринимается другими итальянскими государствами как стремление к гегемонии. Роль Венеции в дипломатической изоляции и разгроме армии Карла VIII решающая; только увлечённость страдиотов грабежом обоза во время битвы при Форново спасла французскую армию от полного разгрома и помогла королю вернуться на родину.

Кроме указанных трёх исторических трудов подробная информация по дипломатической и военной истории рассматриваемого периода содержится в использованных нами сочинениях исторического и мемуарного характера итальянцев Сиджизмондо де Конти [235; 236], Джакопо д'Атри [67], Пьетро Бембо [13], Джироламо Приули [198]. Интересный материал содержится в дневнике флорентийского аптекаря Луки Ландуччи [129; 130]. Церемониймейстер папской капеллы И. Бурхард оставил «Дневник» [36; 37], содержащий не только официальную информацию из римской курии, но и богатейшие данные о повседневной жизни римлян того времени.

В ряде случаев отдельные нарративы, в целом следующие более значимому источнику, либо же лишь косвенно касающиеся интересующих нас событий, тем не менее позволяют уточнить тот или иной эпизод или сторону событийного ряда. Примером такого дополняющего данные основных источников является «Дневник Карловой войны» сопровождавшего армию Священной лиги врача Алессандро Бенедетти [14]. Это сочинение состоит из двух частей, первая из которых посвящена описанию битвы при Форново, вторая – осады Новары. Сочинение Бенедетти не только даёт дополнительные сведения событийного характера, но и содержит множество деталей, ярко раскрывающих особенности гражданского и военного быта, тактики, медицины и прочих сторон жизни современников.

Общий обзор «малых» итальянских источников по теме приводится в книгах Нино Валери и Эрика Кокрейна [52; 246, р. 717–743]; мы на них останавливаться не будем. Отметим, что сочинения многих авторов имеют незначительное значение для реконструкции событий Первой Итальянской войны, поскольку заимствуют или в значительной степени повторяют текст других работ.

Основным французским автором, участником событий, является советник Людовика XI и Карла VIII Филипп де Коммин, воспоминания которого по праву пользуются признанием среди как профессиональных историков, так и заинте-

ресованных в истории читателей [280]. Будучи опытным политиком и дипломатом, Коммин глубже других авторов исторических трудов раскрыл в своих «Мемуарах» «скрытые пружины» политики. Характерной особенностью этого труда является особое внимание автора к достоверному изложению событий, очевидцем и даже участником многих из которых он являлся лично. Несмотря на некоторую тенденциозность автора в отношении итальянцев, именно личная причастность придаёт сочинению Коммина неповторимую специфичность и привлекательность для читателя [75, р. 109–112; 121, р. 3–4; 292, с. 398–399].

Среди других информативных источников французского происхождения выделим сочинения Андре де ла Виня, советника французской королевы Анны Бретонской, который сопровождал Карла VIII в его итальянском походе. Особенностью творчества де ла Виня является отражение событий его времени различными художественными средствами. Более ранняя поэма «*La Ressource de la crestienté sur l'entreprise de Naples*» [неполное современное издание: 229, р. 267–278] (1494 г.) в аллегорической форме излагает причины, которые побуждали Карла VIII направиться в поход [32, р. 10–11]. Более позднее «Путешествие в Неаполь» [248; 249] (1495–1498 гг.) описывает события, непосредственным участником которых являлся сам автор. Нередко его определяют как «дневник» или «хронику», хотя и написанную в нехарактерной для такого рода сочинений форме: стихи сменяются прозой (с момента описания прибытия французов в Неаполь), и наоборот (стихотворное описание триумфального вступления короля в Лион в ноябре 1495 г.). В отличие от первого сочинения «Путешествие» не содержит аллегорий, описывая события с большим вниманием к деталям, в том числе ежедневным перемещениям французского монарха в Италии.

Кроме сочинений де ла Виня французские нарративные источники по истории Первой Итальянской войны представлены хрониками, мемуарами и текстами других жанров. Аннотированный обзор французских источников приведён в книге Анри Хаузера [108, р. 16–39]. Помимо оригинальных текстов XV–XVI вв. нами использовались полезные сборники Д. Годфруа [99], К. де Шеррьера [47; 48], а также книга А. Ф. Делаборда [70]. Эти издания составлены на основании исторических трудов, писем и документов, преимущественно французского происхождения. Если говорить об изданиях XIX в., то они снабжены более или менее подробными комментариями и пояснениями, в целом имеющими характер связного текста, как бы обрамляющего текст источника, а иногда неразделимо с ним сплетённого.

Полезным источником является бюллетень армии Карла VIII, отражающий репортажи о её продвижении по итальянской территории [125].

Важнейший комплекс источников составляет эпистолярный материал, представленный письмами монархов и князей, прелатов, послов, а также менее значимых участников событий Первой Итальянской войны. Из этого материала следует выделить два комплекса, вышедших из-под пера предводителей двух армий в финальном сражении при Форново. Письма короля Карла VIII были изданы в 5 томах, из которых том 4 относится к 1494–1495 гг. [138]. Корреспон-

денция командующего армией Священной лиги маркиза Мантуанского Франческо Гонзага была опубликована в конце XIX в. А. Луцио и Р. Реньером [149]. К корреспонденции Карла VIII и Франческо Гонзага следует добавить много томный сборник, содержащий переписку неаполитанских королей и их приближённых, в том числе по дипломатическим и военным вопросам [244; 245].

Как было сказано, копии множества писем участников и современников войны приводятся в составе сочинений Доменико Малипьеро и Марино Санудо.

Важным и интересным по содержанию собранием, отражающим настроения французских военных, пребывающих в захваченном Неаполе, является корреспонденция, перехваченная на её пути во Францию Лодовико Сфорца и опубликованная только в 1930-х гг. [66]. При анализе этого источника следует учитывать его жанровую специфику: письма выступали средством инструментализации информации в межличностные отношения в рамках «дружбы» или отношений патроната [196, р. 475–476].

Очень значимым источником являются дипломатические реляции, связанные с деятельностью послов тех или иных итальянских государств (Венеции, Милана, Флоренции) при иноземных дворах. Посольская переписка содержится в итальянских, французских, английских сборниках государственных бумаг и переписки [38; 125; 168], использованных нами при написании данной работы. Отдельно выделим сборники писем Филиппа де Коммина, полезные при изучении действий французской дипломатии в Италии [53; 54].

Кроме нарративных и эпистолярных источников нами использовались изданные в XVIII в. тексты международных (межгосударственных) соглашений [60; 84; 146; 147].

Историография

Итальянские войны пришлись на эпоху рождения многих явлений современности, среди которых следует назвать историю как предмет гуманитарного знания. Именно поэтому историография Итальянских войн фактически начинается с её современников, первыми попытавшимися не только описать, но и осмыслить этот комплексный военно-политический конфликт. Так, в сочинениях флорентинцев Франческо Гвиччардини и Никколо Макиавелли берут начало две темы, постоянным рефреном звучавшие в историографии Итальянских войн на протяжении многих поколений.

Первая из них – понимание войн как переломного момента в истории Италии. Вероятно, Джироламо Савонарола первым дал характеристику похода Карла VIII как исключительного и рубежного момента в истории [86, р. 50–52]. В последующем эта мысль была развита в «Истории Флоренции» Гвиччардини и в его же «Истории Италии» [86, р. 47–48]. Своей задачей флорентийский политик видел рассмотрение причин утраты Италией независимости, связываемой им с периодом длительных и перманентных военных конфликтов [186, р. 121]. Следует отметить, что оценка итальянского похода Карла VIII как исключи-

тельного и пограничного эпизода не вполне соответствует действительности. События 1492–1494 гг. имеют большое сходство с более ранними притязаниями и походами французских князей на юг Апеннинского полуострова (Рене Анжуйский, Жан Калабрийский) [2, р. 18, 24]. Тем не менее благодаря сочинениям Гвиччардини с XVI в. понимание похода Карла VIII как переломного момента в истории Италии надолго закрепилось в трудах историков.

Вторая постоянная тема историографии Итальянских войн – бедствия, которые французское вторжение принесло жителям Апеннинского полуострова. Эта тема также нашла яркое воплощение в сочинениях Ф. Гвиччардини. В частности, флорентийский историк писал, что армия Карла VIII «принесла с собой семена раздора и неисчислимых бед, ужасных несчастий и невиданных перемен, ибо приход французов означал не только крах государств, падение правителей, разорение земель, разграбление городов, жестокие убийства, но и появление нового покроя платья, новых нравов, новых и кровавых обычаев войны, неизвестных ранее болезней. Италия, где до этого царили мир и согласие, пришла в такое расстройство, что уже никогда не могла оправиться, поэтому чужеземные народы и армии варваров могли безнаказанно попираť и разорять её» [264, с. 59].

Точка зрения Гвиччардини оказала огромное влияние на современников и потомков, утвердившись в политическом дискурсе XVI в. в виде идеи «страдающей Италии» (*Italia travagliata*) [212, р. 93–94]. По-видимому, она сохранила свою значимость до периода Рисорджименто. Характерным примером служат слова графа Маффеи, сказанные им в 1736 г.: «Об Италии ведут переговоры, её народы обсуждают со всех сторон так, словно бы речь вели по поводу отар овец или иных жалких животных» [94, р. 760]. Добавим, что темы «бедствий Италии» и «общей судьбы» итальянцев нашли отражение не только в интеллектуальных трудах, но и в народных сочинениях [212, р. 96–97].

В целом следует признать, что длительное время историография Итальянских войн находилась под эффектом телеологического осмысления прошлого Апеннинского полуострова в свете Рисорджименто и объединения Италии во второй половине XIX в. Историки настаивали на решающей роли войн XVI в. в формулировании идеи политической независимости и единства Италии. Соответственно, эпоха Итальянских войн и последовавшая за ней расценивались в историографии как период упадка [212, р. 92]. Подобный взгляд характерен и для относительно современных работ; например, в своём многотомном труде К. Сеттон отмечает, что французское вторжение начало «разрушение Италии» [232, р. 461].

Наиболее значительный вклад в изучение Итальянских войн в целом и Первой Итальянской войны в частности внесли исследователи из Италии и Франции. При этом первые крупные обобщающие работы, посвящённые истории похода Карла VIII, принадлежат французским учёным конца XIX – начала XX в. Обобщающие труды А. Делаборда [70] и А. Лемонье [136; русское издание четырёх глав книги см.: 284] написаны на материале французских и итальянских

нарративных источников и документов. Характерной особенностью обеих работ является сугубое следование данным источников и стремление к воссозданию последовательной картины событий. При этом А. Делаборд и А. Лемонье предприняли попытки разрушить сложившиеся идеологические стереотипы и представить новую интерпретацию Итальянской войны 1494–1495 гг.

Для первого автора итальянская экспедиция короля Франции является (в соответствии с провозглашёнными самим королём целями) первым этапом крестового похода против Османов. Что касается А. Лемонье, то, по его мнению, поход Карла VIII имел целью защиту Италии против экспансионистских устремлений императора. Французский учёный переосмыслил сложившийся со времён Гвиччардини дискурс «упадка Италии» и роли в этом французов, перевернув исходный тезис в свою противоположность.

Авторы более поздних обобщающих работ по истории Итальянских войн в целом [156; 180; 255] и Первой Итальянской войны в частности [18], написанных в XX – начале XXI в., стремились по возможности избегать тенденциозности и объективно оценить место этих событий в европейской и мировой истории.

Одним из направлений историографии Итальянских войн стало изучение их влияния на становление и развитие национального государства как формы политической организации. Помимо очевидной связи между войнами и возвышением трёх великих национальных держав (Франции, Испании, Англии) [232, р. 460], в последнее время данная проблематика обогатилась новыми подходами и открытиями. Так, по мнению М. Роспачера, поход Карла VIII пробудил к жизни идею Италии как политической целостности, что нашло отражение уже в сочинениях авторов XVI в. [212, р. 92]. Например, у Ф. Гвиччардини «национальное чувство возникает в результате разочарования... заката флорентийской мечты» [306, с. 7].

В истории международных отношений вторжение Карла VIII на Апеннинский полуостров традиционно расценивается как начало «длительного периода франко-испанского соперничества за доминирование в Италии» [232, р. 461]. Одним из актуальных направлений исследования в данной сфере является история дипломатических служб (которые в это время институционализируются на постоянной основе) [132; 133].

Кратко коснёмся российской историографии. Один из первых на русском языке достаточно полных обзоров войн 1494–1559 гг. содержится в академической «Истории Италии», изданной в 1970 г. [276]. За последние более чем четверть столетия академическими институтами и ведущими вузами Российской Федерации был издан ряд обобщающих работ по всемирной истории, истории отдельного региона или отдельной исторической эпохи, в которых нашли отражение события Итальянских войн. Наиболее ранний по времени, краткий и достаточно полный очерк их истории содержится в главе, посвящённой международным отношениям в конце XV – первой половине XVI в. в Западной Европе одного из томов серии «История Европы» (автор – В. Н. Малов) [272, с. 395–403].

В учебнике по истории Средних веков, изданном под эгидой исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, история Итальянских войн рассматривается преимущественно до 1530 г. – в главе, посвящённой истории Италии (автор – Л. М. Брагина) [275, с. 213–217].

В недавнем монументальном компендиуме исторического знания («Всемирная история: в 6 томах») история Итальянских войн занимает место в главе, посвящённой истории Италии в XVI в. (автор – М. А. Юсим). Приведённый в главе очерк не может считаться полным изложением событий войн 1494–1559 гг., относительно детально описывая лишь первые десятилетия хода этого европейского конфликта [263, с. 118–121].

К сожалению, события Итальянских войн практически не нашли отражения в трудах, посвящённых истории международных отношений в период Нового времени. Фактически войны просто упоминаются в контексте противоречий между Францией и домом Габсбургов, и то лишь в отдельных работах [273, с. 46–48]. Исключением служит книга видного исследователя Ю. Е. Ивонина, посвящённая истории международных отношений в Европе в XVI в. [269, с. 40–64]. Следует отметить, что соответствующая проблематика достаточно давно находится в поле внимания названного автора [270; 271]. В монографиях Р. В. Фурцева рассмотрены вопросы, касающиеся дипломатической борьбы в период подготовки войны 1494–1495 гг. и связанных с ней событий [302; 303].

Другой российский автор, А. В. Наумов, свою книгу (подготовленную на основе диссертации) посвятил непосредственно Первой Итальянской войне, поставив себе задачей «изучить особенности и закономерности развития внешнеполитических инициатив Франции в международных отношениях, выражавшихся в начале борьбы за политическую гегемонию в Западной Европе» [294, с. 5]. Следуя подходу Р. Гилпина [97, р. 34], А. В. Наумов определил начальный этап Итальянских войн как «войну за гегемонию» в Западной Европе [294, с. 6].

Работа А. В. Наумова написана на материале преимущественно источников французского происхождения или же существующих во французских переводах. К сожалению, в книге встречается ряд неточностей, свидетельствующих о недостаточном знании автором реалий изучаемой им эпохи.

Что касается белорусской историографии, то межгосударственные отношения в Западной Европе в конце XV в. в контексте Итальянских войн являются в ней малоизученной темой. Помимо отдельных статей [286; 287] она нашла отражение в обобщающей работе по всемирной истории учебного предназначения [274].

В современной мировой историографии изучение Итальянских войн продолжается в рамках исследований политической и дипломатической истории, истории международных отношений. Вместе с тем в последние десятилетия произошло существенное расширение исследовательской рамки. Новый толчок к развитию историографии Итальянских войн был дан 500-летием итальянской экспедиции Карла VIII (1994 г.), в результате которого «мы являемся свидетелями появления в историографии “новой” темы (subject)» [212, р. 80]. К бо-

лее традиционным направлениям добавились изучение военного языка эпохи, исследования в области символизма и имагологии, изучение войн в контексте литературной истории и т. д. Полагаем, что изучение одной из «осевых» эпох в мировой истории – Итальянских войн – сохраняет ценность и значение для нового поколения исследователей.

Благодарности

Эта книга не могла быть создана без поддержки и помощи со стороны близких, учителей и коллег. В первую очередь я благодарю мою семью: родителей Валентину Ивановну и Валерия Михайловича, сестру Ольгу Валерьевну, сына Арсения, а также родственников. Особо благодарю супругу Ирину, которой посвящаю книгу. Тёплые слова признательности обращаю к моим университетским учителям В. А. Федосику, И. О. Евтухову, Е. Г. Колбу, О. И. Ханкевич, со студенческой скамьи вдохновлявшим меня на исследовательскую работу и поиск научной истины.

Хочу поблагодарить за ценные советы, указания и иную помощь во время работы над книгой М. Э. Чесновского, А. В. Козленко (Белорусский государственный университет), А. В. Гурина (Академия управления при Президенте Республики Беларусь), И. Ладзарини (Università degli Studi del Molise, Кампобаско, Италия), Ф. Ансани (Istituto Italiano per gli Studi Storici, Неаполь, Италия), Б. Макстона (East Tennessee State University, США).

Благодарю С. Н. Темушеву за разработку карт, Д. Г. Минкевича, М. А. Савко, А. С. Герус – за бесценную помощь в переводах.

Благодарю сотрудников Центральной научной библиотеки им. Якуба Коласа НАН Беларуси за помощь в оформлении библиографии.

Отдельная благодарность М. Г. Жилинскому (Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси), без которого эта работа не могла бы увидеть свет.

При написании книги использованы материалы, полученные при выполнении НИР № 20161344 (в рамках Государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества»), НИР № 20191587 (по гранту БРФФИ), НИР № 20211387 (в рамках Государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства»).

ИТАЛИЯ НАКАНУНЕ ФРАНЦУЗСКОГО ВТОРЖЕНИЯ

«В нашей столь подверженной изменению Италии, где ничто не прочно и нет больше старой власти, слуги легко становятся королями».

*Энеа Сильвио Пикколомини (Пий II),
«Комментарий на трактат о словах
и делах короля Альфонсо Антонио Панормиты»
[11, р. 109].*

1.1. Итальянская сцена

Понятие «Италия» на протяжении столетий, последовавших за падением Западной Римской империи в 476 г., оставалось сугубо историческим и географическим. Не имея политического единства, Апеннинский полуостров с прилегающими островами Сицилией, Сардинией и Корсикой представлял собой сложную мозаику небольших княжеств, синьорий и республик. Лишь южная часть полуострова – Меццоджорно – начиная с норманнского завоевания XI в. была объединена в политических границах Неаполитанского королевства. В остальных частях Италии правили герцоги, маркграфы, синьоры, или же там установился республиканский строй. Все эти государства имели свою историю взаимоотношений с соседями, свои особенности политического устройства, свои очаги внутреннего напряжения. Вмешаться в итальянские дела означало ввязаться в сложнейшее переплетение запутанной системы отношений.

Государства ренессансной Италии различались своим политическим строем. По словам Н. Макиавелли, «все государства, все державы, обладавшие или обладающие властью над людьми, были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно» [289, с. 303]. Республиканские режимы установились преимущественно в городах Северной Италии в XI–XIII вв. в результате «коммунальных революций» – свержения прежних феодальных владык и прихода к власти городской верхушки, патрициата. Финансовые операции и торговля приносили патрициям «большие деньги», становившиеся главным инструментом влияния. Постепенно во многих городских республиках складывались олигархические режимы, при которых власть концентрировалась в руках ограниченной группы семейств.

За несколько столетий некоторые городские республики превратились в относительно крупные региональные государства, в которых столичный город был окружён контадо – подвластной территорией. В первую очередь это республики области Тоскана в Центральной Италии: Сиена, Пиза, Лукка и Флоренция. Власть в них принадлежала патрициату, занимавшему лидирующие позиции в торговле, банковском деле, мануфактурном производстве. Далее, это две морские республики – Св. Марка (Венеция) и Св. Георгия (Генуя). Благодаря

развитому мореходству сферы их влияния простирались далеко за пределы этих городов. При этом, начиная с XV в., власти Венецианской республики всё больше внимания уделяли расширению Террафермы – континентальной части державы.

Городские республики продолжили существование и в XIV–XVI вв., однако во многих из них сформировалась уникальная форма правления – синьория. В этих городах утвердились наследственные правители, носившие формальные титулы и звания «синьоров», «капитанов народа», «первых граждан», «гонфалоньеров» и пр. Так, в Милане правил род Висконти, во Флоренции – Медичи, в Вероне – Скалигеры, в Тревизо – Камино, в Падуе – Каррара и т. д. Иногда синьоры не обладали внешними признаками наличия верховной власти, однако их возможности и клиентские сети делали их фактическими правителями (так было с властью Медичи во Флоренции).

Если юг Италии в целом можно считать политически объединённым, то севернее ситуация была сложнее. Формально несколько областей Центральной и Северной Италии входили в состав Патримония Св. Петра – Папской области, церковного государства со столицей в Риме. Это Лацио, Умбрия, Марке, Романья. Однако фактически власть верховного понтифика в разных частях своей державы была неполной. На правах викариата (наместничества) во многих городах власть захватили династии синьоров: в Болонье – род Бентивольо, в Читта-ди-Кастелло – Вителли, в Перудже – Бальони, в Форли – Орделаффи (до 1481 г.), в Римини – Малатеста, в Фаэнце – Манфреды. Фактически значительная часть Папской области представляла собой чересполосицу практически независимых политических единиц.

Помимо республик и синьорий в Италии было расположено несколько небольших монархий (княжеств), правители которых носили различные титулы. На конец XV в. это герцогства Савойя, Милан, Феррара и Модена, Урбино; маркграфства Мантуя, Монферрато, Салуццо и множество более мелких княжеств. Часть из них были самостоятельными, насколько это можно говорить о совсем карликовых государствах; часть формально были подчинены императору или папе на правах вассалитета или викариата (наместничества); часть мало чем отличались от крупных земельных владений, хотя считались независимыми. Правители мелких и средних княжеств часто зарабатывали себе на жизнь тем, что служили кондотьерами – нанимались военачальниками на службу к правителям более крупных государств.

Если снова вспомнить Макиавелли, то приведённая выше цитата из «Государя» продолжается так: монархии (синьории) «могут быть либо унаследованными – если род государя правил долгое время, либо новыми» [289, с. 303]. На глазах писателя и на протяжении нескольких поколений до него было множество примеров того, как удачливый военачальник приобретал силой оружия или в результате удачного брака собственное государство, власть в котором затем переходила к его потомкам. Так, Франческо Сфорца, знаменитейший кондотьер своего времени, в середине XV в. добился титула герцога Миланского. Его при-

мер был заразителен. Наверное, многие кондотьеры мечтали об основании собственных государств, многих из них подозревали в державных амбициях.

Среди небольших итальянских государств выделялось пять региональных лидеров: Милан, Венеция, Флоренция, папский Рим, Неаполитанское королевство. Ни одна из этих держав не была способна объединить Италию, хотя и претендовала на региональное господство. Их взаимное соперничество приводило к беспрестанным вооружённым конфликтам. Территорию Италии постоянно пересекали большие и малые армии, туда-сюда сновали дипломаты. Войны и дипломатические усилия, с одной стороны, не позволяли чрезмерно возвыситься ни одному из государств – региональных лидеров, с другой же стороны, не давали возможности для объединения страны. Как горько писал в начале XVI в. тот же Макиавелли, Италия страдает от раздоров и вторжений иноземных армий. Ей не хватает того, кто способен её объединить: «Италия же, теряя последние силы, ожидает того, кто исцелит ей раны... Как полна она рвения и готовности стать под общее знамя, если бы только нашлось, кому его понести!» [289, с. 376].

Война и дипломатия всегда сопровождают одна другую. Мелкие и крупные итальянские государства нередко объединялись в союзы, обычно выступавшие под оборонительными лозунгами. В действительности их цели были вполне агрессивными. Так или иначе, ни одно из государств не могло перевесить силы противников и занять доминирующие позиции в рамках всей Италии. Следствием столетней борьбы стало складывание системы международного равновесия сил в границах итальянского региона. При этом, как отмечено в обобщающем труде, «политическая система равновесия являлась не выражением сознания общности интересов входящих в неё государств, а лишь способом нейтрализации экспансионистских устремлений друг друга» [276, с. 427].

Выдающийся исследователь ренессансной дипломатии Г. Мэттингли писал, что в 1440-х гг. на Апеннинском полуострове начала формироваться «концепция Италии как системы независимых государств, сосуществующих на основе шаткого равновесия» [159, р. 71]. Впервые эта идея приблизилась к воплощению в сентябре 1443 г., когда усилиями Филиппо Марии Висконти был образован союз Милана, Венеции и Флоренции; в последующем для установления мира предполагалось созвать общий конгресс итальянских государств. Тем не менее период «полуостровной изменчивости» (*peninsular fluidity*) в Италии продолжался ещё десятилетие, пока в 1454 г. равновесие не было закреплено миром, заключённым в ломбардском городке Лоди. Его подписали ведущие итальянские силы, впоследствии образовавшие так называемую Итальянскую лигу. В состав лиги вошли Неаполитанское королевство, Венеция, Флоренция, Милан, папа, а также менее значительные княжества и республики. По условиям мира в Лоди основные государства Италии признавали существующие границы в качестве *status quo*, обещали не нарушать территориальную целостность и обязались помогать друг другу в случае нападения извне [238]. На целое поколение в Италии воцарился относительный мир, прерываемый несколькими локальными конфликтами.

Итальянская лига 1455 г. была не надгосударственной организацией, призванной поддерживать баланс и равновесие сил, а являлась выражением некоего идеала. Помимо задачи сохранения территориальной целостности в Италии её условия предполагали союз ведущих итальянских держав, направленный против опасности извне: против турецкой угрозы, а также «анжуйских» притязаний на престол Неаполя (с территории Франции). Официальным лозунгом лиги была подготовка к крестовому походу против турок, недавно захвативших Константинополь (1453 г.), однако его можно было считать не более чем красивыми словами [111, р. 142–143]. Этот лозунг в XV в. звучал достаточно часто; церковь неоднократно объявляла сбор средств на поход, который, однако, так и не был осуществлён.

Увы, несмотря на заключение лиги, войны и конфликты в Италии не прекратились. За четыре десятилетия после заключения мира в Лоди Италия пережила шесть внутренних вооружённых конфликтов, а также три турецких вторжения. Войны вели между собой практически все ведущие державы: Неаполь, Милан, Венеция, Флоренция, Папская область и др. Причиной войн была внутренняя политическая нестабильность итальянских монархий и синьорий – отсутствие легитимности правящих там семейств или режимов. Во всех случаях войн одно из итальянских государств оспаривало, и не без оснований, легитимность правительства другого [159, р. 80].

Неспособность Итальянской лиги поддерживать мир в Италии проявилась уже в 1455–1456 гг., когда неаполитанский король Альфонсо I решил наказать Геную за действия пиратов, базировавшихся на Корсике. Когда неаполитанский флот стал угрожать Генуе, республика обратилась за помощью к лиге, однако не нашла поддержки. Ни Флоренция, ни Венеция не захотели вмешиваться, а герцог Миланский хоть и направил военную помощь, но преследовал при этом собственные интересы. Лишь папа Каликст III пошёл с королём на открытый конфликт, едва не закончившийся взаимным отлучением [178, р. 423–428].

В дальнейшем основные пять участников Итальянской лиги несколько раз оказывались по разные стороны баррикад и вели между собой военные действия. На протяжении 1455–1494 гг. войны на Апеннинском полуострове шли практически непрерывно. При этом все они имели региональное значение и внешние силы (за единственным исключением) в них не участвовали. Если проследить историю вооружённых конфликтов этого периода, то окажется, что всякий раз ведущие итальянские державы объединялись против одного из государств, по всей вероятности, чрезмерно усилившегося. Это могли быть Флоренция (Война Пацци 1478–1480 гг.), Венеция (Феррарская война 1482–1484 гг.), Неаполь (Война баронов 1485–1486 гг.).

Впрочем, ни одна из войн, шедших в Италии во второй половине XV в., не смогла поколебать систему реального равновесия сил ведущих государств. Следует сказать, что это не было заслугой Итальянской лиги, поскольку та являлась не более чем постулируемым на бумаге общим принципом, не выдерживаемым на деле. Если не касаться задачи отстаивания общеитальянских интересов

перед лицом внешней угрозы, то лига являлась сугубо теоретической конструкцией. Как отметил В. Иларди, «образ Итальянской лиги вспоминали всякий раз... когда требовалось пристыдить соперника или достичь дипломатического преимущества при отстаивании частных интересов» [112, р. 121].

Реальным механизмом, обеспечивавшим в ренессансной Италии баланс сил и равновесия ведущих государств, были так называемые «частные лиги» (*leghe particolari*) [154, р. 63]. Они представляли собой ситуативные альянсы, вступать в которые итальянских государей заставлял глубоко укоренившийся страх изоляции перед лицом коалиции противников. Как заметил Лоренцо ди Медичи, необходимость состоять в союзе была столь же велика, сколь необходимость танцевать под песню (*ballare secondo il suono*) [33, р. 267]. Само по себе создание «частной лиги» не противоречило существованию общей Итальянской лиги и членству в ней. Нередки были ситуации, когда участники разных «частных лиг» воевали между собой, одновременно состоя в общей лиге. Впрочем, ситуация перманентной неустойчивости и относительно лёгкой смены сторон в конце концов привела систему межгосударственного равновесия в Италии, основанную на конъюнктурных альянсах («частных лигах»), призванных сдерживать потенциального гегемона, к краху [286, с. 51].

Несмотря на внутренние конфликты и сопровождавшие их беды, Италия сохраняла привлекательность для соседних государств – Германии, Франции, Испании. Блеск культуры Возрождения притягивал взоры окрепших монархов Запада. Легендарные богатства Италии также были немаловажным фактором, привлекавшим больших и малых завоевателей. В Западной Европе знали, что с помощью силы в Италии можно добиться многого. Английский кондотьер Джон Хоквуд во второй половине XIV в. к концу своей военной карьеры приобрёл знатную супругу и богатые имения. Барельеф с его изображением украсил знаменитый собор Санта-Мария-дель-Фиоре во Флоренции. Этот пример вдохновлял многих.

По многим параметрам Италия периода Ренессанса находилась впереди прочих европейских стран, подавая им пример и давая образцы для подражания. Речь идёт не только об итальянском искусстве и письменной культуре Возрождения. Ренессансная Италия явила модель политического реализма, предвосхитив появление государства современного типа (государства Нового времени). Именно там зародились первые постоянные армии. Именно в Италии сформировались первые сильные бюрократические системы управления и развитая дипломатия. Наконец, именно на Апеннинском полуострове были выработаны сложные методы управления частными и публичными финансами. Будучи «учителем» остальной Европы, Италия была очень привлекательной для захватчиков [185, р. 52].

Начиная с периода Высокого Средневековья итальянцы привыкли к визитам завоевателей из-за Альп. Германские императоры, короли Франции, Арагона, Венгрии и правители некоторых других соседних государств веками вмешивались в дела Италии. Их армии приходили на полуостров с захватническими

намерениями, иногда – под предлогом защиты нарушенных прав союзников. Кроме того север – территория прежнего Итальянского королевства, формально входил в состав Священной Римской империи; императорами всегда были Германские короли. Французы проникали на Апеннинский полуостров с XIII в., ведя борьбу за Неаполь, вмешиваясь в проблемы римской церкви. Наконец, ещё одним центром влияния являлось Арагонское королевство, бывшее ядром могущественной средиземноморской державы.

Таким образом, жители Италии внутренне были готовы к вторжению иноземцев, которых они пренебрежительно называли «варварами» (*barbari*). В то же время обращение к последним за помощью могло быть расценено как «измена» «общим» итальянским интересам. С другой же стороны, с точки зрения иностранных монархов и принцев, Италия представляла поле их законных династических притязаний. При первой же возможности они могли их актуализировать, если это позволяли обстоятельства. Такая возможность представилась французам в самом конце XV в., когда молодой король Карл VIII заявил о стремлении занять трон Неаполя.

1.2. Неаполитанское королевство

Неаполитанское королевство, занимавшее южную часть Италии и о. Сицилию, издавна привлекало к себе жадные взоры правителей и князей из соседних государств. В Средние века это были арабы и норманны, затем – немцы, испанцы и французы. В 1266 г. последним, в лице династии Анжу – побочной ветви правящих во Франции Капетингов, удалось утвердиться на неаполитанском троне. В XIV в. Анжуйцы добились определённых успехов: их королевство процветало, династия поддерживала союзы с ведущими державами Запада, её побочные представители воссели на троны ряда соседних государств (в частности, Венгрии). Увы, в 1370–1380-х гг. королевство настиг династический кризис, приведший к утрате международного влияния и началу длительной и кровопролитной борьбы за престол.

Эта борьба растянулась на несколько поколений, поскольку вышло так, что королевство дважды оказывалось под властью бездетных королей (Джованни I и Джованни II). Обе королевы завещали престол дальним родственникам при наличии других претендентов. Последние вступали в борьбу с соперниками, престол переходил из рук в руки, армии несколько раз захватывали столицу (см. главу 2). Безусловно, всё это не благоприятствовало ни экономическому росту, ни складыванию среди элиты каких-то представлений о локальном неаполитанском патриотизме.

Кроме того, особенностью экономической и политической жизни юга Италии было господство крупной землевладельческой знати, настолько могущественной, что местный историк XV в. Камилло Порцио называл её представителей «маленькими королями» (*regoli*) [194, р. 8]. Неаполитанские князья и бароны поддерживали то одного, то другого претендента на престол, так что королевский трон никогда не был в безопасности.

Если южноитальянская знать отличалась своеобразием, то неаполитанцы – непостоянством. История из жизни Джотто, рассказанная Дж. Вазари, показывает, что это было характерно уже в начале XIV в., когда в Неаполе правила Анжуйская династия. Один из её представителей попросил художника нарисовать его королевство, и тот изобразил навьюченного осла, с интересом обнюхивающего новый выюк, лежащий у его копыт. Если на старом выюке была королевская корона, то на новом – скипетр подесты (приглашаемого правителя). По мнению живописца это означало, что «таковы его подданные и таково королевство: каждый день там люди желают нового властителя» [261, с. 113].

Ситуацию осложняло ещё и то, что правители других государств активно вмешивались в междоусобную борьбу, поддерживая того или иного претендента. Одним из них был римский папа, формально – феодальный сюзерен неаполитанского монарха, который получал из рук верховного понтифика инвеституру на королевство. Платой за признание была ежегодная дань в размере 8 тыс. унций золота.

Наконец, длительный период междоусобных войн завершился. В 1442 г. один из претендентов, Рене Анжуйский, был вынужден покинуть страну. На престоле воцарился правитель испанского королевства Арагон, одновременно бывший королём Сицилии, Альфонсо (в Неаполе – Альфонсо I). Он объединил континентальный юг Италии и Сицилию в единую монархию, восстановив положение, существовавшее до 1282 г. При нём Южную Италию обыкновенно называли просто Regno (Королевство; сокр. от лат. Regnum Sicilie citra Farum – Сицилийское королевство по эту сторону [Мессинского] пролива).

Правление Альфонсо I Великодушного (1442–1458 гг.) считается периодом процветания. Этот правитель являл собой яркого представителя типажа ренессансных монархов. Он покровительствовал искусствам, окружил двор живописцами и учёными. После его смерти неаполитанский престол наследовал его внебрачный сын Ферранте (исп. Фернандо) (1458–1494 гг.). С этого момента история Неаполя и Арагона вновь пошла по разным траекториям, хотя в обоих королевствах продолжали править представители одной династии – Трастамара. В Италии она получила название Арагонской (Арагона); так будем называть её и мы.

Король Ферранте, несомненно, был весьма способным правителем, «признанным одним из сильнейших политиков своего времени» [260, с. 30]. Он мастерски лавировал в мутных водах итальянской политики, оставаясь полновластным хозяином в условиях внутренней оппозиции и угрозы со стороны врагов извне. Гуманист Джованни Понтана, несколько лет бывший главным министром короля, вспоминал, что тот «обладал глубокой способностью к молчанию... и невероятным лицемерием во всём» (цит. по: [18, р. 115]). Французский хронист Ф. де Коммин, сравнивая его с сыном, Альфонсо II, писал: «Никто не мог предвидеть его гнева, и, оказав какому-либо человеку радушный приём, он, бывало, его вероломно хватал...» [280, с. 294].

Коммин обвинял короля в небывалой алчности, вызывавшей ненависть у неаполитанцев разного социального статуса: у баронов он требовал займы,

у синьоров забирали заводских лошадей, простой народ король угнетал хлебной монополией. Ферранте якобы даже не гнушался заставлять простых людей откармливать за свой счёт свиней, предназначенных королём к продаже, «а если у кого-либо свинья умирала, то тот обязан был заплатить за неё» [280, с. 294].

Сохранилось много свидетельств, подтверждающих невероятную жадность короля. Так, он действительно ввёл на морскую торговлю монополию, которой распоряжался его приближённый Франческо Коппола, граф Сарно (впоследствии участник заговора). Другой пример: после смерти богатейшего латифундиста герцога Асколи король объявил его двух малолетних сыновей незаконнорождёнными и лишил всех владений [172, р. 352–353]. Путём брака своего сына Федериги с одной из дочерей князя Альтамура он надеялся стать наследником последнего. Было множество других подобных примеров, так что основной причиной мятежа 1485–1486 гг. (см. ниже) следует считать именно личные обиды и разочарования представителей местной знати [233, р. 193].

В действительности Ферранте был крайне противоречивой фигурой. Прекрасно образованный, он любил науки и искусства и выступал меценатом для многих художников, поэтов, музыкантов [2, р. 11–13; 9; 15; 239]. При нём была заново открыта неаполитанская школа права – Студии (1465 г.). В политике он также, несомненно, добился успеха, сумев удержаться у власти до конца своих дней – на протяжении более 35 лет. Дабы усидеть на «опасном» троне, Ферранте преследовал задачу укрепления королевской власти. В отличие от отца, он активно привлекал представителей местной знати ко двору и включал их в аппарат королевской администрации [251, р. 71–79]. С другой стороны, король открыто заявлял о своём намерении собрать в своём домене территорию радиусом в 30 миль вокруг столицы, чтобы обезопасить её от возможного захвата (Джованни Ланфредини – Лоренцо ди Медичи, 23 июля 1485 г. [62, р. 208]). Этим объясняется определённая его «жадность» в отношении земли.

На международной арене путём брачных союзов и искусной дипломатии Ферранте Арагонский сумел защитить свой трон несмотря на все опасности. При этом многие новации в области ведения внешней политики (прежде всего, институт постоянных послов) король заимствовал у самого важного из своих союзников, герцога Миланского Франческо Сфорца [74, р. 57–58, 63–64]. Также Ферранте имел чёткие представления о том, что надо делать в сфере экономики. В сердце его экономической политики было стремление восстановить производство шёлка и шерсти в Кампанье и пути экспорта их из страны [3, р. 125–126, 145–146; 228, р. 151].

Долгое правление Ферранте ознаменовалось двумя гражданскими войнами. В последней – так называемом «восстании баронов» («заговоре баронов», *Congiura dei baroni*) 1485–1487 гг. – королю противостояли не только влиятельные южноитальянские кланы Альтамура, Салерно, Бизиньяно, Аквавива, Карраччоло. К ним примкнули также некоторые советники короля, выходцы из среднего слоя. Наконец, мятежную знать, противившуюся абсолютистским устремлением монарха, поддерживала могущественная сила извне. Это был

папа Иннокентий VIII (из генуэзского рода Чибо), нелюбовь которого к Арагонцу объясняется поддержкой последними его противника в борьбе за трон понтифика – кардинала Родриго Борджа. Тот по происхождению был каталонцем, то есть тоже выходцем из Арагонского королевства. Кроме того, отец понтифика в своё время воевал на юге против Арагонской династии на стороне Рене Анжуйского; сын придерживался той же линии. Однако главные претензии всё же были связаны с неуплатой королём дани, его стремлением назначать прелатов в своём королевстве и спорами по поводу ряда территорий [177, р. 249–251].

Война началась с восстания в городе Л'Акуила, жители которого изгнали королевских чиновников и отдали себя под покровительство римской церкви. Вскоре под знаменем «восстановления» Анжуйской династии в мятеж вступили бароны. Их план заключался в изоляции столицы от регионов – тем самым, в ограничении возможностей Ферранте в защите своего трона. Однако король оказался сильнее мятежников. Ему удалось заручиться поддержкой Лоренцо Медичи во Флоренции и Лодовико Сфорца в Милане, которые прислали ему военную помощь. Умелый полководец Альфонсо Калабрийский (будущий Альфонсо II) разбил мятежников при Монторио и вторгся в пределы Папского государства. После этого папа был вынужден пойти на мир с Ферранте, который формально подтвердил свой вассалитет от понтифика. Согласно подписанным 12 сентября 1486 г. договорённостям, мятежники, при условии признания власти Ферранте, получили от него прощение и гарантии безопасности [177, р. 251–264]. Но не прошло и полгода, как эти обещания были нарушены.

13 ноября 1486 г. разыгралась одна из самых впечатляющих трагедий того времени. Это был день свадьбы внучки короля с родственником одного из заговорщиков. Внезапно, во время свадебного пира, король в сопровождении солдат вошёл в зал и арестовал участников мятежа. Они были помещены в заключение в неаполитанский замок Кастель-Нуово. Вскоре с ними расправились самым жестоким образом. Для примера: граф Сарно был четвертован, на четыре части разрубили и его голову. Одну из этих частей насадили на пику в таможне Каса Нуова, другую – в таможне Сан-Антонио, третья была размещена возле одного из городских мостов, четвёртую поместили в часовне. Расправы ждали и других заговорщиков; это должно было послужить предупреждением для феодалов, демонстрацией верховной власти и королевской местью изменникам [227, р. 283].

Лишь Антонелло ди Сансеверино, князю Салернскому, удалось ускользнуть от гнева Ферранте [193]. Память об этом сохранилась в надписи на воротах королевского дворца: *passero vecchio non in caggiola* – «старый воробей упорхнул из клетки» [1, р. 21–22]. В дальнейшем Сансеверино сыграл немаловажную роль в подготовке французского вторжения в Италию.

Ещё при жизни Ферранте I Неаполитанского ходили самые невероятные слухи о его вопиющих жестокости и коварстве. Рассказывали, будто пленных баронов он по несколько лет держал в клетках, подобно птицам. Говорили также, будто бы в одной из комнат Кастель-Нуово король разместил своего рода

«музей» из мумифицированных тел казнённых им врагов. Одетые в собственные роскошные платья, бароны восседали на креслах за столом, как бы собираясь обедать. Ничто не радовало короля больше, чем созерцание этих тел! Другая история ещё более впечатляющая: якобы в одной из башен замка жил крокодил, которому Ферранте иногда скармливал своих пленников живьём [18, р. 114–115].

Следующий эпизод истории XVI в. часто приводят в качестве примера коварства Ферранте. Кондотьер Якопо Пиччинино долгое время верой и правдой служил королю на военном поприще, хотя ранее сражался на стороне его врага. Оказалось, что Ферранте не простил Якопо, популярность которого у неаполитанцев и обширные владения делали его в глазах монарха угрозой. Усыпив бдительность приехавшего в Неаполь Якопо, Ферранте устроил в его честь серию пиршеств, после которых арестовал и затем казнил его [1, р. 21]. Н. Макиавелли с грустью заключает по этому поводу: «Так наши итальянские государи, лишённые всякой доблести, страшились её в других и старались с нею покончить. В конце концов её не осталось ни у кого, и страна наша оказалась жертвой бедствий, которые в скором времени начали угнетать и разорять её» [291, с. 278]. Справедливости ради добавим, что княжеские амбиции кондотьера могли в дальнейшем составить серьёзную угрозу для Regno [2, р. 7].

Последняя гражданская война в Неаполе возобновила былые «анжуйские» (то есть французские) притязания на трон этого южноитальянского государства. Ещё во время войны, по совету кардинала Джулиано делла Ровере, папа Иннокентий обратился к королю Франции Карлу VIII и претенденту на неаполитанский престол Рене Анжуйскому за помощью [177, р. 260; 232, р. 395]. Хотя их военное вторжение по техническим причинам тогда не осуществилось, французский двор получил отличный повод для последующего вмешательства в итальянские дела.

Расправа с участниками «заговора баронов» оживила ненависть, которую многие испытывали по отношению к королю Ферранте. Кроме того, последний отказался выплачивать сюзерену-папе предусмотренную традицией и соглашением 1486 г. дань. Иннокентий VIII, раздосадованный нарушением условий заключённого с ним договора, отлучил Ферранте от церкви. 11 сентября 1489 г. на публичной консистории в Риме было объявлено о лишении Ферранте его феода – Неаполитанского королевства, которое теперь возвращалось в руки сюзерена – папы [177, р. 277–278; 232, р. 398]. Вскоре понтифик предложил инвеституру на королевство Карлу VIII Французскому [145].

Частые перемены в союзнических отношениях в Италии второй половины XV в. были нередкими. Новый виток враждебности между папой и королём был связан с восстанием жителей городка Асколи. Этот конфликт завершился в январе 1492 г. очередным примирением. Однако мир не был прочным. Отступление понтифика от своих претензий было связано в первую очередь с явной неготовностью Папского государства к защите от вооружённого вторжения с юга. Ходили слухи, что Иннокентий VIII намеревался уехать во Францию,

возобновив авиньонский период в истории папства, однако отказался от этого плана ввиду своего слабого здоровья. Правители Неаполя, со своей стороны, также стремились к миру ввиду растущей опасности со стороны французов [18, р. 125–129].

«Заговор баронов» и последствия его подавления прямо связаны с последующими событиями Первой Итальянской войны. По словам Л. Пастора, «события 1495 г., столь фатальные для династии Ферранте и его королевства, явились следствием его собственного образа действий шестью годами ранее» [177, р. 275]. Иронично, что самому Ферранте не пришлось столкнуться с горечью утраты трона. В самом начале 1494 г. он умер. На неаполитанском престоле его сменил старший сын, Альфонсо II (1494–1495 гг.). Барабаны войны уже слышались из-за Альпийских гор, и новый король активно пытался защитить своё королевство и свой трон. Предпринятых им с этой целью мер мы коснёмся в третьей главе.

1.3. Герцогство Миланское

В конце XV в. герцогство Миланское располагалось приблизительно в пределах современной административной области Ломбардия. Это была плодородная равнина, пересечённая множеством каналов, с полями, пастбищами и виноградниками. Основой сельского хозяйства было выращивание риса и тутовых деревьев. В многочисленных городах существовало развитое ремесленное и мануфактурное производство, в первую очередь текстильное. Не случайно француз Ф. де Коммин писал, что Ломбардская равнина – «одна из самых благодатных, красивых и густонаселённых в мире» [280, с. 327. См. также: 280, с. 271]. В Раннее Средневековье эта территория являлась одним из центров государственности лангобардов (от которых происходит название области); в XI–XIII вв. города равнины превратились в значительную политическую силу, бросая вызов папам и императорам. Милан занимал среди них центральное место. Его развитие на протяжении нескольких веков представляет собой классический пример эволюции форм государственного устройства в Италии на пути от Средневековья к Новому времени.

Начальным этапом этого процесса было установление политической автономии в форме коммуны – городского самоуправления. В этих условиях город признавал верховенство императора (находившегося в Германии), но городские феодалы, в том числе церковные, были от власти оттеснены. Во главе коммуны находились выборные органы и должностные лица, которые в каждой местности назывались по-разному. Коммуна обладала правами гражданской и уголовной юстиции, формировала городское ополчение (милицию), обладала правом вступать в альянсы и защищать свои свободы оружием. В Милане коммунальный период длился со второй половины XI по середину XII в.

В 1240 г. коммуну сменила синьория, характерной чертой которой было сочетание новых, синьориальных, учреждений со старым коммунальным аппа-

ратом. Главной особенностью стала единоличная власть синьора, в большей и меньшей степени ограниченная коммунальными органами. Новые органы власти всегда вводились «постепенно и осторожно» [257, с. 325–326]. Тем не менее общей тенденцией было постоянное усиление власти синьоров, которые стали в итальянских городах наследственными правителями. Зачастую власть синьора опиралась на внешнюю экспансию города. Так было в случае с Миланом, синьоры которого из династий делла Торре и Висконти распространили власть города далеко за пределы его округа.

Укрепление власти синьоров привело к трансформации синьории в принципат (княжество). Последний представлял собой небольшое государство монархического типа с абсолютной властью государя и сложившимся чиновничьим аппаратом. Формальным признаком принципата было наличие титула (герцога, маркиза и пр.) [257, с. 326]. Трансформация Милана в принципат происходила на протяжении XV столетия. В 1395 г. его правитель получил от императора герцогский титул, однако вскоре могущество синьоров из рода Висконти оказалось поколеблено в результате экономического упадка, вызванного постоянными войнами.

Влияние герцогов Миланских восстановил избранный в 1450 г. народом на синьорию выдающийся военачальник, кондотьер Франческо Сфорца (1450–1466 гг.). На протяжении 25 лет он служил правителям Милана, а после пресечения правящей династии сам утвердился во главе города. Поскольку Франческо был женат на дочери Филиппо Марии Висконти – Бьянке Марии, он имел некоторые права на верховную власть. После недолгого периода так называемой Амброзианской республики (1447–1450 гг.) жители Милана пригласили кондотьера, чтобы тот восстановил былое могущество их города. Как писал Н. Макиавелли, «те, кто тогда пожелали вернуть Милану свободу, не смогли и не сумели её сохранить» [290, с. 416]. Несколько лет спустя Сфорца был избран синьором Генуи и, тем самым, восстановил государство Висконти в прежних границах. Впрочем, ему не удалось получить императорскую инвеституру на герцогство; он был избран на правление народом [19, р. 84–88].

Достигший самой высокой ступени отличия для наёмника, Франческо Сфорца, вне всякого сомнения, был незаурядным человеком. Энеа Сильвио Пикколomini, будущий папа Пий II, описывал его так: «Человек искусный в управлении государством, неутомимый, мудрый и умеющий быстро воспользоваться удачным стечением обстоятельств, хитрый и ловкий в обмане, осторожный и предусмотрительный в обхождении ловушек и в предупреждении намерений своего врага. На самом деле, он был столь талантлив и крепок, что даже человеку, не наделённому особым красноречием, не составило бы труда описать его портрет» (цит. по: [279, с. 85]).

Заняв миланский престол, Сфорца оставил военное ремесло и в дальнейшем проявил себя как умелый правитель подлинно ренессансного типа. Он был одним из столпов системы равновесия, установившейся в Италии после заключения мира в Лоди. Эта система опиралась на союз трёх сильнейших итальянских

держав – Милана, Неаполя и Флоренции. В какой-то степени им противостояли союзные Венеция и папский Рим, но вплоть до начала 1480-х гг. в военный конфликт стороны не вступали.

После смерти первого герцога-Сфорца синьором Милана стал один из его сыновей, Галеаццо Мария (1466–1476 гг.), при котором ещё сильнее укрепились монархические тенденции. Галеаццо Мария завёл пышный двор, занимавший значительную долю герцогских расходов. Подобно отцу, он продолжил покровительствовать гуманистам, поддерживать Павийский университет, финансировать общественное строительство. Среди прочего, новый герцог отстранил многих отцовских советников, прекратив практику их привлечения из самых знатных миланских семейств. Это привело к плачевным для него последствиям: в декабре 1476 г. Галеаццо Мария был заколот заговорщиками из числа аристократии.

Новым герцогом стал его 7-летний сын, Джан Галеаццо II (1476–1494 гг.). Первые годы полнотой власти при сыне пользовалась мать, Бона Савойская. Однако ей выпал рок столкнуться с серьёзными испытаниями: отказ императора признавать за её сыном герцогский титул, волнения в Генуе, нападение швейцарцев, заговор братьев покойного правителя. Несмотря на то что мятеж был подавлен, а заговор вовремя раскрыт, в итоге регентша утратила власть. Опираясь на войска Роберто Сансеверино, один из младших сыновей покойного Франческо Сфорца, Лодовико, в сентябре 1479 г. вступил в Милан и отстранил Бону от власти. Лодовико, прозванный «Моро» (*il Moro* – «мавр»; происхождение этого прозвища неясно, версии см. [18, р. 48–49; 3а, р. 124–125; 279, с. 149]), узурпировал властные полномочия и стал фактическим правителем при юном родственнике. По словам Ф. Гвиччардини, он, «поскольку ему недовольствовало только титула герцога Миланского, вёл себя и поступал не как опекун или управляющий, а как государь» [102, р. 3; 264, с. 8–9]. Формально «Моро» не был синьором города; обыкновенно его именовали герцогом Барийским – по неаполитанскому титулу, дарованному ему союзником.

Руководство «Моро» вполне устраивало его племянника – юношу «красивого, но недалёкого умом» (см.: [279, с. 161]). Джан Галеаццо не проявлял особенного желания управлять и довольствовался привилегиями, дарованными ему высоким происхождением. Он жил преимущественно в Павии, близ которой располагался прекрасный охотничий парк. По словам папского нунция Маффео Герарди, «герцог не склонен думать об общественных делах. Он странствует по окрестным владениям, развлекаясь соколиной и псовой охотой, и ничто не раздражает его более, нежели упоминание о делах государства» (см.: [279, с. 160–161]). Джан Галеаццо был слаб здоровьем и не берёг его, растрачивая силы в удовольствиях. Некоторые историки даже предполагают, что «Моро» намеренно не дал Джану Галеаццо хорошего образования и потворствовал его тяге к развлечениям, дабы тот не вмешивался в государственные дела. В результате, как заключает Л. Коллинсон-Морлей, «племянник оказался под полным его контролем» [279, с. 161].

Сам Лодовико Сфорца получил хорошее образование: его стилем и умением вести беседу восхищались, а любовь к книгам он пронёс через всю жизнь. В то же время он был очень суеверен и не предпринимал ни одного важного шага, не посоветовавшись с астрологом. Лодовико был высок, красив и приветлив, в разговорах старался демонстрировать искренность и остроумие. Впрочем, поступки «Моро» говорят о его умении скрывать свои мысли и плести интриги. По замечанию Сесилии Мэри Ади, в этом ему было мало соперников [За, р. 125]. Не случайно современники сравнивали правителя Милана с легендарным Протеем, который умел менять свои обличья (Пьеро Аламанни – Пьеро ди Медичи, 8 апреля 1494 г., Виджевано [70, с. 340]). В то же время он не был кровожаден, подобно некоторым предкам-Висконти, скармливавшим людей псам. Со своими врагами Лодовико «Моро» обходился достаточно мягко, без нужды не доводя дела до кровопролития.

При «Моро» миланский двор стал ещё более великолепным, что, безусловно, требовало значительных финансовых затрат. Они шли на частые охоты, два великолепных свадебных торжества (см. ниже), монументальное строительство и, конечно же, меценатство. Покровительствуя искусствам, Лодовико привлёк в Милан множество художников и литераторов. Не случайно подвизавшийся при миланском дворе поэт Бернардо Беллинчоне адресовал один из своих сонетов «четверым прославленным мужам, выросшим под сенью “Моро”». Это историк Джорджо Мерула, ювелир Карадоссо, пушечных дел мастер маэстро Джаннино из Феррары и великий Леонардо да Винчи (см.: [За, р. 138]). По словам Джорджо Вазари, «Моро» «настолько влюбился в его таланты (Леонардо да Винчи. – Д. М.), что даже трудно было этому поверить» [261, с. 460]. Именно в Милане в церкви Санта-Мария-делле-Грацие мастер написал прославленную фреску «Тайная вечеря». Там же он работал над проектом статуи Франческо Сфорца.

Несмотря на молодость (в 1479 г. ему было 28 лет), Лодовико Сфорца оказался довольно способным правителем. При нём происходит дальнейшее укрепление верховной власти синьора. С этой целью «Моро» усилил бюрократический аппарат, созданный предшественниками. Четыре отдела Тайной канцелярии (внешняя и внутренняя политика, церковные вопросы, финансы, юстиция) выполняли функции правительства. Они обеспечивали чёткую работу административной системы государства и поступление денежных средств – Милан был одним из богатейших государств Италии. Делиться властью и богатством «Моро» ни с кем не собирался. Придя к власти, он немедленно исключил из состава герцогского совета тех представителей аристократии, которые посоветовали регентше Боне прийти к соглашению с ним. Что касается самой герцогини-матери, то её изолировали от сына. Лодовико поспособствовал наделению брата Асканио титулами архиепископа Павии и папского легата, но до власти также не допускал [За, р. 122–123].

Помимо укрепления своего могущества внутри государства, «Моро» блестяще проявил себя на внешнеполитической стезе. Его главными успехами было удачное противодействие экспансии Венеции во время Феррарской войны

1482–1484 гг. и восстановление в 1487 г. правления Сфорца в Генуе. В первые годы пребывания у власти Лодовико вернулся к отцовской политике поддержания в Италии равновесия, опиравшейся на союз Милана, Неаполя и Флоренции. Во время «войны баронов» он выступил на стороне Ферранте Арагонского. Наконец, ему удалось установить относительно дружественные отношения с наследником императора, римским королём Максимилианом, что впоследствии, как станет видно, принесёт свои плоды. Пока что Лодовико назвал в его честь своего первенца, родившегося в 1493 г. (Массимилиано Сфорца).

«Моро» удалось упрочить внешнеполитическое положение Миланского герцогства путём заключения династических браков. В 1489 г. он женил племянника на дочери наследника неаполитанского трона (будущего Альфонсо II) Изабелле, а два года спустя сам женился на Беатрисе д'Эсте, дочери герцога Феррарского. Воспитанная при одном из самых блестящих дворов, Беатриса получила прекрасное образование, имела вкус к поэзии и искусствам и поддерживала меценатство своего мужа. Энергичная и темпераментная, она была душой миланского двора. По слухам, она оказывала влияние на мужа в государственных делах и «всецело поддерживала его намерения относительно... герцогства» [279, с. 222]. Несмотря на раннюю смерть при родах (в возрасте 22 лет в 1497 г.), Беатриса оставила Лодовико двух отпрысков. Судьба распорядилась так, что оба сына «Моро» впоследствии восседали на миланском престоле, хотя и недолго.

Неаполитанский брак рано или поздно должен был послужить источником раздора между правителями Милана и Неаполя. Сами супруги двух Сфорца, Изабелла и Беатриса, неплохо ладили между собой, тем более что они приходились одна другой кузинами и вместе воспитывались при неаполитанском дворе. Так, рассказывают, что они любили инкогнито ходить по улицам города, посещать рынок и вступать там в перепалку с торговцами [148, р. 110–111].

До поры до времени спокойствие царило и в отношениях между их мужьями. Рождение в 1491 г. у Джана Галеаццо сына (названного Франческо) знаменовало окончательный разрыв между племянником и дядей, который отныне утратил надежду воссесть на миланский престол относительно законным способом. Со времён Франческо Сфорца Неаполь и Милан были в союзе, Лодовико даже направил войска на помощь королю Ферранте во время мятежа баронов. Однако дед герцогини, король Ферранте, и её отец, принц Альфонсо Арагонский, были недовольны тем, что их зять оттеснён от власти, и давали знать об этом «Моро». Прямо или косвенно, они были готовы поддержать Джана Галеаццо в его законных притязаниях [291, с. 327].

Последнее обстоятельство вынудило Лодовико коренным образом изменить вектор миланской политики, отказавшись от многолетнего союза с Неаполитанской монархией. В январе 1492 г. он заключил союз с французским королём Карлом VIII, что означало разрыв с Неаполем – ранее Франция традиционно поддерживала «анжуйские» притязания на трон Южной Италии, а с недавних пор правящая французская династия сама стала претендовать на него. Поэто-

му для Сфорца было естественным искать во Франции союзника. Натравив Карла VIII на Неаполь, «Моро» надеялся отстоять свою власть над Миланом. Придворный поэт Б. Беллинчони называл Лодовико «итальянским мессией» (*El Moro oggi è d'Italia el ver Messia*) (цит. по: [73, с. 727]), вероятно, возлагая на него большие надежды. Последующие события показали, что амбиции герцога оказались «причиной величайших бедствий для всей Италии» [291, с. 318]. Заключение франко-миланского союза означало дипломатическую подготовку к первой из Итальянских войн.

1.4. Флоренция

Третьим столпом порядка в Италии была Флорентийская республика. Экономически развитая и богатая, привечающая искусства и учёность, Флоренция была подлинным цветком Апеннинского полуострова. По оценке М. А. Гукковского, это был «классический город социальной борьбы, классическая итальянская городская коммуна» [266, с. 67]. Однако, подобно множеству других городских республик в XII–XV вв., она эволюционировала к синьориальному режиму. Не случайно в декабре 1469 г. феррарский посол сообщал на родину, что некоторые флорентинцы называют свой город «княжеством» (*principato*) и признают необходимость в верховном правителе-синьоре для руководства всеми политическими делами [216, р. 200]. Тем не менее последующие события показали, что население города сохраняло приверженность республиканским ценностям, так что окончательное превращение Флоренции в княжество заняло длительное время.

Начиная с 1434 г. ведущая роль в республике принадлежала банкирскому роду Медичи. Сначала во главе его стоял Козимо «Старший» (1434–1464 гг.), не имевший никаких титулов или высоких званий, но пользовавшийся неограниченным влиянием и авторитетом. Это позволило ему изгнать из города политических противников и установить синьорию. Благодаря деньгам банка Медичи и матримониальным союзам Козимо создал прочную сеть своих союзников среди представителей олигархии. С другой стороны, симпатии городских низов обеспечивали победу на выборах его сторонников. Дополнительные гарантии прочности режиму давали особенности избирательного законодательства, позволявшие Козимо обеспечивать большинство в органах власти за своими креатурами [262, с. 324]. В результате он мирно умер в своей постели и получил от благодарных сограждан почётный титул «отца отечества».

После недолгого периода беспорядков и правления сына Козимо Пьеро «Подагрика» (1464–1469 гг.) во главе синьории утвердился отпрыск последнего Лоренцо, прозванный «Великолепным» (*Magnifico*) (1469–1492 гг.). Это был хорошо образованный и умный юноша, который сумел обезопасить себя и республику от врагов, отождествив интересы Флоренции со своими. Поэтому, несмотря на тяжёлую войну, заговоры и потерю популярности у простого народа, Лоренцо стоял во главе родного города до конца своих дней. Более того, он

приобрёл славу стража всеобщего согласия и баланса интересов итальянских государств. При жизни его превозносили как «рождённого, чтобы достичь всех высот» и «спасителя своей страны», а после смерти он стал олицетворением «философа-правителя» [34, р. 3–41; 215].

Лоренцо получил классическое образование, он сочинял стихи и прозу, участвовал в диспутах в Платоновской академии, а двери его дома всегда были открыты для людей искусства. Во время его правления Флоренция закрепила за собой славу культурного центра Италии. Это связано не только с тем, что в городе жили и творили многие знаменитые художники своего времени. Бурлящая артистическая атмосфера во Флоренции была прямо связана с экономикой, основанной на производстве предметов роскоши. Те или иные произведения искусства являлись прямым отражением сложного социокультурного контекста, порождаемого взаимодействием производителей и покупателей. Талантливые мастера испокон веков объединялись в гильдии и цехи, которые поддерживали высокую планку качества и обеспечивали преемственность художественных традиций. Ближе к этим ремесленникам стояли многочисленные флорентийские художники (живописцы, скульпторы, архитекторы); им приходилось одновременно выступать купцами, продавцами своих произведений, большая часть которых создавалась по заказу [162; 166, р. 315; 252, р. 103–129].

В политике Лоренцо, «великолепный и предусмотрительный», как называет его Н. Макиавелли [291, с. 8], вёл себя иначе, чем его прославленный дед. В отличие от Козимо, правившего как бы из-за кулис, уже с юности Лоренцо вёл себя подобно принцу или владетельному князю. Вместе с тем до 1478 г. он не занимал никаких официальных постов в республике, лишь после подавления Заговора Пацци став членом ключевой Коллегии Десяти (занимавшейся военными вопросами). При нём власть правящего семейства ещё больше укрепилась, прежде всего, благодаря его выдающимся качествам политика. О нём писали, что «в обсуждении тех или иных вопросов он бывал красноречив и силен доводами, в решениях благоразумен, в осуществлении решений быстр и смел. Нельзя назвать ни единого порока, который запятнал бы блеск стольких добродетелей» [291, с. 339].

Важнейшей опорой власти при Лоренцо была сеть патрон-клиентских отношений, поддерживаемая уступками и разнообразными бенефициями со стороны «патрона». Он активно выдвигал «новых людей» в ущерб старой знати – оптиматам (*ottimati*), поддерживал братства юношей и рабочих, организовывал публичные церемонии и празднества, финансировал церковные учреждения и требовал поддержки от них. Обратной стороной этой системы было то, что исключённые из сети дружественных связей лица, обычно принадлежавшие к верхушке общества (в ближний круг Лоренцо допускал только незнатных), неизбежно должны были искать поддержку своим устремлениям к власти извне республики [166, р. 348, 369–372].

Финансовую опору режиму предоставлял банк Медичи, однако к 60-м гг. XV в. он уже клонился к упадку. Это было связано с целым комплексом причин.

Во-первых, имели место ошибки в менеджменте: Лоренцо банком пренебрегал, полностью посвятив себя общественным делам. Предпринятая управляющим Франческо Сассетти попытка удержаться на плаву, предоставив филиалам банка большую самостоятельность, не увенчалась успехом [209, р. 79–80]. В результате на протяжении 1469–1480 гг. почти все филиалы были закрыты, а оставшиеся дышали на ладан. Сильную конкуренцию Медичи составили другие банкирские дома, прежде всего Строцци и Пацци.

Во-вторых, сама структура банка была уязвима перед неблагоприятной конъюнктурой, господствовавшей в 1470–1480-х гг. В целом экономика Италии в конце XV в. переживала упадок, который не миновал финансово-кредитную сферу. По мере роста банка становилось всё труднее находить возможности для вложения капитала. Далее, существовал целый ряд объективных причин. Среди них – сокращение поставок превосходной английской шерсти; демографический упадок в странах Западной Европы; волна банкротств итальянских банков, связанная с венецианско-турецкой войной 1463–1479 гг. [210, р. 370–374]. Поэтому Медичи был вынужден искать новые источники финансирования: с 1470-х гг. продаются некоторые принадлежащие Лоренцо земли, а республиканская казна начинает использоваться для его частных нужд.

После счастливого призвания во власть в декабре 1469 г. Лоренцо довелось пережить несколько критических эпизодов, поставивших его влияние под вопрос. Когда в 1471–1472 гг. жители городка Вольтерры воспротивились растущему давлению со стороны Флоренции, этот мятеж удалось подавить относительно легко; город был предан огню и разграблению. Однако в те же годы у Лоренцо возникли серьёзные трения с папой Сикстом IV, который укреплял свою власть над романскими землями и права распоряжаться церковными бенефициями. Конфликт вокруг городов Читта-ди-Кастелло и Имола, в который ввязалась Флоренция, привёл к отлучению республики и её лидера от церкви. Медичи лишился возможности быть депозитарием Апостольской палаты (Camera Apostolica). По наущению папы представители флорентийской знати в апреле 1478 г. попытались убить Лоренцо, которого спасла от смерти только случайность (так называемый Заговор Пацци). Погиб лишь его брат Джулиано, получивший 19 ножевых ранений. На заговорщиков обрушились жестокие репрессии: некоторые тут же на месте были повешены в окнах Дворца Синьории, других ждала виселица некоторое время спустя; семья Пацци была разгромлена и лишена собственности, уцелевшим её членам было запрещено использовать родовое имя, а женщинам семьи – выходить замуж [129, р. 15–20, 33–34; 166, р. 357; 280, с. 233–234].

После жестоких репрессий, обрушившихся на заговорщиков из числа городской верхушки, их зарубежные покровители в лице Сикста IV и Ферранте Неаполитанского объявили Флоренции войну. Эта война была самым тяжёлым испытанием в жизни Лоренцо «Великолепного». В конце июня 1478 г. войска союзников под командованием принца Альфонсо Калабрийского и герцога Федерико Урбинского вторглись в Тоскану. Война велась под лозунгами защиты

церкви: папа провозгласил Лоренцо нарушителем мира и спокойствия в Италии, препятствующим её соединению для совместного отпора врагам христианской веры. Соответственно, объявлялось о намерении союзников «освободить» флорентийских граждан от «беззаконий Лоренцо и его приближённых» [71].

Неаполитанские и урбинские войска достигли успеха, захватив часть тосканской территории с расположенными на ней крепостями и городами. Вскоре они оказались всего в одном дневном переходе от столицы. В условиях турецкой угрозы и внутренней нестабильности в Милане союзники Лоренцо, Венеция и Ломбардия, не смогли оказать ему существенной помощи. Флоренция оказалась одинокой перед лицом угрозы со стороны папства и Неаполитанского королевства. Неудачи в войне сказались на настроениях флорентинцев самым плачевным образом; желание прекратить войну в народе усиливалось день ото дня.

В этой ситуации единственным средством спасения для «Великолепного» мог стать раскол противников. Поэтому он начал вести секретные сепаратные переговоры с командующими вражеской армией, а вскоре совершил поступок, потребовавший от него неординарной смелости. Лоренцо известил республиканские власти о своей уверенности в том, что папа и король ведут войну не против Флоренции, а против него лично; по этой причине, чтобы прекратить войну, он решил отдаться им в руки [104, р. 50]. В самом начале 1480 г. Лоренцо Медичи отправился в Неаполь, где вступил с королём Ферранте в переговоры. Безусловно, он сильно рисковал, однако вовсе не своей жизнью, а потерей власти во Флоренции, что могло произойти во время его отсутствия [166, р. 359; 214, р. 391–400]. В самом деле, флорентийский канцлер Бартоломео Скала сообщал в письмах своему патрону, что «много разных мыслей и слов высказывают как ваши друзья, так и все прочие люди» [26, р. 95–96]. Обсуждался даже вопрос о смене режима, однако Медичи удалось удержаться у власти.

Король Ферранте принял флорентинца с подобающей торжественностью (*con onore grandissimo*), но вёл переговоры весьма осторожно и вначале не собирался делать Лоренцо каких-либо уступок. Однако в дело вмешался внешний фактор: с одной стороны, король обеспокоился вероятностью возобновления «анжуйских» притязаний на его трон, с другой стороны, летом 1480 г. турки напали на неаполитанский порт Отранто и временно оккупировали его. В этих условиях вначале Ферранте, а затем и Сикст IV были вынуждены заключить с Лоренцо Медичи мир на его условиях. Флоренция восстанавливала власть на территории, принадлежавшей ей до войны; флорентийские союзники в Романье получили гарантии от папского вмешательства [166, р. 361]. Безусловно, отлучение от церкви с Флоренции и её лидера также было снято. По словам Макиавелли, «благодаря мудрости и авторитету Лоренцо вся Италия замирилась» [291, с. 338].

После заключения мира в марте 1480 г. Лоренцо с триумфом вернулся во Флоренцию, а его влияние среди своих сограждан возросло ещё больше, чем прежде. Как следствие, влияние Лоренцо во Флоренции стало беспрецедентным и мало чем отличалось от власти любого из итальянских князей [166,

р. 363]. Он окончательно отождествил интересы страны с собственными и поступал соответственно этому убеждению. Медичи полностью контролировал фискальную политику республики и использовал публичные фонды в своих нуждах. Представители знати не могли заключать браки без согласия с его стороны. В воле Лоренцо было даже отправить граждан в изгнание за пределы родного города, если те усомнятся в его власти. Всё большее значение приобретали новые бюрократические структуры, созданные Лоренцо, и «новые люди», возвышенные им в число своих приближённых [265, с. 78–81. См. также: 27, р. 76–77; 28]. Республиканские органы власти действовали, но в значительной степени были лишь антуражем для власти подлинного синьора Флоренции. Как отметил Джон Наемы, «к 1471 г. республиканское устройство уже представляло собой пустую скорлупу» [166, р. 347].

Последние годы жизни Лоренцо посвятил себя укреплению правящего режима и закреплению наследственной передачи своей властной роли во Флоренции. Большое значение в этом он придавал приобретению семьёй кардинальского звания. Ему удалось этого достичь после заключения в 1487 г. брака дочери Лоренцо Маддалены с незаконнорождённым сыном папы Иннокентия VIII Франческетто Чибо. Хорошие отношения со Святым престолом были восстановлены, банк Медичи вернул своё значение в Риме, а его средства были направлены на приобретение молодого ряда ключевых крепостей близ Рима [34, р. 133–154]. Римский брак помог Лоренцо реализовать свою давнюю мечту: в 1489 г. его средний сын, 13-летний Джованни (будущий папа Лев X), наконец получил от понтифика возделенную красную кардинальскую шапку; из-за его несовершеннолетия это назначение сохранялось в секрете ещё 3 года. Ходили слухи, что кардинальское звание стоило «Великолепному» от 50 до 200 тыс. флоринов [30, р. 177; 173, р. 198]. Это был последний успех Лоренцо Медичи, вершина его политической карьеры.

Правление Лоренцо «Великолепного» считается своего рода Вергилиевым «золотым веком» Флорентийской республики. Однако, будучи мифологизирован после смерти, на итальянской политической шахматной доске второй половины XV в. он представлял собой лишь одну из многих фигур, пусть и тяжёлых. Макиавелли отмечает, что на переговорах с неаполитанским королём Лоренцо так поразил монарха своими идеями установления мира в Италии и опасности продолжения войн, что тот с лёгкостью пошёл на примирение [291, с. 318–319]. Это явное преувеличение: известно, что переговоры проходили тяжело и никак не ограничились одной лишь беседой, а образ миротворца-патриота Италии утвердился за «Великолепным» благодаря посмертным панегирикам [35, р. 30–36]. При его жизни сограждане также не воспринимали Лоренцо Медичи однозначно. Несмотря на очевидную поддержку в самых широких слоях населения, власть Медичи была достаточно неустойчивой, завися от успехов или неудач во внешней политике. «Счастливая судьба и щедрость Медичи сделали народ глухим...», – писал Макиавелли [291, с. 306]. В случае ограничения финансовых вливаний и политических успехов всё с лёгкостью могло измениться.

Кроме того, в республике существовала устойчивая оппозиция единоличному правлению. Не случайно Джованни Камби после смерти Лоренцо называл его «ещё большим тираном, чем он мог бы быть, если бы имел формальную власть», а Аламанно Ринуччини сравнивал с Юлием Цезарем, который пытался поставить себя во главе республики [166, р. 343]. Явную или скрытую оппозицию режиму единоличного правления составляли семьи оптиматов – купеческая знать, оттеснённая Медичи от правления. Пацци (до своего разгрома в 1479 г.), Бальдовинетти, Бальдуччи, Каппони, Ручеллаи, Содерини, Торнабуони, Фрескобальди и другие хоть и не занимали близких к правителю постов, но сохраняли своё влияние, богатства и связи. В конечном счёте, именно действия оптиматов привели к бесславному падению дома Медичи всего за несколько дней [166, р. 374].

Последние годы Лоренцо кроме подагры мучился от жестоких желудочных болей, так что в апреле 1492 г. он скончался в возрасте 44 лет. Его смерть была большим потрясением для сограждан. Флорентийские хронисты того времени оставили свидетельства мрачных предзнаменований, сопровождавших кончину великого Медичи [130, р. 63–64; 158, р. 16–17; 207, р. 262–263. Обзор свидетельств см.: 18, р. 145–149]. Смерть Лоренцо также вызвала волнение по всей Италии, в которой не осталось ни единого государя и ни одного города, которые не отправили бы во Флоренцию послов, чтобы те засвидетельствовали республике сочувствие. Со смертью Лоренцо, заключает свою «Историю Флоренции» Макиавелли, никто и ничто уже не могли обуздать губительное для Италии честолюбие Лодовико Сфорца [291, с. 340].

На смену Лоренцо «Великолепному» пришёл его старший сын Пьеро Медичи, которому исполнился 21 год. Власть перешла к нему без каких-либо явных протестов. В недельный срок Пьеро наследовал все публичные посты отца, включая место в недавно учреждённом последним Совете семидесяти (органе исполнительной власти) [216, р. 264]. Ни одного голоса не раздалось против этого, но вскоре действия нового правителя начали вызывать в определённых кругах ропот. Когда Пьеро, подобно своему отцу, стал давать аудиенции у себя на дому, «город тайно зароптал, боясь вновь... попасть в рабство, возможно, ещё худшее, чем раньше» [173, р. 27].

Если следовать историкам того времени, основная опасность для власти недавно «воцарившегося» Пьеро исходила со стороны части оптиматов, исключённых из круга его приближённых. Так, согласно Пьеро Паренти, «сила режима» в это время находилась в руках всего 10 человек (составивших особую пратику), включая самого Пьеро ди Медичи: «Пьеро позволял, чтобы они руководили им, и они использовали его в качестве лидера (саро) в целях собственной безопасности» [173, р. 47].

Франческо Гвиччардини ярко описывает недостатки нового главы дома Медичи, который «предпочитал, чтобы его боялись, а не любили». По словам историка, Пьеро был «упрямый, ничего не понимающий в делах, он либо решал их по собственному разумению, полагаясь лишь на себя, либо если кому-нибудь

и доверялся, прося совета в важных вопросах, то обращался к гражданам, не имеющим опыта длительного управления городом, репутации разумных и заинтересованных в общественном благе» [265, с. 91–92].

Ближайшим из советников в политических вопросах, вероятно, следует называть Пьеро Довици ди Биббиена; делами банка заправлял двоюродный дед Пьеро, Джованни Торнабуони. Впрочем, последнего нельзя назвать лучшим выбором для управления банком по причине его импульсивного характера и беспрестанных колебаний между подавленностью и неоправданным оптимизмом. Главным же были недостатки самого неформального флорентийского синьора. В отличие от отца, считавшегося в Италии образцом мудрого правителя, Пьеро не справлялся с руководством тонко настроенным государственным механизмом остававшейся республиканской Флоренцией.

Слабостью характера Пьеро пользовались представители других знатных семейств, в том числе – боковой линии семьи Медичи. Пьеро, мать и жена которого являлись представительницами разных ветвей рода Орсини, до самого последнего момента последовательно придерживался пронеаполитанской ориентации. В противовес ему представители «оппозиции» составили во Флоренции профранцузскую «партию». Частью просто фрондируя, частью вступая в прямую оппозицию политическим проектам правителя, они могли составить опору для нового режима во Флоренции. Правитель опасался представителей знатных флорентийских родов. Так, Ф. Гвиччардини рассказывает, что брачные связи семейств Ручеллаи, Содерини и Строцци возбудили в Пьеро опасения, будто бы знать создаёт против него союз [265, с. 84]. Однако главная опасность исходила от его ближайших родственников.

В апреле 1494 г. французского посла, отъезжающего из Флоренции, действительно сопровождал брат Пьеро – кардинал Джулиано, а также их двоюродные братья Лоренцо и Джованни ди Пьерфранческо ди Медичи. Узнав об этом, Пьеро рассердился и заподозрил, что это был не просто признак вежливости, а свидетельство тайных помыслов. Расследование выявило, что кузены действительно тайно стали «людьми короля». Они находились в сношениях с Лодовико Сфорца и представителями семейств Содерини и Ручеллаи. Это означает, что среди флорентийской верхушки в действительности сформировалась профранцузская «партия». Коллегия семидесяти согласилась, что братья Лоренцо и Джованни заслуживают смертной казни, но Пьеро настоял на их символическом изгнании. Им запрещалось вступать в городские пределы, но разрешалось проживать в своих загородных владениях [18, р. 349–350; 31].

Уже в 1493 г. французский фактор имел для Италии большое значение. Обострение отношений между Неаполем и Миланом, вызвавшее к жизни очередной проект приглашения на Апеннинский полуостров французских войск, влияло на взаимоотношения всех итальянских государств, а также на их внутренние дела. Слухи о возможном вторжении французов затронули и Тоскану. Как отмечает П. Паренти, те, кто желал избавить Флоренцию от власти Медичи, «ожидали французов, ждали их прибытия и призывали их, хоть и тайно, по прибытии

освободить их город и восстановить его свободу» [173, р. 67]. Последующие события показали, что эти ожидания оправдались; власть Медичи на несколько десятилетий была свергнута, а Флоренция вновь стала «свободным городом».

1.5. Престол Св. Петра

Папство, один из наиболее интегрированных институтов западноевропейской цивилизации, в период Возрождения имело свою специфику. Она заключалась в том, что верховные понтифики обладали огромной духовной и светской властью одновременно. Символом этого двойного влияния была тиара с тремя зубцами, символизирующая духовную и светскую власть (а также правление в городе Риме). С одной стороны, римские папы возглавляли католическую церковь – разветвлённую организацию, представленную во всех европейских странах, насчитывавшую в XV в. около полутысячи диоцезов и десятки тысяч приходов. Их прихожанами были миллионы жителей Западной Европы. Папы являлись духовными пастырями всех этих людей и по умолчанию пользовались огромным авторитетом во всём *раx christiana*, христианском (католическом) мире. С другой стороны, папство подвергалось воздействию всех прочих государств христианской Европы, заинтересованных в том, чтобы взять под свой контроль этот могущественный институт.

Помогали папам кардиналы, составлявшие вместе с ним Священную коллегия. Кардинальское звание появилось в XI в., а с 1059 г. старший чин кардиналов (кардиналы-епископы пригородных римских церквей) получил право избирать пап. Позднее это право было распространено на все три чина: кардиналов-епископов, кардиналов-священников и кардиналов-диаконов. Среди кардиналов нередко были выдающиеся богословы и знатоки канонического права, опытные дипломаты и администраторы, главы тех или иных церковных организаций или монашеских орденов. Кардиналы, находясь в Риме, представляли всё многообразие римской католической церкви.

Безусловно, содержание кардинальского достоинства со временем изменялось. В самом начале XV в. состав коллегии формировался как из итальянцев, так и из неитальянцев. Кардиналы являлись своего рода представителями национальных церквей, и их совместная работа обеспечивала единство католической еkkлeсии. Начиная с понтификата Евгения IV (1431–1447 гг.) кардиналами становились преимущественно уроженцы Апеннинского полуострова, а коллегия превратилась в орган по управлению римской церковью. Кардиналы стали своего рода советниками или министрами папы, который всё чаще играл роль ренессансного государя. Всё чаще кардинальское достоинство получали иностранные принцы и римские аристократы, а также папские родственники (непоты).

В результате коллегия кардиналов утратила единство, а её члены превратились в выразителей и защитников интересов своих семейств или государей. Итальянские князья добивались представительства в коллегии для своих родственников. На целых полстолетия, начиная с понтификата Сикста IV, коллегия

кардинала стала формироваться преимущественно из трёх кругов. Во-первых, это члены семейств самих пап. Во-вторых, это государственные деятели и дипломаты, представлявшие тех или иных европейских монархов. Наконец, в-третьих, это члены итальянской знати. Редко когда в состав коллегии попадали клирики, прославленные своим благочестием, богословы и канонисты, как это было принято раньше [78]. Естественно, что внутреннее разложение Священной коллегии вносило свою лепту в падение престижа папства как института католической церкви. Этому способствовало и вовлечение пап в решение светских вопросов.

Преемник апостола Петра, римский папа был признанным главой церкви, духовным пастырем всех верующих. С другой стороны, он являлся правителем собственного государства и его права как монарха опирались на якобы сделанное некогда римским императором Константином пожалование папе Сильвестру I власти над Западной Римской империей (Константинов дар). Однако сложившаяся в Средние века Папская область не была централизованным государством. В период ослабления папства в XIV – начале XV в. папам постоянно приходилось вести борьбу с их правителями за восстановление своих прав на эти земли. Кроме того, политическая раздробленность, царившая на Апеннинском полуострове, подталкивала пап к вмешательству в дела соседних итальянских государств. Понтифики постоянно вели войны или вступали в альянсы.

Наконец, ещё один фактор оказывал прямое воздействие на положение в папской столице – Риме. Речь идёт о так называемых римских баронах – влиятельных аристократических семействах, разветвлённых и многочисленных, владеющих крупными территориями, связанных между собой и с правящими домами Италии брачными узами. Эти знатные рода вели генеалогии со времён Средневековья, а нередко возводили своё происхождение к древнеримским временам. Самыми влиятельными среди них были Савелли, Орсини, Колонна, Конти, Гаэтани, обычно представленные в коллегии кардиналов. Нередко враждебно настроенные друг против друга, а иногда – и против понтифика, они усложняли и без того запутанную политическую ситуацию в Вечном городе. Борьба знатных семейств и их вмешательство в церковные дела отрицательно влияли на авторитет церкви. Как писал Н. Макиавелли, «бароны постоянно затевали свары и, потрясая оружием на виду у главы церкви, способствовали слабости и неустойчивости папства» [289, с. 333–334].

Авторы солиднейшей фрайбургской «Церковной истории» полагают, что период Высокого Ренессанса можно отсчитывать, применительно к истории церкви, начиная с понтификата Сикста IV (1471–1484 гг.) [82, р. 543]. Этот суровый и сильный духом францисканец поставил себе целью восстановить права римской церкви над Папской областью и использовал для её достижения все законные и незаконные средства. Однако, несмотря на искренние заявления о необходимости возобновления крестоносного движения в защиту от наседавших на Европу турок-османов, Сиксту IV не были чужды пороки князей церкви того времени: властолюбие, nepotизм и воинственность. Он противодействовал

стремлениям восстановить роль церковных соборов, которые могли бы ограничить его власть. Он возвышал членов своей многочисленной семьи, даровав шестерым из них кардинальские шапки. Наконец, время понтификата Сикста IV отмечено войнами, которые папа вёл на территории Италии против местных правителей.

Уже спустя четыре месяца после своего избрания Сикст IV назначил кардиналами своих двух племянников – Пьетро Риарио и Джулиано делла Ровере. Впоследствии последний сам станет папой под именем Юлия II. Молодой кардинал Пьетро умер через несколько лет, и в качестве папского фаворита его сменил родной брат, Джироламо Риарио. Этот бывший торговец бакалейными товарами получил от дяди должность гонфалоньера римской церкви и титул графа. Он был женат на уникальной женщине-воительнице (*virago*) Катерине Сфорца, незаконнорождённой дочери герцога Миланского Галеаццо Мария. Получив в качестве приданого романский город Имолу и став правителем соседнего Форли, Джироламо решил попытаться основать собственное наследное княжество за счёт земель соседней Феррары. В угоду своему племяннику папа был вынужден в союзе с Венецией объявить герцогу Феррарскому войну (1482–1484 гг.). Война оказалась неудачной для понтифика и не принесла непопту никаких территориальных приобретений.

Ещё ранее, в 1478 г., под влиянием фаворитов Сикст IV ввязался в другую авантюру – он инспирировал неудавшееся покушение на Лоренцо ди Медичи, развязавшее вооружённый конфликт с Флоренцией. Заговор оказался неудачным, и в ходе его подавления погибли не только представители семейства Пацци, но и назначенный Сикстом архиепископ Пизы Франческо Сальвиати, ещё один дальний папский родственник. Он был повешен в окне Дворца Синьории прямо в пурпурной архиепископской мантии. После этого папе не оставалось ничего другого, кроме как отлучить Лоренцо ди Медичи от церкви и объявить Флоренции войну (см. выше). Помимо этих двух масштабных столкновений Папское государство при Сиксте IV участвовало в локальных конфликтах с городами Умбрии и римскими баронами Колонна. Не удивительно поэтому, что хронист Паоло делло Масто охарактеризовал понтифика как «дурного папу, который постоянно держал нас в войне и голоде» [110, р. 100].

Несмотря на это, понтификат Сикста действительно представлял собой пример расцвета ренессансной культуры. Папа активно восстанавливал старые римские церкви и поощрял городское строительство. Так, в преддверии церковного юбилея 1475 г. по его указанию для нужд паломников были проложены новые улицы и построен первый с древнеримских времён мост через Тибр (Понте Систо). По его повелению в папском дворце в Ватикане была построена новая часовня – так называемая Сикстинская капелла. Кроме того, папа считался покровителем наук и являлся коллекционером античных статуй. Сикста IV в определённой мере можно назвать и покровителем «людей письма» – предшественников интеллигенции. С именем этого папы связано восстановление Ватиканской библиотеки и создание знаменитого Ватиканского архива.

Далее, Сикст IV реформировал папские финансы и аппарат римской курии. Нуждаясь в средствах, он увеличил число куриальных должностей до 2 тысяч и поощрял широкую торговлю индульгенциями. Можно согласиться, что этот папа «несёт главную вину за дальнейшее скатывание Римской курии к оголтелому nepотизму и светскости» [82, p. 548]. Он провоцировал государственные перевороты и вёл войны. Он «перерисовал патрон-клиентскую карту Рима» [174, p. 203], создав в коллегии кардиналов целую «фракцию» из представителей семей делла Ровере и Риарио (к моменту его смерти из 32 кардиналов 4 были его племянниками [55]). Он слишком много внимания уделял региональной итальянской политике и слишком мало – вопросам вселенской церкви. Впрочем, в этом папа делла Ровере мало чем отличался от преемников, сменивших его на престоле Св. Петра. Именно начиная с понтификата Сикста IV участие пап в итальянских делах имело столь же светскую окраску, как и участие любого другого князя или синьора [46, p. 79].

Смена понтификатов в 1484 г. сопровождалась бурными и запоминающимися событиями. Как только новость о смерти Сикста IV достигла Вечного города, в городском гарнизоне начались волнения. Ощутившая слабость власти толпа бедноты вначале разграбила дворец племянника покойного папы, римского префекта Джироламо Риарио, затем взяла штурмом зернохранилища, расположенные в районе Трастевере, и захватила два генуэзских корабля, гружёных вином. Собственность генуэзцев повсеместно уничтожалась, разрушен был даже лигурийский странноприимный дом. Среди беспорядков только жена Джироламо, Катерина Сфорца, сохраняла спокойствие, укрепившись в Замке Св. Ангела; после того, как во главе войска в город вступил её муж, беспорядки прекратились [177, p. 229–230].

Вслед за тем наступил черёд выборов нового главы церкви. Прежде всего необходимо было обеспечить безопасность участников предстоящего конклава. Кардиналы опасались, что Джироламо Риарио со своими солдатами будет оказывать на них давление. Однако энергичный кардинал Марко Барбо сумел примирить враждующих римских баронов и добиться от Джироламо Риарио согласия на вывод войск из города и освобождение Замка Св. Ангела в обмен на 8 тыс. дукатов [177, p. 232]. После этого кардиналы приступили к переговорам между собой.

Историк Людвиг фон Пастор называет конклав 1484 г. одним из самых «прикорбных» в истории церкви [177, p. 233]. Конклав начал заседать 25 августа и продолжался 5 дней. Кардиналы разбились на две «партии», одну из которых возглавил племянник Каликста III, вице-канцлер церкви Родриго Борджа, а вторую – племянник вновь преставленного, опытный дипломат Джулиано делла Ровере. Членов этих группировок спланивали не только единство политических интересов и общность понимания будущего устройства Италии. Лидеры борющихся на конклаве фракций для привлечения на свою сторону активно использовали подкуп – как деньгами, так и обещанием церковных бенефициев и постов. При этом они не баллотировались в понтифики сами, а выдвинули

каждый своего кандидата. Голосования проводились по два раза в день – утром и вечером. Наконец, делла Ровере удалось перетянуть на сторону своего кандидата необходимое число голосов (18 из 25 участвовавших в конклаве). Утром 29 августа кардинал Франческо Тодескини-Пикколомини объявил взволнованным римлянам о том, что у них есть папа. Викарием Христа был избран кардинал Джованни Баттиста Чибо, принявший имя Иннокентия.

Понтификат Иннокентия VIII (1484–1492 гг.) воспринял все худшие черты правления Сикста. Хронически больной и слабый, этот папа целиком и полностью находился под влиянием кардинала Джулиано делла Ровере. Не случайно флорентийский посол писал своему патрону, что кардинал делла Ровере «папа и даже более, чем папа» (цит. по: [177, с. 242]). Лишь в отсутствие кардинала в Риме понтифик принимал решения самостоятельно. Между тем ситуация в церкви требовала активности и решительности, поскольку нарушения канонов, злоупотребления и негативное моральное состояние духовенства приближались к критической массе. Недавний конклав выявил основные проблемы, стоявшие перед римской церковью: необходимость реформ и возобновления соборного движения, а также турецкий вопрос [82, р. 548]. Что касается реформы церкви и папской курии, то в период «застоя» при Иннокентии VIII никаких практических шагов в этом направлении предпринято не было. Единственное, что было выполнено, это расширение куриальной администрации: резко увеличилось число папских секретарей (*abbreviatores*; до 30) и печатников папских булл (*plumbatores*; до 52); эта мера существенно пополнила казну.

Подобно некоторым своим предшественникам и преемникам, папа Иннокентий был также и отцом. При этом, впервые в истории папства, он открыто признал двоих из своих детей – сына Франческетто и дочь Теодорину, дав им свою фамилию [177, р. 270]. Как и многие другие, Иннокентий VIII жаждал обеспечить своему сыну счастливую судьбу, добившись для него какого-нибудь княжества. Проект утвердить отпрыска в Имоле и Форли не удался, несмотря на убийство в 1488 г. тамошнего правителя Джироламо Риарио. Вдова последнего, Катерина Сфорца, успешно защитила свои владения от войска папского губернатора соседнего городка Чезены. Ресурсы папства в то время были столь истощёнными, что у понтифика не хватало средств на ведение полноценной военной кампании в Романье. В результате названные города остались за «львицей из Форли» и её малолетним сыном, Оттавиано Риарио. После этого бастарду папы пришлось удовольствоваться рядом замков, конфискованных в окрестностях Рима у баронского семейства Ангиллара.

В отношениях с Османской империей, напротив, был достигнут определённый прогресс. Ещё при прежнем понтифике, летом 1480 г., войска султана Мехмеда II высадились на юге Италии и заняли порт Отранто. Значительная часть горожан была перебита, правитель города казнён, священные реликвии брошены псам, а церкви превращались в конюшни и мечети [232, р. 343–345]. Италия должна была стать следующим приобретением султана, прозванного Завоева-

телем, после Греции и Балкан. В отчаянии папа Сикст IV обратился к христианским государям за помощью, намереваясь объявить очередной крестовый поход. Однако Италию спасла счастливая случайность: в мае 1481 г. Мехмед умер, а за османский трон разгорелась борьба между его сыновьями Баязидом и Джемом. После недолгой осады ослабленный турецкий гарнизон Отранто сдался соединённому неаполитано-папскому флоту [232, р. 371–372]. Мусульманское завоевание Италии оказалось отложено на неопределённый срок.

История шахзаде Гияс ад-Дина Джема (в Европе его называли Зизимом), сама по себе весьма увлекательная, имеет непосредственное отношение к событиям, связанным с началом Итальянских войн, в частности, к роли папства в международных отношениях того времени. Начать её следует с событий, произошедших в Османском государстве. После смерти Мехмеда II Баязид сумел приобрести поддержку янычаров и представителей османской верхушки, недовольных политикой его отца. Он занял Стамбул и провозгласил себя султаном, тогда как его младший брат Джем (родился в 1459 г.) избрал местом своего пребывания Бурсу. Первоначально Джем предложил брату разделить империю: для себя он предназначал Анатолию, а для Баязида – Румелию (европейские владения). После того как Баязид отказался, а его войска разгромили армию претендента под Йенишехиром, Джем был вынужден бежать в мамлюкский Египет [247, р. 122–130].

Год спустя, побуждаемый союзниками из числа правителей ряда мусульманских государств, принц решил вторично бросить брату вызов и захватить трон. На этот раз он из стратегических побуждений намеревался высадиться в Румелии, для чего ему потребовалась поддержка со стороны рыцарей-иоаннитов. Орден Св. Иоанна в то время располагался на о. Родос и контролировал морские пути через Эгейское море. Родосские рыцари гарантировали Джемму свободу прохода, а он, в свою очередь, обещал вознаградить их исходя из оказанной помощи. Несмотря на то что экспедиция не удалась, судьба османского принца отныне оказалась связана с иоаннитами.

После того как Джем в сопровождении всего 30 человек высадился на Родосе, великий магистр ордена Пьер д'Обюссон сообщил папе Сиксту, что предоставляет принцу убежище ввиду преимуществ, которые это может дать христианскому миру. Выгоды, действительно, были очевидны: контролирование претендента на османский трон давало значительный козырь в противостоянии с Османской империей. Султан неизменно воздерживался от конфронтации с той страной, на территории которой проживал его брат. Магистр иоаннитов подчёркивал, что Джем находится у него по собственной воле и сохраняет свободу покинуть остров [115, р. 84–85]. Фактически же принц оказался пленником, удерживаемым в целях постоянного давления на османов.

Вскоре он покинул небезопасный Родос, слишком близко расположенный к турецким берегам, и переехал в домен ордена на территории Франции. Как свидетельствуют документы, Джем уехал по собственной воле, доверив магистру вести переговоры с Баязидом II от его имени [115, р. 85]. Последующие

годы своей жизни принц провёл в христианской Европе, сначала – во Франции, а с 1489 г. – в папском Риме. Первоначально за его безопасность отвечал великий магистр иоаннитов, получавший на содержание принца от его брата-султана ежегодно 40–45 тыс. дукатов. Во время понтификата Иннокентия VIII магистр Обюссон согласился уступить папе опеку над Джемом в обмен на кардинальскую шапку для себя.

Баязид II опасался, что с перемещением брата поближе к турецким владениям идея крестового похода, периодически возникавшая в головах у пап, будет реанимирована и, возможно, претворится в жизнь. Поэтому султан через своего посла при французском дворе попытался воспрепятствовать этому. Баязид предложил в дар Карлу VIII так называемое Копьё Лонгина (которым была пронзена грудь Иисуса Христа, распятого на кресте) и некоторые другие реликвии. Он обещал уступить мечтавшему о крестоносной славе королю город Иерусалим, который турки собирались отбить у мамлюков. В обмен на всё это султан ожидал, что Джем будет и впредь проживать на французской земле. Естественно, что за его содержание полагался солидный ежегодный пансион (50 тыс. дукатов). Предложение казалось заманчивым; мнения в королевском совете разделились практически поровну, так что рыцари-иоанниты поспешили вывезти Джема из Франции, пока это было возможно [115, р. 88; 243, р. 217–218].

В марте 1489 г. шахзаде Джем оказался в Риме, где стал вести жизнь знатного заложника, каковым он, собственно, и являлся. Его принимали в столице христианского мира как принца, и жизнь он вёл соответствующую. Живописец Андреа Мантенья в своём письме описывал это так: «Брат Турка проживает здесь во дворце, тщательной охраняемый. Папа обеспечивает его времяпрепровождением разного рода, в частности, охотой, музыкой, пирами, и прочими развлечениями» (цит. по: [177, с. 301]). Его жизнь в Риме походила на жизнь богатого нобиля. Об уровне его общения в Вечном городе говорит тот факт, что на аудиенции у папы Джема представил понтифику сын последнего, Франческетто Чибо, а также рыцарь-иоаннит высокого ранга, племянник Обюссона Ги де Бланшфор [37, р. 252–253; 235, р. 325–326].

Безусловно, Джем был нужен папе Иннокентию как угроза турецкому султану. Тем более актуально было держать при себе претендента на османский трон в преддверии крестового похода, который понтифик намеревался организовать. Весной 1489 г. он начал подготовку этого мероприятия, разослав государям христианского мира приглашения на конгресс. Конгресс начал свою работу 15 марта 1490 г. Папа объявил собравшимся, что наступил наиболее благоприятный момент для вторжения в Османскую империю, вторжению, которое должно завершиться изгнанием турок с Балканского полуострова и возведением на трон Джема. С этой целью для осуществления крестового похода было решено установить на 3 года для европейских государств всеобщий мир и собрать армию в размере 95 тыс. воинов. Войну предполагалось начать с моря и с суши, при поддержке египетских мамлюков [113, р. 348; 232, р. 414–416].

Но внезапная смерть венгерского короля Маттиаса Корвина и противостояние между Карлом VIII Французским и императором Максимилианом I подкосили идею крестового похода, который был отложен на неопределённый срок [177, р. 305–311; 232, р. 416; 236, р. 23].

Тем не менее, теперь, после возвращения Отранто, под угрозой оказался турецкий султан, который всячески пытался минимизировать риск. Он направил папе посольство и обеспечил Джема содержанием, лишь бы того продолжали держать под контролем [113, р. 356; 232, р. 418–419]. Помимо денег в дар папе было передано Копьё Лонгина, размещённое в соборе Св. Петра (май 1492 г.). По замечанию папского секретаря и гуманиста Сиджисмондо де Конти, принятие в дар Святого Копья было последним деянием Иннокентия VIII перед тем, как он умер [236, р. 29].

Понтифик скончался в июле 1492 г. По правилам, установленным III Латеранским собором в 1179 г., правом избирать нового папу обладают исключительно члены коллегии кардиналов. К моменту смерти Иннокентия VIII коллегия состояла из 27 членов. Среди них были такие сомнительные фигуры, как бастард папского брата Лоренцо Чибо, получивший кардинальскую шапку в обмен на ценного заложника, магистр иоаннитов Обюссон или же двое 17-летних аристократов – Джованни ди Медичи и Федерико ди Сансеверино. К моменту конклава 1492 г. коллегия кардиналов представляла собой пёстрое собрание разновеликих личностей, многие из которых приобрели скандальную известность. Сочинения авторов XV–XVI вв. изобилуют сведениями о неблагоприятных поступках князей церкви, среди которых были все семь смертных грехов, а также непотизм и симония, конкубинат и мужеложество, любовь к роскоши или мирским развлечениям. И конечно же, кардиналы не стояли в стороне от светской политики.

В письме герцогине Феррарской её представитель в Риме, епископ Джованни Андреа Боккаччо, писал, что наиболее вероятными претендентами на папскую тиару являются кардиналы Ардичино делла Порта, Оливьеро Карафа, Асканио Сфорца и Родриго Борджа. Кроме того, возможно избрание Джулиано делла Ровере, хотя это может привести к расколу церкви (*scissma inter plures*) (Джованни Андреа Боккаччо – герцогине Элеоноре Феррарской, 4 августа 1492 г., Рим [177, р. 533–534]). Папский референдарий (занимавшийся приёмом жалоб), престарелый Ардичино, пользовался признанием членов коллегии за свои знания в области права и пример христианской жизни. Но поскольку сам он не претендовал на тиару и даже хотел отказаться от кардинальской шапки, его голос в чью-то пользу мог оказаться на конклаве решающим. Неаполитанец Карафа стяжал славу в качестве руководителя папского флота, сражавшегося против турок в понтификат Сикста IV. Он пользовался поддержкой со стороны короля Неаполя, и всем было ясно, что избрание Карафы поставит Рим под исключительное влияние этого сильного соседа.

Асканио Сфорца, брат Галеаццо Мария и Лодовико, был возведён в кардинальский сан по политическим мотивам. Он являлся как бы представителем своего брата, «Моро», в Риме, в то же время будучи лишён возможности узур-

пировать власть в Милане. Асканио вёл жизнь принца. Он содержал множество лошадей, охотничьих собак и соколов. Поступления со множества бенефициев обеспечивали ему роскошную жизнь. Пирь, которые давал кардинал, славились по всему городу и нашли отражение даже в исторических сочинениях того времени. В то же время он покровительствовал искусствам и любил литературу. Перу Асканио принадлежит несколько поэм, написанных на латыни и итальянском языке [177, р. 367–368]. Наконец, подобно многим членам коллегии кардиналов, Асканио Сфорца был искусным дипломатом и выполнял многие щекотливые поручения своего брата и папы.

Джулиано делла Ровере, племянник покойного Сикста IV, был, возможно, самым способным из членов коллегии кардиналов¹. Среди своих товарищей он выделялся пристрастием к войне (что нашло отражение во время его понтификата под именем Юлия II). В юности, став кардиналом, он принял участие в нескольких сложных дипломатических и военных миссиях, связанных с защитой интересов римской церкви [234, р. 9–50]. Джулиано быстро приобрёл политический опыт; его знали при дворах не только итальянских государств, но и за пределами Апеннинского полуострова. Он пользовался поддержкой французского королевского дома и отстаивал интересы Франции в курии. Амбициозный и самонадеянный, вспыльчивый и горделивый, излишне прямолинейный, он претендовал на избрание папой и тяжело переживал поражение, что отразилось в событиях Первой Итальянской войны. Его противником, победившим его на конклаве, был Родриго Борджа.

Борджа (исп. Борха), 61-летний племянник папы Каликста III, занимал в папском правительстве ключевую должность вице-канцлера. В этом качестве он контролировал папскую корреспонденцию и делопроизводство. Папа Сикст не раз давал своему «достопочтенному брату» ответственные дипломатические поручения. С самого момента назначения Борджа проявил выдающиеся административные способности, позволившие юному испанцу занять подобающее место среди прочих князей церкви. По словам апостольского секретаря Джакомо Герарди, Родриго Борджа был «человеком разносторонних талантов... чрезвычайно умным... с практическим духом и прежде всего с экстраординарными способностями переговорщика» [95, р. 48]. Это был видный мужчина, умеющий расположить к себе и обладающий даром убеждения других. Однако образ жизни его отличался от евангельского. Ещё во времена Сикста IV Родриго считался самым богатым из кардиналов [95, р. 48]. Он жил в великолепном дворце, расположенном недалеко от моста Св. Ангела, на доходы, получаемые от нескольких епископств и аббатств.

Кроме стяжательства он был подвержен и другим грехам. Известно письмо, в котором папа Пий II осуждал своего кардинала за излишнюю любвеобильность, выраженную Родриго в бытность его в Сиене. Папа-гуманист писал:

¹ В источниках он, как правило, называется «Винколи» – по своему кардинальскому сану кардинала-пресвитера римской базилики Сан-Пьетро-ин-Винколи.

«Разве пристало лицу твоего сана играть в соблазнителя с юными дамами, посылать фрукты и вино той, которую ты любишь, и весь день думать лишь о всевозможных формах сладострастия» [7, р. 230–231 (1460. № 31)]. Несмотря на увещевания, до конца дней чувственность была одним из слабых мест Борджа. На протяжении долгих лет он сожительствовал с римлянкой по имени Ваночца Каттанеи, родившей ему несколько детей: сыновей Чезаре, Джованни (Хуана), Джоффре и дочь Лукрецию. Они много значили для отца; по словам венецианского посла Паоло Капелло, «им владели помыслы возвысить своих сыновей» [40, р. 11]. Родриго поддерживал тесные связи с испанскими правящими домами. Поэтому в 1485 г. ему удалось добиться для своего старшего сына Педро Луиса титула герцога Гандия (перешедшего затем Хуану). Другой сын, Чезаре, уже в возрасте семи лет получил должность папского протонотария и ряд церковных бенефициев. Впоследствии он стал архиепископом Валенсии и кардиналом.

После смерти Сикста IV Родриго Борджа был одним из главных претендентов на тиару и в 1492 г. использовал все средства, чтобы на этот раз не упустить свой шанс. Он действительно был хорошим кандидатом, имевшим неплохие шансы на успех. Его карьера кардинала длилась дольше, чем у кого бы то ни было из его коллег. За эти годы Борджа приобрёл огромный опыт. Несмотря на испанское происхождение, в политических вопросах он не сохранял никакой зависимости от своей родины, отстаивая интересы церкви перед лицом представителей неаполитанской Арагонской династии [77].

Конклав открылся 6 августа в Сикстинской капелле Ватиканского дворца. На протяжении пяти дней 23 собравшихся там кардинала находились на хлебе и воде, обдумывая выбор и совещаясь перед проходившими несколько раз баллотировками. Победу Борджа предопределил переход на его сторону кардинала Асканио Сфорца, который осознал, что сам он избран не будет, и решил продать свой голос подороже. За это Сфорца был обещан пост вице-канцлера церкви и дворец Борджа. Говорили, что к дому кардинала Асканио отправили 4 мулов, гружёных серебром [114, р. 281–282]. Подкуплены были и другие члены коллегии. Кардиналу Орсини Родриго обещал крепости Монтичелли и Сорiano, Колонне – аббатство Субиако, Савелли – епархию на Майорке, Паллавичини – епископство Памплона, Микелю – епископство Порто, и так далее. Таким образом Борджа обеспечил себе большинство голосов, и в ночь с 10 на 11 августа был, наконец, избран главой церкви под именем Александра VI [177, р. 382–385; 232, р. 434–435].

К моменту избрания нового понтифика Рим был очень противоречивым местом. С одной стороны, это был символ единства христиан и напоминание о величии предков итальянцев – древних римлян. В Италии многие образованные люди гордились тем, что папство принадлежит их родине, возлагая на него надежды по её объединению [260, с. 73]. С другой стороны, жизнь в этом центре христианского мира была далека от заветов первых христиан. Духовенство, включая самые верхи, погрязло в грехах, а светская власть использовала церковь в своих корыстных интересах. Множество авторов того времени оставило воспоминания об удручающем моральном состоянии церковной столицы. Так,

бамбергский каноник Теодор Морунг, побывавший в Риме в 1485 г., оставил воспоминание об удручающем состоянии Вечного города, поражённого многими язвами [123, S. 76].

Не удивительно, что идея очищения церкви буквально носилась в воздухе, находя выражение как в проповедях разного рода «пророков», так и в сочинениях интеллектуалов и даже в официальной риторике самой папской курии. Новый папа, облечённый как многими достоинствами, так и множеством недостатков, несомненно, был сильной личностью, способной поставить достоинство католической церкви на новый уровень. Многие верили, что он способен это сделать. Немецкий хронист Гартман Шедель писал об Александре VI: «Человек большой души, большой осторожности, мудрости и понимания мира... Мы надеемся, что он выбран для пользы и выгоды (*di utilità e vantaggio*) всего христианского мира» (цит. по: [177, p. 395]).

1.6. Венеция

Венецианская республика Св. Марка стояла особняком среди других «региональных супердержав» Италии. На пёстрой и динамично изменяющейся карте Апеннинского полуострова она представляла собой удивительно устойчивый и долговечный элемент. Не один автор, начиная от Ф. де Коммина в XVI в. и заканчивая современными исследователями, отмечал характерную черту истории Венеции – уникальную политическую и административную стабильность. Основы государственного строя республики были заложены в Высокое Средневековье (XII–XIII вв.) и на протяжении столетий – вплоть до Наполеона – в целом не изменялись. Подлинным панегириком государственному строю Республики Св. Марка стал трактат Гаспаро Контарини «О магистратах и устройстве Венецианской республики» (первое издание – 1543 г.). Автор писал, что Венеция обладает чем-то, что ставит её выше всех, – «это устройство и форма государства, обеспечивающие благоденствие его членов» [282, с. 53]. Венеция была символом гражданской свободы, воплощённой в её республиканских институтах, действовавших на протяжении многих поколений.

Политическая устойчивость, сильная административная система, выдержанная внешняя политика опирались на экономическое благополучие. Залогом последнего были, во-первых, контроль за морскими торговыми путями, в первую очередь, в Средиземноморье, во-вторых, владение заморскими колониями. Могущество Венеции складывалось на протяжении столетий. После Кюджийской войны 1379–1380 гг. морская республика окончательно взяла верх над своим давним соперником, Генуей. Приблизительно тогда же в связи с распадом «монгольского мира» открылась благоприятная возможность для того, чтобы захватить торговые пути, ведущие из Европы на Восток. Венецианские коммерсанты проникли в Левант (Сирию и Египет), закупая там хлопок, специи и пряности в обмен на европейское серебро. Была установлена монополия на левантийскую торговлю и, как заключает Ф. Бродель, «покуда Восток будет

главным источником богатств, преимущество будет за Венецией с её удобным путём на Восток благодаря её островам» [258, с. 115].

Венеция обладала первым в христианском мире флотом, включавшем в XV в. 45 галер и 300 парусных судов. Их строили в огромном Арсенале, занимавшем целый городской квартал [18, р. 68]. Но для того, чтобы держать морскую торговлю с восточными землями под контролем длительное время, Венеции потребовалось создать сеть опорных пунктов, располагавшихся, прежде всего, на островах. Первым в 1383 г. был захвачен о. Керкира (Корфу). Затем последовали далматинское побережье Адриатики, албанский порт Дураццо, Ионические острова, полуостров Морея (Пелопоннес), острова Крит, Эвбея и Кипр. В результате умелой дипломатической игры и прямых захватов к концу XV в. Венеция стала центром настоящей морской империи, состоявшей из цепочки торговых факторий с большей или меньшей прилегающей территорией. Её владения были разбросаны по всему Восточному Средиземноморью. Они позволяли республике поддерживать монополию на левантийскую торговлю, обогащаться и отстаивать независимость от могущественных соседей.

В действительности, в XV в. богатства Венеции ставили её в один ряд с ведущими западноевропейскими государствами. Согласно оценкам современников, её годовой доход (750 тыс. дукатов) был не намного ниже дохода Франции или Англии, равнялся испанскому ежегодному доходу и превышал доходы прочих итальянских государств. Если же учесть все поступления, которые давали республике итальянские и заморские владения, то её бюджет был первым в Европе того времени [258, с. 116–118]. Венецианцы были, по словам дожа Томмазо Мочениго (1423 г.), «господами золота христиан» [124, р. 618], центром европейской мир-экономики XV–XVI вв. От их торговли зависели государи всех стран Западной Европы; к ним прислушивались правители турок, арабов и берберов; их «дорогой» было всё Средиземное море. Помимо восточной торговли другими столпами венецианской экономики была продажа соли, а также предметов ремесленного производства – изделий из стекла, кружев, шелковых и шерстяных тканей.

По мнению О. Кокса, именно в Венеции был «изобретён» капитализм, распространившийся затем оттуда по другим европейским странам [63, р. 62]. Возможно, это преувеличение, поскольку венецианцы заимствовали множество экономических инструментов (чек, двойная бухгалтерия, страхование, холдинг) у своих соседей и конкурентов. Тем не менее именно в Венеции в XV в. сложилась уникальная для своего времени система взаимоотношений между трудом и капиталом, близкая классической капиталистической схеме [258, с. 125]. Особенностью этого «капитализма» было активное и всестороннее участие государства, проявлявшееся, например, в системе галерных конвоев (*mude*). В соответствии с этой системой, возникшей ещё в начале XIV в., венецианский Сенат ежегодно определял состав конвоев из государственных галер, их маршруты, перевозимые товары. Затем конвои сдавались внаём посредством аукциона (*incanto*). При этом в аукционе могли принять участие только ве-

нецианские патриции, которые затем организовывали на паях торговый рейс в Левант или в другое место. Галерные конвои обычно передвигались по одним и тем же маршрутам (*ligne du Trafego*). Наличие в их составе вооружённых кораблей с солдатами гарантировало безопасность движения и доставки груза [131, р. 17–25; 240; 288].

Кроме средиземноморских колоний, необходимых для поддержания левантйской торговли, Венеция обладала значительными материковыми владениями в Италии. Начиная с 1339 г. венецианцы планомерно присоединяли соседние города, расположенные в глубине Апеннинского полуострова – Тревизо, Верону, Падую, Бергамо, Лоди, Кремону, Брешию, область Фриули. Так складывалась венецианская Терраферма – *domini de terraferma* (материковые владения). Помимо стратегической функции защиты Венеции от вторжений, Терраферма приносила республике значительный доход. Во главе управления отдельными городами Террафермы ставилось несколько венецианских чиновников (так называемых ректоров); многие вопросы решались по согласованию с местной элитой, что обеспечивало дополнительную степень лояльности [122, р. 93–95].

Управление огромной дисперсной империей было сложным делом, требовавшим стабильности внутреннего политического строя Венецианской республики и устойчивости её административной системы. Официально государство именовалось Республикой Св. евангелиста Марка, символ которого – крылатый лев, является венецианским гербом. Сокращённо республику обычно называли *Signoria*, что подчёркивало господство коллективного гражданского начала в этом государстве, не знавшем синьора. Действительно, в отличие от всех прочих итальянских государств того времени, в Венеции нельзя назвать имя того единственного лица, которое принимало важнейшие политически значимые решения [18, р. 61].

На вершине политической иерархии Республики Св. Марка находился дож (от лат. *dux* – вождь, герцог), к рассматриваемому времени превратившийся из самодержавного «князя» в по большей части представительную фигуру. С XI в. действовало правило, запрещавшее избирать подряд двух дождей с одной фамилией [295, с. 472–473], хотя в XV в. оно уже нарушалось. Благодаря сложному механизму избрания должность дожа воспринималась лишь как высший государственный пост, в сущности, подобный многим другим, и венецианские дожи не сумели создать синьории, как это случилось во многих других городах Италии. Тем не менее от личности того, кто в данный момент занимал эту пожизненную должность, иногда зависело, какое направление примет политика республики. Так, дож Франческо Фоскари (1423–1457 гг.) был проводником активной экспансии Венеции на Апеннинский полуостров, дож Кристофоро Моро (1462–1471 гг.) участвовал в крестовом походе против турок-османов, а дож Леонардо Лоредан (1501–1521 гг.) сумел вдохновить венецианцев на борьбу в тяжелейших условиях международной блокады.

Несмотря на эти примеры, большая часть государственных вопросов (включая избрание дожа) находилась в руках Большого совета и других коллегиаль-

ных выборных органов (Сенат, Кварантия, Малый совет, Совет десяти), состоявших из представителей узкого круга патрицианских фамилий: Контарини, Дзордзи, Дондоло, Морозини, Фальер, Тьеполо, Градениго, Бадозер и других. По существу, эти семейства находились на вершине политической и административной системы Венецианской республики постоянно, из их круга избирались дожи, их члены назначались на ключевые должности в управлении колониями или Террафермой. В то же время строгое соблюдение принципа избрания на высшие посты, в том числе посредством такого механизма саморегулирования, как жеребьёвка, препятствовало появлению злоупотреблений. Патрицианские семьи находились в равных условиях по отношению к власти, что было гарантией оперативного реагирования на любое злоупотребление [262, с. 367].

Особое островное положение, само по себе являющееся изолирующим фактором, а также статус морской державы (*stato da mar*) влияли на политику отстранения Венеции от других итальянских государств. В свою очередь, такая политическая линия содействовала значительному уровню солидарности внутри правящей элиты, которая ставила республиканские ценности выше сословных. Венецианский патрициат был достаточно сплочённой, фактически – экзогамной [49, р. 170–174; 200, р. 797–798], группой (в составе приблизительно 2600 мужчин [222, р. 146]), интересы которой были связаны с публичной службой не в меньшей степени, чем с морской торговлей. Поэтому «исполнение выборных общественных должностей до самого падения Республики продолжало рассматриваться как обязательный гражданский долг и, исключая некоторые объективные мотивы, не терпело отказа» [277, с. 346]. Именно благодаря высокому уровню политической культуры Венеция «заслужила репутацию государства, в котором интересы и страсти граждан мистически привязаны к системе управления» [164, р. 13].

Одной из сфер деятельности, в XV–XVI вв. традиционно закреплённой за представителями знатнейших венецианских родов, была дипломатия [17]. Именно из числа патрициата формировался руководящий состав посольств, направляемых Светлейшей республикой в папскую курию, к монаршим дворам или в другие города-государства. Венеция одним из первых государств встала на путь создания дипломатической службы с институтом постоянных дипломатических представителей (ораторов). С первой четверти XV в. её послы, пусть и с перерывами, находились при миланском дворе Висконти, с середины XV в. – при папской курии в Риме и во Флоренции [159, р. 68–69]. Их содержание там помогало получать относительно точную информацию о ситуации при том или ином правительстве; кроме того, ораторы выполняли функции посредников с венецианскими властями.

Вторым инструментом внешнеполитической активности Венеции, помимо дипломатии, была армия. Несмотря на свой экспансионизм, венецианцы всегда предпочитали мирные (дипломатические, экономические) средства политики военным [153, р. 8–9]. Для обороны от врагов они использовали наёмных командиров, кондотьеров, с которыми на тот или иной срок заключался контракт

(кондотта) на условиях набора теми войск и ведения боевых действий. Особенностью, позволявшей республике избежать опасности того, что один из командующих поднимет оружие против своего нанимателя и одержит верх, был наём большого числа кондотьеров, каждый из которых командовал относительно незначительным отрядом. Таким образом можно было не опасаться, что командир наёмников поднимет мятеж и создаст собственную синьорию, как это не раз случалось в истории средневековой и ренессансной Италии.

Между тем наёмников приходилось использовать довольно часто. Даже в условиях относительного затишья, наступившего в Италии после мира в Лоди (1454 г.), Венеции пришлось принять участие в четырёх военных конфликтах, которые республика сама же и развязала [159, р. 80]. Наиболее серьёзным из них была Феррарская война 1482–1484 гг. (Война за соль), которую Республика Св. Марка вела против соседнего герцогства Феррара. Фактической причиной войны был конфликт за соляные пруды, располагавшиеся вдоль Адриатического побережья на границе двух государств. В ходе конфликта обстоятельства сложились для Венеции неблагоприятно: против неё выступили сильнейшие итальянские государства – Неаполь, Милан, Феррара, а впоследствии и папа. Из-за перемены стороны папой Сикстом IV, ранее поддержавшим республику, Венеция оказалась на краю гибели. Принц Альфонсо Калабрийский писал отцу, что в скором времени Венеция «вновь погрузится в море, в котором она некогда находилась» [124, S. 385–386]. Лишь противоречия между основными противниками Светлейшей, – Неаполем и Миланом – правители которых опасались друг друга, наверное, сильнее, нежели адриатической республики, война завершилась компромиссом.

Ещё большую угрозу для Венеции, как и для прочих итальянских государств, представляли турки-османы, на протяжении всего XV в. постепенно вытеснявшие христианских правителей с Балканского полуострова. В 1453 г. султан Мехмед II захватил древний Константинополь и теперь претендовал на господство не только на Балканах, но и на венгерских равнинах и Апеннинском полуострове. Венеция несколько раз вступала с турками в войны, уступив им Фессалоники (1430 г.), Морею (1460 г.), Эвбею и Лемнос (1479 г.). Тем не менее, всякий раз, терпя поражение в войне, власти Венеции заключали с Османской империей торговое соглашение, позволявшее республике удерживать свой статус монополиста в левантийской торговле. Венеция с Османской империей, по меткому замечанию Ф. Броделя, представляли собой «взаимодополняющих друг друга врагов» [258, с. 135], хотя республика всё же представляла в этой паре подчинённую сторону.

Коммерческие отношения с Востоком, в том числе в османских владениях, поддерживали величие Республики Св. Марка, не случайно называемой «Светлейшей» (*Serenissima*). В город стекались товары, деньги, рабы. Венеция была одним из тех мест, где христианский Запад встречался с мусульманским Востоком. На её улицах и каналах можно было встретить не только итальянцев из разных стран и городов, но и представителей других западноевропейских наро-

дов, а также греков, албанцев, славян, евреев, «мавров» разного происхождения и прочих. Это был один из самых космополитичных городов своего времени.

И он был одним из самых крупных городов; в Венеции проживало до 150 тыс. жителей [222, р. 22]. Это создавало значительные трудности, поскольку для постоянной жизни на островах требовался определённый уровень благоустройства: строительство дамб и молов, постоянная чистка каналов, рытьё колодцев с питьевой водой. На протяжении XV в. венецианские улицы постепенно были вымощены каменными плитами, деревянные мосты заменили каменные, набережные были укреплены и также выложены камнем. Внешним признаком богатства Венеции стало повальное увлечение знати строительством вдоль Большого канала и в других местах дворцов. В условиях илистой лагуны это требовало особенно больших затрат. Зато великолепие архитектуры оттеняло природную красоту Венеции, которую в XVI в. часто сравнивали с пенорождённой Венерой. Кроме того, «ошеломляющий городской пейзаж сам по себе служил доказательством упорядоченного социально-политического устройства» [164, р. 15. Ср.: 165]. То и другое не только привлекало внимание гостей республики, но и вызывало их восхищение [например: 280, с. 305–308].

Кроме монументальных церквей, общественных зданий и дворцов величие Республики Св. Марка зримо отражалось в так называемом «венецианском мифе». Это особая идеология, призванная превознести уникальность, мощь и величие Венеции перед лицом других государств. Искусствовед XIX в. Якоб Буркхардт писал, что «ни одно государство не обладало большей моральной властью над своими подданными, чем Венеция» [260, с. 51]. Действительно, помимо выверенной системы управления, дипломатии и денег могущество республики зиждилось на осознании своей уникальности, особенности, отличий полноправных венецианских граждан от прочих жителей Италии. Составными элементами «венецианского мифа» было представление об избранности Венеции, господствующей на Средиземном море; её особенной религиозности; присущем её жителям миролюбии и уважении к территориальной целостности соседей; венецианской «свободе» (*libertà*), понимаемой как независимость республики; превосходстве и уникальности её системы управления; наконец, её великолепии и красоте [65; 164, р. 15–22; 262, с. 381–386].

Увы, всегда придерживавшиеся политики «блестящей изоляции» и поддерживавшие на Апеннинском полуострове баланс сил, венецианцы своими руками приблизили самую страшную опасность как для своего государства, так и для всей Италии. Ведя поиск союзника в годы тяжёлой Феррарской войны, власти Венеции обратились к французскому королю Карлу VIII с предложением вторгнуться в Италию, чтобы отстоять свои права на престол Неаполя. Одновременно кузену короля, герцогу Луи Орлеанскому, было предложено воспользоваться своими правами на Милан. Несмотря на то что французы не воспользовались этим предложением, оно способствовало росту влияния военной партии при дворе и, в конечном итоге, оказало своё воздействие на решение короля начать итальянский поход.

1.7. Италия накануне войны

Флорентийский гражданин Франческо Гвиччардини посвятил свой главный труд описанию войн, которые велись на территории Апеннинского полуострова начиная с 1494 г. (повествование доведено до 1534 г.). Его «История Италии» является основным нарративным источником при изучении Итальянских войн, бесценным кладом информации о событиях этого времени, перипетиях дипломатической истории, военных столкновениях и осадах, деятельности политиков и военных. Помимо описательной стороны в сочинении флорентинца заложена глубокая историографическая задача – рассмотреть причины утраты независимости Италией, которая вследствие длительных войн оказалась в сфере испанского влияния [186, р. 121].

Начинается «История» Гвиччардини с момента, который автор посчитал своего рода водоразделом между старым временем и новой историей, между периодом, когда страна «наслаждалась процветанием» (*aveva... Italia tanta prosperità*) и периодом «бедствий Италии» (*le calamità d'Italia*) [102, р. 1–2; 264, с. 7]. Хронологически эта граница совпадает с датой смерти «итальянского арбитра» Лоренцо ди Медичи, которому Гвиччардини приписал главную заслугу в деле поддержания в Италии баланса сил, а значит, и мира [102, р. 2–4; 264, с. 8–9]. Несмотря на то, что мир был весьма относительным [159, р. 79; 286, с. 48–50], а представление о балансе сил как таковом у правителей и дипломатов ещё не сформировалось, образ Лоренцо «Великолепного» как миротворца закрепился в умах множества его современников: «Для Ручеллаи, Макиавелли, Гвиччардини и прочих их современников мир в Италии умер вместе с Лоренцо ди Медичи, и они провели прямую причинно-следственную связь между его смертью и напором вторжений» [35, р. 35].

Так или иначе, согласно «Истории Италии» Ф. Гвиччардини, события, следовавшие за смертью Лоренцо «Великолепного», с неизбежностью привели к французскому вторжению на землю Италии. Сын Лоренцо Пьеро, по общему мнению, не обладавший достоинствами своего отца, переменял традиционный для последнего курс на тройственный союз Флоренции, Милана и Неаполя, направленный против возможных гегемонистских притязаний Венеции. Вместо этого он выбрал тесный альянс с Неаполитанским королевством, и этот союз был «семенем и источником всех бедствий» (*seme e origine di tutti i mali*) [102, р. 8; 264, с. 12]. Уже в самом начале своего недолгого правления Пьеро выразительно продемонстрировал своё пристрастие к южноитальянскому королевству. Вскоре за смертью великого Медичи последовала кончина папы Иннокентия и, по существовавшему обычаю, послы итальянских государств должны были выразить своё почтение новому понтифику, Александру VI. По предложению Лодовико «Моро», послам участников лиги Флоренции, Милана и Неаполя следовало бы не выступать перед новым папой порознь, а подготовить общую речь. Пьеро отказался от этого и был поддержан Ферранте Неаполитанским [102, р. 8–10; 264, с. 12–13].

Первым признаком раскола бывшего содружества ведущих итальянских держав стал конфликт, возникший вокруг замков Чибо. Франческетто Чибо, ба-стард предыдущего папы, владел несколькими замками в окрестностях Рима – Ангиллара, Черветери и др. Будучи шурином Пьеро ди Медичи, он решил переселиться во Флоренцию и продать замки Вирджинию Орсини. Последний, глава знатного римского семейства, был известным кондотьером, состоявшим на службе у неаполитанского монарха. Неудивительно, что Ферранте не только поддержал сам проект, но и ссудил Орсини необходимую сумму денег [102, р. 10; 264, с. 14]. Король был заинтересован в создании близ Вечного города укрепленного плацдарма. Отношения с папами не всегда были безоблачными, а формальный вассалитет Неаполя от понтификов заставлял королей опасаться возможных враждебных действий со стороны последних.

Сделка Орсини–Чибо, в свой черёд, не могла не обеспокоить Александра VI, не желавшего усиления южного соседа Папской области. Не случайно контракт был подписан во дворце противника папы, кардинала Джулиано делла Ровере, который занимал тогда проарагонскую позицию. Понтифик отказался признать сделку и дал гневную отповедь действиям короля Ферранте и Пьеро ди Медичи. Его поддерживал в этом Лодовико «Моро», также опасавшийся усиления Неаполя. Будучи фактическим узурпатором Миланского герцогства у своего племянника, женатого на внучке Ферранте Неаполитанского, «Моро» желал обезопасить свою власть в Ломбардии от любых возможных посягательств. Поэтому союз с папой был ему необходим; он ссудил понтифика деньгами и предоставил ему воинский отряд. Кроме того, по сообщению Гвиччардини, «Моро» попытался разорвать альянс Пьеро ди Медичи с Неаполем, но ему это не удалось [102, р. 14–18; 264, с. 16].

Не осознавая, насколько губительным для больного может быть использование «сильнодействующего лекарства» (*medicina più potente*), «Моро» решил найти себе защитника за пределами Италии – в лице юного французского короля Карла VIII [102, р. 18; 264, с. 19]. Тем самым он стремился возобновить былой союз, действовавший между Миланом Висконти и французским домом Валуа. Кроме того, он активно действовал в Италии, пользуясь, в том числе, помощью своего брата, кардинала Асканио Сфорца. Результатом дипломатических усилий Лодовико, предпринятых им на протяжении последнего года, явилось создание новой Лиги Св. Марка, включившей в себя папу, Милан и Венецию, а также Сиену, Феррару и Мантую. Она была объявлена 25 апреля 1493 г. с целью «взаимной защиты и сохранения правления Лодовико» (*a difensione comune e a conservazione nominatamente del governo di Lodovico*). По её условиям Милан и Венеция обещали предоставить понтифику по 200 рыцарей для возможных боевых действий против Вирджинию Орсини, занявшего спорные замки [102, р. 17; 223, р. 1250–1251; 243, р. 312; 264, с. 18].

Создание этого союза противоречило условиям трёхстороннего соглашения между Флоренцией, Миланом и Неаполем и фактически денонсировало их союз [18, р. 238]. Король Ферранте прекрасно это понимал (Ферранте Арагонский – Антонио де Дженнаро, 24 апреля 1493 г. [244, р. 376–381]). Впрочем, гораздо более серьёзной угрозой для спокойствия Италии стали союзнические отношения

между Лодовико «Моро» и Карлом VIII. Посольство, направленное правителем Милана во Францию, было принято королём и его советниками благосклонно. Согласно «Истории Италии» Ф. Гвиччардини, посланник «Моро», Карло Барбиано граф Бельджойозо, уверял короля и его приближённых, что захват Неаполя не только принесёт великую славу, но также не будет трудным; в Италии выступить против похода некому (*né sarà in Italia chi vi si opponga*). Возврат фамильных владений на юге Апеннинского полуострова явится прелюдией для ещё более славного деяния – крестового похода против турок и освобождения Гроба Господнего (см. главу 2) [102, р. 24–28; 264, с. 23–26; 280, с. 273].

Вновь утверждённые союзнические отношения между миланским правителем и папой Александром были закреплены брачным союзом [232, р. 440]. Летом 1493 г. в Риме в торжественной обстановке был отпразднован брак признанной дочери папы, Лукреции, и родственника Лодовико «Моро», графа приморского города Пезаро, Джованни Сфорца. Перед этим отец Лукреции разорвал два более ранних брачных соглашения своей дочери ради более выгодного союза, как показало время, оказавшегося недолговечным.

Впрочем, последовавшие вслед за образованием Лиги Св. Марка и брачного союза Сфорца–Борджа события показали, что надежды Лодовико «Моро» не во всём оправдались [287, с. 40]. Если он рассчитывал с помощью французских войск защитить свою власть от мести родственников отстранённого им герцога, то в действительности получилось совсем иначе. Созданная правителем коалиция оказалась недолговечной. Несмотря на множество существующих противоречий и взаимных опасений, папа Александр VI и король Ферранте I вскоре нашли точки соприкосновения своих интересов. Венеция, всегда стремившаяся обособиться от участия в делах других итальянских государств, хотя формально осталась союзником Милана и Франции, но фактически отстранилась от помощи им. Можно сказать, что Лодовико «Моро» не контролировал ситуацию, вызванную, в первую очередь, его собственными усилиями. Многие были сделаны для того, чтобы французский король вторгся в Италию, и мало что теперь могло остановить его.

Автор миланской истории Джованни Андреа Прато приводит слухи о том, как некий слепой проповедник сделал «Моро» внушение: «Синьор, не показывайте французам дорогу, потому что вы будете сожалеть [об этом]» (*signore, non li mostrare la via, perche tu te ne pentirai*) [197, р. 251]. Ретроспективный взгляд всегда точнее мнений современников, однако следует отметить, что в Италии 1490-х гг. многие жители действительно ощущали себя на пороге близкой катастрофы. Сохранились свидетельства о нескольких проповедниках, предсказывавших скорое наступление несчастий для Италии или какой-либо её части. С острой критикой Рима выступал флорентийский проповедник Джироламо Савонарола, предрекавший на смену нынешним папам появление в 1493 г. Ангелического пастыря. Савонарола грозил пораженным грехами людям, сообщая о своём видении в небе руки с мечом (*gladius Domini super terram cito et velociter*) [297, с. 229]. В самом деле, вскоре на итальянские земли обрушился меч, приведший к гибели, в числе прочих, и самого пророка.

КАРЛ VIII ВАЛУА: ОТ ДИНАСТИЧЕСКИХ ПРИТЯЗАНИЙ К ПОДГОТОВКЕ ПОХОДА

«Во Франции шли полным ходом приготовления к намеченной экспедиции, которая, несмотря на неудовольствие почти всех сеньоров, с каждым днём всё больше занимала короля».

Франческо Гвиччардини, «История Италии»
[102, р. 38; 264, с. 33].

2.1. Личность Карла VIII

Весной 1491 г. молодой король Карл VIII окончательно взял управление Французским королевством в свои руки. Восемью годами ранее, в возрасте всего 13 лет он вступил на престол после смерти отца, Людовика XI. Всё это время регентами при слабом здоровье короле была его старшая сестра, Анна де Божё, и её муж, герцог Пьер де Бурбон. Их правление было отмечено беспрецедентным снижением налогового бремени (Генеральные штаты 1484 г.) и борьбой против своеволия крупной аристократии (Безумная война 1485–1488 гг.). Постепенно влияние регентов на Карла уменьшалось; король всё чаще отклонял советы старших родственников, пока наконец не разорвал с сестрой. Воспользовавшись её отсутствием, вызванным беременностью и родами, он выпустил из заключения ближайшего родственника, принца Луи Орлеанского. Тот занял место среди ближайших советников короля, тогда как семейство Бурбон удалилось в свои владения.

В начале правления Карла VIII Франция представляла собой цветущее королевство с населением около 20 млн человек, развитым хозяйством, эффективным бюрократическим аппаратом, сильной армией. Центральная власть преодолела последствия Столетней войны и аристократические смуты и в правление Людовика XI значительно укрепилась и усилила своё влияние. Королевский домен занимал основную часть территории страны и позволял собирать 4 млн ливров налогов – почти 100 тонн чистого серебра (после снижения в 1484 г. ежегодный сбор составил 1,5 млн ливров) [283, с. 95–96]. Крупным успехом короны стал брак в декабре 1491 г. Карла VIII с правящей герцогиней Бретонской Анной. Тем самым обширный и развитый регион вошёл в состав Французского королевства (формально оставаясь самостоятельным до 1532 г.). К сожалению, этот родственный брак, заключённый по политическим мотивам, не принёс жизнеспособного потомства.

Новый король, Карл VIII де Валуа, производил двойственное впечатление. Живописец Андреа Мантенья писал из Мантуи своему господину, что Карл являлся ему подобно ночному кошмару, пугая своими выпученными глазами, большим носом и тощим телом (Андреа Мантенья – маркизу Мантуанско-

му Франческо II Гонзага, 12 октября 1494 г. [41, р. 326–327. Ср.: 224, р. 29]). Скульптурный портрет короля работы неизвестного итальянского автора подтверждает это впечатление, так же, как и свидетельства других современников. Гвиччардини писал, что Карл «с детства страдал от своей слабой комплекции и телесных недугов, роста он был малого, на вид безобразен, если не считать живого и полного достоинства взгляда; сложение его было таким непропорциональным, что он больше напоминал некое чудовище, чем человека» [102, р. 74; 264, с. 59]. Флорентийский историк и его современники не раз подчёркивали слабости юного короля, не позволявшие необходимости государственных дел одержать верх над стремлением к праздным удовольствиям (турнирам, охоте и т. д.) [88, р. 545–548].

Характер монарха был достаточно сложным и противоречивым. Карл был застенчивым и не говорил много; тем не менее, многие отмечают его любезность и приветливость [18, р. 18]. Однако он также мог зло пошутить или даже жестоко наказать собеседника. Итогом нашей характеристики Карла VIII будут слова венецианского посла Заккарии Контарини, который писал в донесении, что король «не сильно развит ни физически, ни умственно» (*quod de corpore et de ingenio parum valeat*) [56, р. 16].

К сильным мирам сего внимание современников особенно пристальное, и их оценки особенно пристрастны. Безусловно, Карл не был искушённым политиком, подобным своему отцу, но его нельзя называть и отсталым или совсем неподготовленным к короне. Известно, что кроме того, что Карл любил скакать на коне, охотиться с ястребом, слушать жесты, он любил чтение книг, уважал знания и проявлял интерес к искусству [18, р. 19–21; 25, р. 3]. Главное, что касается его недолгого правления, это то, что юный король не обладал сильной волей и находился под влиянием приближённых к нему особ. В период самостоятельного правления при королевском дворе сложились две партии, попеременно оказывавшие на монарха значительное влияние. Во главе одной был граф Филипп де Бресс (впоследствии – герцог Савойский), во главе другой стояли генеральный сборщик налогов в Лангедоке, епископ Сен-Мало Гийом Брисонне и воспитатель Карла Этьен де Веск (сенешаль Бокера).

2.2. Правление дома Анжу в Неаполе

Поводом для непосредственного вмешательства Карла Французского в итальянские дела явились притязания на корону Неаполя. Династические корни этих притязаний были достаточно глубоки, восходя к XIII в. [185; 220]. Ожесточённая борьба папства с императорами из династии Гогенштауфенов в конце XII – начале XIII в. в конце концов привела к тому, что папы обратились за помощью во Францию. Благодаря усилиям понтификов в июне 1265 г. младший брат французского короля Людовика IX граф Карл Анжуйский был коронован сицилийской короной. Тем самым Манфред Гогенштауфен отрешался от престола. В результате военной кампании он был разбит и погиб в бою. Весной

следующего года Карл вступил в Неаполь, который стал его столицей. Несмотря на успехи Карла I Анжуйского (1265–1285 гг.) в правлении и новые завоевания, ему не удалось сохранить за собой все приобретения в Южной Италии.

На Пасху, 29 марта 1282 г., в результате Сицилийской вечерни, когда 2 тыс. французов были перебиты в Палермо, анжуйцы были изгнаны с Сицилии. На острове высадились арагонские войска под предводительством короля Педро III, зятя покойного Манфреда. С этого времени более чем на 200 лет Сицилией стали управлять представители Арагонского правящего дома.

Несмотря на потерю Сицилии, Неаполитанское королевство под властью династии Анжу (Анжу-Сицилийской) процветало. Карлу I наследовали по прямой линии сын и внук, а в 1343 г. на престол взошла праправнучка, Джованна I. Кроме того, представители Анжуйского дома правили в Венгерском королевстве. Династия породнилась с сицилийской ветвью Арагонского дома. Для гарантий будущего династии королева Джованна вступила в брак со своим двоюродным братом, принцем Андреем (Эндре) Венгерским.

Именно в период правления Джованны I Анжу-Сицилийский дом поразил первый династический кризис. Причиной этого было необузданное сексуальное поведение королевы, погрязшей в разврате и увлечёвшейся кровавыми интригами. Следствием возникшего напряжения между супругами явилось убийство мужа королевы, которого задушили и повесили на окне за собственные гени-тальи (1345 г.) [137, р. 347]. В этом преступлении не без оснований обвиняли Джованну, которая вскоре снова вышла замуж. Вторым мужем королевы стал другой её родственник, принц Людовик Тарентский.

Людовик I был коронован и после недолгого периода изгнания стал править совместно с Джованной в полном согласии. Несмотря на пережитое венгерское вторжение и эпидемию чумы, неаполитанский двор вернул былой блеск. Он стал центром притяжения для представителей мира искусства. Но после смерти Людовика, последовавшей в 1362 г., уже ничто не могло сдержать страстей королевы. Между тем её трону угрожали претенденты из других ветвей династии, а также внешние враги. В конце концов, не имея потомства, королева признала своим наследником троюродного брата, Карла Дураццо. Однако, вмешавшись в церковный раскол, она рассорилась и с наследником, и с авиньонским папой. В результате последние годы правления Джованны ознаменовались гражданскими войнами.

В это время в неаполитанские дела вновь активно вмешалась Франция, в которой сформировался новый дом Анжу (Валуа-Анжу). Его родоначальником был брат французского короля Карла V Валуа, герцог Людовик (Луи) д'Анжу. Таким образом, по мужской линии он являлся дальним родственником Джованны. Амбициозный принц Людовик мечтал проявить себя в политике, и такой шанс представился ему в Италии. В апреле 1379 г. папа Климент VII выделил из состава Папской области отдельное княжество, которое он назвал Адриатическим королевством. Целью понтифика было создание в Северной Италии дружественного папам государства, которое смогло бы уравновесить южное

Неаполитанское королевство. Корону Адрии он предложил Людовику Анжуйскому [76; 137, р. 460].

Из-за того, что римляне изгнали папу, этот проект пришлось отложить. Тогда в июне 1380 г. Климент уговорил королеву Джованну усыновить Людовика с тем, чтобы дружественно настроенный принц в дальнейшем, при отсутствии у королевы прямых наследников, занял трон Неаполя. Безусловно, это решение вызвало недовольство других представителей Анжу-Сицилийского дома. Южная Италия вновь стала ареной столкновений противоборствующих армий. Людовик Анжуйский стремился воцариться в Италии, однако «его таланты не соответствовали его амбициям» [137, р. 466]. Собранная принцем армия не сумела нанести поражение конкурирующему претенденту, а сам Людовик скончался от болезни (сентябрь 1384 г.). Что касается престарелой королевы Джованны, то вступивший в союз с новым папой и захвативший Неаполь Карл Дураццо велел задушить её после отказа денонсировать усыновление Людовика (лето 1382 г.).

Ни её смерть, ни смерть Людовика Анжуйского не прекратили французские притязания на трон южного королевства. В День всех святых 1389 г. сын покойного Людовик II Анжу был коронован в Авиньоне неаполитанской короной. Вскоре его армия вступила на итальянскую землю. Людовику удалось на некоторое время занять Неаполь, однако в 1399 г., лишённый денег и поддержки из Франции, он был вынужден покинуть Италию. На трон вернулись представители Анжу-Сицилийской династии. Сыновья Людовика II, Людовик Прованский и Рене, продолжили борьбу. В 1420 г. Людовик вторгся на территорию королевства, но потерпел поражение от призванного помочь юного короля Арагона и Сицилии, Альфонсо. Однако, поскольку неаполитанская знать фактически разделилась на две фракции, положение любого правителя в Неаполе было неустойчивым. Ситуацию осложнило то, что слабовольная королева Джованна II в разное время признала своими наследниками обоих главных претендентов: Людовика Прованского и Альфонсо Арагонского. После смерти королевы в начале 1435 г. последний провозгласил себя королём Неаполя и после продолжительной борьбы сумел завладеть престолом. В 1443 г. он вновь объединил Сицилию и материковую Южную Италию под одной короной.

После смерти Людовика Прованского претендентом на корону стал его брат Рене. После поражения 1442–1443 гг. он не появлялся в Италии, проживая в Анжере. Хотя Рене продолжал именовать себя «королём Сицилии», он занимался преимущественно своими разбросанными французскими владениями. Однако Анжуйский дом не оставил притязаний на Неаполь. Вплоть до своей смерти в 1470 г. энергичный и способный сын Рене, герцог Жан Калабрийский, не оставлял попыток завладеть престолом. Ему удалось найти поддержку своим притязаниям среди части итальянских правителей и южноитальянской знати. В феврале 1454 г. Жан был избран генеральным капитаном Флорентийской республики, а в ноябре 1459 г. при поддержке генуэзцев высадился близ Неаполя. В течение нескольких лет Жан Калабрийский составлял серьёзную угрозу для

власти сына Альфонсо, Ферранте I. Однако, будучи разбит в битве при Трое в августе 1462 г., спустя некоторое время принц был вынужден покинуть Италию [119, р. 68–75, 79].

После неудачных попыток Рене и Жана Анжуйских воцариться на южно-итальянском троне активность французов в регионе на длительное время прекратилась. Внук Рене Анжуйского, герцог Рене II Лотарингский, предпринял две попытки вмешаться в итальянские дела, однако они не несли прямой угрозы Арагонской династии. В 1480 г. герцог поступил на службу Венеции в качестве кондотьера, но вернулся на родину, не приняв участия ни в одной битве. Три года спустя он воевал за венецианцев в Феррарской войне и, возможно, вёл подготовку к вторжению в Неаполитанское королевство, но уехал во Францию после получения известия о смерти короля Людовика XI [92, р. 678–679, 705–706; 195, р. 193–195].

Надежды французских претендентов на трон подпитывались определёнными настроениями среди неаполитанской знати, частично – поддерживавшей дело Анжу, частично – стремившейся ослабить центральную власть. Однако после расправы над участниками Заговора баронов 1485–1487 гг. (см. главу 1) эти надежды значительно ослабли.

2.3. Права Французского дома на Неаполь

Что касается династических прав Анжу, то после смерти в 1480 г. короля Рене они перешли его племяннику, Карлу Анжуйскому. Спустя год он также умер, не оставив потомства. По завещанию Карла все его владения, включая Прованс, а также титул короля Неаполя и Иерусалима, отходили родственнику, королю Франции Людовику XI [220, р. 68]. Занявший в 1483 г. французский престол его сын Карл VIII унаследовал и призрачные права на корону Неаполя. Вместе с тем претензии на южноитальянскую корону сохранял внук по материнской линии Рене Анжуйского, герцог Лотарингии Рене II. По мужской линии он происходил из дома Лоррен (герцогов Лотарингских) и являлся владетельным князем Священной Римской империи. Ещё в 1481 г. Рене выдвинул претензии как на французские владения дома Анжу (герцогство Анжу и графство Прованс), так и на корону Неаполя и Сицилии.

В этом случае его притязания столкнулись с интересами французского королевского дома. Это касалось как вполне реальных владений в Провансе, так и призрачных корон Неаполя и Иерусалима. Впрочем, французы ощущали единство доставшегося короне «анжуйского наследия». Тем не менее династические претензии явились лишь одной из причин начала войны в Италии.

Следует учитывать, что в десятилетие, предшествовавшее походу 1494 г., власти тех или иных итальянских государств несколько раз приглашали французов вторгнуться в Италию. Так было в 1484 г., когда венецианский посол побуждал короля вмешаться в Феррарскую войну. Так было два года спустя, когда папа желал французского вмешательства против короля Неаполя. В 1489 г. Ин-

нокентий VIII даже направил Карлу Французскому приглашение занять неаполитанский трон [145]. Таким образом, почва была подготовлена.

Опыт французского присутствия на юге Италии доказывает то, что причиной похода 1494 г. было не сумасбродство молодого короля Карла VIII, увлечённого романтикой крестовых походов. Решение об итальянской экспедиции было взвешенным и продуманным. Его принятие было обусловлено комплексом причин как династических, так и идеологических и экономических [185, р. 50–51].

Согласно Ф. де Коммину, присоединение Прованса показало французской элите перспективы дальнейшего обогащения, которые могли открыться перед ней в Средиземноморском регионе. В частности, один из ближайших королевских советников Этьен де Веск, «который уже приобрёл кое-что в Провансе и предавался мечтам о походе в Неаполь» [280, с. 266], явился инициатором возобновления династических притязаний на Южную Италию. Вместе с тем, по словам мемуариста, экспедиция явилась следствием как жадности отдельных представителей элиты, так и безрассудности молодого короля. Вообще же, «всем мудрым и опытным людям предприятие казалось весьма безрассудным» [280, с. 265].

Во Франции существовала глубокая заинтересованность определённых политических и коммерческих кругов в проникновении в Италию и создании в Средиземноморье прочного французского форпоста. Прежде всего это были лионские банкиры и марсельские купцы, стремившиеся расширить свои рынки. Среди них находилось влиятельное семейство Брисонне из Тура, представленное при дворе Карла VIII епископом Сен-Мало. Не случайно именно связанные с Брисонне банкиры обеспечили финансирование похода [185, р. 49].

Учитывая постоянное сопротивление при дворе и в стране идее итальянского похода, итоговую неполную готовность армии к экспедиции, постоянное воздействие на короля итальянской дипломатии, М. Маллет полагал, что решающим для реализации воинственных планов Карла VIII был итальянский фактор [155, р. 163]. В самом деле, немаловажную роль в побуждении молодого короля к походу сыграли неаполитанские изгнанники, в довольно значительном числе находившиеся при дворе, в первую очередь – представители клана Сансеверино [155, р. 155–156; 191]. Это, не сговариваясь, отмечали в своих донесениях неаполитанский и флорентийский послы при французском дворе. Последний даже писал, что итальянские дела короля Карла находятся всецело в руках Антонелло ди Сансеверино, князя Салерно [см.: 155, р. 161, п. 47; 168, р. 227–229, 231, 264].

Что касается политической составляющей, то Карл VIII хотел не просто завладеть принадлежавшей ему по праву короной Неаполя. Regno интересовало его как база для дальнейшего наступления против турок, крестового похода на восток. По замечанию Гвиччардини, завоевав Неаполь, можно было легко проникнуть в Грецию, а затем в «сердце» турецких владений – Константинополь (Стамбул) [102, р. 23; 264, с. 25]. К тому же к короне Неаполя прилагались права на корону Иерусалимского королевства. Ещё одной идеологической составля-

ющей похода было стремление реформировать церковь, очистив её от накопившихся злоупотреблений. Этот аспект особенно выразительно подчёркивался в памфлетах и проповедях в Италии и Франции, ставших идейной подготовкой к походу [185, р. 50–51].

Наконец, как пишет Г. Пейронне, «контролировать Италию означало контролировать Европу» [185, р. 50]. Италия была наиболее развитым европейским регионом, благодаря своим культурным и техническим достижениям оказывавшим влияние на соседей. Господство в Италии могло оказаться серьёзным шагом на пути к доминированию во всей Западной Европе.

2.4. Французские интересы в Италии

Парадоксально, но именно итальянцы вызвали то, что впоследствии было названо Гвиччардини «бедствиями» и «большим горем» [102, р. 1–2; 264, с. 7]. Первый шаг здесь был сделан папой Иннокентием VIII. Как было сказано выше, в 1489 г. понтифик предложил инвеституру на королевство французскому королю. Однако главным инициатором приглашения французов в Италию традиционно считается Лодовико «Моро» Сфорца. По замечанию Д. Абулафии, он сыграл на интересе, который Карл VIII испытывал в отношении Неаполя, и последующих воинственных планах короля [2, р. 16]. При этом «Моро» распалил воображение юного монарха перспективами завоеваний и воинской славы для того, чтобы добиться его помощи в реализации собственных планов. Лодовико являлся фактическим правителем Миланского герцогства при формальной власти своего племянника. Безусловно, он не мог не мечтать о титуле для себя. С этой целью, как было сказано, в начале 1490-х гг. он начал дипломатическое сближение с Францией.

В правление отца Карла VIII, короля Людовика XI, политика Франции в отношении итальянских государств отличалась стремлением к поддержанию баланса сил и общего мира. Король фактически отказал своему родственнику Рене в помощи для реализации его притязаний на неаполитанский трон. Вместе с тем шаг за шагом французская монархия наращивала свою сферу влияния на севере Италии. В эту сферу входили графство Асти – владение королевского родственника Луи Орлеанского; герцогство Савойя, маркграфства Салуццо и Монферрат, Генуэзская республика [70, р. 229].

В противоположность осторожному отцу, Карл VIII вернул агрессивную политику в Италии, характерную для предыдущих французских монархов. Романтически настроенный, он рассматривал Неаполь как плацдарм для последующего крестового похода против турок. Поэтому, когда в 1488 г. Рене Лотарингский хотел вторгнуться в Италию и готовил туда экспедицию, молодой король Карл VIII велел ему воздержаться от этих планов. Вероятно, в это время он уже намеревался приобрести в Италии воинскую славу и корону для себя.

Милан имел давние дружественные связи с французскими монархами. Почти с самого начала своего правления Людовик XI взял курс на создание

прочного союза со Сфорца. Согласно заключённому в конце 1463 г. договору, французы уступали союзникам Геную, в обмен на что герцог Франческо Сфорца согласился на включение Савойи в сферу французского влияния. Это было продолжение политики реализма: ещё раньше король отказался от поддержки анжуйских претендентов. Теперь, с опорой на Милан и Неаполь, Франция фактически выступала основным гарантом системы баланса сил в Италии. После подписания в 1481 г. участниками Итальянской лиги нового соглашения эта роль была закреплена документально [185, р. 43–47]. В то же время Франция закрепила в сфере своего влияния значительный регион на северо-западе Апеннинского полуострова.

С восшествием на престол Карла VIII французская политика в отношении Италии стала более активной. В определённой степени это было связано с упрочением позиций короны после подавления эксцессов Безумной войны. Советники и приближённые короля стали более охотно отзываться на запросы, которые поступали от итальянских государей, заинтересованных во французском вмешательстве.

2.5. Миссия Эразмо Браска

В октябре 1490 г. Лодовико направил к Карлу VIII опытного дипломата Эразмо Браска с тем, чтобы тот договорился по поводу возобновления союза и дарования инвеституры герцогу Джану Галеаццо за Геную [70, р. 220–222]. Поскольку у «Моро» были сомнения по поводу расположения к нему короля, он наделил Браска званием «секретаря», а не посла, тем самым придав его миссии менее официальный статус. По совету проживавшего во Франции савойца Эме де Вальперга Браска установил дружественные отношения с придворными, на что было выделено 8 тыс. дукатов. Для того времени это была обычная практика; не один французский вельможа получал денежные дотации от иностранных государей с тем, чтобы поддерживать при дворе их интересы. Миланские деньги были распределены поровну между Обиньи, де Веском, Жаком де Мьола-ном и ещё одним неизвестным вельможей [70, р. 240]. Впоследствии Стюарт д'Обиньи признавал, что миланские дары, включая драгоценное ожерелье, подаренное его жене, повлияли на его поддержку «Моро» при французском дворе [279, с. 227].

Миланский представитель от имени герцога принёс королю оммаж за Геную. Для дальнейшего обсуждения вопроса о союзе Карл VIII направил в Милан посольство. По мнению И. Лабанд-Мэйфер, именно от миссии Эразмо Браска следует вести отсчёт попыткам Лодовико «Моро» подтолкнуть короля к военному вмешательству в итальянские дела на стороне Милана [128, р. 211–213]. Действительно, данные Сфорца инструкции Браска предписывали ему выяснить, испытывает ли Карл VIII интерес к неаполитанскому трону (минута инструкционного письма Лодовико «Моро» Сфорца, 24 декабря 1491 г. [127, р. 212–213]).

Во главе французского посольства в Милан стали камергер Беро Стюарт д'Обиньи и рекетмейстер Шарль де ла Вернад. Их сопровождал Эразмо Браска. По пути в Милан, в Лионе, банкир Спинелли сумел узнать у сотрудника посольства – своего бывшего служащего, цели, поставленные перед ним монархом. Карл VIII потребовал от «Моро» вернуть генуэзских изгнанников, снарядить за свой счёт генуэзский флот и несколько сот рыцарей, предоставить заём на сумму от 60 до 80 тыс. дукатов. Официальной же задачей посольства было вручение герцогу Джану Галеаццо Сфорца инвеституры на Геную, что было выполнено 11 апреля 1491 г.

Тем не менее вопрос о возобновлении франко-миланского союза на некоторое время был отложен. Причиной этого было требование Карла VIII включить в договор маркизат Монферрат, часть территории которого была оккупирована ломбардцами. Переговоры по поводу спорных земель велись в Милане на протяжении всего января 1492 г. С французской стороны в них участвовали Пьер де Кутарди и камергер Жан Ру де Виск. В итоге «Моро» согласился на восстановление в Монферрате status quo. После этого союзнические отношения были официально возобновлены (Милан, 24 января) [18, р. 144; 70, р. 222–228].

2.6. Посольство Кайаццо и Бельджойозо

Для выработки условий подписанного союза во Францию было направлено новое посольство. По общему убеждению итальянских историков XVI в. (Ф. де Коммин, Ф. Гвиччардини, П. Джовио), именно ему принадлежит главная заслуга в принятии Карлом VIII решения вторгнуться в Италию [18, р. 143]. Очевидно, что «Моро» действительно возлагал на эту дипломатическую миссию большие надежды. Как пишет С. Бьянкарди: «Лодовико “Моро”, очевидно, знавший о фантазиях его величества [короля Франции] по поводу “неаполитанского предприятия”, решил поддержать его в этом направлении с тем, чтобы добиться двойного результата: доставить большие неприятности [дому] Арагона и удержать герцога Орлеанского, который должен был отказаться от династических притязаний на Милан в случае, если выступит союзником короля в походе на Неаполь» [18, р. 138].

Посольство возглавили граф Кайаццо Джанфранческо Сансеверино, Джироламо Туттавилла, Галеаццо Висконти и граф Карло Бельджойозо. Помимо официальной цели засвидетельствования почтения королевской чете (Карл VIII и Анна Бретонская только что вступили в брак), граф Кайаццо имел секретные инструкции от «Моро». В соответствии с ними, будучи во Франции, он должен был сообщить монарху об английском предложении союза «Моро» [38, р. 279–280, № 443] (Англия была врагом Франции, вероятным военным противником [38, р. 285, № 455, 456]). Таким образом, посол должен был внушить Карлу VIII идею значимости Милана в межгосударственных отношениях [см.: 18, р. 136]. С другой стороны, демонстрируя тесные отношения с правителем само-

го могущественного государства Европы, «Моро» предостерегал своих врагов от попыток бороться с ним [70, р. 248].

Очевидно, что это поручение было прямо связано с намерением миланского правителя получить поддержку французов в свете вероятного конфликта с Арагонской династией по поводу прав Джана Галеаццо и герцогини Изабеллы. Опасения «Моро» также вызывало неаполитанское посольство во Франции, официально прибывшее туда с целью покупки охотничьих собак (Аньоло Никколини – Пьеро ди Медичи, 16–22 марта 1492 г. [168, р. 542]).

На аудиенции, которая состоялась 29 марта, послы получили от короля знаки внимания и доброжелательности. Уже в следующем месяце начались переговоры по поводу возможных условий французского вторжения. Согласно Коммину, ключевую роль в них играл граф Кайаццо, согласно Гвиччардини – граф Бельджойозо. Так или иначе, короне в лице Брисонне и де Веска было сделано тайное предложение: если король пойдёт в экспедицию на Неаполь, то герцог Миланский предоставит французам транзит через свою территорию, гавань в Генуе, 500 оплаченных рыцарей и заём на сумму 200 тыс. дукатов. За это Карл VIII должен держать свои войска в Асти, чтобы защищать Милан и, после завоевания Неаполитанского королевства, предоставить «Моро» княжество Тарантское [87, р. 80–81; 102, р. 31; 264, с. 28. Ср.: 280, с. 273].

Из труда Гвиччардини нам известна речь, которую якобы произнёс перед королём и его советом граф Бельджойозо. Миланский посол акцентировал три аспекта: законность притязаний Карла VIII на трон Неаполя; слабость армии нынешнего неаполитанского монарха; стратегические возможности, открывающиеся с завоеванием Неаполя – возможность использования его в качестве базы для крестового похода против турок. Он призвал юного короля исполнить угодное всему христианскому миру предприятие, ведь это «самая большая удача для государя, устремлённого к собственной славе и величию». Миланский посол сыграл на романтических чувствах короля, пообещав ему славу Карла Великого, некогда завоевавшего лангобардскую Италию [102, р. 23–28; 264, с. 25–26. Ср.: 280, с. 273; 98, р. 16–19. Цит. по: 18, р. 142, н. 108]. При этом подтекстом выступления миланца было «бескорыстие» Лодовико Сфорца, который всего лишь пытается освободить Италию от «каталонского тирана» и отомстить Арагонскому дому за ведущиеся им интриги [2, р. 17].

Безусловно, что каждая из сторон хотела извлечь из другой максимальную выгоду. Очевидно, что если Карл VIII предоставлял главным образом военную силу, то «Моро» должен был выступить главным финансовым спонсором предприятия. Однако Лодовико Сфорца пытался избежать этой роли. Вероятно, общие фразы наподобие «предлагал королю услуги и большую помощь как людьми, так и деньгами» [280, с. 273] являются дипломатической формулой, скрывающей нежелание послов давать конкретные обещания или рассматривать вопрос финансирования похода [70, р. 237].

Послы продолжали политику создания при французском королевском дворе «миланского лобби». Благодаря обещаниям денежных подарков они привлекли

на свою сторону ещё несколько влиятельных придворных [70, р. 246–247; 280, с. 273]. Попутно был решён ряд других вопросов. Например, по просьбе короля было облегчено положение вдовствующей герцогини Миланской Боны (матери Джана Галеаццо) [70, р. 257]. Проведя при дворе больше месяца, посольство вернулось в Милан. Бельджойозо остался в качестве постоянного посла, «чтобы продвигать дело» [280, с. 273]. Он находился при королевском дворе вплоть до июня 1493 г., когда был вынужден спешно покинуть его и вернуться в Италию.

В историографии закрепился осторожный взгляд на значение посольства 1492 г. для начала вторжения в Италию. Так, А.-Ф. Делаборд полагал, что целью этой дипломатической миссии был не более чем поиск поддержки антиарагонской политики «Моро», но вовсе не приглашение французов в Италию [70, р. 237]. М. Маллет и С. Бьянкарди считают результаты посольства довольно спорными: то ли «Моро» прямо пригласил Карла вторгнуться в Неаполь, то ли он лишь укрепил договор с Францией [18, р. 142; 155, р. 154]. Так или иначе, в результате деятельности посольства в начале 1492 г. между режимом «Моро» в Милане и Францией были налажены прочные связи. Сам Лодовико Сфорца, не будучи владетельным князем, был признан субъектом франко-миланского союза, что персонально для него значило очень многое [18, р. 145; 70, р. 248]. Настроен он был ещё более оптимистично. Представитель «Моро» при французском дворе, граф Бельджойозо, писал своему патрону: «Его величество не доставит каких-либо проблем подготовке нашего предприятия» (Карло Бельджойозо – Лодовико «Моро» Сфорца, 1 января 1493 г. [70, р. 258]).

Впрочем, переговоры с императором, которые Сфорца вёл одновременно с французскими, свидетельствуют о стремлении сыграть на противоречиях между «великими державами». В то же время «Моро» никак не желал создать условия для французского доминирования в Италии. Его целью было использовать французов в своих интересах. Как пишет Д. Абулафия, «вероятно, он хотел использовать против своих врагов угрозу французского вмешательства, но не её воплощение» [2, р. 16].

2.7. Мирные договоры с Англией, Испанией, империей

Одного «приглашения» со стороны Лодовико «Моро» для начала похода было мало. Как писал А.-Ф. Делаборд, «молодой король ничего не предпримет в Италии до тех пор, пока не разберётся с врагами, угрожающими его королевству» [70, р. 226]. При этом король постепенно готовился к экспедиции. Французская дипломатия предпринимала активные усилия, чтобы обезопасить страну от враждебных действий возможных внешних противников итальянской экспедиции.

Недавний брак короля и фактическое присоединение Бретани привели к созданию на международной арене новой коалиции, главным инициатором которой был, по всей видимости, король Фердинанд Арагонский. Кроме Испании в её состав вошли империя и Англия. Впрочем, несмотря на начавшиеся воен-

ные действия, конфликт не был длительным. Высадка французов на Британские острова провалилась. В октябре 1492 г. английская армия под руководством короля Генриха VII пересекла Ла-Манш, прибыла в Кале и осадила Булонь. Однако, не дождавшись помощи от императора, вскоре англичане отступили. Всего месяц спустя, 3 ноября, в Этапле было подписано мирное соглашение (впрочем, переговоры начались ещё летом). Вероятно, экспедиция в Бретань являлась своего рода средством давления с целью подтолкнуть Карла VIII на скорейшее заключение договора, отвечавшего интересам Англии [285, с. 55].

По его условиям до конца жизни любого из договаривающихся монархов между двумя государствами устанавливался мир. Бретань признавалась французской. Объявлялась свобода торговли. Кроме того, Карл VIII обязался выплатить около 750 тыс. экю в счёт задолженности Людовика XI по миру в Пикиньи 1475 г. и долгов герцогини Анны Бретонской. Теперь французский монарх мог не опасаться нападения с другой стороны Ла-Манша [18, р. 213–216].

Вскоре после этого Карл VIII примирился с испанскими монархами. Переговоры были начаты немедленно после взятия испанцами Гранады в начале 1492 г. По их итогам 8 января 1493 г. в Нарбонне французской стороной, а 19 января в Барселоне – «Католическими королями» был подписан мирный договор. По его условиям между сторонами устанавливались «согласие и нераздельная дружба». Они обязались помогать друг другу против третьей стороны, прежде всего Англии и империи. При этом в отношении Фердинанда Арагонского в договоре содержалась существенная оговорка: он должен был ставить союз с Францией выше любого другого, исключая, однако, обязательства по оказанию помощи римскому папе (*vicario Christi excerpto*). В последующем эта оговорка будет иметь существенные последствия.

Также по Барселонскому договору испанские короли не могли устраивать браки своего дома с представителями правящих домов Англии и империи без согласия на то французского короля. Главное – договор урегулировал спорный вопрос, длительное время отягощавший отношения между Францией и Арагоном. Юный монарх отдавал южным соседям оккупированные в 1463 г. французами области Руссильон и Сердань, правда, оставив за собой право требовать их возврата [70, р. 254–256; 102, р. 71; 127, р. 117–134; 264, с. 58].

Во исполнение взятых обязательств 25 августа «Католические короли» отказали Ферранте Неаполитанскому в поддержке против нападения французов. Они подписали отдельный секретный протокол к договору, обязавшись не заключать с неаполитанской династией брачных союзов и не оказывать ей помощи в случае, если Карл VIII решит восстановить свои права на трон Неаполя [242, р. 198].

Последним был установлен мир с неудавшимся женихом Анны Бретонской, римским королём Максимилианом. Военные действия, которые осенью минувшего года велись в спорных бургундских землях, в целом оказались неуспешными для французов. При посредничестве швейцарских кантонов в марте 1493 г. стороны заключили перемирие. Основой для мира могло стать возвра-

шение Карлом VIII всех спорных территорий – приданого Маргариты, дочери императора и вдовы Людовика XI.

Договор был заключён 8 мая 1493 г. в Санлисе. По его условиям провинции Артуа и Франш-Конте вновь переходили Габсбургам, хотя Оксерр и Макон оставались за французами. Максимилиан признавал французский брак Анны Бретонской, а Маргарита возвращалась к своему отцу после 10 лет, проведённых во Франции. Договор устанавливал союзнические отношения между двумя монархами; их потомки должны были возлюбить друг друга подобно братьям и друзьям [70, р. 265–267; 102, р. 71; 264, с. 58; 280, с. 274].

Санлисский договор никак не касался вопроса возможной поддержки Максимилианом планов Карла VIII в отношении Италии. Однако 31 января 1494 г. сын императора подписал секретный документ, переданный камергеру Карла Французского Антуану де Люксембургу графу Бриенн и Руси. Там прямо говорилось: «Поскольку наш брат и кузен заявляет о своём праве наследства по завещанию на Неаполитанское королевство... Мы поможем и поспособствуем, как хотели бы, чтобы он поступил в отношении нас в подобном случае» [127, р. 186–187].

Три мирных договора, заключённых в очень сжатые сроки и с существенными уступками, обычно расценивают как жертвы, необходимые для скорейшего начала похода в Италию. Иными словами, «рвение, с которым Карл VIII заключил мир со своими соседями, является доказательством того, что он хотел как можно скорее развязать себе руки для того, чтобы двинуться в Италию» [70, р. 257]. Однако, как заметили М. Маллет и К. Шоу, договоры необходимо рассматривать в более широком контексте. Лишь ко времени подписания Санлисского договора итальянское предприятие из многократно обсуждаемой идеи подошло к стадии практической подготовки [156, р. 13].

Действительно, сразу после заключения мира в Санлисе Карл VIII открыто объявил о намерении вторгнуться на землю Италии и захватить трон Неаполя. В мае 1493 г. он создал Совет по итальянским делам (*Conseil des affaires d'Italie*), призванный осуществлять подготовку экспедиции. В состав совета вошёл признанный «эксперт» в итальянских делах, Филипп де Коммин. Кроме него там были ведущий военачальник Карла VIII, Филипп де Кревкёр, маршал Экерд; губернатор Бургундии Жан де Бодрикур; Этьен де Виск. Позднее к ним добавились неаполитанский изгнанник князь Салернский Антонелло ди Сансеверино и Гийом Брисонне (Франческо делла Каза – Пьеро ди Медичи, 28 июня 1493 г. [168, р. 223–225]) [18, р. 258–259; 70, р. 283–284; 128, р. 189]. Вскоре французы приняли следующий шаг по подготовке похода. Для поиска союзников в Италии туда была направлена дипломатическая миссия во главе с Перроном де Баски.

2.8. Посольство Беатрисы д'Эсте в Венецию

Заключение Санлисского договора укрепило позиции Франции и грозило перевести вторжение французов в Италию из угроз в сферу реальности [18, р. 254; 70, р. 267–268]. Это не отвечало замыслам «Моро», поскольку война гро-

зила нарушить в Италии баланс сил, заботе о сохранении которого правитель Милана придавал большое значение. Именно поэтому сразу после получения известий о подготовке к подписанию договора между Францией и империей правитель Милана направил в Венецию посольство. Вероятно, в его намерение входило согласовать действия участников Лиги Св. Марка (образованной в апреле 1493 г.) ввиду новой расстановки сил в Европе.

Во главе посольства стала супруга «Моро» Беатриса, которая уже 27 мая 1493 г. в сопровождении огромной свиты в 1200 человек вступила на болотистую землю города Св. Марка. Вместе с Беатрисой в Венецию прибыли её мать Элеонора, дочь короля Ферранте Арагонского, и брат Альфонсо д'Эсте, наследник герцогства Феррарского [152, р. 315]. Юную посланницу торжественно принял дож Агостино Барбариго, который проводил Беатрису на церемониальную галерею «Бучинторо» для следования к месту проживания. Гости поселились во дворце Эсте. Дни напролёт они развлекались, испробовав все возможные увеселения, которые могло им предложить высшее венецианское общество [13, р. 74–77; 42, р. 195–204].

Инструкции, которые Лодовико Сфорца, проводивший супругу в Венецию из Феррары, дал Беатрисе, сводились к следующему. Она должна была засвидетельствовать прочность нового союза – Лиги Св. Марка, отметив его значимость для Милана. Следовало подчёркивать, что целью Лиги является «установление в Италии всеобщего мира» (*stabilire totalmente la quiete d'Italia*). Особо оговаривались опасности, исходящие от турок, и необходимость борьбы с последними. В случае же если «французы и немцы захотят вести дела в Италии» (*i Francesi o gli Alemanni volessero fare impresa in Italia*), Миланское герцогство готово прийти Венеции на помощь [208, р. 19–22].

Верный себе, «Моро» не открывал венецианцам все хитросплетения своей политической линии. Так, он скрывал от них свои отношения с Карлом VIII, выставляя, таким образом, Францию в качестве возможной угрозы итальянским свободам. На состоявшейся в начале следующего месяца встрече с тремя представителями Сената Беатриса, следуя полученным инструкциям, не затрагивала вопрос союза против французов и немцев. Она объяснила хорошие отношения мужа с Францией и королём римлян тем, что «Моро» желает получить инвеституру на Милан (что являлось правдой). Венецианцам были переданы копии депеш посла графа Бельджойозо с тщательно удалёнными местами, касающихся союзнических отношений с Францией [70, р. 274].

Предметом разговора супруги «Моро» с представителями венецианской Синьории была возможность согласования действий Венеции и Милана ввиду миссии Перрона де Баски (см. ниже). Впрочем, венецианцы держались традиционной осторожной политики. Беатриса получила ответ, что столь серьёзный вопрос требует консультаций с формальной главой Лиги Св. Марка – папой [208, р. 24]. На следующий день правительница покинула Венецию и вскоре уже была на территории герцогства Миланского. Её миссия, не вызвав значимых политических результатов, «совпала с решающим моментом в истории Италии» [18, р. 256].

Добавим, что одновременно с посольством в Светлейшую республику «Моро» направил в Германию Эразмо Браска с предложением руки своей племянницы Бьянки Сфорца римскому королю Максимилиану. Этот союз помимо прочего имел целью закрепить за Лодовико Сфорца права на миланский престол. В отличие от посольства Беатрисы, он привёл к ожидаемым результатам (см. главу 3).

2.9. Миссия Перрона де Баски

Совет по итальянским делам, который был создан Карлом Французским в мае 1493 г., немедленно приступил к работе. Его члены, принц Салернский и Этьен де Веск, предложили направить в Италию посольство с тем, чтобы выяснить позицию итальянских государей в свете приближающегося похода. Поскольку до Франции дошли слухи о намерении папы даровать инвеституру наследнику Арагонского дома (Альфонсо Калабрийскому), советники короля решили предотвратить возможный союз Александра VI с правящей в Неаполе династией. Таким образом, главной целью посольства было добиться от папы согласия на инвеституру на Неаполитанское королевство для Карла VIII (Ферранте I – Джованни Баттисте Коппола, 12 июня 1492 г. [244, р. 115–117]) [70, р. 232, 270].

Во главе посольства стал опытный дипломат, провансальский дворянин Перрон де Баски из преданной анжуйскому делу семьи. Баски имел опыт участия в переговорах с государями Италии. Теперь он должен был посетить основные итальянские государства – от Милана до Флоренции. Завершиться его миссия должна была в Риме.

После назначения де Баски миланский посол при французском дворе граф Бельджойозо спешно направился в Италию к своему патрону. Несмотря на плохое самочувствие, останавливаясь только для того, чтобы поесть на скорую руку, граф за 6 дней преодолел более 900 км – путь от Санлиса до Торрекьяры (замок под Пармой). От чрезмерной усталости он заболел [70, р. 272].

В Торрекьяре 4 июня 1493 г. Бельджойозо встретился с «Моро». Цель его стремительного путешествия очевидна: граф хотел как можно раньше сообщить своему патрону о миссии де Баски. Ему это удалось – Перрон де Баски прибыл в Милан спустя три недели после Бельджойозо. За это время «Моро» мог тщательно продумать свои действия в отношении соседей и подготовить послу французского короля ответ. В привезённом Бельджойозо послании король Карл сообщал Лодовико «Моро» о заключённых в Этапле, Барселоне и Санлисе договорах и своём намерении пойти в поход на Неаполь. Король просил у «Моро» поддержки своему предприятию, которое, по его уверениям, не имеет целью «его гибель» (*la ruina sua*) [59, р. 1514].

Нельзя сказать, что «Моро» не попытался в последний раз остановить вторжение французов. В направленном королю письме от 11 июня он писал, что вновь образованная Лига Св. Марка в составе четырёх ведущих итальянских государств (*quattro potentati de li principali de Italia*) – Папской области, Венеции,

Милана, Феррары – способна урегулировать ситуацию в Италии [44, р. 411, п. 1]. В то же самое время Лодовико продолжал оказывать давление на Ферранте Неаполитанского с целью заставить его прийти к соглашению с ним (Ферранте Неаполитанский – Антонио де Дженнаро, 8 июля 1493 г. [245, р. 125]).

Опытный политик, занимавший неаполитанский трон, хорошо осознавал всю опасность сложившейся расстановки сил. В своё время он направил «Моро» письмо, в котором предостерегал от опасности вторжения французов в Италию. Король писал, что готов примириться с папой, лишь бы предотвратить вторжение (Ферранте Неаполитанский – Антонио де Дженнаро, 23 июня 1493 г. [245, р. 75–76]).

Перрон де Баски прибыл в Милан 27 июня 1493 г. Он немедленно напомнил «Моро» об обязательствах, которые тот дал королю относительно использования возможностей Генуи для военной экспедиции. Правитель Ломбардии пытался следовать своей излюбленной стратегии затягивания с ответом, пробовал подкупить посла и отвлечь его от дела. В итоге было решено, что французский представитель должен лично посетить Светлейшую республику, чтобы выяснить её роль в будущем предприятии.

В Венеции де Баски был принят в высших государственных органах, которым он довёл пожелания своего суверена. От имени короля он попросил у республики помощи и совета [182, р. 290–291]. После нескольких дней совещаний посол получил «один из самых неуловимых ответов, который только можно себе представить» [18, р. 273]. Дождь отвечал, что прежде всего Венеции необходимо посоветоваться с Миланом и папой, с которыми они образовали лигу сроком на 25 лет. Далее, венецианцы любят мир и стремятся поддерживать его в Италии, если не считать войн против турок. Наконец, поскольку между Венецией и королём Ферранте заключён мир, венецианцы не могут вмешаться в отношения между Францией и Неаполем. Сколько бы Перрон де Баски не настаивал, письменного ответа от коварных венецианцев ему получить не удалось [224, р. 275–276].

Большой успех ждал французского посла в Ферраре и Болонье. Герцог Эрколе д'Эсте и род Бентивольо, состоявшие на жалованье у «Моро», обещали поддержать французов [47, р. 360]. По неизвестным причинам Перрон де Баски пропустил Мантую – одно из итальянских государств второго плана. В конце июля он был уже во Флоренции.

Лодовико «Моро» предупредил Карла VIII о дружественных отношениях, сложившихся между флорентийским правителем Пьеро ди Медичи и королём Ферранте Арагонским. По этой причине Карл изначально был настроен в отношении Пьеро весьма настороженно. Он желал знать, на чьей стороне окажутся флорентинцы, когда французская армия двинется в направлении Неаполя. Он желал видеть их своими друзьями, а не наоборот. Кроме того, Карлу VIII требовалось разрешение на проход своей армии через территорию Тосканы (Франческо делла Каза – Пьеро ди Медичи, 28 июня 1493 г. [168, р. 226]) [102, р. 43;

264, с. 37–38]. К гневу короля, за несколько месяцев переговоров правитель Флоренции так и не дал французам однозначного ответа. Карл заявил Бельджойозо (вновь прибывшему во Францию), что он заставит флорентинцев сделать то, чего он от них добивается, неважно, по любви ли, или по принуждению [208, р. 38].

Если Пьеро ди Медичи колебался и уклонялся от запросов французского короля, то настроения других флорентинцев были очевидны. Перрон де Баски убедился в том, что сильная партия во главе с кузенами Пьеро – Лоренцо и Пьерфранческо ди Медичи – поддерживает французов. Братья предложили Карлу VIII через де Баски 100 тыс. дукатов. В ответ Лоренцо стал королевским камергером, а Пьерфранческо получил звание *maître d'hôtel* [59, р. 1520; 102, р. 52; 167, р. 28; 264, с. 45]. В последующем эта «партия» противников Пьеро стала во главе движения, приведшего к его изгнанию из пределов республики (см. главу 3).

2.10. Перрон де Баски в Риме

Последней остановкой – притом, важнейшей! – в итальянской миссии Перрона де Баски был Рим. Посол въехал в Вечный город 9 августа 1493 г. Направивший его король Карл VIII наивно ожидал, что посол получит от святого отца свидетельства инвеституры на Неаполитанское королевство и сможет обсудить условия военной и логистической поддержки папой похода. Однако это могло стать правдой только в случае серьёзных противоречий между папой и неаполитанским королём. Действительно, в первые месяцы понтификата Александра VI между ним и правителем Неаполя существовали серьёзные трения, о которых мы писали выше. Но уже к моменту приезда де Баски ситуация поменялась на 360°. Фактически понтифик играл на противоречиях между Карлом и Ферранте, ведя переговоры с последним и рассчитывая извлечь из них максимум выгоды для себя [18, р. 281–282].

По этой причине на вопрос о лишении Ферранте Арагонского инвеституры на Неаполь папа отвечал, что данное право было дано монарху Пием II и Иннокентием VIII. Один он не вправе изменить решения своих предшественников и может лишь рассмотреть вопрос на консистории. В ближайшее же время созвать последнюю не представляется возможным по той причине, что многие кардиналы в Риме отсутствуют. От ответа на второй вопрос – об открытии французам прохода через территорию Папской области – Александр VI также уклонился [70, р. 281; 237, р. 64–65]. Встреча папы и де Баски с глазу на глаз, без присутствия кардиналов, ничего не изменила. Как писал король Ферранте: «понтифик отвечал ему [Перрону де Баски] очень осторожно» [245, р. 205].

Осторожность Александра VI вполне понятна: в то же самое время, когда французский посол находился в Риме, папа вёл переговоры с неаполитанским лагерем в лице принца Федерико и Вирджинии Орсини. Ни кардинал Асканио Сфорца, ни кардинал Джаванбаттиста Савелли, настроенные благожелательно

в отношении французов, не смогли помочь Перрону де Баски. Пробыв при папской курии несколько дней и так ничего не добившись, он выехал во Францию. Единственное, чего он достиг, это установление связей с семейством Колонна [25, р. 79], которое могло представлять французские интересы в Риме.

2.11. Папско-неаполитанский союз

Неаполитанский король Ферранте, пусть внешне выказывавший мало беспокойства враждебными действиями со стороны Лодовико «Моро», в действительности опасался вмешательства французов в итальянские дела. «Анжуйская партия» среди его подданных, то есть те бароны, которые в своё время поддерживали французского претендента на престол Регно, ещё имела своих сторонников. Казна королевства была не столь полна, подданные не столь надёжны, армия и флот не столь подготовлены, а союзники не столь верны, чтобы можно было не опасаться вторжения извне [102, р. 33–35; 264, с. 31].

По этой причине осторожный Ферранте предпринял ряд дипломатических шагов, направленных на смягчение потенциальной угрозы со стороны Милана и Франции. Во-первых, пребывавшее во Франции неаполитанское посольство (направленное для переговоров о браке неаполитанской принцессы с королём Шотландии) было использовано Ферранте для давления на советников Карла VIII. Представитель короля Камилло Пандоне должен был предложить советникам взятки с тем, чтобы они попытались отвлечь своего господина от идеи итальянского похода. Самому королю намеревались выдвинуть предложение сохранить мир под условием выплаты дани и выражения знаков покорности [102, р. 36; 264, с. 31–32].

Во-вторых, Ферранте хотел смягчить отношение к нему папы Александра VI. Переговоры с понтификом велись на протяжении зимы 1493 г. Неаполь был представлен в них младшим сыном короля, герцогом Федерико д'Альтамура. Отметим, что при этом неаполитанский наследник Альфонсо Калабрийский во главе военного отряда был отправлен к границе королевства (Ферранте I – принцу Федерико д'Альтамура, 28 июня 1493 г. [245, р. 79]).

Однако король всё же предпочитал решить вопросы мирным путём. Насколько важна была миссия Альтамуры, видно по множеству писем, которыми принц обменялся со своим отцом-королём в летние месяцы 1493 г. [245, р. 79–224]. Ферранте Арагонский побуждал сына приложить максимум усилий к тому, чтобы достичь соглашения с папой. Главным козырем Арагонца на переговорах было предложение брачного союза между одним из своих многочисленных легитимизированных потомков с сыном понтифика. Кроме того, родственные связи Арагонской династии в Испании (с королём Фердинандом «Католиком») могли пригодиться семье Борджа в утверждении своего влияния там [102, р. 18, 36–37; 264, с. 17, 32].

По этой причине испанский двор также включился в интригу: посол Фердинанда Арагонского в Риме Диего Лопес де Аро заявил о поддержке своим су-

вереном прав дома Трастамара на Неаполь и, кроме того, идеи брачного союза между Борджа и Арагонским домом. От имени своих суверенов посол сулил выгоды незаконнорождённым детям папы [58, р. 287–299; 242, р. 350]. Как итог, миссия Лопеса де Аро привела к восстановлению оси Флоренция–Рим–Неаполь при опоре на Арагон, что позволило Г. Вильяпалосу назвать новую систему итальянского равновесия *рах fernandina* [250, р. 207].

Переговоры с папой завершил Федерико д'Альтамура. Летом 1493 г. все спорные вопросы были разрешены. Замки Ангиллара и Черветери переходили Вирджинио Орсини, который должен был передать за них в папскую казну сумму, равную их стоимости. Младший сын папы ДжофFRE по доверенности женился на Санче, внучке Ферранте Арагонского, и получил титул князя Сквиллаче (свадьба состоялась в мае следующего года). Незаконнорождённый сын короля Луиджи д'Арагона должен был получить кардинальскую шапку (получил в мае 1494 г.). Наконец, папа примирился с основным приверженцем неаполитанской партии при курии, кардиналом Джулиано делла Ровере. Александр даже поужинал вместе с бывшим противником по кардинальской коллегии и Вирджинио Орсини. Подтверждением нового союза стал роспуск Александром VI миланских и венецианских солдат, присланных для защиты Папского государства прежними союзниками [102, р. 36–37; 114, р. 292; 245, р. 183–196; 264, с. 32].

Кроме того, 4 мая 1493 г. Александр VI издал буллу «*Inter caetera* № 2», передававшую «Католическим королям» Изабелле и Фердинанду «все острова и материки, найденные и те, которые будут найдены, открытые и те, которые будут открыты» (*omnes insulas et terras firmas inventas et inveniendas, detectas et detegendas*) в Новом Свете. Эту буллу повёз испанским королям сын папы, Хуан герцог Гандиа, который вскоре женился на родственнице Фердинанда «Католика» Марии Энрикес, а затем получил ряд титулов и земель в Неаполитанском королевстве. Возможно, что амбиции юного Борджа простирались ещё дальше. По крайней мере, так считали другие: Пьетро Мартир д'Ангиера писал, что если будучи кардиналом Родриго Борджа сделал сына герцогом, то, став папой, он возведёт его в короли [183, р. 210].

Сближение папы Александра VI и неаполитанского короля хотя и оставалось некоторое время в тайне, значительно изменяло расстановку сил в Италии. Фактически король Франции Карл VIII, чьё посольство также находилось в это время в Риме, был обманут. В день отъезда Перрона де Баски из Рима произошёл обмен доверенностями на брак между ДжофFRE Борджа и Санчей Арагонской! Поворот папы в сторону Неаполя был доведён до логического завершения 22 марта 1494 г., когда Александр VI объявил о передаче инвеституры на южноитальянское королевство Альфонсо II, сыну недавно умершего Ферранте. Спустя несколько недель особый легат кардинал Хуан Борджа (исп. Борха; двоюродный брат папы) короновал Альфонсо в Неаполе. Примечательно, что организация церемонии коронации Альфонсо II была доверена церемониймей-

стеру папской курии Иоганну Бурхарду, который подробно её описал в своём «дневнике» [37, р. 470–471, 491–492].

Итак, Лига Св. Марка просуществовала совсем недолго. Её ключевое звено – папа – коварно предал союзников, повернувшись лицом к прежнему общему врагу. По замечанию К. Сеттона, союз папы с Миланом и Венецией имел целью «главным образом оказание давления на Ферранте и Вирджинию Орсини» [232, р. 443]. После заключения соглашения с последними он перестал быть нужен. Вместо предполагавшегося «Моро» союза трёх ведущих итальянских государств, направленного против Неаполя, сложился альянс папы и короля Ферранте. Этот альянс разбивал последние надежды «Моро» на воссоздание в Италии системы баланса сил без вмешательства извне.

Впрочем, папско-неаполитанский союз не был прочным и долговременным. Признаком этого является список новых кардиналов, назначенных папой в сентябре 1493 г. Отметим, что папа назначил их в нарушение обязательств, принятых им в период конклава 1492 г.: согласно установленным правилам, участники конклава дали обещание не расширять состав коллегии кардиналов без полного согласия её членов [232, р. 444]. Итак, из 12 новых членов коллегии всего двое были французами; большая часть назначенцев являлись итальянцами. Однако при этом среди них не было ни одного выходца из Флоренции и Неаполя [18, р. 285–287]. Папа пополнил коллегию своими сторонниками, в то же время стараясь не связывать себя прочными узами ни с одной из сторон в предстоящем конфликте. Добавим, что среди вновь назначенных кардиналов были узаконенный сын Александра VI Чезаре Борджа, брат папской любовницы Алессандро Фарнезе и единоутробный брат незаконной дочери папы, Джулиано Чезарини.

Помимо правителей Неаполя и Флоренции, которые никак не прореагировали на новые назначения, повод для недовольства появился у Джулиано делла Ровере, главного соперника Александра VI в коллегии кардиналов. Появление в коллегии большой группы молодых лиц, связанных с домом Борджа родством или дружбой, очевидно уменьшало шансы делла Ровере на избрание в случае смерти действующего понтифика. В результате кардинал-епископ выехал из Рима и вновь укрылся в своём замке в Остии [152, р. 318–319; 236, р. 62–63]. Весной следующего года он отбыл во Францию, чтобы вернуться в Италию вместе с войском захватчиков.

Кроме поддержки, оказанной новому неаполитанскому правителю, понтифик всеми силами пытался отвлечь Карла от вторжения. В марте 1494 г. он преподнес ему Золотую розу – высший знак отличия светских правителей в католической церкви [37, р. 461]. Папа направил королю несколько посланий. Сославшись на недавние беды, причинённые турками на Балканах, он призывал Карла отказаться от мыслей завоевать Неаполитанское королевство. Этот план, писал понтифик, противоречит интересам христианского мира и на руку туркам. Вместо экспедиции на юг Италии, Карлу, как и другим христианским государям, следует организовать поход против турок [10, р. 122; 18, р. 311; 243, р. 439–440].

Ни Золотая роза, ни акцент на единстве христианского мира не могли сгладить того неблагоприятного впечатления, которое произвела на Карла VIII коронация Альфонсо II папским легатом. В ярости французский король заявил об отказе папе в повиновении. Он конфисковал французские бенефиции у тех кардиналов, которые являлись сторонниками Александра VI, и передал их Асканию Сфорца [232, р. 450]. После появления 1 июня делла Ровере при дворе Карла в Лионе стало ясно, что король может сделать ставку на созыв церковного собора и смещение понтифика. Беглый кардинал стал самым активным апологетом такого сценария развития событий (см. ниже).

2.12. Миссия Маркварда Брейзахера

После смерти в августе 1493 г. императора Священной Римской империи и Германского короля Фридриха III Габсбурга на немецкий престол взошёл его сын Максимилиан. Новый император питал амбициозные планы дать отпор туркам, которые оказывали постоянное давление на соседние европейские государства. Так, осенью 1493 г. они захватили хорватский порт Сень. Достигнув Адриатики, они стали ещё больше угрожать приморским итальянским государствам. Задачей нового германского короля было организовать союз христианских держав для совместных действий. Планы Карла VIII в отношении Италии его не устраивали. Он даже пытался прекратить опасные связи Лодовико «Моро» с французским королём (Ферранте I – Габриэле Санчесу, казначею Кастилии, 8 января 1494 г. [245, р. 408]).

Для того чтобы воспрепятствовать неаполитанской экспедиции, в начале 1494 г. Максимилиан I направил в Рим посла, Маркварда Брейзахера. Он был принят весьма благосклонно, тем более что цели Максимилиана совпадали с намерениями папы. Александр VI заявлял о своём желании, чтобы два монарха, Максимилиан и Карл, совместно отправились в крестовый поход против турок, вместо того, чтобы воевать за Неаполь [37, р. 456; 232, р. 446–447].

Инструкция Брейзахеру от 19 апреля предписывала сообщить папе о готовности Максимилиана выступить в поход в Хорватию против турок осенью текущего года. Он просил понтифика убедить короля Польши разорвать мир с турками, а короля Венгрии – не заключать мир. После этого в результате объединения усилий христианских правителей, а также при помощи египетского султана можно будет предпринять против турок масштабную военную операцию, детальный план которой на ближайшие 2 года Брейзахер должен был представить папе [243, р. 324–325].

Во время пребывания Брейзахера в Риме пришло известие о смерти старого короля Неаполя, Ферранте. Вскоре после этого последовал поворот папы к союзу с Альфонсо II и коронация последнего. Эти события делали ненужными миротворческие инициативы Максимилиана и сводили на нет эффект миссии Брейзахера.

2.13. Завершение дипломатической и правовой подготовки к походу

Вскоре после возвращения Перрона де Баски, с одной стороны, и графа Бельджойозо, с другой, во Францию, король Карл VIII дал последнему приватную аудиенцию (28 сентября 1493 г.). На прямой вопрос миланского посла о том, планирует ли монарх кампанию или нет, Карл отреагировал очень эмоционально. Он сказал, что его душа ничего не желает более страстно, чем этого. Король подтвердил представителю «Моро» своё намерение направиться во главе армии на Неаполь сухопутным путём. Поскольку Бельджойозо настаивал на необходимости ещё раз обдумать это решение, Карл совершенно разозлился и заявил, что он непреклонен в своём решении, даже если «Моро» изменит их союзу [208, р. 36–39].

Весной 1494 г. ко двору Карла прибыл ещё один знатный итальянец, известный воин и любитель турниров Галеаццо Сансеверино. Он приехал в Лион (где в то время пребывал король) из Милана во главе 300 всадников. Король весьма благоволил Галеаццо, наградив его орденом Св. Михаила. Сансеверино привёз королю в подарок дорогое оружие и коней, а также благовония. Рассказывают, что Карл был в таком восторге, что уступил миланцу одну из своих любовниц. Галантный и мужественный Галеаццо в буквальном смысле «пришёл к двору». Он участвовал в турнирах, обучал монарха игре в мяч (*calcio fiorentino*) (Карло Бельджойозо – Лодовико «Моро», 24 апреля 1494 г. [70, р. 342]) [102, р. 56; 264, с. 47; 279, с. 243; 280, с. 276].

Однако у Г. Сансеверино были и дипломатические поручения, данные ему Лодовико Сфорца. Он должен был представлять Милан на планировавшейся встрече Карла VIII и Максимилиана (Лодовико «Моро» – Карло Бельджойозо, 6 февраля 1494 г. [70, р. 334–337]). Эта встреча так и не произошла; между двумя монархами снова начались трения. Тем не менее Галеаццо Сансеверино на некоторое время задержался в Лионе. Считается, что он сумел убедить короля двинуться на Неаполь не сушей (то есть через Милан), а морем. В этом случае власти «Моро» в Ломбардии ничего не угрожало. Впрочем, по ряду причин (см. далее) в итоге вторжение состоялось всё же по суше. Однако, по мнению Бельджойозо, без приезда Галеаццо поход вообще мог бы не состояться из-за влияния его противников при французском дворе.

Весной того же года во Францию прибыл ещё один видный итальянский политик. Кардинал-епископ Остии Джулиано делла Ровере, пребывавший в своей епархии в фактическом изгнании, тайком, переодевшись в монашеское одеяние, покинул крепость и сел на корабль, плывший во Францию. Делла Ровере был известен как сторонник Арагонской династии, но прежде всего он был противником папы Александра VI. Теперь кардинал решил сделать ставку на Карла Валуа, объявившего о намерении не только завоевать Неаполь, но и сместить нечестного понтифика [18, р. 344–345; 102, р. 48; 264, с. 41].

Кардинала делла Ровере хорошо знали во Франции, где в своё время он исполнял несколько ответственных поручений Святого престола, поэтому приняли со всеми подобающими почестями. Сам король встретил его на лестнице дворца и провёл с Джулиано наедине больше часа, беседуя (Пуччо Пуччи – Пьеро ди Медичи, 16 июня 1494 г., Рим [168, р. 494]). Кардинал стал одним из самых влиятельных приближённых Карла VIII. Делла Ровере настоятельно советовал монарху созвать вселенский церковный собор, низложить Александра VI и повторно утвердить во Франции Прагматическую санкцию (Гвидантонио Веспуччи и Пьеро Каппони – Пьеро ди Медичи, 6 июня 1494 г., Лион [168, р. 399–400]) [177, р. 426]. Также он уговаривал Карла не останавливаться в реализации плана похода, а довести его до конца. Как влиятельный представитель римской церкви, кардинал Джулиано делла Ровере был бесценным «приобретением» для короля Карла. Его присутствие при дворе, а позднее и в армии, обеспечивало идеологическое обоснование враждебным действиям, направленным против папского престола. Не случайно Гвиччардини называл его «роковым зачинщиком итальянских бед» [264, с. 58].

С целью подготовки прочного обоснования своим притязаниям, Карл VIII поручил юристу Леонарду Бароннату исследовать вопрос прав монарха на неаполитанский трон. Результатом работы стал написанный Бароннатом трактат [18, р. 321]. Кроме того, по инициативе де Веска Парижский парламент исследовал имеющиеся доказательства и пришёл к выводу, что король также обладает правами на трон Иерусалима. В марте соответствующее добавление было включено в полный титул Карла VIII («король Сицилии и Иерусалима»). Как писал с иронией флорентийский посол, король «заново уверился в том, что Неаполитанское королевство по праву его и, упрямясь в его приобретении, включил в титул Иерусалим, демонстрируя свой пыл в освобождении Святой Земли» (Франческо делла Каза – Пьеро ди Медичи, 13 марта 1494 г., Лион [168, р. 284. Ср.: 102, р. 56; 264, с. 47]).

Действительно, крестоносный фактор играл немаловажную роль в идеологической подготовке похода, как внутри страны, так и за её пределами. Карл VIII не уставал повторять, что конечной целью похода является отвоевание святых мест, тогда как покорение Неаполя будет лишь промежуточным этапом (Франческо делла Каза – Джентиле д'Ареццо и Пьеро Содерини, 24 января 1494 г., Амбуаз [168, р. 273]). Не случайно, вступив в Италию, король разместил на одном из знамён девиз «*Voluntas Dei, Missus ex Deo*» – «Божья воля, посланная Господом» [135, р. 300].

Обезопасив себя от соседей, которые могли нарушить его планы, Карл VIII предпринял ещё одну попытку приобрести союзников на итальянской почве. Весной 1494 г. в Италию было отправлено сразу несколько послов, среди которых был Биро Стюарт д'Обиньи, добравшийся лишь до Милана. Помимо него король направил своими представителями первого президента Парламента в Экс-ан-Провансе Жана Матарона – во Флоренцию, генерала финансов Дени де Бидо и Перрона де Баски – в Рим, Жана де Серпана сеньора Ситэна –

в Венецию, а обер-шталмейстера Пьера д'Юрфэ – в Геную, где он должен был заниматься подготовкой флота (Карл VIII – Лодовико «Моро» Сфорца, 14 марта 1494 г. [138, р. 28]) [102, р. 49, 56, 62; 264, с. 42, 46–47, 52; 280, с. 277]. Их общей задачей была подготовка к походу: сбор точной информации о ситуации в итальянских государствах на пути французской армии, достижение договорённостей о проходе армии по их территориям и снабжении продовольствием и лошадьми, наём итальянских кондотьеров с войсками.

Эти посольства добились немного. Первым конкретным результатом было то, что Дени де Бидо передал «Моро» денежную субсидию, за счёт которой Сфорца собрал войско, порученное им под командование братьев Сансеверино (Галеаццо и Джанфранческо, граф Кайаццо), дяди маркиза Мантуанского Родольфо Гонзага и Галеотто делла Мирандола [70, р. 344–346]. В Мантуе миссия послов была неудачной, тогда как герцог Феррарский Эрколе д'Эсте и правитель Болоньи Джованни Бентивольо подтвердили принятые ими ранее обязательства.

Во Флоренции история с «арестом» братьев Джованни и Лоренцо ди Пьерфранческо ди Медичи осложнила отношения между Францией и Пьеро ди Медичи (см. главу 1). Карл VIII желал, чтобы Флорентийская республика предоставила ему военную помощь (300 лансов, отряд пехотинцев и 6 галер), за что он обещал стать её официальным защитником. Однако, как и ранее, Пьеро не дал ответа на запросы короля [25, р. 81–82]. Более того, он заключил секретное соглашение с неаполитанским монархом об оказании тому поддержки против французов. Неаполитанцы получили в своё распоряжение порт Ливорно. Небольшой контингент флорентийских войск (1000 всадников и артиллерия) был направлен на помощь неаполитанцам под Форли. Командовал ими кондотьер Аннибале Бентивольо (см. главу 3) [102, р. 65–66; 264, с. 53].

Уклончивость со стороны республиканских властей ожидала французских послов и в Сиене. Что касается Венеции, то её обычной политикой было «ждать и наблюдать» (*costoro sono per stare a vedere*) (Джованбаттиста Ридольфи – Паолантонио Содерини и Пьеро ди Медичи, 5 августа 1494 г. [168, р. 500]). Сенаторы заявили, что главной заботой республики являются турки, что же касается требований французского короля, то они сделают всё, от них зависящее, чтобы их удовлетворить [102, р. 54–55; 208, р. 41–42; 264, с. 46–47].

Карл VIII инструктировал посла при папе, что если понтифик откажется признать его права на трон Неаполя, то его можно сместить, созвав вселенский собор. Король обвинял Александра VI в симонии [70, р. 306]. Условием торга между папой и королём Франции могло быть возобновление последним Прагматической санкции 1438 г., отменённой отцом Карла. Этот документ предусматривал серьёзные ограничения власти папского престола в отношении французской церкви: признание превосходства вселенских соборов над папой, обязанности созывать собор каждые 10 лет, право французского духовенства избирать епископов независимо от папы, запрет обращаться в Рим по вопросам канонического права [296, с. 29–30].

Несмотря ни на что, Александр VI дал послам французского короля обычный уклончивый ответ. Он заявил им, что коронация неаполитанского короля, не проведённая папой лично, не отрицает прав Карла на трон [102, р. 51; 264, с. 43]. Так или иначе, если Карл намеревается отвоевать у мусульман Святую землю, он найдёт этому благому делу поддержку всех государей Италии [173, р. 76]. По мнению С. Бьянкарди, сама мысль о сухопутной экспедиции в Италию казалась в то время невероятной, в отличие от морского варианта. В последнем же случае папе можно было не беспокоиться о столкновении с французской армией. Поэтому папа Александр VI отказался примириться с Карлом VIII [18, р. 315].

Французские послы не добились для себя благоприятных условий. Единственное, воспользовавшись своим пребыванием в Риме, Дени де Бидо и Перрон де Баски попытались укрепить связи с семьёй Колонна, пригласив её представителей (Просперо и Фабрицио) на службу своему королю. Были наняты и другие кондотьеры из числа римских аристократов [70, р. 366].

2.14. Реакция Ферранте I на подготовку похода

Публично король Ферранте не выказывал особенной заботы по поводу возможного вторжения французов на итальянскую землю. Он говорил, что если Карл VIII придёт по морю, то столкнётся с военным флотом Неаполя, а при высадке его ждут укреплённые порты. Если же он двинет армию по суше, то ему следует опасаться других итальянских правителей, в первую очередь самого Лодовико «Моро». Поэтому король выражал уверенность, что до Неаполя французы не доберутся [102, р. 33–34; 264, с. 30]. Что касается армии, то арагонские владения в Италии «защищены многочисленными и боеспособными войсками, изобилуют боевыми лошадьми, припасами, артиллерией и всем необходимым для войны» [102, р. 35; 264, с. 30]. Командующим армией был прославленный военачальник, старший сын короля герцог Альфонсо Калабрийский. Демонстрируемая Ферранте самоуверенность дошла до того, что в инструкции своему послу в Риме от 5 декабря 1493 г. он называл короля Франции своим «другом и товарищем» (Ферранте I – Луиджи де Паладинису, 5 декабря 1493 г. [245, р. 328]).

На деле подготовка Карлом вторжения не могла не пугать Ферранте. Это подтверждается предпринятыми им дипломатическими усилиями, направленными на создание союзнических отношений с итальянскими государствами [18, р. 301]. Неаполитанский монарх пытался наладить дружественные контакты с Миланом («Моро»), Феррарой, Флоренцией, Венецией, Римом. Всего за период с января 1492 по январь 1493 г. Ферранте отправил 440 писем; содержание по крайней мере половины из них представляет собой отчаянную попытку остановить вторжение французов [см.: 245].

Король не ограничивался просьбами к государям Италии о политической поддержке, помощи войсками, флотом или доступе к портам. Он стремился

установить прямые дипломатические отношения с Карлом VIII, для чего направил во Францию специального посла, Камилло Пандоне. Осенью 1493 г. Пандоне посетил Лион, где встретился с Гийомом де Клерьё, одним из советников Карла VIII, специалистом по неаполитанским делам. Коммин сообщает, что инструкции Пандоне предусматривали уступки Карлу VIII в обмен на отказ от вторжения: ежегодную дань королю Франции в размере 50 тыс. дукатов и признание сюзеренитета над Неаполем (при том, что Неаполитанское королевство уже имело сюзереном папу) [280, с. 296]. По сообщению Гвиччардини, Камилло Пандоне «должен был частным образом предложить [французским] грандам подношения и награды, а королю, если не удастся утихомирить его иначе, – выплату дани и другие знаки подчинения, дабы добиться мира» [102, р. 36; 264, с. 32]. Посольство Пандоне было безрезультатным. Более того, в середине января 1494 г. постоянным послам Неаполя при французском дворе было велено покинуть пределы королевства [70, р. 299–300].

2.15. Оборонительные планы и действия Альфонсо II

25 января 1494 г. в результате непродолжительной болезни неаполитанский король Ферранте скончался. Немедленно после этого в кафедральном соборе Неаполя архиепископ короновал сына покойного, Альфонсо II Арагонского. Титул наследника короны, герцога Калабрийского, перешёл сыну нового монарха, Ферранте (Феррандино). Важным источником легитимности для нового правителя юга Италии было признание со стороны папы. Уже 26 января он направил Александру VI письмо с уверениями в преданности [87, р. 113–114]. Несмотря на послание Карла VIII с похожим содержанием, в котором французский король подтверждал своё намерение реализовать законные права на неаполитанский трон, понтифик сделал выбор в пользу Арагонца. В марте папский легат короновал Альфонсо от имени Александра VI.

Король начал правление с акта примирения, написав «Моро» дружественное письмо. Он призывал герцога Бари поддерживать между двумя государствами мир и дружбу (Альфонсо II – Лодовико «Моро» Сфорца, 26 января 1494 г. [151, р. 688, п. 12]). Увы, в Милане этот призыв не был принят во внимание. Кардинал Асканио Сфорца призвал своего брата не верить «приятным словам» короля Альфонсо (Асканио Сфорца – Лодовико «Моро» Сфорца, 29 января 1494 г. [151, р. 689, п. 1]). Действительно, ещё в сентябре 1493 г. миланский посол Антонио Странга сообщал, что король Ферранте начал активную подготовку к обороне столицы, инспектируя войска и флот (Антонио Странга – Лодовико «Моро» Сфорца, 19 сентября 1493 г. [155, р. 159, п. 35]). Альфонсо эти действия продолжил.

По мере того как становилось всё более очевидным, что французы осуществят нападение в текущем году, неаполитанцы предпринимали всё более решительные оборонительные меры. Подготовка к французскому вторжению началась ещё при короле Ферранте; вступив на престол, Альфонсо II продолжил готовиться

к отражению нападения. В августе 1494 г. на южных оконечностях Апеннинского «сапога», в областях Калабрия и Апулия, началось строительство новых укреплений, для чего с населения был собран дополнительный налог в размере 60 тыс. дукатов. На западном побережье, в непосредственной близости от столицы – у городка Байи, в апреле 1494 г. были выстроены два новых форта [161, р. 132–144]. В целом защита побережья королевства укрепились; тем самым значительно ограничивались возможности для вторжения французов с моря. Впрочем, когда в августе Карл VIII во главе армии наконец вступил на итальянскую землю, стало окончательно ясно, что война будет вестись преимущественно на суше: после июля Средиземное море было слишком опасным для плавания галер, необходимых для перевозки экспедиционных войск [127, р. 230].

Главным принципом стратегии неаполитанского короля была встреча врага на чужой территории. Для этого необходимо было использовать как сухопутную армию, так и флот. На основании данных современников и историков XVI в. можно предположить, что король Неаполя располагал 150 рыцарскими эскадронами (от 9 до 12 тыс. всадников), лёгкой кавалерией и 3 тыс. лучников. В состав военного флота входило более 80 кораблей: галер и парусников [18, р. 370–371].

Альфонсо обновил договоры с несколькими кондотьерами, в том числе римским бароном Фабрицио Колонной и миланским изгнанником Джанджакомо Тривульцио, и заключил ряд новых – с Никколо Орсини графом ди Питильяно и другими. Можно полагать, что граф Питильяно был избран за свои воинские заслуги – он считался лучшим кондотьером в Италии после Роберта де Сансеверино [61, р. 440, 471]. Что касается представителей рода Колонна, то потенциальных нанимателей привлекало выгодное расположение их земельных владений в области Лацио, вокруг Рима. Если Фабрицио Колонна поступил на службу неаполитанскому королю, то его двоюродный брат Просперо заключил кондотту с Лодовико Сфорца [233, р. 108–109].

Альфонсо II намеревался остановить французов до достижения ими границ Regno. Он собирался действовать по двум направлениям – северо-западному (в Лигурии) и северо-восточному (в Романье). Ключевое значение в его планах имела Генуя, порт которой французы первоначально намеревались использовать для погрузки войск, чтобы затем переправить их морем к Неаполю. Начиная с весны 1494 г. в Генуе скапливались галеры и парусники французов и их союзников. С помощью генуэзских изгнанников и «оппозиционеров» Арагонец предполагал разжечь в городе восстание, направленное против власти Сфорца (который захватил город в 1487 г.). Восстание должен был подкрепить десант неаполитанцев.

К моменту вторжения в августе 1494 г. основных французских сил неаполитанский флот под командованием принца Федерико базировался во флорентийском порту Ливорно. Принца сопровождали изгнанники из числа генуэзской знати. Задачей принца было продолжать действовать на генуэзском направлении. Неаполитанским войскам противостояли сухопутные и морские силы

принца Луи Орлеанского, базировавшиеся в Асти и Генуе. Французское командование хорошо представляло, какое значение имеет для них Генуя [102, р. 72; 264, с. 58]. В этом убеждал короля и бежавший из Рима кардинал Джулиано делла Ровере, сам генуэзец по происхождению. Лодовико Сфорца также поддерживал представление о первостепенном значении генуэзского направления, надеясь, что продвижение французских войск на юг не затронет его основные миланские владения.

Вторым направлением возможного пути французской армии была область Романья, расположенная в долине р. По. С этой стороны, по направлению знаменитой древнеримской Эмилиевой дороги, предполагалось вторжение неаполитанцев непосредственно в миланские земли. Итогом военной кампании должно было стать свержение власти Лодовико «Моро» в Милане и восстановление там законного правителя – Джана Галеаццо Сфорца [16, р. 13]. В соответствии с этим планом на север была направлена армия под командованием юного и неопытного сына короля Альфонсо II, принца Калабрийского Феррандино, при котором, однако, находились опытные капитаны Дж. Тривульцио, Н. Орсини, Бартоломео д'Альвиано. Они командовали смешанным контингентом союзников, включавшим неаполитанские, флорентийские и папские войска, численность которых к началу сентября достигла 8 тыс. человек (поровну кавалерии и пехоты). Эта армия стояла в Романье, в районе городов Чезена и Форли. Им противостояли французские и миланские войска под командованием Бернара Стюарта д'Обиньи и Джанфранческо да Сансеверино, графа ди Кайаццо. Последние располагали приблизительно 1200 кавалеристами и 3 тыс. пехотинцами, укрепившимися за вырытыми ими рвами [51, р. 207–211; 89, р. 205–219].

С целью начала боевых действий неаполитанский флот под командованием брата Альфонсо, принца Федерико д'Альтамура, направился в сторону Генуи. В Тоскане на борт флагманского корабля сели генуэзские изгнанники – бывший дож кардинал Паоло Фрегозо и Обьетто де Фиески. План заключался в высадке изгнанников в Генуе, где они должны были поднять местных жителей на восстание и свергнуть промиланский режим дожа Адорно [102, р. 57; 264, с. 47]. В Неаполе, да и не только там, нападение на Лигурию считали очень важным. Вирджинио Орсини говорил, что «от изменения правления в Генуе зависит победа во всей войне» (Паоло Пуччи – Пьеро ди Медичи, 6 июня 1494 г. [168, р. 487–488]). Действительно, захват Генуи союзниками Неаполя означал невозможность для французов использовать этот порт в качестве пункта загрузки войск, направляемых морем. По сути, удачные действия в Лигурии могли предотвратить французское вторжение в текущем году.

Интенсивная дипломатическая деятельность сопровождала военную. Неаполитанское посольство направилось в Испанию, чтобы просить Католических королей во имя родства и давней дружбы открыть «второй фронт» против французов. Однако испанцы сдерживались Барселонским договором. Кроме того, они скорее были заинтересованы в свержении Арагонской династии с трона в Неа-

поле, чем в её удержании там. Французы, полагали они, в Неаполе не удержатся, что позволит утвердиться там самим испанцам [242, р. 344]. Поэтому ответ Католических королей был следующим: они не могут напасть на Францию, но обещают оказать своему кузену «любую другую услугу» [224, р. 50].

Ещё одного посла, опытного Камилло Пандоне, Альфонсо направил в Константинополь (Стамбул), чтобы объяснить Баязиду опасности вторжения французов в Италию. Впрочем, султан ограничился тем, что укрепил защиту своей столицы [18, р. 373]. Несмотря на это, Альфонсо похвалялся тем, что может получить в помощь против французов 20 тыс. турецких солдат [89, р. 195–204]. К союзу с неаполитанским королём подталкивал султана папа, который направил ему 12 мая письмо с соответствующим предложением [243, р. 326].

Кроме того, 26 марта завершились переговоры между папой и неаполитанским королём, которые велись при посредничестве Вирджинио Орсини. Стороны обязались заключить оборонительный союз. Понтифик гарантировал Альфонсо II инвеституру на Неаполитанское королевство и обещал направить в Неаполь кардинала для проведения соответствующей церемонии (что было сделано). Также Александр VI согласился на снижение ежегодной дани короля папе, возвёл в кардинальский сан племянника короля, Луиджи д'Арагона. Со своей стороны, Альфонсо II обязался немедленно выплатить долг папской казне, предоставить сыну папе Хуану Борджа герцогу Гандия феода с доходом в 12 тыс. дукатов, а также назначить на одну из высших должностей в королевстве (при открытии вакансии) [18, р. 313].

2.16. Подготовка французской армии

Весной 1494 г. Карл VIII приступил к непосредственной подготовке похода в Италию. В марте монарх в сопровождении важнейших сановников прибыл в Лион; вскоре к супругу присоединилась королева Анна Бретонская. Одних заявлений о намерении покорить Неаполь или Иерусалим было мало. Для действенной подготовки сложной и трудной военной кампании королю требовалось в первую очередь преодолеть внутреннее сопротивление среди своих приближённых. Основным противником похода на Неаполь был кузен короля, герцог Луи Орлеанский, который не хотел отказываться от претензий на Милан. Он полагал, что именно Милан должен был стать целью французской военной агрессии в Италии. Что касается сестры Карла, Анны де Божё, то она занимала осторожную позицию, отказываясь от подарков, предлагаемых ей представителями неаполитанского короля. Семейство Божё (супруги Анна и Пьер) было заинтересовано в отъезде короля из страны, поскольку это могло привести к восстановлению режима регентства под их руководством (Лоренцо Пуччи, епископ Ареццо – Пьеро ди Медичи, 29 ноября 1493 г., Тур [168, р. 351]).

Французская знать восприняла идею похода в Италию с осторожностью. Нобили опасались, что Карл VIII окажется не способен нести тяжёлый груз руководства военной экспедицией, в то время как советники короля имели в та-

ких делах мало опыта. Кроме того, экспедиция была весьма затратной, тогда как средств не хватало. Боялись также способностей итальянцев к интригам, тем более что Лодовико «Моро» был известен своим коварством. Наконец, опасались, что завоевав Неаполитанское королевство, Карл VIII окружит себя итальянцами, которые оттеснят французских аристократов от власти [102, р. 28–29; 264, с. 26–27].

Скрытыми противниками итальянского предприятия среди придворных и советников Карла VIII были преимущественно сановники предыдущего монарха, которые опасались возвышения «новых людей» – де Веска и Брисонне. Однако и последние не всегда и не во всём стремились точно выполнить пожелания короля. Не удивительно, что прибывший в это время ко двору Галеаццо Сансеверино отмечал затягивание подготовки. Он писал, что Брисонне заботит лишь получение шапки кардинала, а финансы королевства находятся в беспорядке. Скрытую оппозицию в окружении короля отмечали и другие современники. Миланский посол Бельджойозо даже выказывал удивление по поводу того, «что столь молодой король отстоял свой проект, несмотря на всё сопротивление, которое встретил» (Галеаццо Сансеверино – Лодовико «Моро», 21 мая 1494 г. (цит. по: [155, р. 161, п. 50]; Франческо делла Каза – Джентиле д'Ареццо, 28 февраля 1494 г., Мулен [168, р. 279–280]) [70, р. 312; 102, р. 30–31; 264, с. 27–28; 280, с. 265].

Что касается военных в окружении короля, то их отношение к планам суверена было двойственным. Маршал Пьер д'Экерд поддерживал проект, поскольку ожидал, что его назначат главнокомандующим армией в Италии. Когда же стало ясно, что король лично возглавит армию, то маршал стал затягивать сбор войска. Об адмирале Гравиле говорили, что хотя перед королём он выказывает рвение, на самом деле он ставит палки в колёса реализации проекта похода [25, р. 10, 89–90; 102, р. 29; 264, с. 27]. Всё же, несмотря на определённое противодействие, благодаря настойчивости и энергичности в отстаивании своих планов королю удалось подавить сопротивление. По словам флорентийского представителя Франческо делла Каза, «желание и упорство короля подталкивает всех» (Франческо делла Каза – Пьеро ди Медичи, 28 февраля 1494 г., Мулен [168, р. 278]).

Итальянская кампания требовала огромных денежных трат. В ноябре 1493 г. опытному воину маршалу Экерду было дано поручение рассчитать примерные затраты на подготовку войска. По его оценкам, на подготовку кампании требовался 1 млн золотых экю, на траты во время самого похода – ещё столько же (Лоренцо Пуччи, епископ Ареццо – Пьеро ди Медичи, 3 ноября 1493 г., Тур [168, р. 342]). Поскольку суммы были невероятными, королевский совет принял решение максимально сократить расходы на двор и приостановить выплаты пенсионеров.

Основные средства должны были поступить за счёт субсидий. Самую значительную сумму (70 или 100 тыс. дукатов) предоставил генуэзский банк Саули – под 14 %, на 4 месяца (Франческо делла Каза – Пьеро да Бибиенна, 27 мая

1494 г., Лион [168, р. 306]) [280, с. 265, 278]. Гарантами других займов у итальянских банкиров выступили придворные, начиная с Коммина и графа Бельджойозо [25, р. 89; 127, р. 237]. Субсидию было решено взять с городов и даже с духовенства, несмотря на неизбежное в этом случае недовольство (Франческо делла Каза – Пьеро ди Медичи, без даты [168, р. 292]). Однако созданные в Лионе представители городов выразили своё нежелание субсидировать поход. Такой же ответ был получен от властей главных городов королевства (Парижа, Руана, Орлеана). В результате было решено поднять талью на 25 %, что должно было дать дополнительно 575 тыс. ливров. Ещё одним важным источником поступлений стали заложенные земли королевского домена, принёсшие в казну 120 тыс. ливров [127, р. 238–239].

Можно заключить, что правительство Французского королевства, прежде всего руководство финансами, предприняло исключительные меры. Они принесли результат. По сообщению флорентийского посла, к марту 1494 г. Бриссонне сумел собрать в казне 600–700 тыс. дукатов, которые можно было направить на подготовку похода (Франческо делла Каза – Пьеро ди Медичи, 18 марта 1494 г., Лион [168, р. 287]). Безусловно, эти меры вызывали недовольство у подданных (Франческо делла Каза – Пьеро да Бибиенна, 7 июня 1494 г., Лион [168, р. 312]). Неудивительно, что, по донесению феррарского посла Б. Карачоло, «большая часть его [Карла VIII] королевства была против этой экспедиции» (Белардо Карачоло – Эрколе д'Эсте, 7 апреля 1494 г.) (цит. по: [155, р. 161, п. 44]). Как пишет С. Бьянкарди, поход стал возможным благодаря самоотверженности подданных французского короля [18, р. 327].

Сведения современников о численности французского войска противоречивы. Как прямо писал А. Лемонье, «трудно определить количество людей, составивших армию, вступившую в Италию» [136, р. 28, п. 1]. По сообщению графа Бельджойозо, для итальянского похода планировалось собрать около 40 тыс. солдат (Карло Бельджойозо – Лодовико «Моро» Сфорца, 26 марта 1494 г. [199, р. 783]). В действительности было собрано значительно меньше. В октябре 1494 г. Франческо Гонзага писал властям Венеции, что у французского короля в Италии 28 тыс. бойцов (*combattente*) (Паолантонио Содерини – Пьеро ди Медичи, 22 октября 1494 г., Венеция [168, р. 530]). Согласно Франческо Гвиччардини, у Карла VIII было более 21 тыс. человек, включая 6 тыс. швейцарцев и 6 тыс. французских пехотинцев [102, р. 77; 264, с. 61–62]. Другой автор XVI в., француз Франсуа де Мезере, писал о более чем 31 тыс., в том числе 6 тыс. стрелков, 8 тыс. пикинёров (швейцарцев?) и 8 тыс. других пехотинцев (см.: [18, р. 332]).

В историографии численность армии Карла VIII также оценивают по-разному: 28 тыс., включая 6 тыс. солдат «Моро» [127, р. 257–258], 30 тыс. [144, р. 18], 31,5 тыс. [232, р. 461], 41 100 (по данным Бельджойозо) [70, р. 324–325]. Мы принимаем точку зрения С. Бьянкарди, который оценил численность французской армии в момент вторжения от 22 до 30 тыс. воинов [18, р. 334–336]. Основная часть армии собралась в конце марта в лагере под Лионом. Кроме того, для найма швейцарцев был направлен балы Дижона Антуан де Бессе.

Ему удалось собрать около 4 тыс. пехотинцев, из которых 1500 впоследствии присоединились к авангарду (д'Обиньи), а оставшиеся пошли под начало герцога Орлеанского.

Главной ударной силой в армии была артиллерия, неизменно вызывавшая у итальянцев замешательство и страх. Один из них писал, что пушки французов «подрывают стены... намного легче и быстрее, чем наши собственные» [56, р. 23]. Действительно, французская артиллерия по своему составу, организации, штату и т. д. «фактически не имела параллелей в современных ей итальянских институциях» [8, р. 359]. В итальянской армии Карла VIII было до 70 стволов [128, р. 201–202] – приблизительно половина от всего артиллерийского парка Франции [281, с. 167].

Маршал Пьер д'Экерд, горячий сторонник идеи похода при условии того, что он его возглавит, после того как понял, что этого не случится, стал тормозить сбор войска. В результате король устроил маршалу выволочку, вскоре после которой пожилой воин умер (22 апреля). После этого Карл стал контролировать приготовления лично [70, р. 331–332].

Очевидно, что монарх решил лично возглавить поход, чтобы избежать возможного сопротивления своим планам среди военачальников и советников (Карло Бельджойозо – Лодовико «Моро» Сфорца, 6 марта 1494 г. [155, р. 161, п. 45]). Вместе с тем это решение оказалось неожиданным для его приближённых [280, с. 273]. Поскольку маршал д'Экерд умер, встал вопрос о назначении командующего из числа военных. После длительных раздумий и совещаний герцог Луи Орлеанский был назначен командующим на море, тогда как командующим на суше стал Жильбер де Бурбон-Монпансье.

Планы, подготовленные в Лионе на протяжении марта–апреля 1494 г., предусматривали вторжение в Италию двумя армиями. Предполагалось, что одна из них двинется на юг Апеннинского полуострова по суше, тогда как другая, во главе с самим королём, – морем. Кавалерию и пехоту предполагалось разделить между двумя армиями приблизительно поровну. Однако когда стали просачиваться известия о мобилизации в Неаполе и возникли сомнения относительно численности итальянских войск, рекрутируемых для помощи французам Лодовико «Моро» в Милане и кардиналом Асканио Сфорца в Риме, главные королевские советники склонились к увеличению французской армии.

Было решено, что она составит 1900 кавалерийских копий (лансов), 1200 конных стрелков и 19 тыс. пехотинцев, а вспомогательные итальянские войска – 1500 копий и 2–3 тыс. пехотинцев [70, р. 324–325]. Трудность заключалась в том, что хотя подготавливаемый флот включал около 50 кораблей и галер, он мог перевезти за раз не более 1/5 от этого контингента.

2.17. Первые столкновения

Обстоятельства сложились так, что ни неаполитанцы, ни французы не сумели в полной мере реализовать свои планы ведения кампании. Неаполитанский флот в составе 35 галер, 18 нав (navi) и некоторого количества более мелких су-

дов во главе с братом короля, принцем Федерико д'Альтамура, 22 июня отплыл из Неаполя, чтобы выполнить описанный выше план [102, р. 62; 264, с. 51–52]. Сначала принц собирался высадиться в Генуе, но устрасился дошедших до него сведений об усилении гарнизона города швейцарцами и прибытии туда Луи Орлеанского. По этой причине высадка была предпринята гораздо дальше, чем планировалось изначально, но зато ближе к домам знатных изгнанников.

Неаполитанские галеры бросили якоря на юге Лигурии, недалеко от Специи. Возле городка Портовенере высадился десант из 400 пехотинцев. Однако местные жители отказались поддержать высадку изгнанников. Рыбаки и их жёны не давали солдатам высадиться, забрасывая их камнями. Много лет спустя старый пират, смеясь, показывал историку Паоло Джовио пальцем на камни, которые спасли Геную от врагов [18, р. 375; 98, р. 34]. В результате стычки несколько неаполитанцев были ранены и даже убиты. Спустя 7 часов они решили прекратить попытки высадиться. Снявшись с якоря, неаполитанские галеры ретировались в Ливорно [10, р. 595–596; 102, р. 63–64; 188, р. 325–326; 264, с. 52]. Несмотря на то что вину за неудачу под Портовенере следует возлагать на общие стратегические ошибки неаполитанцев, а не на принца д'Альтамура, военная репутация последнего после этих событий значительно упала [219, р. 190–191].

Военные действия фактически начались, когда король Альфонсо II Неаполитанский отозвал своих послов из Милана, изгнав также миланского представителя из своей столицы. Кроме того, Лодовико «Моро» был лишён титула герцога Бари, а Джанфранческо Сансеверино предписали вернуться на родину под угрозой лишения графства Кайаццо (что он отказался сделать) [70, р. 299–300, 368–369; 102, р. 56–57; 127, р. 274; 224, р. 55; 264, с. 47]. Тем не менее, официально война Милану, и даже Генуе, объявлена не была. «Моро», напротив, высказал папе и коллегии кардиналов протест против нападения на Геную и объявил Неаполю войну. Он утверждал, что оказывает помощь (исключительно финансовую) Карлу VIII из союзнических соображений и никак не желает французского вторжения в Италию (Джан Галеаццо Сфорца – Александру VI, 17 июля 1494 г.; Джан Галеаццо Сфорца – Александру VI, 18 июля 1494 г. [10, р. 595–596]). Вероятно, последнее было правдой.

Тем не менее Карл VIII уже принял решение о вторжении. В июле 1494 г. авангард французской армии под командованием д'Обиньи перешёл Альпы и вступил в Асти. Одновременно полным ходом шла подготовка флота в Генуе, для чего у банка Саули был взят заём в размере 100 тыс. дукатов; швейцарские наёмники в это время продвигались в направлении основных сил. В Алессандрии Луи д'Орлеан вёл переговоры с «Моро» по поводу оказания тем помощи деньгами и войском. Помимо Генуи, транспорт для доставки французского войска собирался в Эг-Морте. В совокупности флот вторжения должен был включать 50 галер, 24 навы и 12 галеонов [70, р. 327].

22 августа Карл выехал из Лиона в Гренобль, оставив генеральным наместником королевства герцога Бурбона (мужа сестры Анны) и поручив тому заботу

о юном дофине. Беременная королева должна была жить в Мулене, тогда как её сын-дофин был размещён в замке Амбуаз.

После того как известия о планах неаполитанских морских действий в окрестностях Генуи достигли короля Карла, он отказался от первоначального намерения достичь Неаполя морем и принял окончательное решение о сухопутном вторжении. Этому способствовали и другие обстоятельства: строительство флота в Генуе затягивалось, в городе бушевала чума, изгнавшая оттуда значительное число жителей. Заключённые тюрем, из которых набирались гребцы галер, умирали больше других. Наконец, французский флот, который должен был прибыть в Средиземное море из Нормандии, задерживался. Кроме того, война с Неаполем противоречила коммерческим интересам генуэзцев, поскольку грозила прервать торговые отношения с Арагоном [18, р. 369; 128, р. 211–212].

В результате было принято решение пересечь Альпы на лошадях и мулах «по следам Ганнибала» [102, р. 73; 264, с. 59] – по дороге Монженевр через туннель Траверсетте недавней постройки (1480 г.). После того как войска были сконцентрированы в Пьемонте и Генуе, 29 августа король выехал в армию из Гренобля. Степень готовности армии один из участников похода – Коммин – оценивал весьма неудовлетворительно: «Не было ни палаток, ни шатров... И лишь одна добрая вещь была в наличии – весёлое, но необузданное войско, состоявшее из молодых дворян» [280, с. 265]. Несмотря на многочисленные препятствия и общую неподготовленность, вторжение французской армии в Италию началось.

ПОХОД КАРЛА VIII НА НЕАПОЛЬ

«У короля не было ни ума, ни денег, равно как и всего прочего, необходимого для такого предприятия, и если оно всё же благополучно завершилось, то лишь по милости Бога, Который явно дал это понять».

Филипп де Коммин, «Мемуары» [280, с. 277].

3.1. Столкновение при Рапалло

Карл VIII выступил из Вьенна 23 августа 1494 г. и вскоре достиг Асти, где обосновался на какое-то время. Как отмечено выше, к этому моменту силы французов и их союзников, с одной стороны, и неаполитанского короля и его союзников, с другой, уже стали разворачиваться на двух фронтах. Вскоре там произошли первые серьёзные столкновения противников, продемонстрировавшие силу и слабость сторон. Первое из них случилось у Рапалло – приморского лигурийского городка, расположенного к югу от Генуи, прославившегося в начале XX в. несколькими международными встречами на высшем уровне [102, р. 75–76; 264, с. 60–61; 280, с. 279–281].

В день пересечения королём альпийского перевала, 2 сентября, неаполитанцы высадили у Рапалло десант в составе 3 тыс. пехотинцев, с которым планировали войти в Геную и склонить её жителей на свою сторону. Командовал операцией генуэзский изгнанник Обьетто Фиески, который, как синьор Рапалло, был знаком с местностью и рассчитывал найти поддержку среди населения [160, р. 69]. Вместе с ним были кондотьер Джулио Орсини и другой генуэзец, Джованни Кампофрегозо («Фрегозино»). Неаполитанцев подвела несогласованность сухопутных и морских сил; последние были вынуждены отойти из Рапалльской бухты под воздействием погоды и вернуться в Ливорно [156, р. 19] (по мнению Ф. Гвиччардини, герцог Федерико вернулся в Ливорно, опасаясь сражения с флотом французов).

Узнав о высадке, к Рапалло во главе флотилии в составе 18 галер, 6 галеонов и 9 парусников (*navi grosse*) поспешил Луи д'Орлеан. Немного позднее к городу подошли пехотные контингенты из Милана и Генуи, а также французские швейцарцы под командованием дижонского бальи Антуана де Бессе. В отличие от неаполитанцев, французы имели мощную артиллерию и стали обстреливать вражескую пехоту с моря; по словам Ф. де Коммина, «для Италии это было внове». Особенности местности – узкой низины, лежащей между крутым холмом и ручьём, – не позволяли развернуть квадраты швейцарских пикинёров, так что большую часть времени сражение шло между итальянскими пехотинцами, выступавшими с обеих сторон. Важное значение имели действия французской

артиллерии. В итоге Рапалло был освобождён, неаполитанский десант разгромлен, а множество воинов захвачено в плен (8 сентября). Среди последних были Орсини и «Фрегозино».

Неаполитанский командир Обьетто Фиески, вместе с сыном, первым среди командиров бежал с поля боя. Справедливости ради отметим, что у него были на то веские причины: на площади перед собором в Милане был вывешен его портрет, снабжённый надписью «не держащий слово» (*mancator di fede*) [224, р. 54]. Пока Фиески блуждали по горам, их трижды грабили разбойники. После этого Обьетто сказал сыну историческую фразу: «Мы должны быть одеты как наши пращуры, если не хотим, чтобы они продолжали идти за нами, дабы забрать всё».

Рапалло, в противоречии с принятыми на Апеннинском полуострове нормами ведения войны, был разграблен швейцарцами, которые не пощадили даже бедняков, находившихся в госпитале Сан-Ладзаро. Когда на следующий день генуэзские рыбаки увидели, как швейцарец пытается продать украденную им лодку, их возмущению не было предела. Город поднялся против пришельцев. В лавках и тавернах началась настоящая охота за швейцарцами; было убито более 20 человек. В результате двоих генуэзцев приговорили к повешению, но они были помилованы по просьбе герцога Орлеанского.

Неудача при Рапалло положила конец активным действиям Федерико Арагонского, направленным на то, чтобы воспрепятствовать продвижению французов в самом начале их пути в Неаполь. С другой стороны, слухи о резне в Рапалло быстро распространились по всей Италии, приобретая иногда фантастичное звучание. Союзники французов тоже были шокированы действиями швейцарцев: знатный генуэзец Джованни Адорно даже обратился к Лодовико «Моро» с просьбой добиться аудиенции у герцога Орлеанского, чтобы представить тому жалобы на действия его солдат [18, р. 385–386].

3.2. Соглашение с наследником Палеологов

Первые военные успехи французов в Италии вскоре были дополнены важным дипломатическим актом, который также можно отнести в счёт приобретений молодого короля. Под влиянием профранцузского лобби в Риме проживавший там племянник последнего византийского императора Константина XI Андрей Палеолог¹ заявил о своей готовности внести вклад в осуществление крестоносных планов Карла Валуа.

6 сентября византийский принц официально передал свои права на императорские короны Константинополя и Трапезунда, а также деспотат Сербии французскому монарху. От имени последнего соглашение подписал кардинал Раймон Пероди. В обмен на династические права Карл VIII даровал Анд-

¹ Сын Фомы Палеолога (1409–1465 гг.), брат Софьи Палеолог, жены великого князя Московского Ивана III.

рею Палеологу пожизненный пенсион в 4300 дукатов ежегодно, формальное командование 100 лансами кавалерии и земли с доходом в 5 тыс. дукатов [47, р. 443–444, 491–492; 128, р. 271–272].

Юридическое значение этого соглашения сомнительно. Вполне вероятно, что Карл VIII мог даже не знать о существовании этого документа [18, р. 389]. К. Сеттон объясняет уступку титула Андреем Палеологом планом, в котором помимо кардинала Пероди участвовал сам папа Александр VI; план предполагал перенаправить французскую армию на Константинополь [232, р. 462–463]. Так или иначе, покорив Неаполь, король установил Андрею пенсию в 1200 дукатов. Добавим, что несколько лет спустя, уже после смерти французского монарха, Андрей Палеолог снова уступил свои династические права – на сей раз испанским «Католическим королям».

3.3. Дипломатия и военные действия в Романье

Немногим более месяца спустя произошли события, ещё больше всколыхнувшие Италию, не привычную к стилю ведения войны французами. К западу от базировавшихся в Романье неаполитанских войск, на Эмилиевой дороге, которая вела в Рим (путь к северу от Апеннин), находилось несколько небольших княжеств или синьорий. Формально они входили в состав Папского государства, а их правители являлись папскими викариями (ректорами), то есть наместниками. Джованни Бентивольо правил в Болонье, знаменитая «волчица Романьи» Катерина Сфорца – в Имоле и Форли. Оба были связаны родственными узами с миланскими Сфорца: Катерина являлась внебрачной дочерью Галеаццо Марии Сфорца, а Джованни был женат на двоюродной сестре последнего Джиневре.

От позиции этих правителей во многом зависела безопасность пути на юг. В апреле–июне 1494 г. Лодовико «Моро» вёл с ними переговоры о возможности прохода французских войск через их территории. В дело шли и обещания, и угрозы. Так, среди прочего Лодовико предложил старшему сыну Катерины Оттавиано, которому исполнилось всего 15 лет, военную кондотту (предполагавшую доход) [175, р. 210–211]. Представитель противной стороны, герцог Калабрийский, в свой черёд убеждал Катерину оказать поддержку неаполитанцам, поскольку их целью является восстановление на миланском престоле её сводного брата Джана Галеаццо [16, р. 13]. Тем не менее правительница продолжала колебаться. Значительное влияние на неё оказывал её второй муж, Джакомо Фео, который считал позицию лавирования наиболее приемлемой для них. В результате, когда в конце июля Катерину по поручению папы посетил племянник её покойного мужа, кардинал Раффаэлло Риарио, она заявила о своём нейтралитете [24, р. 153, 312, п. 3].

Гонфалоньер и «первый гражданин» Болоньи Джованни Бентивольо отличался прагматизмом и изворотливостью. На протяжении целого года напряжённых дипломатических переговоров он маневрировал между сторонами, пытаясь максимально выиграть от ключевого положения своего богатого города,

как бы «замыкавшего» Эмилиеву дорогу. Из переписки Бентивольо видно, что он в полной мере осознавал опасность допуска иноземцев во внутренние итальянские дела; вместе с тем собственные интересы были для него самым весомым аргументом.

В это время Джованни Бентивольо добивался у папы кардинальской шапки для одного из своих сыновей, Антонгалеаццо. Александр VI, будучи союзником Неаполя, издал в адрес Бентивольо две буллы, запрещающие ему оказывать помощь французам и миланцам. Тем не менее правитель продолжал хитрить и колебаться. Его старший сын Аннибале был кондотьером на службе у Пьеро ди Медичи и командовал флорентийскими войсками, посланными в Романью для оказания помощи неаполитанцам. Чтобы не злить папу, Джованни демонстративно не оказывал сыну никаких знаков предпочтения. Впрочем, постепенно правитель склонялся на сторону Милана и Франции. Если в апреле 1494 г. Джованни отклонил предложения французов, то в июне под влиянием соседа, правителя Феррары Эрколе д'Эсте, он был близок к тому, чтобы разрешить им проход через болонскую территорию [3b, p. 114–116].

Почти до середины осени позиция Бентивольо и Катерины Сфорца оставалась выжидательной. По мнению С. Клафа, это было вызвано в первую очередь просчётом неаполитанского командующего, сил которого было недостаточно для того, чтобы как следует припугнуть романских синьоров и, тем более, чтобы самому вторгнуться на территорию Милана [51, p. 205]. В конце концов Катерина Сфорца всё-таки склонилась на сторону Неаполя. На её решение повлияли кондотта с папой Александром VI на сумму 16 тыс. дукатов и гарантии возвращения её сыну спорной синьории Дзампески. После того как в конце сентября 1494 г. армия герцога Калабрийского разместилась лагерем в Имоле, Катерина устроила для командующего торжественный обед и официально стала на сторону Неаполя и папы. По её приказанию форлийские булочники не ложились спать целую ночь, чтобы испечь необходимое количество хлеба для неаполитанской армии [24, p. 155; 140, p. 175–176].

Правитель другого североитальянского княжества – герцог Феррары и Модены Эрколе д'Эсте, напротив, достаточно быстро согласился на предъявленные французами пожелания. Между тем он был связан многочисленными узами с антифранцузской партией в Италии: сам герцог был женат на дочери Ферранте Неаполитанского Элеоноре, а их сын Альфонсо – на дочери Галеаццо Марии Сфорца Анне; Эрколе правил Феррарой в качестве папского викария, а Моденой – как вассал императора. Несмотря на это, после визита французских послов герцог Феррарский согласился предоставить армии Карла VIII право прохода через свою территорию и обеспечить её провиантом по приемлемым ценам [70, p. 362; 90, p. 176]. Эрколе д'Эсте даже не обратил внимания на папскую буллу, изданную 25 августа, запрещающую ему идти на соглашение с французами. С этого времени на протяжении десятилетий феррарский правящий дом оставался преданным союзником Франции на Апеннинском полуострове.

В итоге сомнения правителей мелких государств Романьи прекратил французский военачальник д'Обиньи. Он двинул вперёд войска, 19 октября окружив городок Мордано, расположенный в окрестностях Имолы. Среди 200 защитников городской крепости были неаполитанцы, но принц Ферранте не пришёл им на помощь. В ответ на французский ультиматум гарнизон отказался сдаться, не вняв даже предостережениям Гаспаро «Фракасса» ди Сансеверино о том, что французы сражаются подобно «бешеным псам и предадут всех мечу». Солдаты гарнизона в один голос закричали, что «готовы умереть за графиню и Оттавиано!» Тем не менее комендант на всякий случай отослал из города часть юных и привлекательных женщин [24, р. 155; 140, р. 176].

На следующий день «галлы» пустили в ход пушки и после 3-часовой канонады проникли в замок через пробитую в стене брешь. По словам Ф. Гвиччардини, «разрушительное действие артиллерии и яростный натиск нападающих были таковы, что защитники не могли устоять, хотя многие из осаждающих утонули во рвах, заполненных водой» [102, р. 93; 264, с. 71]. Городок был подвергнут огню, а его жители – грабежам, насилию и смерти. Местные жители умоляли солдат смириться, но те хотели крови, добычи и женщин. Жажду крови как-то утолило жестокое убийство немца Иоганна, отвечавшего в гарнизоне крепости за артиллерию: его кромсали на куски, пока он ещё был жив. Даже укрывшихся в церкви женщин солдаты выгнали и «подвергли бесчестию». Мордано сгорел; в огне уцелело лишь здание ратуши. Губернатор и комендант крепости были заключены в темницу и получили свободу только в обмен на выкуп [24, р. 156]. После этой резни, слава о которой опережала движение войска, сопротивление в Романье прекратилось. Вскоре Катерина Сфорца заключила с захватчиками соглашение, а войска антифранцузской коалиции отошли южнее – в Чезену, а затем в Анкону [16, р. 17–19; 51, р. 211–212; 224, р. 95–96; 280, с. 283].

Сожжение Мордано вызвало в итальянцах не меньший страх, чем разграбление Рапалло. По словам Ф. Гвиччардини, «победители расправились с побеждёнными с такой жестокостью, невзирая ни на пол, ни на возраст, что привели в ужас всю Романью» [102, р. 93; 264, с. 71]. Феррарский посол в Милане Джакомо Тротти писал: «Французы... ведут себя очень жестоко и с большим превосходством, и убивают и ранят без какого-либо уважения» [199, р. 787]. Как отмечает С. Бьянкарди, после этого у итальянцев осталась только одна реакция на французов – страх. Французы стали для них «демонами с другой планеты» [18, р. 407].

3.4. Смерть Джана Галеаццо Сфорца

Приболевший Карл VIII первые два осенних месяца почти полностью провёл в Асти и других ломбардских городах. При нём постоянно находился Лодовико Сфорца, сопровождавший короля в поездках по Миланскому герцогству. Приём, который правитель оказывал королю-союзннику, был великолепным:

Карл наслаждался ломбардской охотой на кабанов; при его въезде в Виджевано была построена триумфальная арка, а стены домов украшены коврами и цветами. Между тем сам король обращался с «Моро» не очень учтиво. При символическом вручении ему ключей от города (в Виджевано) он принял этот жест слишком буквально: у всех ворот и на всех мостах была размещена французская стража, а недавно построенный «Моро» замок, в котором заночевал король, фактически оказался недоступным для его владельца [18, р. 399–400]. Это свидетельствует о недоверии Карла к Лодовико, возможно, обоснованном.

Несомненно, «Моро» был сильно обеспокоен как перспективами чрезмерного усиления французов в Италии, так и более тревожными для его власти над Миланом признаками. Возможно, что именно подозрительность короля усилила решимость «Моро» вести тайную дипломатическую игру. По крайней мере, официальный поэт французской экспедиции Андрэ де ла Винь писал, что именно к этому времени относится начало «зла» (*malvagio*) Лодовико: за хорошими жёстами и красивыми словами скрывалась «музыка предательства» [249, lign. 1727–1730]. Так или иначе, Лодовико Сфорца предпринял ряд шагов по сдерживанию французского влияния, в частности, вёл секретные переговоры с императором Максимилианом I о наделении его инвеститурой на Миланское герцогство.

Тем временем французская армия находилась в Ломбардии и кормилась преимущественно за счёт её жителей. Что касается наличных денег, то они поступили за счёт ряда займов, сделанных королём у генуэзских и миланских банкиров и некоторых итальянских князей. В источниках, в частности, упоминается об одолженных у герцогини Савойской и её свояченицы, вдовствующей маркграфини Монферратской, драгоценностях, которые немедленно были заложены [102, р. 70; 264, с. 57; 280, с. 278–279].

Карл VIII стремился как можно быстрее достичь своей цели – Неаполя. Он не очень долго пробыл в Ломбардии, под предлогом нехватки времени отказавшись даже посетить её столицу, Милан. Между тем вслед за своей армией король пересёк р. По и навестил другой значительный город региона – Павию. Это был не очень хороший для Лодовико «Моро» знак – именно в Павии содержался законный правитель Ломбардии, формальный герцог Миланский Джан Галеаццо Сфорца. Молодой герцог тяжело болел лихорадкой, и всю осень 1494 г. его здоровье ухудшалось. Он посвящал свои дни главным образом верховой езде и соколиной охоте, будучи совершенно отстранён от власти.

Беседа Карла с герцогом носила общий характер, «так как король не желал ничем раздражать синьора Лодовико». Впрочем, во время этой встречи произошёл примечательный инцидент, возможно, повлиявший на судьбу несчастного герцога. Как писал Коммин, «именно тогда герцогиня [супруга Джана Галеаццо Изабелла Арагонская] бросилась на колени перед Лодовико, умоляя его пощадить её отца и брата (короля Альфонсо Неаполитанского и его старшего сына принца Ферранте. – *Д. М.*). Он ответил, что не может и что у неё есть более важная обязанность – молиться за мужа и за себя, ибо она ещё молодая и красивая женщина» [280, с. 283. См.: 102, р. 84–85; 264, с. 66].

Спустя всего несколько дней после их встречи, 21 октября, герцог внезапно скончался. Молва приписывала эту смерть его дяде. Так, вдова Джана Галеаццо была уверена в отравлении и позднее заявляла, что астролог Амброджо да Росате по наущению «Моро» поил её мужа отравленным сиропом [205, р. 206]. Как остроумно заметил С. Бьянкарди, «нет хрониста или историка XV или XVI в., который не был бы убеждён в отравлении Джана Галеаццо “Моро” или, по крайней мере, не рассматривал это обвинение серьезно» [18, р. 413]. Впрочем, «общее состояние здоровья» Джана Галеаццо и особенности его образа жизни «позволяют допустить, что умер он естественной смертью» [279, с. 249]. Конечно, любая смерть заметной политической фигуры в те времена вызывала толки о преступлении. По словам одного из современников, «смерть герцога даёт повод для дурных подозрений (*maligna interpretatione*)» (Пандольфо Колленуччо – герцогу Феррарскому Эрколе д’Эсте, 24 октября 1494 г. [169, р. 406]). Так или иначе, никаких доказательств отравления нет.

Впрочем, эта смерть была весьма «своевременной». Немногим ранее наконец-то завершились переговоры, которые «Моро» вёл с императором ещё с начала прошлого года. Первым их итогом стал брак, заключённый в ноябре 1493 г. между 34-летним Максимилианом (тогда ещё – римским, то есть германским, королём) и 22-летней племянницей «Моро», Бьянкой-Марией Сфорца. Существующее мнение о том, что приданым Бьянки-Марии было герцогство Миланское [270, с. 25], не подкреплено данными источников и опровергается последующими действиями самого Максимилиана. Невеста отказалась от своих прав в пользу дяди [18, р. 294]. Впрочем, её действительное приданое составляло поистине гигантскую сумму – 400 тыс. дукатов [59, р. 1509–1510].

После длительных переговоров и раздумий Максимилиан 5 сентября 1494 г. наконец даровал «Моро», как «багрянородному» сыну своего отца (старшему, родившемуся после наделения того титулом) [102, р. 40; 264, с. 35], привилей на все права на Миланское герцогство. Лишённый титула Джан Галеаццо должен был получать от «Моро» ежегодный пенсион в размере 12 тыс. дукатов. Несмотря на то что публикация привилея при этом откладывалась на день Св. Мартина (11 ноября), «Моро» не сильно скрывал своё предстоящее возвышение. Так, в беседе с феррарским и флорентийским послами он заявил: «Не пройдёт и месяца, как я стану кем-то более значительным (*una cosa maggiore*)» [224, р. 675].

После смерти племянника Лодовико немедленно помчался в Милан. На собрании знати он лицемерно предложил объявить новым герцогом малолетнего сына усопшего, Франческо «Дукетто» (родился в 1491 г.). В ответ на это поднялся Андреа Ландриано и заявил, что теперь не те времена, чтобы править ребёнку, и только герцог Бари (лишённый этого титула. – *Д. М.*), который столь долго был герцогом Милана во всём, кроме своего имени, имеет законное право получить этот титул. Притязания французского принца Луи Орлеанского также не были учтены. Новым герцогом Миланским стал Лодовико «Моро» Сфорца [279, с. 252. См.: 102, р. 84–85; 264, с. 66].

Вслед за императором признал права Лодовико на герцогский титул и король Карл VIII. Некоторые лица из его окружения были возмущены случившимся и даже требовали развернуть армию на Милан. Однако монарх, и ранее имевший дело с «Моро» как с правителем Ломбардии, поступил прагматично. Впрочем, будучи впечатлён смертью, он отслужил по Джану Галеаццо торжественную заупокойную службу и раздал нищим много денег за упокой души усопшего [280, с. 284]. Карл VIII признал права Лодовико на герцогский титул, предоставив «суду Божьему» разрешить проблему смерти его предшественника. Однако отношения между союзниками ощутимо становились всё более холодными. На встрече Лодовико с Карлом в Сарцане в самом конце октября король отказал герцогу в инвеституре на Пизу, которой тот ожидал. «Моро» вернулся из Тосканы в Милан «с душой, обеспокоенной против Карла» [102, р. 94–95; 264, с. 72–73]. Это была его последняя встреча с французским монархом.

3.5. Вступление французов в Тоскану

Благоприятные условия пребывания французов в Ломбардии, казалось, могли побудить Карла VIII остаться в этой области на зиму. Последняя неумолимо приближалась, впереди армию ждали неизвестность и тяготы военной кампании. Тем не менее было решено двигаться далее. В значительной степени это было сделано по побуждению Лодовико «Моро», ожидавшего от французов помощи в присоединении к Милану ряда городов и крепостей, в первую очередь Пизы, принадлежавшей миланским Висконти в 1399–1405 гг. Таким образом, «выбор королём Карлом стратегии был продиктован интересами “Моро” не меньше, чем интересами Франции» [18, р. 416]. Посланник папы, францисканец Хуан де Молеон, попытался напомнить Карлу о декларируемой цели экспедиции: турки угрожали всему христианскому миру, вторгшись в пределы Венгерского королевства! Увы, монарх отмахнулся от испанского монаха, которому не удалось даже договориться о возможной встрече короля с понтификом.

Итак, армия начала движение на юг. Разделённый на три части флот получил задачи перевезти для соединения с авангардом основные части пехоты и артиллерию из Генуи в Специю; попытаться поднять мятеж на побережье Кампании; укрепиться в Остии – римском морском порту. 20 октября авангард армии под командованием Жильбера де Бурбона, графа де Монпансье, выступил из Пьяченцы; спустя 3 дня на юг последовал сам король с основными силами [70, р. 428–430]. В районе Рима к ним должны были присоединиться части под командованием Бернара д’Обиньи; предполагалось, что после этого соединённые силы вступят в пределы Неаполитанского королевства. Что касается принца Луи Орлеанского, то он остался в Ломбардии, где должен был обеспечивать дипломатическую поддержку и тыловое снабжение армии.

До сих пор французская армия (исключая подразделения д’Обиньи) двигалась исключительно по территории тех итальянских государств, которые

были связаны с Францией союзническими отношениями: Савойя, Монферрато, Милан. Теперь предстоял путь по враждебной территории. В этот момент наибольшую актуальность приобрёл вопрос безопасности прохода войска по территории тосканских государств, прежде всего Флоренции. Как уже было сказано, переговоры с флорентинцами велись ещё в бытность короля в Лионе, но правитель города, Пьеро ди Медичи, не соглашался с предлагаемыми французами условиями. В целом Пьеро признавал существование между Флоренцией и Францией особых отношений, но на конкретные уступки не шёл. В свою очередь Карл VIII и его советники пытались добиться от Флоренции денежной субсидии на экспедицию, права свободного прохода, а также снабжения войска при проходе через территорию республики.

В это время положение Пьеро во Флоренции было далеко не прочным. Его главным уязвимым местом стало отсутствие формальных политических рычагов – Флоренция оставалась республикой, а Пьеро не занимал в ней первых государственных должностей. Со времён Козимо Старшего опорой власти Медичи являлась их финансовая мощь. Увы, к моменту прихода к руководству Пьеро банк Медичи быстро приближался к краху. Финансовая ситуация осложнялась трудностями, связанными с общей неспособностью Пьеро ди Медичи контролировать ситуацию в стране и продолжать удерживать власть своего семейства.

Если следовать историкам того времени, то основная опасность для власти Пьеро исходила со стороны части знати, исключённой из круга его приближённых, включая некоторых его ближайших родственников (см. главу 1). Что касается простого народа, то он «тайно стонал», опасаясь, что власть Медичи скоро превратится в наихудший вид рабства [173, р. 27. См.: 166, р. 375]. Такие настроения подпитывались проповедями францисканца Доменико да Понца [см.: 166, р. 375] и доминиканца Джироламо Савонаролы, предрекавшими Италии страшные времена. По словам хрониста Счипионе Аммирато, именно на Пьеро народ возлагал «вину за все беды, которые случаются с теми, кто участвует в управлении» (*la colpa di tutti i mali che succedono a coloro che hanno il governo in mano si attribuisce*) [5, р. 352]. Кроме того, экономическая стагнация в стране вкупе с финансовыми неудачами Медичи разжигали в простых гражданах уныние и неуверенность в завтрашнем дне.

Король Карл VIII, сам о том не ведая, играл во флорентийских делах важнейшую роль. Пьеро, по-видимому, рассчитывал выиграть время, ведя с ним запутанные переговоры и пристально следя за успехами французской армии в Романье [187, р. 207–221]. Можно предполагать, что его противники также хотели использовать французский фактор в своих интересах. По замечанию Ф. де Коммина, даже в направлявшихся Пьеро к королю Карлу посольствах всегда находились противники Медичи, которые вели двойную игру и мечтали при помощи французов избавиться от тирании [280, с. 281, 285]. По этим причинам к моменту, когда французская армия подошла к флорентийским границам, вопрос безопасности прохода разрешён не был.

Нерешительность Пьеро ди Медичи ярко проявилась при посещении Флоренции последним посольством Карла VIII, возглавляемым Альфонсом де Жимелем. Прибыв в город 4 октября, посол несколько дней ожидал от Пьеро реакции на запросы о реализации последним своих союзнических обязательств. Наконец, Медичи не нашёл ничего лучше, чем сказать, что ответ дать невозможно, поскольку ведущие члены правительства в это время года отдыхают на своих виллах. Вместе с тем Пьеро был готов продолжить переговоры и вскоре направил к королю очередное посольство [102, р. 87; 264, с. 68].

Беспрестанные обмены посольствами стали популярной темой для обсуждений на площадях и улицах Флоренции. Однако у жителей города появились и серьёзные причины для беспокойства. Они боялись, что в ответ на неудачу миссии Жимеля из Франции будут изгнаны все флорентийские торговцы (ранее эти меры были предприняты только против служащих Медичи) [173, р. 103]. Поэтому правитель становился среди флорентинцев всё менее популярным. По замечанию Ф. Гвиччардини, люди забыли о страхе перед полицией, они открыто обсуждали Пьеро ди Медичи и сплетничали на его счёт [103, р. 108. См.: 102, р. 89; 264, с. 70].

Осознавая большую степень вероятности вооружённого конфликта с французами, правитель предпринял определённые меры по защите республики. Гарнизоны ключевых крепостей были усилены; союзникам напомнили об их обязательствах; была предпринята попытка собрать средства для найма солдат. Впрочем, практически все эти действия несли ограниченный характер или не имели успеха. Пьеро всё более чувствовал себя покинутым и в отчаянии решился на рискованный шаг. Подражая знаменитому вояжу своего отца, Лоренцо ди Медичи, в Неаполь в 1479 г. [291, с. 317–318], Пьеро, без санкции со стороны Синьории, в сопровождении всего нескольких друзей, отправился во французский лагерь. Это был его последний шанс. Он надеялся найти у Карла VIII поддержку и, опираясь на французов, восстановить своё влияние в городе.

Между тем, не добившись желаемого посредством дипломатических переговоров, французы стали действовать силой, и результаты этого ещё раз продемонстрировали их возможности напуганным жителям Апеннинского полуострова. При помощи местного аристократа Габриэле Маласпина, маркиза ди Фосдиново, была обманом захвачена первая из стоявших на пути в глубь Тосканы крепостей, Фивидзано. Как ранее в Мордано, поселение было разграблено, множество жителей погибли вместе с защитниками, другие были отправлены в качестве пленников в Лион. После этого большая часть флорентийских укреплений в пограничной области Луниджане поспешили сдаться на милость агрессора [70, р. 433–434].

Серьёзную преграду представляла собой мощная крепость Сарцана – по словам Ф. Гвиччардини, «маленький и хорошо укреплённый городок» [102, р. 89; 264, с. 69]. Её цитадель была построена совсем недавно и по нормам того времени являлась значительным укреплением [181, р. 269]. Лодовико Сфорца даже считал, что длительная её осада поставит под вопрос продолжение всей

кампании этого года. Как вспоминал Ф. де Коммин, «если бы крепость была хорошо снабжена, то королевская армия потерпела бы неудачу, поскольку это был бесплодный и горный край, где не было никакого продовольствия и к тому же всё было завалено снегом» [280, с. 285]. Соседняя с Сарцаной крепость Сарцанелло с её треугольным фортом, «благодаря господствующему положению и окружавшему её чрезвычайно глубокому рву, была грозной цитаделью» [181, р. 270].

Однако именно в этот момент приезд в лагерь французов Пьеро ди Медичи (26 октября) значительно облегчил агрессорам их задачу. Увы, в этом раунде переговоров молодой Медичи повёл себя в корне неправильно. Он без оговорок принял все выдвинутые французами условия и согласился уступить все требуемые укрепленные пункты: сперва Сарцану и Сарцанелло, затем также Пизу, Ливорно, Пьетрасанту и Рипафратту. Крепости отходили французам на весь срок неаполитанской экспедиции; Медичи отдал комендантам приказ впустить французов и подчиниться их приказам. Кроме того, он обещал королю заём на сумму 200 тыс. дукатов [102, р. 91–92; 264, с. 70–71]. По словам Ф. де Коммина, «те, кто вёл переговоры с Пьеро... смеялись над ним и удивлялись, как это он так быстро согласился на столь большие уступки, на какие они и не рассчитывали» [280, с. 286].

Однако в этот момент Пьеро уже не контролировал ситуацию во Флоренции, фактически действуя в частном порядке, без согласования с другими высшими должностными лицами республики. Сам он, вероятно, думал, что спас ситуацию: король Карл стал ему другом, а флорентинцы будут благодарны за урегулирование конфликта с французами. Насколько Пьеро ди Медичи был далёк от адекватного понимания ситуации, свидетельствуют его слова ближайшему сотруднику, Пьеро Довици: правитель уверял его, что до последнего сохранял «свою веру в короля Альфонсо»; поездку в лагерь французов он расценил как «жертвоприношение» (*trahō ad immolandum*) [18, р. 422–423].

3.6. Карл VIII в Лукке и Пизе

Прежде чем вступить во Флоренцию, Карл VIII побывал в Лукке и Пизе. Власти Луккской республики «выразили королю полную покорность и готовность служить» [280, с. 284], предоставив ему существенный заём, а также передав одну из крепостей – Монтегиозо. Там же, в Лукке, к королю явился папский легат кардинал Сиенский, Франческо Тодескини-Пикколомини. Карл отказался принять его, поскольку именно папа Пий II (Энео Сильвио Пикколомини), дядя кардинала, в 1459 г. вручил инвеституру на Неаполитанское королевство Ферранте Арагонскому. По сведениям М. Санудо, Карл заявил, что относится к Пикколомини как к кардиналу с большим уважением, но как легату папы дать ему аудиенцию не может [224, р. 110–111].

Следующей на пути следования была Пиза, формально входившая в состав Флорентийской республики, но стремившаяся вернуть себе независимость.

Пизанцы надеялись, что Карл VIII поможет им отстоять самостоятельность от флорентинцев, последние же, напротив, полагали, что французы поддержат их как в изгнании Медичи, так и в пизанском вопросе. По уверениям Ф. де Коммина, надежды пизанцев через своего представителя Галеаццо ди Сансеверино подпитывал Лодовико «Моро». Он был заинтересован в затягивании и запутывании конфликта, поскольку чрезмерное усиление французов в Италии грозило ему потерей не только влияния, но, возможно, и власти. Поэтому принцип «настроить всех против всех» как нельзя лучше отвечал его интересам [280, с. 286–287].

Въезд Карла VIII в Пизу 9 ноября был обставлен очень торжественно: король проехал по улицам города верхом; монарха сопровождало 3 тыс. знатных всадников; вслед за ними бежали мальчишки, размахивавшие флагами с королевскими лилиями. Символично было то, что Карл отказался от доспехов и ехал по городу, одетый в чёрный костюм [224, р. 111]. Тем самым он продемонстрировал горожанам своё расположение и в ответ добился от пизанцев симпатии и даже популярности. Жители Пизы торжественно приветствовали короля как своего освободителя, выкрикивая «Свобода! Свобода!»

Обозрев город, Карл принял делегацию ведущих горожан, которые, стоя на коленях, умоляли его избавить их от «тирании» флорентинцев. Просьбу поддерживали криками присутствовавшие при аудиенции пизанцы. Тогда советник короля Жан Рабо счёл нужным пояснить своему монарху, что горожане никогда не жили в таких ужасных условиях, как теперь, и что они просят его даровать им «свободу». «Король, не понимая значения этого слова... дал согласие» [93, р. 14]. Город засиял кострами и иллюминациями; раздавались крики «Франция! Франция!»; флорентинцев изгоняли отовсюду; обрадованный народ сбросил в реку Арно каменного льва Мардзокко, символизировавшего власть Флоренции [224, р. 113; 280, с. 286–287. Ср.: 102, р. 97; 264, с. 74].

Современные исследователи объясняют эту сцену и решение короля именно так: юный монарх спутал политическую свободу, которую чаяли пизанцы, со «свободами» как городскими привилегиями, подобными тем, которыми обладала городская верхушка во Франции (самоуправление, налоговые льготы) [18, р. 426–427; 156, р. 287–288]. По крайней мере, ни ранее, при переговорах с Пьеро, ни позднее во Флоренции, Карл VIII не выказывал признаков того, что он действительно намеревается поддержать стремление Пизы к независимости. В то же время распоряжаться судьбой города, не входящего в его владения, король не мог. Увы, «не осознавая этого, он с радостью даровал то, что ему вовсе не принадлежало» [18, р. 427]. Тем самым Карл VIII заложил фундамент кровавого конфликта, разрывавшего Тоскану на протяжении полутора десятилетий. Не случайно Ф. Гвиччардини написал по этому поводу, «в один день... произошли два важнейших события: изменение нашего государственного строя (см. ниже. – Д. М.) и мятеж Пизы – события, которые изменили саму сущность нашего государства» [265, с. 95].

3.7. Свержение власти Медичи во Флоренции

Флорентийская республика была наиболее значительным государством Тосканы, и момент продвижения французских войск по её территории совпал со сменой правящего режима. Вздонованные приближением французов и их действиями в Пизе, флорентинцы «задумали вернуть свою свободу» [280, с. 288] и поднялись против власти Медичи. Впрочем, переворот во Флоренции не был прямо связан с угрозой французского вторжения и планировался представителями элиты республики задолго до ноябрьских событий 1494 г. Среди их лидеров были кузены Пьеро – братья Лоренцо и Джованни ди Пьерфранческо ди Медичи, принявшие после свержения правителя фамилию «Пополано» («народные») [29, р. 117–132; 31, р. 13–40].

Когда во Флоренции стало известно о последствиях так называемых «переговоров» Пьеро во французском лагере, народ, по свидетельству хрониста П. Паренти, стал задаваться вопросом, какое он имел право сдать Карлу VIII ключевые крепости? Впервые за несколько десятков лет власти республики обозначили формальный разрыв с политикой Медичи: Синьория отказала Пьеро в просьбе ратифицировать заключённые им с французами соглашения. Вместо этого она направила к Карлу VIII собственное посольство [173, р. 115; 265, с. 92–93]. Вскоре в городе появились агенты короля, мелом помечавшие дома, подходящие для размещения французских солдат и офицеров. Это позволило впоследствии Н. Макиавелли заметить, что Карл VIII завоевал Италию «с помощью куска мела» [289, с. 336].

Примечательно, что впервые в состав дипломатической миссии Флорентийской республики вошёл монах – фра Джироламо Савонарола, полтора часа побеседовавший с королём наедине. Из собственного отчёта Савонаролы выясняется, что он вёл перед монархом обычные для себя речи, ставшие привычными для флорентинцев: за свои грехи Италия терпит наказание Божье, носителем которого являются пришельцы из-за Альп. Также монах призывал короля быть милосердным, защищать вдов, детей и бедняков [225, р. 17–21]. Чрезмерная инициативность доминиканца пришлась не по нраву остальным участникам посольства. Тем не менее беседа короля и монаха не имела никакого политического значения: так или иначе, послы заверили Карла VIII в том, что его приезде в городе будут рады и выдвинутые им требования будут исполнены.

Напуганный признаками близкой полной потери власти, Пьеро отдал своим войскам приказ подойти к городу. Это, в свой черёд, вызвало у республиканских властей опасения готовящегося переворота. Когда на следующий день, 9 ноября, Пьеро попытался явиться в Палаццо Веккьо, после некоторых препирательств перед ним просто захлопнули дверь, запретив заходить вместе с вооружённой свитой. Между гвардией правителя и охраной палаццо едва не разгорелась схватка, однако призывы к народу (*Popolo e Libertà!*) привели к тому, что на площади собралось огромное множество людей. Перепугавшись, недавно ещё могущественный некоронованный правитель был вынужден укрыться

в своём дворце. Его друзья и советники также оказались в опасности, один из них даже был убит разгневанными простолюдинами. Брат Пьеро, молодой кардинал Джованни, едва избежал смерти и скрылся из Флоренции, замаскировавшись под францисканца. Напуганный народными волнениями и утративший надежду на поддержку французов, на рассвете следующего дня Пьеро вместе со своим семейством выскользнул из дворца и также бежал из города [45, р. 206; 102, р. 96; 264, с. 73–74; 265, с. 94; 280, с. 288]. Вскоре он достиг Венеции.

Республиканские власти объявили о том, что братья Пьеро и Джованни навсегда изгоняются из Флоренции; за их головы назначалось вознаграждение. Собственность Медичи, включая коллекции произведений искусства, подлежала конфискации. Ранее изгнанным из Флоренции гражданам позволялось вернуться в город (в частности лицам, связанным с заговором Пацци 1478 г.). Наконец, упразднялись медичейские органы власти – Совет семидесяти и Совет ста [166, р. 379].

Падение дома Медичи было столь стремительным, что удивило не только итальянцев, но и приезжих французов. Филипп де Коммин, описав эти события, заметил: «Сейчас мне понадобилось немного времени, чтобы рассказать об этом Пьеро Медичи, и это достойно удивления, ибо власть его дома продолжалась 60 лет и была столь великой, что больше и быть не может» [280, с. 290].

3.8. Карл VIII во Флоренции

Несколько дней спустя состоялся триумфальный въезд Карла VIII во Флоренцию. Некоторые приближённые короля, пользуясь его озлобленностью на город, жители которого так долго затягивали вопрос союзнических отношений, предлагали подвергнуть Флоренцию, со всеми её бесчисленными богатствами, огню и мечу. Флорентийское руководство, со своей стороны, осознавая всю опасность, исходящую от вступающих в город французских войск, призвало капитанов наёмных солдат быть готовыми по колокольному сигналу взять в руки оружие. Тем не менее Синьория допустила французов в город на их условиях.

Карл VIII явился во Флоренцию как завоеватель: его сопровождала армия в 10 тыс. солдат, многие из которых при проходе через город держали оружие так, как будто готовились пустить его в ход. По требованию короля флорентинцы не только убрали ворота, через которые он должен был вступить в город, но даже проделали недалеко от них символическую брешь в городской стене. Наконец, Карл VIII был одет как воин, в доспехи, и держал в руках копьё. Гражданам предписывалось в этот день надеть лучшие одежды и встречать короля при въезде в город. Было подготовлено всё, чтобы сделать проезд французского монарха и его свиты комфортным. Улицы посыпали песком, чтобы копыта лошадей не скользили; сверху их затянули тентами, защищавшими французов от возможного дождя. На дверях церквей и других общественных сооружений золотыми буквами было написано «Мир и восстановление свобод» (*Pax et restauratio libertatis*) [102, р. 101; 224, р. 131–134; 265, с. 98; 264, с. 76–77].

Жители Флоренции встречали французов радостными криками («Viva Francia!»). Проехав по улицам города, король в сопровождении высших должностных лиц республики направился в церковь Санта-Мария-дель-Фьоре, где отстоял праздничную мессу. После этого церемония была продолжена в бывшем дворце Медичи. Судя по всему, король остался доволен приёмом, оказанным ему флорентинцами. Завершая письмо герцогу Бурбону вечером того дня, Карл VIII написал: «Синьория готова сделать для меня всё, что я прикажу... день ото дня мои дела идут всё лучше и лучше» (Карл VIII – герцогу Бурбону, 17 ноября 1494 г. [138, р. 111–112]).

Нет ничего удивительного в том, что флорентинцы опасались за своё будущее; по сообщению Луки Ландуччи, ходили слухи, будто Карл VIII обещал позволить своим солдатам разграбить город. Однако Карл рассматривал город в качестве потенциального союзника, и его мирное отношение несколько диссонировало с тем, что монарх вступил в город во главе армии. В целом «галлы» не причинили флорентинцам значительных неудобств. Французы не допускали грабежей и не чинили насилия над жителями. Ландуччи пишет, что хотя горожане отослали женщин или спрятали их в монастырях, французы вели себя хорошо: не было ни одного, кто бы сказал женщине плохое слово [129, р. 59–60]. Впрочем, несмотря на то что Карл VIII и его солдаты провели во Флоренции всего несколько дней, постепенно ситуация ухудшалась. Имели место незначительные столкновения между солдатами и жителями. С каждым днём общественное мнение становилось по отношению к французам всё более враждебно настроенным.

Обе стороны ожидали решения вопроса о будущем статусе Флоренции в новых условиях. На этот предмет среди как французов, так и флорентинцев велись споры. Некоторые приближённые короля (в частности, Филипп де Бресс, связанный с Лоренцо Торнабуони) убеждали его вернуть к власти Медичи [102, р. 100; 264, с. 76]. Тем не менее Карл согласился на их свержение при условии, что отменят конфискацию имущества изгнанников.

Король считал, что Флоренция принадлежит ему по праву завоевания, потому что он вступил в город с копьём в руках; его задевало то, что новые флорентийские власти торгуются с ним об условиях на равных. Поэтому переговоры были тяжёлыми. В ответ на предложение признать короля своим верховным правителем по праву завоевания гонфалоньер Пьеро Каппони воскликнул: «Можете трубить в свои трубы, а мы ударим в колокола», призвав население города к выступлению. Карл VIII понял угрозу, но предпочёл отшутиться, прибегнув к каламбурю, родившемуся, должно быть, в те времена, когда Каппони пребывал при французском дворе: «Ах, Каппони, Каппони! Да ты и впрямь славный каплун (сарон)» [102, р. 103; 264, с. 78; 265, с. 99]. Впоследствии Н. Макиавелли описал этот эпизод в шутовском стишке: «Шум орудий и лошадей не позволили услышать голоса каплуна среди сотни петухов (галлов)» (*la voce d'un cappon fra cento galli*) (цит. по: [18, с. 457]).

Наконец, 25 ноября в церкви Санта-Мария-дель-Фьоре было заключено соглашение, по условиям которого республика подпадала под протекторат французского короля. В знак этого капетинская лилия отныне становилась гербом

Флоренции. Договор значительно ограничивал независимость флорентинцев: власти республики обязались не назначать генерального капитана своих войск до тех пор, пока неаполитанская кампания не завершится до победного конца; они передавали французам ряд крепостей, которые должны были быть возвращены лишь после вступления короля в Неаполь (однако над ними сохранялась флорентийская юрисдикция); они согласились на присутствие в городе двух представителей короля, которые будут посещать все заседания государственных советов. Конечно же, французской армии предоставлялся свободный проход на юг. Наконец, богатые флорентинцы обязались выделить французам субсидию в размере 120 тыс. флоринов, которая должна была быть выплачена в несколько этапов на протяжении 7 месяцев. Вместе с тем Карл VIII признавал суверенитет Флоренции над Пизой, а флорентийским купцам возвращались привилегии, которыми они пользовались во Франции до того, как их отменили в предыдущем году [57, р. 363–375; 102, р. 104–105; 264, с. 78–79; 280, с. 290].

3.9. Карл VIII в Сиене

Помимо Флоренции в южной части Тосканы находилась ещё одна небольшая городская республика – Сиена. Её власти с самого начала были благожелательно настроены в отношении французов, обещав им свободный проход через свою территорию. Знаком покорности были снятые с петель городские ворота, через которые король вступил в Сиену. На подаренной горожанами королю эмблеме была надпись «Карл Великий, освободитель Италии и римской церкви...» (см.: [294, с. 81]).

Карл выдвинул сиенцам обыкновенные требования: предоставить войска и сдать ему крепости и порты. Вместе с тем он принял их отказ выдать ему денежный заём. Лишь судебные штрафы должны были взиматься в пользу комиссаров короля (как заметил Аллегретто Аллегретти, «Твоя борода, Свобода!»). Так что французская армия прошла через территорию республики без потрясений [18, р. 465–466; 156, р. 22–23].

К моменту начала первого зимнего месяца французы были готовы вступить на территорию Папского государства. Во время пребывания Карла VIII в Сиене он наконец-то встретился с посланниками Александра VI: кардиналами Пикколомини (с которым отказался встретиться в Лукке) и Федерико Сансеверино. Однако Карл отклонил мирные инициативы посланцев и сообщил им, что намеревался провести Рождество в Риме вместе с понтификом [224, р. 146–147]. Вскоре французская армия вступила на территорию Папского государства.

3.10. Намерения Карла VIII в отношении римской церкви

Будучи во Флоренции, Карл VIII издал манифест, провозглашавший цели итальянского похода и намерения короля в отношении римской церкви. Этот документ, изданный 22 ноября на французском и латинском языках, был обра-

щён ко всем христианским государям. Французский король заявлял, что целью его похода являются не завоевания, а разгром турок и восстановление власти христиан в Святой Земле. Для достижения этой «благочестивой и святой цели» (*pium et sanctum propositum*) он предлагает прочим христианским правителям присоединиться к нему. Что касается предполагаемого завоевания Неаполя, то в пути на юг Италии Карл следует своим предшественникам, поскольку имеет законные права на трон этого королевства. Всё, что королю нужно от папы, это свободный проход через территорию Папского государства и снабжение его войска по мере продвижения. В случае отказа он будет вынужден силой добиться того, что ему нужно [37, р. 542–543. Ср.: 152, р. 325–327; 236, р. 73–76]. Манифест получил столь широкое распространение, что вскоре был напечатан типографским способом на нескольких языках.

По мнению Л. Пастора, манифест Карла VIII содержал «едва завуалированную угрозу [созыва церковного] собора и низложения [папы Александра VI]» [177, р. 441]. Это был очень серьёзный довод, и король мог рассчитывать на то, что понтифик к нему прислушается. Несмотря на союзнические отношения с Неаполем, Александр VI оказался в трудной ситуации. В самом Риме ему угрожали непокорные римские бароны – Колонна и Савелли. Море бороздили французские корабли, а с севера приближалась французская армия. Наконец, в лагере Карла находился кардинал Джулиано делла Ровере, который мог свидетельствовать перед собором или другой авторитетной инстанцией о коррупции, имевшей место на конклаве 1492 г. Александр VI ощутил реальность опасности своего низложения и поставления в антипапы [102, р. 109; 224, р. 115; 264, с. 82].

Манифест Карла Французского создал условия для перемены папой союзного лагеря, а несколько последовательно направленных в ноябре–декабре 1494 г. дипломатических миссий приблизили этот результат. Первую осуществил кардинал и вице-канцлер римской церкви Асканио Сфорца, который в начале ноября несколько раз встретился с понтификом. Впрочем, кардиналу не удалось убедить папу оставаться в конфликте нейтральным; тот заявил, что скорее откажется от тиары, нежели предаст Альфонсо Неаполитанского [224, р. 115]. Задача склонить папу на сторону французов не удалась и феррарскому послу Пандольфо Колленуччо [177, р. 443].

Для того чтобы осуществить долгожданное сближение французского короля и папы, последний направил к Карлу VIII специального посланника – кардинала Раймона Пероди, епископа Гуркского. Причиной миссии Пероди был отказ короля принять другого посланника понтифика – кардинала Пикколомини (см. выше). Пероди должен был сообщить молодому королю, что Александр VI готов с ним встретиться для того, чтобы обсудить перспективы крестового похода против турок. Карл VIII отверг предложение папы. Он заявил, что намеревается лично посетить понтифика в его дворце в Риме. Вместе с тем в беседах с Пероди король сумел найти у того понимание своего энтузиазма относительно крестового похода, приобретя ещё одного союзника в коллегии кардиналов [70, р. 478].

Не найдя успеха в своих намерениях, папа направил к королю третьего легата – кардинала Сансеверино. Кардинал получил от короля ответ, что Карл твёрдо намерен провести Рождество в Вечном городе и что при этом лично Святому отцу ничто не угрожает. Прodelав путь из Сиены в Рим за 36 часов, кардинал Сансеверино принёс этот ответ папе [224, р. 146–147]. Вскоре после этого пришло известие о том, что город Витербо, расположенный недалеко от Рима, открыл ворота французам.

3.11. Переговоры папы с императором и султаном

По мере продвижения французов Александр VI пытался найти союзников для защиты своего государства и себя лично. Основным из них оставался правитель Неаполя, который обеспечил вооружённые силы для защиты Папской области и Рима (см. ниже). Осознавая, что этого недостаточно, понтифик обратился к поиску защитников за пределами Италии.

Уже на следующий день после издания французским королём во Флоренции манифеста Александр VI принял императорского посланника Рудольфа, князя Ангальтского и графа Аскании. Обвинив Карла VIII в посягательстве не только на императорские права в Италии, но и, в перспективе, на императорскую корону, понтифик попросил у посланника покровительства и защиты Максимилиана I. Переводчиком на этой встрече служил Иоганн Бурхард, который и донёс до нас о ней информацию [37, р. 543–544].

По свидетельству того же Бурхарда, накануне аудиенции имперского посла произошло событие, которое дискредитировало образ папы как главы христианского мира. Префект Рима Джованни делла Ровере, родной брат кардинала, задержал Джорджо Боччарди – папского нунция к турецкому султану. При Боччарди находилась папская инструкция с информацией, предназначенной султану (июль 1494 г.), и ответные письма Баязида II папе (от 15 и 18 сентября). Переписка была обнародована кардиналом Раймоном Пероди, страстным приверженцем идеи крестового похода против турок; перевод с греческого языка осуществил гуманист и дипломат Иоанн Ласкарис, а нотариус Филиппо де Патриарки заверил его подлинность [37, р. 547–554].

Преследуемая Пероди цель очевидна: это была пропагандистская кампания против папы и в поддержку предприятия Карла VIII. При этом в самом факте переписки понтифика с мусульманским правителем не было ничего удивительного: тесные контакты между сторонами установились ещё при Иннокентии VIII и были связаны с проблемой содержания в Риме принца Джема. Более того, в это время «все итальянские государства желали установить с турками дружественные отношения». Следует также учесть, что миссия Боччарди в Стамбул задумывалась ещё осенью 1493 г. и не была связана с вторжением французов (которое в то время ещё не планировалось) [232, р. 444–445, 455–457].

Содержание обнаруженных документов было следующим. Александр VI поручал Боччарди проинформировать султана об итальянской экспедиции Кар-

ла VIII – о том, что конечной целью короля, после Неаполя, являются земли Османской империи. Сообщалось также о намерении короля захватить принца Джема, чтобы использовать его в своих целях. Надеясь на единство интересов с султаном, папа просил его поскорее выплатить ежегодное содержание Джема (40 тыс. дукатов), чтобы использовать эти средства на оборону.

В своём ответе Баязид II соглашался с тезисом о единстве интересов понтифика и султана. Согласно тексту одного из писем, опасность захвата французским королём Джема побудила султана «задуматься о спокойствии, пользе и чести вашей милости (Александра VI. – *Д. М.*), а также моём удовлетворении» (*pro quiete, utilitate et honore vestre Potentie et adhuc pro mea satisfactione*) [37, р. 554]. В результате Баязид делал вывод о желательности смерти брата; в случае, если папа пойдёт в этой просьбе навстречу, и при условии предъявления тела Джема, султан готов выплатить понтифику 300 тыс. дукатов для использования в личных целях.

3.12. Продвижение французов по Папской области

Папа Александр VI, наверное, больше других итальянских правителей страдал от неопределённости, чью сторону выбрать в приближающемся конфликте. Первое время он надеялся на помощь неаполитанцев в обороне своего государства. 14 июля 1494 г. Александр VI встретился с Альфонсо в Викоvaro (возле Тиволи), где они продлили действие тайного союза от 3 августа 1493 г. [127, р. 229]. Больше всего папа был заинтересован в безопасности Вечного города. Подчинившись уговорам понтифика, король Альфонсо II во главе 30 эскадронов рыцарей расположился в Тальякццо, на границах своего государства. Его коннетабль Вирджинио Орсини, сын которого был женат на одной из незаконнорождённых дочерей покойного короля Ферранте, вместе с 200 конными рыцарями разместился к югу от Рима, в Кампанье, где должен был сдерживать враждебно настроенный по отношению к папе род Колонна [102, р. 60; 224, р. 50; 264, с. 50].

Первым местом пребывания короля Карла VIII в Папском государстве стал город Витербо. Несмотря на оборонительные возможности этого населённого пункта, неаполитанцы ими не воспользовались. При посредничестве Джулиано делла Ровере город и замок были сданы французам без сопротивления [280, с. 290]. Продвижение французов было столь неожиданным, что любовница Александра VI Джулия Фарнезе, навещавшая свою семью в поместье, была захвачена врасплох отрядом под командованием Ива д'Алегра. Вскоре её освободили и по указанию короля в сопровождении почётного эскорта из 400 всадников препроводили в Рим [224, р. 141–142].

Современники ожидали неминуемого вступления армии Карла VIII в Вечный город. Один из них, мантуанец Джорджо Броньоло, писал: «Считаю, что в течение нескольких дней эта земля будет заполнена французами» (Джорджо Броньоло – Франческо Гонзага, маркизу Мантуанскому, 29 ноября 1494 г. [177,

р. 548]). При этом, по сведениям феррарского посла Рандольфо Колленуччо, население города, за небольшими исключениями, ожидало прихода французов [232, р. 466]. Чтобы защитить столицу от врагов, папа предпринял ряд мер. Так, под руководством епископа Агриджентского Хуана ди Кастро были отремонтированы стены квартала Борго, окружающего Ватикан, а также укрепления Замка Св. Ангела. Территория вокруг замка была расчищена, соседние дома снесли, а крепостные рвы восстановили. На верхней площадке замка установили пушки. Северные ворота замка, в которые упиралась дорога из Витербо, были замурованы. Кроме того, с целью подготовки к длительной осаде в замке установили цистерну для воды и хранилища для зерна и масла [278, с. 166–167].

После ухода из Романьи армия принца Ферранте также стала под Римом. Теперь для защиты города от неприятеля сконцентрировалось достаточно вооружённых сил. Однако с приближением французских войск беспокойство понтифика всё более возрастало. Особенно обеспокоен папа был изданным Карлом VIII во время пребывания во Флоренции манифестом, угрозавшим его дальнейшему пребыванию на Святом престоле (см. выше).

Задачу защиты Папской области от французов осложняли фракционные конфликты в самом Риме. В сентябре 1494 г. по соглашению с кардиналом делла Ровере Просперо Колонна захватил порт Остию и впустил туда французский отряд графа Луи де Линьи. Это был основной путь, по которому в Вечный город поступали припасы. В результате в Риме начался голод. Дипломатические усилия, направленные на то, чтобы отговорить Карла VIII продолжать войну, оказались безуспешными. Тем не менее, ободрённый осуществлёнными мероприятиями по укреплению города и присутствием неаполитанских войск, папа отверг требования свободного прохода через территорию Папского государства, которые выдвинули посланники Карла VIII. Более того, он задержал в качестве заложников ряд кардиналов (Сфорца, Сансеверино и другие) и Просперо Колонна [37, р. 545; 102, р. 107; 224, р. 149; 264, с. 81; 280, с. 292].

Натиск французов на земли Св. Петра был неумолим. Даже Вирджинио Орсини, находившийся на службе у короля Неаполитанского, дал согласие на то, чтобы его сыновья пропустили французов через родовые земли, включая замок Браччано. Теперь, с учётом захваченной ранее Остии, французские войска под командованием Луи де Линьи и Ива д'Алегра могли контролировать непосредственные подходы к Риму [102, р. 108; 264, с. 81–82].

Узнав об этом, Александр VI принял решение покинуть столицу. 18 декабря всё в Ватикане было упаковано для бегства, ценности перевезли в Замок Св. Ангела, а лошади кардиналов были готовы к путешествию [37, р. 554]. Первоначально понтифик намеревался укрыться в Венеции, но затем обратил свои надежды на Неаполь. Герцог Калабрийский обещал предоставить ему для проживания город Гаэту и выделять ежегодное содержание в 50 тыс. дукатов [224, р. 148; 243, р. 342–343]. Однако отъезд из Рима был чреват для папы низложением. Поэтому в последний момент Александр VI отказался от бегства [37, р. 555].

Для того чтобы ослабить французское влияние в Риме, он освободил Просперо Колонна и заключил с ним кондотту, направив в Остию с указаниями сделать порт вновь доступным для снабжения Рима. Оказавшись вне пределов досягаемости понтифика, Просперо забыл о данных обещаниях и вновь прикнул к своему семейству. Между тем французы понемногу продвигались вперёд по области Лацио. Их армия была разделена на две части, одна из которых направилась в Остию для соединения с силами Колонна. Другая часть двинулась к востоку от Рима; её задачей было взять под контроль дорогу, ведущую в неаполитанскую область Абруцци.

Вскоре были заняты новые ключевые пункты: городки Чивитавеккья и Монтеротондо. Теперь понтифик мог видеть французских солдат из окон своих апартаментов. Более того, посланный к королю легат Раймон Пероди перешёл на его сторону и активно агитировал местное население к тому, чтобы они хорошо встретили французов [37, р. 556]. В свою очередь король, дабы привлечь римлян на свою сторону, направил в их адрес письмо, в котором гарантировал жителям Вечного города безопасность, если они не поднимут против него оружия; капитаны французов д'Алегр и Линьи получили приказ по возможности избегать стычек как с папскими, так и с неаполитанскими войсками в окрестностях Рима. Эти меры принесли положительный эффект: напуганные римляне требовали от понтифика, чтобы в двухдневный срок тот договорился с французами; в противном случае они впустят их в город сами [177, р. 447–448]. Ситуация усугублялась поведением союзников-неаполитанцев: король Альфонсо отъехал в своё королевство, а его сын принц Феррандино стал открыто высказывать сомнения в верности данных понтификом обещаний [18, р. 476–477].

Осознавая безвыходность своего положения и неминуемое вступление французов в Рим, Александр VI принял решение впустить их в город. Утром в Рождественский день он сообщил об этом преданным ему кардиналам и герцогу Калабрийскому. В тот же день Карлу VIII было направлено послание с разрешением свободного прохода через территорию Папской области. Была достигнута договорённость о том, что неаполитанские отряды отступят в пределы своего королевства. При этом Феррандино обещал, что в случае необходимости папа по-прежнему может рассчитывать на убежище и содержание в неаполитанских землях.

Демонстрацией «открытого» статуса Рима явилось то, что уезжающего герцога Калабрийского до городских ворот провожала группа кардиналов во главе с освобождённым из заключения Асканио Сфорца. Рим готовился к встрече французов. Для подготовки к вступлению короля и войск в город явились новые посланцы: маршал Жье (Пьер де Роган), Жан де Гене и Этьен де Веск [102, р. 109; 264, с. 82–83; 280, с. 293]. Утром следующего дня они присутствовали вместе с папой на торжественной мессе в Сикстинской капелле. Свита французских послов вела себя несколько беспардонно, расположившись в капелле на местах, предназначенных для прелатов. Когда щепетильный в подобных вопросах церемониймейстер Бурхард указал папе на это несоответствие, тот

испуганно пресёк его, сказав, что французские послы останутся на своих местах (*ipsis oratores esse regis Francie, redierunt ad loca sua et illis cesserunt*) [37, p. 558].

3.13. Карл VIII в Риме

По результатам достигнутого с французами соглашения их армии было позволено вступить на левый берег Тибра. Уже 29 декабря в город вошёл авангард во главе с графом Монпансье, а двумя сутками позже, вечером дня Св. Сильвестра, прибыл Карл VIII (дату указали ему астрологи). Короля сопровождали кардиналы Сфорца и делла Ровере. Они ехали по освещённым факелами улицам среди толпы римлян, приветствовавших короля и его сторонников криками (*Francia! Columna! Vincula!*). Вслед за сувереном в город всю ночь строем вступали французские войска: швейцарские и немецкие наёмники, гасконские арбалетчики, рыцарская кавалерия и другие. Замыкали шествие 36 бронзовых пушек и множество ручных огнестрельных орудий, которые солдаты несли на себе [37, p. 559; 224, p. 162].

Своей резиденцией король выбрал импозантный дворец Сан-Марко, расположенный недалеко от дворцов Колонна и кардинала делла Ровере. При этом вокруг здания расставили пушки, которые были нацелены на город [224, p. 164; 236, p. 86]. Солдаты короля вели себя в городе довольно бесцеремонно. Начало было положено командирами: по их приказу для удобств обороны вокруг Сан-Марко были разрушены дома, а на центральной площади города Кампо-деи-Фьори разместили 2 тыс. лошадей [224, p. 166].

Простые солдаты нередко вели себя в отношении римлян подобно захватчикам. По описанию И. Бурхарда, французы «взламывали дома, входили туда, выгоняли оттуда жителей, лошадей и выбрасывали всё остальное, сжигали дерево, съедали и выпивали всё, что находили, ни за что не заплатив». Множество домов было разграблено, включая жилища прелатов и выдающихся горожан. Одним только швейцарским солдатам сами французы приписывали за несколько дней 60 убийств и грабежи на сумму свыше 60 тыс. дукатов. Чтобы прекратить бесчинства, король был вынужден предпринять крайние меры: пятеро мародёров были повешены, в городе установили комендантский час и организовали ночное патрулирование. Кроме того, было приказано, чтобы украденное вернули владельцам; к удивлению римлян, так и было сделано [37, p. 560–564; 70, p. 509–510; 127, p. 307–308; 177, p. 454].

В этих условиях папа Александр VI вёл себя как хозяин, принимающий гостей у него французских аристократов, которые, как положено, целовали ему туфлю. В то же время он отказался принять наиболее болезненные для него требования Карла VIII (выдать Джема и Чезаре Борджа, передать Замок Св. Ангела). Это решение, принятое на консистории, могло болезненно отозваться на судьбе папы. Часть кардиналов была настроена против него, многие из них (в частности, делла Ровере, Сфорца, Пероди, Савелли, Колонна) не уста-

вая продолжали побуждать французского короля к созыву церковного собора и низложению Александра VI. Узнав об этом, понтифик вместе с родственниками по знаменитому проходу «*passeto*» скрылся в Замке Св. Ангела. Как пишет Ф. де Коммин, дважды артиллерия французов была готова открыть по замку огонь, «но король по своей доброте всегда противился этому» [280, с. 298–299. Ср.: 102, р. 111; 264, с. 83]. Впрочем, в этом не было особенной нужды: в ночь на 10 января часть новой стены замка, подмытая недавними проливными дождями, рухнула сама собой, не выдержав веса пушек [37, р. 564; 224, р. 171. О страхе папы: 236, р. 92].

Карл VIII отказал не только артиллеристам в разрушении стен Замка Св. Ангела, но и тем кардиналам, которые побуждали его к смещению папы. Он стремился достичь с Александром VI понимания. После двух недель переговоров 15 января 1495 г. между королём и папой было выработано соглашение. Понтифик выполнил почти все предъявленные ему требования: он предоставлял французской армии свободный проход и снабжение продовольствием «за разумную оплату»; отдал королю во временное держание города Террачину, Чивитавеккью, Витербо и Сполето; простил «мятежных» кардиналов, а также «друзей и сенаторов» короля Карла; укрепил Остию за кардиналом делла Ровере; обязался не назначать на церковные посты без согласия короля. Приближённый Карла VIII Гийом Брисонне (епископ Сен-Мало) и кузен короля Филипп де Сен-Поль (епископ Ле-Мана) получили кардинальские шапки. Наконец, папа согласился уступить королю турецкого принца Джема, а Чезаре Борджа должен был в течение 4 месяцев состоять своего рода заложником при короле [102, р. 111–112; 224, р. 185; 236, р. 88; 264, с. 83–84; 280, с. 299].

Согласно оценке С. Бьянкарди, этот договор представлял собой безоговорочную дипломатическую победу Александра VI. Папа «уступил в военных вопросах, в которых невозможно было сопротивляться, не прибегая к оружию, но сохранил власть, репутацию, личную безопасность и даже деньги» (содержание Джема оставалось у него). Фактически ситуация вернулась к той, что была месяц назад, до вступления французов в Вечный город [18, р. 502]. Самое важное для понтифика – вопрос реформирования церкви и созыва вселенского собора, не ставился. Французский король, со своей стороны, получил немного: по некоторым данным, он добавил себе именование «старшего сына церкви» [294, с. 90].

16 января в Ватикане состоялась первая символическая встреча Александра VI и Карла VIII. Последний пришёл как гость, выслушав мессу во французской часовне Святой Петрониллы собора Св. Петра. При личной встрече понтифик демонстративно не заметил двукратного преклонения колена монархом, обратив на того взор и отечески подняв его лишь на третий раз [37, р. 565; 224, р. 185]. Король и папа продемонстрировали взаимную любовь, похоже, искреннюю со стороны юного француза. Впрочем, несмотря на принесённую королём клятву повиновения, Александр VI не исполнил его главного желания – дать Карлу инвеституру на Неаполитанское королевство [18, р. 507–508; 127, р. 319;

232, р. 476]. Вместо этого он предложил, по данным М. Санудо, короновать его императорской короной Константинополя (Карл VIII ответил, что предпочитает завоевать империю, чем носить пустой титул императора) [224, р. 188].

3.14. Вступление французской армии в Regno

Французский план предусматривал одновременное вторжение на территорию южного королевства со стороны Папской области, с одной стороны, и высадку с кораблей десанта, – с другой. Десант должен был высадиться в районе Неаполя под главенством изгнанника, князя Салернского, для того чтобы раздуть в королевстве мятеж и поднять знать против Арагонской династии. Карл VIII ожидал в Риме известий от своего флота до тех пор, пока не стало известно, что сильная буря у берега Сардинии сильно повредила корабли [224, р. 191]. Теперь монарх-претендент был вынужден ограничиться вторжением по суше.

Несмотря на прямой отказ Александра VI утвердить его инвеституру на Неаполь, 28 января 1495 г. Карл VIII попрощался с папой и отъехал на юг, «большим другом папы, как ему казалось» [280, с. 300]. Его сопровождали Чезаре Борджа – в качестве легата, и Джем – как заложник. Предполагалось, что кардинал Валенсийский Чезаре коронует Карла после низложения монарха Арагонской династии. Однако всего два дня спустя, во время пребывания в Веллетри, сын папы бежал, переодевшись в платье конюха. Вместе с ним королевская свита лишилась мулов, гружённых драгоценной посудой и дорогой одеждой. В наказание Карл VIII велел разграбить и сжечь Веллетри; только просьба кардинала делла Ровере (бывшего епископом Веллетри) спасли город [37, р. 575; 224, р. 197–198].

Ещё месяц спустя 35-летний Джем почувствовал недомогание и слёг (в неаполитанском замке Капель-Капуано). Ходили слухи о его отравлении по приказанию понтифика, который, однако, терял в этом случае надежду на выплачиваемое турецким султаном ежегодное содержание в размере 40 тыс. дукатов [102, р. 145–146; 152, р. 145–146; 198, р. 19; 264, с. 107; 280, с. 303]. Так или иначе, со смертью Джема, случившейся уже после вступления Карла VIII в Неаполь, король лишился главного козыря, которым он мог бы воспользоваться в случае крестового похода.

Тем не менее более близкая цель – Неаполитанское королевство – была готова пасть в руки французского монарха. По словам венецианца М. Санудо, «всё [Неаполитанское] королевство в огне», уходя из-под власти Альфонсо и переходя в руки французов [224, р. 188]. В течение января 1495 г. последние вошли в города Л'Акуилу, Кьети, Тальякоццо, Гаэту (20 января) и Капую (22 января).

Вступление французской армии на землю Неаполитанского королевства было знаковым и оставило свой след в сердцах жителей последнего. В самом конце января 1495 г. авангард под командованием Анжильбера де Клеве захватил крепость Монтефортино (близ Фросиноне), перебив её жителей и учинив в отношении женской части населения то, что М. Санудо стыдливо отказался

описывать [224, р. 207; 280, с. 300]. Двое малолетних сыновей сеньора Монтефортино, графа Джакомо Висконти, оказались в плену [248, р. 128].

Ситуация повторилась с городом Монте-Сан-Джованни, принадлежавшим одному из приближённых Альфонсо II, маркизу Пескара. Этот город лежал в центре богатой местности и представлял собой лакомый кусок для солдат и их командиров. Возможно, в печальной участи Монте-Сан-Джованни виноваты его защитники: комендант крепости отрезал посланным к нему французским парламентам уши и носы и, по-видимому, умертвил их [224, р. 209; 236, р. 103]. После этого участь города была решена; С. Боуд относит случившуюся резню к случаям военного насилия, вызванного стремлением к мести [23, р. 67–69].

Карл VIII велел Жильберу де Монпансье подвести к Монте-Сан-Джованни артиллерию, а вскоре сам прибыл на место, чтобы руководить осадой и штурмом. Город был взят, а его защитники перебиты (9 февраля). По сообщению феррарского хрониста, французы изрубили на куски женщин, детей старше 12 лет и «всех оставшихся, кто там был» (*tutto lo resto, che in quello erano*). М. Санудо писал о мирных жителях, собравшихся на городском кладбище, чтобы на коленях, с крестами в руках, молить солдат о пощаде. Все они были перебиты и несколько дней лежали непогребёнными. Прибывший в захваченный его войсками город король смотрел на их трупы [72, р. 293Е; 224, р. 209–210. Ср.: 102, р. 114–115; 264, с. 86]. Впоследствии, по словам Ф. Гвиччардини, французы «подвергли всё [Неаполитанское] королевство жесточайшему террору» (*empie tutto il regno di grandissimo terrore*), действуя «со всевозможными способами варварства» (*altra specie di barbara*) [102, р. 115; 264, с. 86–87].

Следует отметить, что недолгая осада Монте-Сан-Джованни явилась одним из немногих эпизодов применения французами своей прославленной артиллерии, которая обстреливала город в течение 7 или 8 часов. В действительности французские пушки использовались во время похода 1494–1495 гг. не столь часто, став в большей степени залогом не военных успехов, а эффекта устрашения жителей Апеннинского полуострова [181, р. 290–291].

Вероятно, акции устрашения в Монтефортино и Монте-Сан-Джованни сыграли свою роль. Калабрийские города один за другим стали приносить французскому монарху клятвы верности. Повсюду вздымались флаги с французскими лилиями. Возмущённого этим епископа города Фросиноне сами горожане выбросили из окна его дворца [127, р. 335]. Жители Монополи в Апулии, не зная, как выглядит королевский штандарт, размахивали флагом с изображением белого креста на красном фоне [224, р. 208].

Продвижение Карла VIII во главе армии в Неаполь, в дни заключения договоров в Санлисе и Барселоне казавшееся малореальным, теперь стало пугать. Испанские монархи-супруги и император опасались внезапного усиления своего соседа. «Католические короли» намеревались спасти родственную им Арагонскую династию в Неаполе, а также обезопасить свои владения на Сардинии и Сицилии от опасного французского соседства. Император Максимилиан

видел, что возвышение французов под лозунгами грядущего крестового похода (от которых Карл не отказывался и во время пребывания в Риме) фактически делает их монарха лидером «христианского мира» [70, р. 527–529, 533–535]. Чтобы вернуть себе инициативу, император заявил о намерении в следующем году прибыть в Рим и оттуда возглавить поход против «неверных» [224, р. 206]. Помимо дипломатических шагов Максимилиан предпринял и более решительные действия: немецкие войска стали стягиваться к границам Франции, в Амьен.

Что касается Испании, интересы которой в Южной Италии непосредственно затрагивались ведущейся войной, то здесь разрыв был более решительным и радикальным. Уже при отъезде Карла Валуа из Рима испанские послы со слезами на глазах обратились к нему с просьбой прекратить поход против Альфонсо Арагонского [224, р. 196]. По меньшей мере, он должен передать Остию в руки папы и освободить Чезаре Борджа. Ни одна из этих просьб выполнена не была. Следующим шагом посла Антонио да Фонсеки стал призыв к Карлу VIII мирным путём, прежде всего, через посредничество папы, разрешить династический спор Анжу–Валуа и Трастамара за Неаполитанское королевство. До того Карлу надлежит покинуть его пределы. По-видимому, целью этого демарша было спровоцировать разрыв Барселонских соглашений между Францией и Испанией без необходимости оказать немедленную военную помощь неаполитанцам [242, р. 369]. Эта цель была достигнута в прямом смысле слова. Пререкания между Фонсекой и французскими баронами закончились тем, что разъярённый испанец демонстративно разорвал перед лицом короля текст договора [18, р. 530; 98, р. 61]. Карл VIII должен был понять, что война с Испанией за южноитальянское королевство неизбежна.

3.15. Отречение Альфонсо II

Между тем казалось, что судьба благоволила французам. Своим отступлением из Рима герцог Калабрийский продемонстрировал отказ от первоначальной стратегии защиты королевства на дальних рубежах. Этому способствовала целая совокупность факторов, среди которых – измена союзников (Медичи), отказ от сопротивления французам ряда ключевых итальянских городов (Лукки, Пизы, Сиены, Витербо), недостаточная военная подготовка неаполитанских войск и просчёты их командующих [18, р. 490].

С приближением врагов к границам королевства задачу его обороны должен был взять на себя сам король. У Альфонсо Арагонского была репутация умелого военачальника и опытного полководца, его армия оставалась целой, её командиры были лучшими в Италии. Кроме того, дороги от границ Папского государства в Неаполь были хорошо защищены.

Несмотря на это, король принял решение об отказе от престола в пользу своего сына Феррандино (Ферранте II). Ещё ранее Альфонсо раздумывал об отречении [231, р. 74–75] и на его окончательное решение, по-видимому, повлияла достигшая Неаполя вереница сообщений о неудачах и поражениях. Но-

ности о вступлении Карла в Рим и отступлении герцога Калабрийского со своими войсками на территорию королевства дополнялись известиями о восстании в Абруцци, спровоцированном французскими агентами, и о том, что папа достиг с французским монархом соглашения. Как итог, Альфонсо настолько боялся прихода в свою столицу врагов, что вскакивал посреди сна с криками, что даже камни и деревья призывают французов [280, с. 296].

Ходили разговоры и о других признаках грядущих изменений. Так, Ф. Гвиччардини пишет о том, что дух покойного короля Ферранте I трижды являлся главному хирургу Неаполитанского королевства Якопо, побуждая того обратиться к королю Альфонсо с указанием оставить надежды на сопротивление французам. Арагонской династии предстоит заплатить за свои гнусности, прежде всего за гибель неаполитанских баронов, умерщвлённых по приказанию Ферранте [102, р. 113–114; 264, с. 85].

В итоге «король Альфонсо решил, что недостоин короны по причине своих жестоких злодеяний»; он формально отрёкся от престола, чтобы стать монахом в сицилийском монастыре Мадзара (21 января 1495 г.). Говорили, что, несмотря на это, он отплыл на Сицилию на четырёх галерах, забитых сокровищами, взятыми из казны. По словам современного историка, Альфонсо «оставил сына с пустыми сундуками, а королевство – готовым сдать французам» [156, р. 25]. Как заключает Ф. де Коммин, «он поступил так из одной лишь трусости, ибо жестокие люди никогда не были смелыми». Согласно тому же источнику, на Сицилии бывший король стал вести благочестивую жизнь, «дневно и ночью служа Богу». Однако вскоре у Альфонсо обнаружилась страшная болезнь, от которой он скончался, раскаявшись в совершённых им злодеяниях [102, р. 114; 224, р. 193; 264, с. 86; 280, с. 293, 296–298].

3.16. Попытки Ферранте II защитить королевство

Отъезд Альфонсо не способствовал появлению у его бывших подданных желания идти на большие жертвы за своего нового молодого короля. По словам современника, репутация двух предыдущих правителей Арагонской династии среди «народа и почти всей знати» была одиозной (*ma era tanto esoso in tutto il popolo e quasi in tutta la nobiltà il nome de' due ultimi re*) [102, р. 121; 264, с. 90]. Вряд ли неаполитанцы ждали чего-то лучшего от нового короля. Поэтому с приближением французов напуганные горожане стали снимать дома на Искье, готовые покинуть столицу, как только французы подойдут достаточно близко. Единственным шансом для Ферранте II было сразиться с Карлом VIII на границах Regno, но французская армия настолько быстро продвигалась по дорогам, ведущим в Неаполь, что он оказался не в состоянии маневрировать. По мере отступления армии города открывали французам свои ворота.

Оставив столицу на попечение бабки – вдовствующей королевы Джованны – и дяди Федерико, юный король выехал в городок Сан-Джермано, ближе к врагу. Считалось, что этот город невозможно взять; Ф. Гвиччардини назы-

вал его «ключом к Неаполитанскому королевству» [102, р. 116; 264, с. 88. Ср.: 280, с. 300]. При короле находились его ведущие военачальники. Однако было уже поздно. По словам Ф. Гвиччардини, неаполитанская армия боялась одного только имени французов, и её капитаны больше думали о своём спасении, нежели об обороне государства [102, р. 116; 264, с. 88]. Несмотря на первоначальное желание проявить себя, с подходом французов Ферранте отступил в Капую, а затем отъехал в Неаполь, дабы усмирить волнуящихся жителей столицы, которые начали громить богатые дома и еврейское население города. На следующий день в Сан-Джермано вступили французы. Облачённые в белое дети встречали Карла пением *Te Deum laudamus* [102, р. 116–117; 224, р. 215; 264, с. 88–89; 280, с. 215–216].

В Сан-Джермано Карл VIII фактически начал свою деятельность в качестве законного государя *Regno*. Он издал эдикт, позволявший изгнанникам не только вернуться в Неаполитанское королевство, но и восстановить собственность, которой их семьи владели «во времена королевы Джованны» [224, р. 215; 280, с. 216].

Когда 17 февраля Ферранте вновь подошёл к Капуе, ему сообщили, что тамошние горожане, не видя возможностей сопротивляться французам, уже открыли им ворота. Поскольку король задерживал жалованье кондотьерам, те также изменили ему: Вирджинию и Никколо Орсини отступили со своими людьми и попытались перейти на сторону французов, сдав крепость Нолу с гарнизоном в 400 всадников. Они были заключены в замок Мондрагон и содержались в плену вплоть до отъезда французского короля из Неаполя. Впоследствии этот эпизод вызвал споры по поводу законности пленения командиров, якобы сдавших крепость из семейной приверженности партии гвельфов и французской короне [102, р. 122, 159; 264, с. 92, 116–117].

Необычайным был поступок неаполитанского командующего Джанджакомо Тривульцио. По собственной инициативе он вёл переговоры с Карлом VIII, предлагая тому оставить во власти Ферранте часть королевства. Безусловно, французский монарх отказался, заявив, что ему принадлежит весь Неаполь. По-видимому, кондотьер беседовал с королём и на другие темы. По крайней мере, после возвращения в Капую Тривульцио со своими солдатами перешёл на службу французам [102, р. 117–118; 224, р. 226–227; 264, с. 88–89], по мнению его биографа XIX в. – с согласия самого Ферранте [211, р. 228–231]. Младший современник событий, флорентинец Ф. Гвиччардини, однако, считал поведение Тривульцио неискренним: якобы тот изначально с недоверием относился к своему прежнему господину Лодовико «Моро» и стремился перейти на сторону французов [102, р. 118; 264, с. 89]. Так или иначе, с этого момента Джанджакомо Тривульцио начал славную карьеру во французской армии, приведшую его к званию маршала Франции.

После отступления неаполитанских войск Карл VIII вступил в Капую, как пишет М. Санудо, «с помпой». Несмотря на то что короля сопровождали многочисленные войска, он, в отличие от прежних подобных ситуаций, был одет

не в доспехи, а в гражданское платье [87, р. 280–287; 125, р. 176–185, 448–453; 224, р. 226–230]. Это должно было символизировать вступление законного суверена в свои владения – не завоевания! Несколько дней спустя тот же символизм сопровождал и въезд Карла в Неаполь.

Что касается Ферранте, то он был вынужден вернуться в столицу, в которой всё сильнее разгорались беспорядки черни, почувствовавшей вакуум власти. Неаполитанцы разграбили большую конюшню короля. Однако при въезде король столкнулся с той же бедой, что в Капуе: ему позволили вступить в город лишь после униженных просьб и в сопровождении всего лишь 20 спутников [80, р. 44; 102, р. 122; 264, с. 90–91; 280, с. 301]. Казалось, что неаполитанцы оставили своего государя и были готовы принять нового. Повсюду в городе раздавались крики «Франция! Франция!» Население города занималось грабежами и погромами. В этих условиях королевская семья, включая Джоффри Борджа с супругой, была вынуждена укрыться в замке [224, р. 228].

Богатые горожане, которые опасались за свои жизни и имущество, были готовы бежать из города. Желавших было так много, что лодки были перегружены и не вмещали всех, кто хотел отплыть на Искью. Джованбаттиста Караччоло, граф Бриенца, избранный «военным капитаном», тщетно пытался восстановить в городе порядок с помощью вооружённых патрулей. Тем не менее дворцы короля и правящего семейства были разграблены [80, р. 43–45]. В руках Арагонской династии остались только укреплённые пункты – замки Неаполя.

Несмотря на возможность продолжить сопротивление, Ферранте II отказался от борьбы и принял решение скрыться из столицы, которая ему уже не подчинялась. Перед бегством он освободил из заключения баронов (князя Россано, графа Пополи), которые содержались там со времён его отца и даже деда. После этого он бежал в сопровождении небольшой свиты, дяди и бабки (23 февраля). Когда он садился на корабль, французские войска уже вступали в Неаполь.

Оказавшись на острове Искья в Неаполитанском заливе, Ферранте с грустью смотрел на утраченное королевство, вспоминая слова псалма 127: «Если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж» [102, р. 119–122; 264, с. 91] (в православной традиции это 126-й псалом).

3.17. Вступление Карла VIII в Неаполь

После того как стало очевидно, что король Ферранте собирается бежать, власти Неаполя вступили в переговоры с представителями Карла VIII (маршал Жье, сенешаль Веск, хранитель печати Гане). Сам французский монарх в это время пребывал в великолепной загородной королевской резиденции в Поджо-реале. Поскольку победа французов была очевидна, неаполитанцы легко пошли на всевозможные уступки, договорившись о сдаче города, «сохранив за собой свои старые привилегии» [280, с. 301. См.: 102, р. 123; 264, с. 92]. Демонстрируя власть французов над городом, представитель короля Пьер де Роган символично воссел на трон в церкви Сан-Лоренцо. Одновременно с парламентами

в Неаполь вступили интендантские службы, представители которых стали делать мелом пометки на домах: сколько там разместится солдат и сколько лошадей [18, р. 545].

Карл VIII принял решение отказаться от триумфального вступления в город. Он въехал туда в сопровождении сравнительно небольшого эскорта 22 февраля 1495 г. Король ехал верхом на муле, в охотничьей одежде и держал в руке охотничьего сокола, подаренного ему венецианцами. Выбор мула напоминал о въезде Христа в Иерусалим и являлся признаком миролюбия. По словам феррарского хрониста, Карл взял город, «ни разу не ударив мечом и не убив ни одного человека... как посланец Божий» [72, р. 293D]. Нового владыку Неаполя приветствовали представители местной знати во главе с Карачоло, который вручил ему ключ от города. Сопровождаемый радостными толпами неаполитанцев, Карл VIII проехал через город, вступил в собор, а затем въехал в замок Кастель-Капуано, древнюю резиденцию королей Анжуйской династии [102, р. 123; 264, с. 92].

Французы нашли в Неаполе несметные богатства, которые с восхищением описывали в письмах на родину, как это сделал неизвестный нам респондент кардинала Брисонне. Рассказывая о замке Кастель-Капуано, он писал о двух подвалах с двумя сотнями бочек лучшего в мире вина; о комнате, содержащей коллекцию в 2 или 3 тыс. лошадиных морд, висящих на стенах; о другой комнате, заполненной хрустальными, фарфоровыми, алебастровыми и мраморными вазами, стоимостью не менее 10 тыс. дукатов; комнате, заполненной льняными скатертями; о множестве золотой и серебряной посуды и прочем богатстве [18, р. 547]. Согласно Андрэ де ла Виню, одна из комнат в замке была «заполнена кулевринами, снабжёнными пулями... без числа» [248, р. 143].

То, что Карл Французский за столь короткий промежуток времени, всего за 26 дней, завоевал Неаполитанское королевство, было «подобно чуду» [206, р. 23]. Однако ещё несколько недель в руках Арагонцев оставались городские крепости Неаполя. Они могли продолжать сопротивление достаточно долго: по оценке М. Санудо, гарнизон замка Кастель-Нуово под командованием «врага французов», Альфонсо д'Авалоса, маркиза Пескара, был обеспечен всем необходимым для осады и сопротивления в течение 25 лет [224, р. 228]. Так или иначе, в целом материковая территория Неаполитанского королевства оказалась в руках завоевателей, пришедших из-за Альп. Как писал Ф. Гвиччардини, «к превеликому позору и унижению итальянского воинства», самая значительная часть Италии оказалась в руках французов [102, р. 123; 264, с. 92].

УСТАНОВЛЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ГОСПОДСТВА В НЕАПОЛЕ И ОБРАЗОВАНИЕ ВЕНЕЦИАНСКОЙ ЛИГИ

«Получилось, что вся Кампания, Апулия и Калабрия, всё, что было в руках у Фердинанда, в течение 30 дней перешло во власть французов. Я не сомневаюсь, что это покажется потомкам не фактом, а вымыслом».

*Сиджизмондо де Конти,
«История своего времени» [236, р. 109–110].*

4.1. Первые действия Карла VIII в Неаполе

Жители итальянских городов ожидали, что король Франции принесёт им нечто, чего они давно ожидали – «восстановит их свободу», сколь бы различным не было понимание последней. Как показала С. Ференте, эти представления являлись элементом идейного арсенала «партии» гвельфов, принимавшей участие в политической борьбе на Апеннинском полуострове на стороне пап [79, р. 598]. Традиционным внешним союзником гвельфов на протяжении жизни поколений являлась Франция. Таким образом, к моменту начала итальянского похода Карла VIII французские принцы обладали сложившимся имиджем освободителей от «тирании». Первая и вторая династии Анжу, а затем королевский дом, к которому перешли права на Неаполь, были знаменем определённой идеологии. Поэтому, вступив в Неаполь, Карл VIII не мог не поддержать образ «освободителя», что выразилось в принятии им важного документа.

Помимо идеологического аспекта, этим документом король хотел определить порядок взаимоотношений со своими новыми подданными. С этой целью 5 марта Карл VIII издал привилей, озаглавленный «Милость и статьи для города и общности Неаполя» (*Gratie et Capituli per la Città et Università de Napoli*), в котором обещал соблюдать привилегии неаполитанцев [100, р. 42–49]. Было провозглашено королевское милосердие в отношении членов Арагонского дома и их приближённых, вольных скрыться куда им будет угодно. Следует отметить, что этим правом воспользовались немногие из представителей южно-итальянского нобилитета. Вместе с членами семьи короля Ферранте на Сицилию бежали князь Россано, маркиз Сквиллаче и граф Арена. Альфонсо д'Авалос, маркиз Пескара, возглавлял гарнизон крепости Каstell-Нуово, продолжавший сопротивление. В целом же знать Неаполитанского королевства перешла на сторону победителя.

По сообщению Ф. де Коммина, «в течение трёх дней жители городов приходили к нашим людям, чтобы сдаться, и их направляли в Неаполь». В столицу съехались многочисленные представители знати, включая тех, кто уже находился на французской службе. Среди них – князь Салернский с флотом, князь Бизиньяно, герцоги Мельфи, Гравина, Сора, маркиз Котроне, графы Мантуоро,

Фонди, Трипальда, Челано, Тройя, Пополо, Малдалони, Марильяно. Прибыли члены знатных семей Караффа, Кальдора, Косса [102, р. 143; 264, с. 105; 280, с. 301–302]. Все они демонстрировали покорность новой власти; позже королю Карлу Валуа была принесена присяга.

Впрочем, южноитальянские феодалы должны были получить от Карла подтверждение своих земельных владений, а также постов и привилегий. Это было мудрое решение с точки зрения нежелания короля следовать традиционному противопоставлению «анжуйской» и «испанской» по происхождению знати. За два поколения своего владычества в Неаполе представители династии Трасамаара своими действиями сформировали новую политическую и экономическую элиту, глубоко интегрированную в жизнь королевства. Прежние различия этнического происхождения отошли на второй план, уступив место новым родственным и клиентским связям.

Далее, в «Милости и статьях» объявлялось о возвращении фискальных порядков времён королевы Джованны II (1414–1435 гг.) [100, р. 46–47]. В целом было объявлено о сокращении налогового бремени на 250 тыс. дукатов в год [102, р. 152; 264, с. 111].

Поскольку, однако, на текущие нужды денег не хватало, королевские советники были вынуждены применить «непопулярные меры». Помимо римского займа в 28 тыс. экю (отправленных во Францию) и кредита от «Моро» на сумму 20 тыс. дукатов, содержание армии требовало дальнейших денежных поступлений. Поэтому на неаполитанцев был наложен чрезвычайный налог (*sussidio caritativo*) в 60–70 тыс. дукатов. Затем французы приступили к сбору традиционного налога «*dogana delle pecore*» в Апулии и Абруцци – 100 тыс. дукатов, которые должны были быть собраны к 25 апреля. При этом Карла VIII удовлетворяла сумма в 60 тыс. дукатов, но уже к 8 марта. Кроме того, новые подданные должны были выплатить налог, введённый Ферранте I, – с каждого «очага» (семьи) [224, р. 248]. В результате этих мер, по замечанию М. Санудо, «неаполитанцы сразу стали недовольны французами» [224, р. 245].

4.2. Завершение завоевания Неаполитанского королевства

После вступления короля Карла VIII в Неаполь вне власти французов оставались главные укреплённые места столицы – крепости Кастель-Нуово и Кастель-делль-Ово, форт Торре ди Сан-Винченцо на рифе в гавани, крупные города страны – Бриндизи, Галлиполи, Амантея и Тропея, а также крепость города Реджо в Калабрии. В Неаполитанском заливе острова Искья, Прочида и Капри служили местом базирования арагонского флота в составе 14 галер под командованием принца Федерико д'Альтамурра.

Эти очаги сопротивления необходимо было подавить как можно скорее. Первыми в очереди стояли неаполитанские замки. Прежде всего это касалось Кастель-Нуово, который контролировал гавань Неаполя, а его пушки могли обстреливать город. После безрезультатных переговоров Тривульцио с маркизом

Пескара 24 февраля французские войска под командованием Габриэля де Монфокона и Жана де Ла Гранжа штурмовали Кастель-Нуово. Штурм завершился без результата; с каждой из сторон погибло по 100 человек. Следующей ночью в замок высадилось с трех галер, подошедших к берегу, подкрепление – 250 солдат [87, р. 317–318]. Стало ясно, что лобовой атакой крепость взять нельзя, и французы сделали ставку на артиллерийский обстрел.

По сведениям Санудо, в осаде крепости приняло участие 70 тяжёлых орудий [224, р. 234]; непосредственный свидетель событий Джованни Пассеро даёт более приближённую к реальности картину – 30 стволов, объединённых в 4 батареи [176, р. 68; 181, р. 280]. Французские пушки обстреливали Кастель-Нуово непрерывно, даже в ночное время [98, р. 69]. Обстрел был таким интенсивным, что у французов даже закончились боеприпасы, так что пришлось за ними посылать в Остию [224, р. 247]. Наконец, артиллерийский обстрел дал результат: один из снарядов попал в крышу порохового склада крепости, вызвав там пожар. Среди гарнизона, состоявшего преимущественно из немецких ландскнехтов, распространилась паника [98, р. 69].

Их капитаны, видя, что «они не могли честно погибнуть в открытом сражении», решили изменить контракту и сдаться осаждающим. Они вступили в переговоры с французами, тогда как командующий, маркиз Пескара, был вынужден удалиться в другой неаполитанский замок – Кастель-дель-Ово [98, р. 69–70]. По результатам переговоров с немецкими наёмниками им было разрешено покинуть Кастель-Нуово «с тем имуществом, что они смогут унести», и удалиться на свою родину, что и было сделано (7 марта). Так, по словам Ф. Гвиччардини, «из-за трусости и скупости охранявших его пятисот немцев» пал самый значительный оплот власти Арагонцев в Неаполе [102, р. 142; 264, с. 105].

После встреч Карла VIII с принцем Альтамура (см. ниже) французы начали артиллерийский обстрел второй неаполитанской крепости – Кастель-дель-Ово. Поскольку она была построена для защиты города от нападений с моря, то не предназначалась для обстрела городских районов. Её защитники могли пользоваться против нападающих преимущественно арбалетами (через узкие бойницы), тогда как французы вели полноценный артиллерийский обстрел с господствующего над городом холма Пиццофальконе.

Карл VIII лично, уже на следующий день после начала обстрела, во время обеда наблюдал за действиями своих артиллеристов в месте их расположения [224, р. 258]. Обстрел крепости продолжался несколько дней, пока король не призвал её защитников к немедленной капитуляции. Было принято решение сдаться, если в течение 8 дней крепость не получит помощь. Таким образом, 21 марта ещё один укреплённый оплот Арагонского дома в Неаполе, Кастель-дель-Ово, оказался в руках французов [87, р. 319; 102, р. 143; 138, р. 183; 224, р. 262; 264, с. 105; 280, с. 303]. Защитники башни Торре ди Сан-Винченцо сдались ещё 12 марта.

Итак, «за несколько дней всё королевство подчинилось Карлу с необыкновенной лёгкостью». В руках Арагонцев осталось лишь несколько городов. Для

приведения к покорности обширной территории Неаполитанского королевства, «во все края... были разосланы капитаны и рыцари». Как правило, местные власти принимали французских эмиссаров с послушанием, «почти все коменданты крепостей капитулировали без боя». Впрочем, были исключения, причём некоторые из них объясняются тем, что в ту или иную местность посланцы Карла VIII просто не доехали. Так, если жители Тропеи и Аманти, недовольные новыми правителями, изгнали их, то крупные города Бриндизи и Отранто, «ввиду отсутствия французов», просто не признали власть последних [102, р. 143; 264, с. 105]. Как отмечал М. Санудо, «поскольку у Арагонцев не было никого, кто был бы им верен, они всё сдали без боя королю Франции» [224, р. 262].

4.3. Переговоры принца Альтамура

Помимо крепостей Неаполя, действенной военной силой Арагонской династии после вступления французов в столицу оставался флот. Он дислоцировался на Искье, находясь под командованием принца Федерико д'Альтамура. Принц пользовался авторитетом среди князей и монархов, поддерживая со времени правления своего отца отношения с европейскими дворами и находясь с ними в родстве (он был женат на Анне Савойской, племяннице Людовика XI, став тем самым кузеном Карлу VIII).

Выступая от имени своего племянника, Федерико вступил с Карлом VIII в переговоры (согласно Ф. Гвиччардини, по инициативе французского короля). Дважды он приезжал в Неаполь, где встречался с французским монархом, пока знатные заложники из числа приближённых последнего находились на арагонском корабле. Федерико был принят королём перед осаждённым замком Кастель-дель-Ово, непосредственно перед крепостным рвом. Они беседовали, сидя под оливковым деревом, недалеко от артиллерийских орудий (7 марта) [248, р. 132, 136].

Федерико предложил своему визави признать за Ферранте королевский титул и оставить ему власть над Калабрией. Карл возразил, что поскольку Неаполитанское королевство было в своё время узурпировано у законных владельцев, сохранить титул за Арагонским домом будет неправильно. Максимум, на что он согласен, при переезде Ферранте во Францию, это пенсия в размере 30 тыс. дукатов и высокородный брак (Карл VIII – герцогу Бурбону, 28 марта 1495 г. [138, р. 183]. Ср.: [102, р. 144–145; 264, с. 106]). Согласно Ф. де Коммину, бывшему неаполитанскому королю было предложено во Франции «большое герцогство» [280, с. 302]. В свою очередь эти условия не удовлетворили Ферранте и Федерико. Вторая встреча принца с королём, состоявшаяся на следующий день, не принесла ничего нового. Каждая из сторон осталась при своём.

После неудачных переговоров арагонский флот под командованием принца Федерико отплыл на дружественную Сицилию; на Искье остался гарнизон под

командованием Иньиго д'Авалоса, брата маркиза Пескары. Имеющегося у Карла VIII флота в составе генуэзских и провансальских кораблей было недостаточно для того, чтобы захватить острова Неаполитанского залива и изгнать оттуда сторонников Арагонской династии. Поэтому для подготовки и выполнения данной задачи в Неаполе был объявлен сбор корабелов и конопатчиков, необходимых для строительства кораблей. Кроме того, от «Моро» ожидалось подкрепление в 12 галер [102, р. 148; 138, р. 162; 224, р. 259; 264, с. 109]. Этим планам не было суждено сбыться по причинам как политическим (измена «Моро»), так и техническим (сожжение арсенала в Неаполе и нехватка необходимых мастеров) [127, р. 342].

4.4. Попытка антитурецкого восстания на Балканах

В основе идеологии итальянской экспедиции Карла VIII лежали лозунги освобождения Святой земли от турецкого владычества. Ещё 24 января 1494 г. Гийом Брисонне говорил флорентинцу Франческо делла Каза, что «ради одного только Неаполитанского королевства не было бы сделано ни шага, но он [король] движется к турецкому предприятию» (Франческо делла Каза – Джентиле д'Ареццо и Пьеро Содерини, 24 января 1494 г. [168, р. 273]). Эти же идеи содержались в посланиях к великому магистру госпитальеров д'Обюссону, которые король направил ему незадолго до начала итальянского похода. Карл VIII приглашал великого магистра, как «специалиста» по турецким делам, присоединиться к нему в Риме с целью обсуждения похода против турок [243, р. 328–329]. Будучи в Асти, король нашёл на сюрко изображение иерусалимского креста – символ крестоносца [70, р. 404, 406].

Титулы короля Иерусалимского, а также императора Константинопольского, которые принял Карл Валуа, обязывали его не ограничиваться пустыми обещаниями, а действительно приложить усилия к реализации заморских проектов. Наличие во французском войске османского принца Джема являлось значительным козырем в возможных отношениях с султаном Баязидом II. Поэтому неожиданная смерть Джема не просто огорчила короля, а поставила под сомнение его крестоносные планы. Впрочем, даже после смерти султанзаде и захвата Неаполя первое время Карл VIII этих планов не оставлял: «Эта смерть не повлияла на намерения Карла, привыкшего действовать скорее решительно, чем благоразумно, начать войну против турок» [102, р. 145–146; 264, с. 107]. В качестве места для их реализации были избраны Балканы, на протяжении полутора сотен лет являвшиеся полем столкновения христиан с мусульманами.

Судя по всему, «балканский проект» был предложен во время пребывания Карла VIII в Монферрате в октябре 1494 г. одним из сторонников французского влияния на Апеннинском полуострове, маркизой Монферратской Марией Бранкович. Будучи по происхождению дочерью правителя одного из сербских княжеств, а по браку – супругой (с начала 1494 г. вдовой) представителя боковой ветви династии Палеологов, маркиза испытывала очевидный интерес к бал-

канским делам. Реализовать проект должен был её племянник, родственник византийского рода Комнинов Константин Арианити (Аранити) [70, р. 581; 127, р. 283]. Последние несколько лет он проживал в Казале-Монферрато, исполняя обязанности регента при малолетнем сыне Марии.

Арианити, взявший титулы графа Македонии и герцога Ахайи, должен был отправиться в Далмацию, чтобы спровоцировать там восстание против турок. Несмотря на то что Лодовико «Моро» безуспешно пытался отговорить его от поездки на Балканы, Константин всё же выехал в Далмацию. По-видимому, часть христианских элит подпавших под турецкую власть областей действительно не исключала возможности восстания. По воспоминаниям Ф. де Коммина, возможно, основанным на донесении Арианити, «три густонаселённые страны – Албания, Славония и Греция, и их жители постоянно ждали известий о нашем короле от своих друзей в Венеции и Апулии и сами писали им, ожидая лишь этого Мессию, чтобы восстать» [280, с. 303]. Архиепископ Дураццо Мартино Фирмиани также держал связь с албанской знатью, включая родственников Скандербега: «Все они были готовы встать на сторону короля» [280, с. 304. Ср.: 102, р. 146; 264, с. 107].

Карл VIII обдумывал идею направить в Далмацию 6 тыс. солдат под командованием Антуана де Домжюльена [127, р. 349]. Вероятно, у него были на то веские основания. В письме герцогу Бурбону король писал: «Албанцы, услышав о победе короля, убили турок, у которых находились на службе... и подняли флаги короля... провозглашали славу Франции и послали людей господину Гизу, находившемуся в Отранто, чтобы просить короля отправить им войско, с помощью которого они вернут Грецию и предадут её ему в руки» [125, р. 216–217].

Оружие повстанцам должен был доставить архиепископ Фирмиано, проживавший в Венеции. Французский посол Коммин настоятельно просил его отъехать в Албанию как можно скорее, но поскольку прелат оказался «человеком легкомысленным», дело потерпело крах. Зная, что Венеция отрицательно относится к усилению французов на берегах Адриатики, архиепископ медлил с отъездом. Когда он наконец решился, венецианский Совет десяти уже направил султану посланника Альвизе Сегундино с сообщением о смерти Джема. Чтобы кто-то другой не прибыл первым, порты республики были перекрыты, и епископ не смог оттуда выбраться. Нагруженный мечами, копьями и доспехами корабль «бедного архиепископа» был перехвачен и препровождён в порт; затем прелата задержали. После допроса Советом десяти его отпустили, позволив остаться в Венеции [224, р. 255].

Таким образом, потенциальные мятежники на Балканах не получили ни прямой военной поддержки, ни обещанного вооружения. Французский эмиссар Константин Арианити был вынужден бежать из Албании в Апулию [127, р. 349, п. 507; 280, с. 304]. В дальнейшем «новые события заставили короля изменить свои замыслы» [102, р. 146; 264, с. 107], и идея крестового похода была забыта.

4.5. Противоречия между Флоренцией и Пизой

После свержения власти Медичи во Флоренции были восстановлены политические институты, сложившиеся к началу XV в. Высшим законодательным органом стал Большой совет, включавший приблизительно 3–3,5 тыс. горожан (законнорождённых, мужского пола, совершеннолетних, уплачивающих налоги, членов цехов, когда-либо рассматривавшихся в качестве кандидатов в должностные лица (*veduti*), либо являющихся прямыми потомками должностных лиц). Формирование новых органов власти проходило под знаком борьбы между «пополанами» – за расширение круга должностных лиц, и «оптиматами» – за контроль над их избранием, как это было в лучшие годы власти Козимо и Лоренцо ди Медичи [166, р. 382–384; 216, р. 270–271].

Значительное влияние на эту борьбу оказывали проповеди Савонаролы, «ибо казалось, что всё, исходящее от фра Джироламо, имело силу больше, чем человеческую» [265, с. 104]. Прочитанный им в последние месяцы 1494 г. цикл проповедей на книгу пророка Аггея содержал программу обновления церкви и политических преобразований во Флоренции. Обращаясь к персонифицированному им городу, доминиканец говорил: «Если ты хочешь сохраниться и властвовать, ты должна петь новую песню и найти новую форму» [298, с. 69]. Основным содержанием преобразований Савонарола называл утверждение в управлении республикой нравственного начала и христианских добродетелей [300, с. 230].

Довольно откровенное и точное описание происходивших во Флорентийской республике преобразований дал в «Истории Италии» Ф. Гвиччардини: «Сразу после отъезда из Флоренции короля они [флорентинцы] созвали для преобразования государственного устройства парламент, то есть собрание всех граждан согласно старинным обычаям на площади перед дворцом Синьории для открытого голосования по предложениям правительства. Установился такой режим, который под видом народного правления не столько защищал общие интересы, сколько способствовал влиянию нескольких лиц» [102, р. 132; 264, с. 98].

Вряд ли Большой совет мог стать эффективным органом власти. По самой природе далеко не все его члены могли посещать заседания; не случайно первоначальный кворум в 1000 человек был позднее сокращён до 600 [213, р. 151–192]. Совет раздирали внутренние противоречия. При этом во главе оппозиции народному правлению стояли лица из числа близких изгнанному семейству Медичи – Бернардо Ручеллаи и Пьеро Каппони.

Помимо внутренних неурядиц Флоренции пришлось столкнуться и с внешней угрозой. Как образно написал великий флорентийский историк, пока французы во главе с королём Карлом VIII продвигались к своей цели – Неаполю, «на севере Италии разгорался новый пожар, который потом разросся до громадных размеров и многим причинил ущерб» [102, р. 124; 264, с. 93]. Несмотря на достигнутый под эгидой французского монарха компромисс между Флоренцией и Пизой, отношения между этими двумя городами оставались напряжёнными.

Флорентинцы ввели в Пизу войска, находившиеся под контролем комиссара Пьеро Каппони. Однако пизанцы, не желая оставаться под властью соседнего города, изгнали должностных лиц Флоренции и обратились за поддержкой к Сиене, Лукке, Венеции и Милану.

Правитель последнего, Лодовико Сфорца, был рад досадить французскому монарху, с которым у него уже назревал разрыв. Втайне от короля и от жителей Флоренции «Моро» велел властям подвластной ему Генуи оказать пизанцам поддержку, включая помощь войсками [102, р. 124; 264, с. 93]. Примечательно, что впоследствии, в изменившейся политической конъюнктуре, Сфорца стал уже на сторону флорентинцев.

В конфликте между Пизой и Флоренцией каждая из сторон искала поддержку у французского монарха. Так, во время пребывания Карла VIII в Риме жители Флоренции обратились к нему с просьбой оставить Пизу под их властью, которая за 88 лет внесла очень большой вклад в развитие этого города. За положительное решение флорентийские послы обещали королю 120 тыс. флоринов (впридачу к полагавшейся дани). Со своей стороны, пизанский представитель в Риме Бургундио Леоли интерпретировал годы флорентийского владычества как «позорное и тяжкое рабство», разорившее Пизу и приведшее к изгнанию многих славных граждан [102, р. 127–129; 264, с. 95–96].

Следует учесть, что пизанцы имели во французском лагере сильную поддержку в лице новоиспечённого кардинала Сен-Мало, подкупленного ими [102, р. 126, 151; 264, с. 94, 111]. Вероятно, именно при участии Брисонне Карл VIII решил отложить окончательное решение спора двух тосканских городов до времени завершения своего итальянского похода. Во Флоренцию и Пизу для контроля за миром и сбора полагавшихся королю денег был направлен кардинал. Его визит не разрешил конфликт, но лишь укрепил в пизанцах уверенность в своих силах. Эту уверенность поддерживало и присутствие генуэзского отряда под командованием кондотьера Лючио Мальвецци, находившегося на службе герцога Миланского и присланного по его приказанию [102, р. 131; 264, с. 97].

Вдохновлённая примером соседей, Сиенская республика оккупировала городок Монтепульчано, на протяжении длительного времени являвшийся предметом раздора двух государств (его жители взбунтовались против флорентинцев). Как и в случае с Пизой, французский король отказал своим союзникам в помощи, причём в самых издевательских выражениях [102, р. 131–132, 152; 264, с. 97, 111].

4.6. Миссия Филиппа де Коммина в Венеции

Филипп де Коммин, считавшийся при французском дворе «специалистом» по итальянским делам, ещё во время пребывания Карла VIII в Асти был направлен монархом в Венецию. Перед дипломатом стояла задача «поддержать... нашу дружбу с ними [венецианцами]» и получить согласие на продолжение

похода [280, с. 304, 308]. Кроме того, направляя будущего автора «Мемуаров» в сторону от театра военных действий, окружение короля минимизировало его влияние и удаляло от Флоренции, с правящими кругами которой Коммин подерживал самые тесные связи [168, р. 519, 525–528].

Осенью 1494 г. Коммин прибыл в город на островах и на встрече с венецианскими аудиторами 3 октября изложил политическую программу своего монарха. Он подтвердил существующий союз между двумя странами; посол заявил, что целью пребывания Карла VIII на Апеннинском полуострове является исключительно защита своих прав, расширять которые он не намерен. От имени французского короля было предложено уступить Венеции порт на Адриатическом море, возможно, Бриндизи или Отранто, до приобретения земель в Греции в результате крестового похода. В ответ венецианцы должны вступить в войну на стороне французов, предоставив им от 10 до 20 галер с сотней или двумя лансов [139, р. 308].

Спустя несколько дней Сенат дал ответ с обычной венецианской уклончивостью: возобновлять или подтверждать существующий союз нет необходимости. Короля благодарили за сделанные предложения и напоминали об успехах турок на Балканах, близ венецианских сухопутных владений. Так, в настоящий момент одна турецкая армия двигалась в направлении Боснии [139, р. 115–118]. В ответ на предложение Карла VIII венецианцы выдвинули свой вариант: денежный заём под залог портов в Апулии [280, с. 310]. Несмотря на то что они получили отказ, республика всё же завладела городами, обещанными им ранее королём Ферранте за помощь против французов [280, с. 311, 313].

Коммин отлично понимал свою незавидную роль в качестве французского представителя в Венеции. В беседе с флорентийским послом он признавался, что «был отправлен без надежды добиться чего-либо», а лишь для того, чтобы выказать уважение республике, повысив значимость представительства в ней (Паолантонио Содерини – Пьеро ди Медичи, 16 октября 1494 г. [168, р. 527]). Действительно, после первых официальных аудиенций Ф. де Коммин не имел в Венеции никаких забот. Ему нечего было сообщать властям республики; скорее наоборот, он получал новости о продвижении французской армии от своих коллег-послов. В то же время опытный политик понимал значение Венеции как нейтральной территории, где можно было общаться с дипломатическими представителями различных государств, и использовал эти возможности [70, р. 584–585].

Так, Коммин не мог не заметить признаков подготавливаемой антифранцузской лиги (см. далее). Он писал позже в своих воспоминаниях, что иноземные послы, прибывшие в Венецию зимой–весной 1495 г., вступили в «тайные ночные совещания, ведшиеся вначале через секретарей» [280, с. 309]. При этом послы старались скрыть от него свои намерения. Миланские дипломаты даже наигранно вопрошали французского собрата, что в Венеции делают посланники императора и испанских «Католических монархов»?

Филипп де Коммин делал всё, что было в его силах, чтобы противодействовать объединению противников Франции. В письме «Моро» он напоминал миланскому правителю о том, что французские короли всегда были благодарны своим друзьям. Так, отец нынешнего монарха, Людовик XI, был в отношении родителя «Моро», Франческо Сфорца, как отец, а брату – Галеаццо Марии – всегда оказывал помощь [139, р. 171–172]. Кроме того, Коммин уговаривал венецианские власти не вступать в антифранцузскую лигу, а вместо этого поддержать предприятие Карла VIII [280, с. 309–310].

При этом ему пришлось столкнуться не только с лукавством иноземных послов, но и с двоедушием венецианских властей. Коммин ярко описывает сцену в покоях дожа (который тогда болел) при получении известий о падении замка Кастель-Нуово в Неаполе: «Думаю, что даже когда в Рим пришло известие о проигранной Ганнибалу битве при Каннах, то и тогда сенаторы не были так напуганы и потрясены» [280, с. 311]. Простодушному северянину Коммину, вероятно, венецианцы казались воплощением двуличия и обмана; в своих воспоминаниях он не раз отмечает у них соответствующие черты [280, с. 308, 310, 311].

Несмотря на все усилия Филиппа де Коммина, договор об образовании Священной лиги, имеющей целью изгнание французов с Апеннинского полуострова, был подписан 31 марта 1495 г. На следующее утро посла вызвали в Синьорию, где дож лично оповестил его об этом. В ответ Коммин сам пошёл на обман, заявив венецианским высшим чинам, что он знает о создании Лиги, и уже вчера сообщил об этом письмом своему королю. Также он добавил, что написал письма герцогам Бурбону и Луи д'Орлеану, чтобы они укрепили гарнизон в Асти во избежание захвата города врагами [280, с. 312]. В сочинении М. Санудо встреча дожа с Ф. Коммином передана в том же ключе. На вопрос французского посла, будут ли участники Лиги препятствовать королю Карлу вернуться на родину, дож ответил, что если король пойдёт как «друг», никто его не побеспокоит, если же как враг – участники лиги позаботятся о защите [224, р. 285].

Своей осторожной и гибкой линией поведения Ф. де Коммин приблизился к лучшим образцам итальянской дипломатии своего времени. Ощущая ведущиеся в Венеции приготовления к созданию антифранцузского союза, он всячески старался снизить их эффективность. Коммин как мог предупреждал своего монарха и его приближённых, и не его вина, что эти предупреждения пропали втуне [75, р. 113–118].

Сохранив лицо в печальных для Франции обстоятельствах, в самом конце мая Филипп де Коммин покинул Венецию, направившись сперва в Болонью, а затем во Флоренцию, где ожидал возвращающееся на родину войско своих соотечественников [280, с. 314]. Ему на смену в Венецию был направлен новый французский представитель – Жак де Мьолан.

4.7. Переговоры о создании антифранцузской лиги

По сообщению Марино Санудо, 1 марта 1495 г. неаполитанский посол в Венеции Джованбаттиста Спинелли «испытал большую скорбь» (*havendo habuto grandissimo dolor*), получив известие о падении Неаполя, захваченного фран-

цузскими войсками. Направившись в Синьорию, Спинелли получил соболезнования от исполнявшего в тот день обязанности (на время болезни дожа) руководителя республики, вице-дожа. Более того, неаполитанцу было позволено остаться в городе и продолжать исполнять дипломатическую миссию государя, который в тот момент времени правил всего лишь двумя небольшими замками (Кастель-Нуово и Кастель-дель-Ово) [224, р. 235].

Это решение руководства Республики Св. Марка демонстрирует его отношение к успехам французов на Апеннинском полуострове. В отличие от Милана, где Лодовико «Моро» приказал в честь победы Карла VIII зажечь на улицах города костры, венецианцы не праздновали взятие Неаполя. Власти республики ограничились сухим поздравлением французского посла Ф. де Коммина; в свою очередь, венецианские послы в Неаполе поздравили французского короля [224, р. 235, 251]. В целом жители Венеции были настроены по отношению к французам враждебно; по городу ходили слухи о насилиях, которые французы чинили в отношении женщин, и других неблагоприятных их поступках (Филипп де Коммин – Лодовико «Моро» Сфорца, 27 ноября 1494 г. [139, р. 200–206; 168, р. 148–149]).

Власти Венеции изначально вели себя уклончиво, но менялось и отношение главного союзника французов в Италии – Лодовико Сфорца. Как писал Ф. Гвиччардини, «Лодовико с каждым днём испытывал тем больший страх, чем больше французам сопутствовала удача» [102, р. 147; 264, с. 108]. Критическим рубежом стало заключение Карлом VIII соглашения с папой Александром, которое не учитывало интересов рода Сфорца. Главное – не были осуществлены территориальные приращения (Сарцана, Пьетрасанта, Пиза), на которые надеялся «Моро». Поэтому в какой-то момент миланский правитель высказал венецианским послам Бадозэру и Тревизану своё разочарование в отношениях с французским монархом, не ставящего Лодовико в известность о своих намерениях. После вступления французов в Неаполь герцог завёл разговоры об угрозе «порабощения для него и для всей Италии» [102, р. 147; 264, с. 108].

«Великолепный посол, у нас плохие новости. Неаполь потерян», – этими словами «Моро» начал 27 февраля беседу с венецианским представителем Себастьяно Бадозэром. Уже достаточно давно колебавшийся правитель Милана теперь окончательно укрепился в мысли о необходимости борьбы против французов. Он уверял венецианскую Синьорию в том, что вместе с понтификом и королём римлян (императором) ждёт её указаний [231, р. 106–107].

Действительно, успехи французов на Апеннинском полуострове сами по себе являлись угрозой для правящей в Миланском герцогстве семьи. Во-первых, в состав армии Карла VIII вошло множество изгнанников из различных итальянских государств, включая миланца Джанджакомо Тривульцио, а также геновцев Обьетто Фиески и кардинала Фрегозо [102, р. 148; 264, с. 109]. Все они являлись противниками действующей в Ломбардии власти. Во-вторых, что было ещё более опасно, на границах герцогства образовался пояс зависимых от Франции государств (Савойя, Салуццо, Монферрат). В условиях сохраняю-

щихся притязаний на Милан со стороны герцога Луи д'Орлеана (пребывавшего в соседнем с Ломбардией городке Асти), эта угроза была весьма реальной.

Далее, после отречения от престола Альфонсо II причина для враждебности между «Моро» и Арагонской династией исчезла. Более того, между двумя итальянскими государствами стали налаживаться новые связи. Феррандино, являвшийся по матери племянником Лодовико Сфорца, написал ему из Неаполя, попросив считать себя его сыном и предлагая помощь. В этих условиях «Моро» дал указание миланскому послу в Венеции Таддео Вимеркати связаться со своим неаполитанским коллегой, Джованбаттистой Спинелли, объявив тому, что герцог «очень желает сохранить его [Феррандино на престоле]» [231, р. 83].

Император Максимилиан I также боялся чрезмерного усиления Франции, «успехи французов были для него невыносимы» [102, р. 149; 264, с. 109]. Кроме того, ходил слух о намерении Карла VIII после завоевания Неаполя увенчать себя императорской короной [48, р. 147].

Более того, в последние несколько месяцев Максимилиан фон Габсбург, английский король Генрих VII Тюдор и правители Испании готовили договорённости о брачных союзах, которые должны были кардинально изменить расстановку сил в Западной Европе. С одобрения папы Александра VI 29 января 1495 г. было заключено соглашение, по которому принц Астурийский Хуан (наследник испанских тронов) женится на Маргарите Австрийской (дочери Максимилиана), а инфанта Хуана выйдет за габсбургского наследника, Филиппа Красивого [242].

Правившие в Испании Фердинанд и Изабелла опасались в первую очередь того, что Карл VIII, захватив Неаполь, захватит также и принадлежащую Арагону Сицилию [102, р. 150; 264, с. 110]. По этой причине они отправили для защиты острова свой флот, а в феврале 1495 г. заключили с Феррандино пакт, обещав помощь в обмен на 5 калабрийских крепостей (Реджо, Кротоне, Сквиллаче, Тропея, Амантея), которые могли бы стать хорошим плацдармом для испанцев на полуострове [242].

Поскольку условия Барселонского договора запрещали испанским монархам выступать против своего французского собрата, исключая случай защиты Святого престола, следовало продемонстрировать, что поход Карла VIII причинил вред римской церкви. Таким образом, без участия папы Александра VI в назревавшем антифранцузском союзе было не обойтись. Понтифика, изначально настроенного благосклонно к Арагонскому дому и враждебно – к Карлу VIII, уговаривать открыто примкнуть к противникам французов не приходилось. Вероятно, именно папу и Венецию, более всего обеспокоенных нарушением баланса сил в Италии, следует считать главными организаторами нового альянса.

Однако понтифик не мог не считаться с близостью французской армии и с мнением некоторых членов римской курии. Часть влиятельных кардиналов снова перешла на его сторону. Так, поскольку «Моро» и папа Александр VI оказались союзниками, 8 марта кардинал Асканио Сфорца возвратился в Рим. Воз-

вращение же кардинала делла Ровере, напротив, могло обернуться для Александра VI угрозой созыва собора с целью его смещения по обвинению в симонии [231, р. 391–394]. По оценке современного историка, «политика папы Александра всегда была колеблющейся и двусмысленной» [18, р. 575]. Так же он поступил и в этот раз.

Александр VI опасался французской армии и был готов покинуть Вечный город, если Карл VIII двинется в обратный путь той же дорогой, что и в Неаполь. В том, что скоро основные французские силы последуют на родину, сомневаться не приходилось. Поэтому, не имея возможности и желания избежать участия в готовящемся союзе против Франции, Александр VI вступил в Священную лигу и 27 мая покинул город, уехав в Орвието.

Итак, основные государства Западной Европы (Испания, империя) и Италии (Венеция, Милан) прониклись страхом перед успехами Карла VIII, решив создать лигу для противодействия осуществлению его агрессивных планов [280, с. 308–309]. Лучшим местом для переговоров о её создании была Венеция. Не случайно Коммин писал о венецианцах: «По своей силе, уму и умению искусно действовать они были единственными в Италии, кто мог бы легко помешать королю» [280, с. 304–305]. Кроме того, лежавший в стороне от путей похода французов на юг Апеннинского полуострова город являлся наилучшим местом, где могли собраться представители разных государств.

В тот самый день, когда французский король впервые вступил в Неаполь, 22 февраля 1495 г., Лодовико Сфорца направил двух послов, Гвидо Антонио Тривульцио (епископа Комо) и Франческо Бернардино Висконти, в Венецию, чтобы они помогли находившемуся там Вимеркати достичь соглашения о создании лиги [231, р. 94].

Между тем в начале 1495 г. в Венецию одно за другим прибывали посольства итальянских и неитальянских государств. 5 января приехал посол «Католических королей», Лоренцо Суарес де Фигероа. 17 февраля прибыла делегация императора во главе с епископом Трентским Ульрихом фон Лихтенштейном. 4 марта явились новые миланские послы. По иронии судьбы, последние привезли Ф. де Коммину письмо от «Моро», написанное в дружеском тоне. Наконец, 23 марта нунцием папы в Венеции стал Альвизе Бечетто [18, р. 559].

Первоначально послы «великих держав», собравшиеся в Венеции, проводили тайные совещания буквально по ночам. Кроме того, по сообщению Филиппа де Коммина, послы буквально «каждый день ходили в Синьорию» [280, с. 309, 311]. Несмотря на сложный состав дипломатического корпуса, представленного в Венеции, предварительные совещания прошли на удивление быстро. Очевидно, что среди договаривающихся сторон существовал консенсус относительно французской угрозы в Италии. Кроме того, власти Венеции приложили максимальные усилия, чтобы ускорить создание лиги. Несмотря на желание нунция Бечетто отправить статьи договора папе для согласования, руководство республики вынудило его подписать их немедленно, без одобрения понтифика [231, р. 397].

4.8. Создание Венецианской лиги

Потенциальные участники альянса стремились избежать проявления явного антифранцузского характера создаваемой коалиции. Поэтому Венецианская лига, или Священная лига, как её иногда называют, образованная 31 марта 1495 г., описывалась как оборонительный союз против необоснованной агрессии любого итальянского государства – а значит, теперь и французского Неаполя, – направленной на любое из заключивших этот союз государств. Не случайно дож Барбариго коварно говорил Ф. де Коммину, что лига образована для защиты от турок, обороны Италии и сохранения власти её участников [280, с. 312].

Итак, 28 марта 1495 г. послы папы, императора, Испании, Милана и власти Венеции подписали соглашение о создании Священной лиги. Три дня спустя оно было обнародовано и в торжественной обстановке во Дворце дождей скреплено печатями [224, р. 283–284]. Все участники лиги подписали соглашение в качестве итальянских государей; «Католические короли» – как монархи Сицилии и Сардинии, Максимилиан Габсбург – как сюзерен итальянских земель, входящих в состав Священной Римской империи. Добавим, что 18 июля 1496 г. в состав Священной лиги вошло неитальянское государство – Англия [91, р. 383]. Впрочем, её участие в делах лиги было минимальным [267, с. 58].

Первые строки договора о создании Венецианской лиги гласили, что образуется союз «в целях мира, и ради спокойствия [в] Италии, и ради благополучия всей христианской веры, ради сохранения достоинства и авторитета Апостольского престола, ради поддержания права Священной Римской империи и ради защиты и сохранения государств». Союз заключался сроком на 25 лет и мог быть обращён «против каких угодно господ и сил» (*dominos et potentatus*), пребывающих в настоящее время в Италии [146, р. 111–112].

Для ведения боевых действий в совместных интересах участников лиги союзники обязались выделить вооружённые силы: по 8 тыс. кавалеристов и 4 тыс. пехотинцев, а в случае невозможности их предоставить – выплатить 60 тыс. дукатов. В случае привлечения флота стоимость его содержания вычиталась из взноса того участника лиги, который его снаряжал. Обязательства папы были в два раза меньшими в отношении как войск, так и финансов. Зато понтифик должен был оказывать членам лиги поддержку «духовным оружием» (*cum armis spiritualibus*) [146, р. 112].

В случае ведения военных действий ни один из участников лиги не мог заключать мирные договоры без предварительного согласия других союзников; условия этих соглашений не должны были нести ущерб лиге (этот пункт был нарушен немедленно после битвы при Форново). Утверждалось, что договаривающиеся стороны не могут заключать альянсы с другими державами без единодушного согласия всех участников лиги [146, р. 113].

Последние статьи соглашения касались приобретения Максимилианом Габсбургом императорской короны (его отец, император Фридрих III, скончался

в августе 1493 г.). В случае прибытия римского короля в Италию для коронации участники лиги обязались предоставить ему свободный проезд через их территории и снабжать необходимыми припасами, которые должны «приобретаться за счёт самих военных за подходящую цену». При этом Милан и Венеция обязались предоставить в свиту будущего императора по 240 вооружённых людей [146, р. 115].

По сведениям М. Санудо и Ф. Гвиччардини, в дополнение к известным основным статьям соглашения прибавлялись «другие статьи» (*altri capitoli*), секретные [102, р. 150; 224, р. 284; 264, с. 110]. Они предусматривали, что «испанские силы, прибывшие в Сицилию, помогут вернуться к власти Фердинанду Арагонскому, который в расчёте на народную поддержку собирался отправиться в Калабрию; венецианский флот тем временем атакует побережье; герцог Миланский, чтобы помешать приходу новых подкреплений из Франции, попытается захватить город Асти, где оставался герцог Орлеанский с небольшим гарнизоном, а римский король, как и правители Испании, вторгнется с сильным войском на территорию Франции, для чего остальные союзники выделяют им требуемые средства» [102, р. 150–151; 264, с. 110]. Очевидно, что эти статьи были сугубо антифранцузскими и преследовали цель изгнания французов с территории Апеннинского полуострова и восстановление на троне Неаполя Арагонской династии.

Поскольку к участию в лиге были приглашены прочие итальянские государства, сын и наследник герцога Феррарского Альфонсо поступил на службу миланскому герцогу с отрядом в 150 кавалеристов (в качестве заместителя командующего) [102, р. 151; 264, с. 110–111]. Раздосадованные нерешёнными проблемами с пизанцами, к лиге присоединились флорентинцы, которым со стороны Лодовико «Моро» была обещана помощь в отвоевании Пизы и Ливорно после изгнания Карла VIII из Италии [102, р. 151; 264, с. 111].

Официально о создании лиги было объявлено в столичных городах стран-участниц в один и тот же день – в вербное воскресенье 12 апреля, с большой помпой и торжественностью [280, с. 313–314].

Главные торжества произошли в Риме. После церемонии благословения понтификом пальмовых ветвей в Сикстинской капелле венецианский посол Джироламо Дзордзи подал Александру VI воду, чтобы тот омыл руки. Этот знак отличия свидетельствовал об особых заслугах Республики Св. Марка в деле создания лиги. После мессы понтифик объявил о заключённом договоре «ради защиты церкви и сохранения мира» [37, р. 584]. Римская толпа, уловив настрой властей предрежащих, кричала «Марко! Марко!» Вечером в городе был устроен фейерверк [224, р. 306].

В качестве знака отличия папа передал венецианскому дожу А. Барбариго Золотую розу. Было издано бреве, в котором дожу предписывалось осуществлять «всеми своими силами защиту Святого престола» [224, р. 279–281].

Торжества проходили и в других городах, особенно ярко – в Венеции. Даже герцог Феррарский Эрколе велел праздновать создание Священной лиги, не-

смотря на своё франкофильство (из-за близости к Венеции) [18, р. 583–584]. В Виджевано обрадованный заключением союза Лодовико «Моро» также устроил праздник (*gran feste et soni*). Он передал своим дипломатам в Венеции инструкции, чтобы те приложили максимум усилий к тому, чтобы ускорить нападение на Асти [224, р. 287–288].

Празднество, устроенное по поводу заключения Священной лиги в Венеции, подробно описано в «Мемуарах» Ф. де Коммина. Оно началось в день фактического подписания договора и продолжалось до вербного воскресенья. После подписания договора послы государств – участников лиги отправились кататься на лодках по городу, причём «у каждого посла количество лодок соответствовало числу сопровождающих лиц и размеру выплачиваемого Синьорией содержания; а всего было около 40 лодок, украшенных штандартами с гербами хозяев». Празднество продолжалось 3 дня и сопровождалось иллюминацией и салютом. Представители венецианской элиты, послы и простые жители пировали и гуляли, тогда как посол короля Франции со своими людьми пребывали в доме, не выходя в город. В вербное воскресенье празднество было продолжено. После мессы, которую торжественно отслужил папский нунций, члены Синьории и послы прошли процессией по площади Св. Марка. Участвующие насладились мистериями на политическую тематику, а затем в присутствии венецианцев были торжественно оглашены условия лиги [280, с. 313–314].

Филипп де Коммин пишет, что в эти дни «послы Милана, по крайней мере один из них, который многие месяцы составлял мне компанию, сделали вид, будто меня уже не узнают». Простонародье же прямо издевалось над французским представителем. Так, «граф Антонио», известный всему городу безумец и мошенник, вместе с другими подобными себе шутниками нацепил на себя французские лилии. Лишь после жалобы Коммина дожу шутника заключили в тюрьму [224, р. 308–309].

4.9. Реакция на создание Венецианской лиги

О создании Венецианской лиги королю Карлу VIII официально сообщили 5 апреля в Кастель-Капуано послы Д. Тревизан и А. Лоредан. Король, предупреждённый за несколько дней до того письмом кардинала Брисонне из Рима, резко отвечал, что это позор для республики, фактически предавшей свой союз с ним. Он говорил о возмездии Венеции, угрожая закрыть «фламандскую дорогу» – один из торговых маршрутов венецианских галер. Раздражённый монарх несколько раз повторил: «Какой позор!» (*grande onta*) [224, р. 294–295].

Он снова и снова вспоминал существующие договоры с Испанией и империей, рассыпался в угрозах понтифику. Кардинал делла Ровере, присутствовавший при этом, долго не мог его успокоить. Наконец, король остыл и холодно сообщил послам, что поскольку венецианцы вступили в лигу без его ведома, он будет делать то, что следует, не ставя власти Венеции об этом в известность [224, р. 295].

Очевидно, что новость из Венеции потрясла французского короля. Спустя несколько дней он снова встретился с послами республики, чтобы сообщить им, что намеревается образовать против Венеции лигу в составе Англии, Португалии, Венгрии и Шотландии. В эту лигу предполагалось пригласить и папу [208, р. 68].

В Неаполе венецианские дипломаты подвергались насмешкам, которым они изящно противостояли. Однажды группа французов презрительно заметила секретарю венецианского посольства Франческо делла Джудекка, что они придут в Венецию, чтобы сжечь её. Он спокойно ответил, что в лагуне достаточно воды, чтобы потушить любой пожар. После этого венецианца опрокинули на землю и вывалили в грязи [152, р. 338. Ср.: 224, р. 310].

Впрочем, 30 апреля король простился с послами достаточно вежливо и сердечно, велел им передать Синьории слова о его добрых намерениях [224, р. 340]. На обратном пути из Неаполя в родной город послы побывали в Риме, где встретились с кардиналом Брисонне. На обеде с послами кардинал сообщил им, что «король весьма силен», пользуется поддержкой императора и испанских монархов, а в настоящее время обсуждается возможность его союза с понтификом [224, р. 263].

Тем не менее именно в Риме произошло первое серьёзное столкновение между «французской партией» и сторонниками вновь образованной лиги. 1 апреля группа из 60 проживавших в городе швейцарцев, предполагаемых союзников Карла VIII, подверглась на площади Сан-Пьетро нападению приблизительно 2 тыс. испанцев, включая воинов папской гвардии. В результате 16 швейцарцев, включая одну женщину, погибли. Множество было ранено. Говорили, что нападение было организованным: испанцы обратились за помощью к Чезаре Борджа, который горел желанием отомстить за разграбление дома своей матери, Ванотцы Каттанеи. Также случилось нападение на французского дворянина, который проезжал по мосту Мильвио: его ограбили [37, р. 582].

4.10. Военные приготовления участников Священной лиги

Настоящие боевые действия были впереди. Сомневаться в том, что они близко, не приходилось. Участники лиги начали действовать немедленно после подписания договора. Уже 1 апреля венецианцы направили своему послу в Риме, Д. Дзордзи, 4 тыс. дукатов для найма тысячи пехотинцев для папы; герцог Миланский должен был поступить аналогично. 2 апреля послы союзных держав предстали перед дожем. Было принято решение о приготовлении 400 рыцарей для сопровождения Максимилиана I при его прибытии в Италию ради коронации. Кроме того, для подготовки визита Максимилиана в Вормс было отправлено посольство, Впрочем, не принёсшее никакого результата. Кроме того, поскольку вероятность войны была весьма велика, для защиты папы в Рим из Венеции прибыло 625 кавалеристов, а генеральный капитан Антонио

Гримани получил повеление собрать флот и направить его к берегам Апулии, а также заняться наймом страдиотов [224, р. 286–290].

Уже 5 мая власти республики устроили своеобразный смотр или парад, на котором собранные войска представили своё мастерство перед зрителями, в числе которых находился посол французского короля, Ф. де Коммин. В своём донесении последний описывает своё впечатление от этого смотра, прежде всего восхищение страдотами, «одетыми подобно туркам, исключая то, что они не носят тюрбан». Во время выступления у одного из их коней разорвалось сердце, не выдержавшее бешеного галопа [224, р. 326]. Посол сообщил своему королю о военных приготовлениях венецианцев, а дожу – о готовности монарха придерживаться прежней политики дружбы с прежними друзьями (Филипп де Коммин – Карлу VIII, 24 мая 1495 г. [53, р. 247]). Несмотря на эти уверения, власти Венеции не удержались от враждебных действий против французского монарха: сначала в Адриатическом море, а затем и на суше.

4.11. Попытка захвата Асти Лодовико Сфорца

В начале апреля «Моро» наконец-то получил от императора посланца с инвеститурой на герцогство Миланское [102, р. 164; 224, р. 285; 264, с. 118–119; 280, с. 312]. Теперь он намеревался покончить с династическими притязаниями дома Валуа в лице принца Луи д'Орлеана, начав с принадлежащего последнему феодального владения Асти. Претензии Лодовико Сфорца на Асти подтверждались полученным от императора разрешением завоевать этот город вместе с округой; кроме того, Максимилиан направил герцогу Орлеанскому письмо с приказанием отказаться от притязаний на Милан под угрозой лишения его прав на графство Асти [39, р. 112].

Вероятно, нападение на Асти предусматривалось секретными статьями договора о создании Венецианской лиги [102, р. 165; 264, с. 119]. Поэтому Лодовико «Моро» решил без промедления начать военные действия против «занозы», являвшейся непосредственной угрозой владениям Сфорца в Ломбардии. 6 апреля 1495 г. он направил для взятия Асти кавалерийский отряд под командованием своего зятя, Галеаццо ди Сансеверино [224, р. 285; 280, с. 295]. С точки зрения миланских интересов захват Асти являлся важным шагом в деле обеспечения безопасности владений Сфорца. С другой стороны, взятие Асти, вероятно, отвечало интересам всех участников лиги, поскольку блокировало путь возвращения французской армии Карла VIII на родину. Город являлся необходимой остановкой перед трудным переходом через Альпы.

Находясь с дипломатической миссией в Венеции, Филипп де Коммин советовал своему королю оставаться в Неаполе, предоставив солдатам деньги, или уходить оттуда как можно скорее. Кроме того, посол поддерживал связь с герцогами Луи д'Орлеаном (в Асти) и Бурбоном (во Франции), обеспокоенными военной ситуацией в Асти, где было явно недостаточно сил для обороны [280, с. 311–312].

Следует отметить, что французский лагерь не исключал возможность военных операций в Ломбардии. Французов побуждал к активным действиям брат Галеаццо ди Сансеверино – граф Кайаццо. Он предложил Карлу VIII силами герцога Орлеанского напасть на Милан и Геную и, таким образом, захватив север и юг, «привести к покорности оставшуюся Италию» [44, р. 416, п. 5].

Итак, 12 апреля войска Сфорца подступили к замку Анноне – последнему миланскому оплоту на пути к Асти. Авангард составляли 1200 кавалеристов под командованием Антонио Марии ди Сансеверино и Никколо да Корреджо; 3 дня спустя к ним присоединился Галеаццо ди Сансеверино с 500 кавалеристами и 1000 пехотинцами, а позднее – артиллерия (4 большие бомбарды, два 200-фунтовых орудия, два – 400-фунтовых) [102, р. 165; 143, р. 82; 224, р. 295; 264, с. 119].

Нападение ломбардцев не застало Луи д'Орлеана врасплох. Как только он узнал о намерении ведущих итальянских государств создать лигу, он предпринял меры по укреплению гарнизона Асти. Вскоре, по сообщению Ф. Гвиччардини, «новые отряды стали спешно переходить через горы [Альпы]». Спустя какое-то время гарнизон стал составлять 300 лансов кавалерии, а также 6 тыс. французских и швейцарских пехотинцев [102, р. 165–166; 203, р. 149; 264, с. 119–120]. Прибыв под стены Асти, Сансеверино предложил защитникам капитулировать. В ответ Луи д'Орлеан назвал «Моро» предателем [224, р. 320–321]. Осада началась.

«Моро» обосновывал перед д'Орлеаном свои притязания на Асти тем, что он защищается и не желает допускать «опасного вторжения в места, являющиеся ключевыми для нашего государства» [179, р. 300–301]. Та же версия была озвучена миланским послом в Венеции Филиппу де Коммину. Поэтому, при условии вывода французских войск из Асти, «Моро» был готов пойти на мир [179, р. 303–304; 224, р. 324].

Луи д'Орлеан ответил на меморандум Сфорца 1 мая: он никогда не собирался нападать на Милан и не угрожал Ломбардии. Герцог прибыл в Асти для того, чтобы помочь своему королю в экспедиции и готов делать всё, что велит его государь, включая вывод войск из города. Пока между «Моро» и Карлом VIII не достигнуто соглашение, герцог Орлеанский предложил Лодовико Сфорца перемирие. В переговорах он уважительно титуловал своего оппонента герцогом (не уточняя, относится это к Бари или к Милану). Правда, при этом д'Орлеан не отказывался от семейных притязаний на герцогство Миланское [179, р. 306–307].

Поскольку переговоры о сдаче города либо перемирию не удались, осада Асти продолжалась. Французы во главе с Луи д'Орлеаном даже совершали вылазки, позволившие им овладеть крепостью Вальсинерой, принадлежавшей Антонио Марии Сансеверино, а позднее – ломбардским городом Новарой (см. ниже). Успехи французов были настолько значительными, что «если бы он [герцог Орлеанский] со всем войском незамедлительно подошёл к Милану, там вспыхнули бы сильные волнения», грозившие свержением власти «Моро» [102, р. 166; 264, с. 120].

Примечательно, что Венеция не участвовала в кампании против Асти. Это объясняется тем, что венецианцы выступали за то, чтобы не изгонять французского короля из Италии военной силой, а предложить ему «золотой мост» для отступления. Члены венецианского Сената 14 апреля проголосовали против участия в экспедиции на Асти (138 голосов против, 10 – за, 2 – воздержалось), хотя предотвратить выступление войск Сфорца они не могли [231, р. 417–418]. Тем не менее, столкнувшись с сопротивлением защитников крепости, отсутствием помощи со стороны союзников и недостатком денег, войска Лодовико Сфорца были вынуждены отступить от стен Асти к занятой французами Новаре [102, р. 164–167; 264, с. 119–121].

4.12. Карл VIII в Неаполе

Первые дни пребывания Карла VIII в Неаполе были заняты знакомством с новым итальянским владением и развлечениями. С одной стороны, король удовлетворял своё любопытство к диковинам и роскоши Италии, с другой – формировал определённую матрицу взаимоотношений со своими новыми подданными.

В частности, этой цели служила грандиозная джостра, которая длилась несколько дней – с 22 апреля по 1 мая. Турнир проходил на площади перед замком Кастель-Нуово. Он проводился без приза, «за честь и славу победы и за короля» [224, р. 315]. В турнире, подробное описание которого дошло до нашего времени, приняли участие как французские, так и итальянские рыцари (Марино Караччоло – маркизу Мантуанскому Франческо Гонзага, 13 апреля 1495 г. [230, р. 364–365]) [70, р. 601–602]. Несомненно, он должен был иметь большое идеологическое значение в качестве средства сплочения двух разных по происхождению групп элиты Неаполитанского королевства.

В целом можно сказать, что свои дни юный монарх проводил весело и занимательно. Началом послужил осмотр богатств Кастель-Нуово, «самого роскошного особняка» [249, р. 263]. При этом король велел раздать народу хранившиеся там запасы продовольствия. 8 мая Карл VIII посетил в Посирилло «пещеру Вергилия» – древнеримский туннель для проезда верхом. Следующими на очереди были горячие сульфатные источники в Кампи-Флегреи, которые были испытаны на предмет того, могут ли в них свариться живые организмы (осёл и кошка). 17 мая монарх отстоял мессу в церкви Монте-Оливето, а затем разглядывал терракотовую скульптуру Пьеты работы Гвидо Мадзони. Художник был приглашён во Францию, где впоследствии выполнил гробницу Карла VIII в Сен-Дени (разрушенную во время Великой Французской революции). Были приглашены и некоторые другие итальянские мастера, а отдельные шедевры искусства приготовлены к вывозу во Францию. Так, монарх решил отправить на родину великолепные бронзовые ворота замка Кастель-Нуово (они были перехвачены генуэзцами и возвращены в Неаполь). Эти и другие развлечения занимали большую часть времени короля [18, р. 596–599]; «нерасположенный

к трудам и не желающий выслушивать жалобы и прошения Карл возложил бремя государственных забот на приближённых, что привело из-за их неспособности и алчности к полной неразберихе» [102, р. 152; 264, с. 111].

Значительная часть французской знати, прибывшей вместе со своим государём в Неаполь, также окунулась в лёгкую и весёлую средиземноморскую жизнь. Этому способствовала простота, с которой французы овладели крупнейшим государством Италии: «Постоянное везение только усилило их обычную беспечность; важные дела они предоставили на волю случая, а сами лишь предавались веселью и удовольствиям; те же, кто пользовался влиянием при дворе, старались извлечь из этой победы как можно больше для себя лично, не думая о пользе и чести своего государя» [102, р. 145; 264, с. 107]. В результате, по замечанию Ф. Гвиччардини, со временем отношение к французам в Неаполе стало негативным, «потому что они предались увеселениям и не думали о завтрашнем дне, вместо того чтобы изгнать Арагонцев из тех немногих мест, которые они ещё удерживали, что было нетрудно сделать, пока удача сопутствовала завоевателям» [102, р. 152; 264, с. 111].

Неаполь предоставлял своим новым хозяевам великое множество соблазнов, среди которых не последнее место занимали удовольствия богини Венеры. Сам король не избежал раны от стрелы Амура. Ходили слухи, что он серьёзно увлёкся Элеонорой ди Марцано, дочерью герцогини Мельфи. Юную Элеонору представила королю её мать, намеревавшаяся при помощи дочери добиться благоприятного для себя разрешения спора о принадлежности графство Челано [18, р. 600]. Впрочем, вероятнее всего эта страсть носила платонический характер; впоследствии Элеонора вышла замуж за князя Бизиньяно.

Помимо светских развлечений король принимал активное участие в религиозной жизни Неаполя. Ежедневно благочестивый Карл посещал мессу, всякий раз – в разных церквях [249, р. 253–265]. На Пасху 19 апреля он прослушал литургию, которую отслужил в церкви Сан-Пьетро его ближайший советник, кардинал Сен-Мало. Утром того же дня монарх исцелял золотушных, прибывших в столицу из разных мест Regno [224, р. 245; 249, р. 260]. Наконец, 3 мая он присутствовал на ежегодном чуде закипания крови Святого Януария, осуществление которого явилось ещё одним подтверждением легитимности нового правителя Неаполя [249, р. 261–262].

4.13. Организация власти в Regno

По замечанию современного историка, в Неаполе Карл VIII, свободный от ограничений семейства Бурбонов (старшей сестры и шурина), вёл себя по-настоящему царственно [18, р. 591]. Однако помимо развлечений и забав следовало подумать об организации власти и управления. Карл это понимал. Не случайно в своём письме герцогу Бурбону он писал: «Каждый день, без остановки, я перестраиваю правосудие этого королевства, которое я обнаружил в большом беспорядке, когда знать и подданные угнетались» (Карл VIII – герцогу Бурбону, 28 марта 1495 г. [138, р. 186]).

После завоевания Неаполитанского королевства необходимо было полностью реорганизовать его административную и политическую структуру. Впрочем, Карл VIII не собирался менять сложившуюся систему управления. По замечанию М. Маллета и К. Шоу, «администрация, созданная французами в Неаполе в период недолгой первой оккупации королевства, была результатом неловкого компромисса между произволом и сохранением статус кво» [156, р. 28]. Не было предложено никаких проектов институционных преобразований; по сути, Карл VIII просто внёс персональные изменения, начиная с семи «великих должностных лиц» (*Grandi Uffici*) [190, р. 50–53]. Здесь его назначения были следующими:

великий коннетабль – Бери Стюарт д’Обиньи (вместо Вирджинио Орсини);
великий сенешаль – Франсуа д’Алегр, сеньор ди Преси;
великий юстициарий – Жильбер де Бурбон-Монпансье;
великий протонотарий – Жан Рабо (вместо Джоффри Борджа);
великий камергер – Этьен де Векс;
великий канцлер – Джакомо Караччоло, граф Бриенца;
великий адмирал – Антонелло ди Сансеверино, князь Салерно [127, р. 350–351].

В основном это были французы, только двое из назначенных являлись неаполитанцами.

Далее был утверждён состав Священного совета (*Sacro Consiglio*) – 12 человек. Опять же в основном это были французы и всего один итальянец: Жильбер де Монпансье, Филипп де Бресс, кардинал Гийом Брисонне, маршал Жье Пьер де Роган, Жан де Фуа-Нарбонн, Жан де Ганэ, Этьен де Векс, Луи де ла Тремуиль, Бери Стюарт д’Обиньи, Луи де Люксембург, Жак де Мьолан, гуманист и секретарь арагонских королей Джованни Понтано [127, р. 351].

Безусловно, король стремился окружить себя людьми, которым он мог доверять. По этой причине среди назначенных им высших должностных лиц было так мало местных уроженцев. Тот же принцип был выдержан при утверждении местных органов власти. Должности губернаторов городов и крепостей получили только французы. В отсутствие монарха управлять Regno должен был вице-король – Жильбер де Бурбон-Монпансье [18, р. 592]. Помимо капетинского происхождения у графа Монпансье было ещё одно немаловажное достоинство – его супруга Кьяра являлась сестрой маркиза Мантуанского, Франческо Гонзага. Вместе с тем личные качества графа, вероятно, оставляли желать лучшего; Филипп де Коммин дал ему двусмысленную и едкую характеристику: «Добрый и храбрый рыцарь, но легкомысленный человек; раньше полудня он и не вставал» [280, с. 316].

Итак, по замечанию Коммина, «все службы и должности были отданы французам», причём иногда одну должность давали нескольким лицам [280, с. 303]. В целом эта ситуация была характерна и при решении земельного вопроса. Здесь исходным пунктом было то, что за местной знатью сохранялись их владения, а самовольные захваты земель аннулировались [280, с. 303]. Увы, как нередко бывает, на практике сложилось немного иначе.

В наделении землями и титулами Карл VIII проявил большую щедрость. Неаполитанец Микеле Риццо, впоследствии переехавший во Францию, иронично замечал: хорошо, что Карл VIII не родился женщиной, поскольку он не умеет отказать и сказать «нет» [232, р. 483–484, п. 2].

Большую часть пожалований получили французы. Перрону де Баски досталось графство Сарно, кардиналу Джулиано делла Ровере – Капуя (пожизненно), Филиппу де Брессу – княжество Сквиллаче (феод Джоффре Борджа). Антуан де Бассе получил графства Арена и Стилло, Гийом де Вильнёв – Лучеру и Фодджу, Франсуа д’Алегр – Монтеальто и Амантею, Грасьен д’Агерре – Монторио, Гийом де Клерьё – маркизат Котроне, Луи де Линьи – графство Конверсано, Этьен де Веск – герцогства Асколи и Нола, графства Авеллино и Антрипальда. Луи де ла Тремуйль, Жан де Ганэ и Жан де Ма-де-л’Иль получили в дар от короля соляные разработки в Калабрии, приносящие огромный доход [18, р. 593].

В последующем, отбывая из Неаполя, король щедро наделил землями итальянских капитанов, включая представителей семейства Колонна. Фабрицио Колонна получил графства Альбе и Тальякоццо (которые ранее принадлежали Вирджинию Орсини), Просперо Колонна – герцогство Трайетто, город Фонди (ранее – у семейства Гаэтани), а также Монтефортино с окрестностями (ранее – у семейства Конти) [102, р. 156; 264, с. 114]. Поскольку французы не заняли Бари, можно считать, что Карл VIII признал права на это герцогство за своим союзником Лодовико Сфорца (так же, как и на графство Россано) [224, р. 261].

По идее, пожалование должностей, титулов и земель должно было привести к формированию в завоёванном королевстве нового правящего класса. Однако существует множество свидетельств того, что французские нобили были заинтересованы главным образом в том, чтобы обратить свои земли и привилегии в наличные деньги; они не собирались поселиться в Regno или образовать с ним устойчивые связи [66, р. 183–257]. За несколькими исключениями пришельцы не стремились прочно укорениться в Италии. Одним из подтверждений этому служит то, что лишь немногие аристократы заключили браки с местными красавицами: маршал Жье и граф Линьи связали себя узами с семейством Гевара, князь Салерно женил своего 10-летнего сына на дочери Жильбера де Бурбон-Монпансье [18, р. 592–593; 127, р. 369; 224, р. 325].

Далее, пожалованиями не были обойдены и «анжуйцы», то есть местная знать французского происхождения, некогда лишившаяся владений от рук арагонских королей. В их пользу Карл VIII издал 82 подтверждения владения, 34 акта реституции, тогда как для других итальянских нобилей – 58 новых пожалований и 23 акта реституции. Чувствуя благоволение монарха, «анжуйцы» стали им злоупотреблять, незаконно пользуясь чужими титулами и приобретая замки и земли по низким ценам у французов, которые не собирались задерживаться в Неаполе [127, р. 353].

В любом случае, львиную долю добычи присвоили французы. Хотя сам Карл VIII собирался следовать справедливости, он не был в состоянии лично проконтролировать её соблюдение и исправить все нарушения. Многие лица из числа его приближённых и придворных отличились своими злоупотреблени-

ями. Нередко наблюдалась такая картина, когда один и тот же титул (с прилагающимися к нему земельными владениями) продавался три или четыре раза. По свидетельству современника, за небольшую запись в актовых книгах чиновники Карла VIII брали по 50 или 100 дукатов. Марино Караччоло, будущий кардинал, в письме Франческо Гонзага писал: «Все раздражены [французами], которые ведут себя скорее как турки» (Марино Караччоло – маркизу Мантуанскому Франческо Гонзага, 13 апреля 1495 г. [230, р. 363–365]).

Даже француз Ф. де Коммин, впрочем, весьма критически настроенный по отношению к «правительству» Карла VIII, отмечал злоупотребления своих соотечественников: Виск присвоил герцогство Нольское, президент Ганэ – значительную сумму денег [280, с. 302]. Не случайно после ухода французов из Неаполя в королевстве началась целая череда судебных процессов о возвращении незаконно изъятых владений. Основную вину за случившиеся злоупотребления местная знать и простонародье возлагали на короля, который «полностью оставил бремя дел» [102, р. 152; 264, с. 111]. То же констатировали и внешние наблюдатели: по сообщению венецианских послов, в управлении королевством царил хаос [224, р. 340].

По свидетельству Ф. де Коммина, в Неаполе Карл VIII «только и помышлял о приятном времяпровождении» [280, с. 315]. Пришедшие с ним французы не отставали от своего государя. В Неаполе у солдат победившей армии было всё: мародёрство, вино и женщины [18, р. 612]. Несмотря на самый разгар Великого поста, солдаты и их командиры не ограничивали себя в удовольствиях, которые даруют Венера и Вакх. Как было указано, сам король подавал солдатам в этом пример [224, р. 240–241]. Вот как венецианец Джованни Брагадин, бывший представителем республики в Неаполе, описывал привычки захвативших город французов: они «грязные и развратные», проводят своё время «в грехах и венериных действиях» (*in pecai et in atti venerei*), они воруют и насилюют неаполитанок. Королевские солдаты привезли с собой бесчисленную свору «бездельников, тавернщиков и проституток» (*zente inutile, osti e meretrice*) [224, р. 344].

Грязь и антисанитария, развитая при дворе, породили новую болезнь. Её называли в Италии «французской» (*male francese* или *morbo gallico*) [102, р. 222; 264, с. 155]. Впервые эта болезнь была подробно описана в изданном в 1530 г. трактате веронского врача Джироламо Фракасторо под именем сифилиса [301]. Причина и источники появления этой болезни в Европе до сих пор являются поводом для споров. Вероятно, сифилис был завезён в Испанию моряками Христофора Колумба. Теории о французском происхождении болезни в Неаполе 1495 г. имеют, по-видимому, характер политического памфлета.

4.14. Недовольство неаполитанцев французами

Безусловно, что такое положение дел не могло не вызывать гнев и протесты у жителей Неаполя. Главной причиной распространившегося недовольства неаполитанцев была жадность французов. Не случайно граф Барбиано писал: «Дела идут от плохого к худшему, и каждый день сердца людей ожесточаются

до такой степени, что даже “анжуйцы”, которые желали прибытия [французского] короля, говорили, что они сдадутся Великому турку [султану], вместо того, чтобы терпеть французов» (цит. по: [230, р. 336]). Неаполитанская земля не знала таких бедствий, что сейчас совершают французы, повторял он несколькими днями позднее [230, р. 337].

Так же, как ранее во Флоренции и Риме, история повторялась в Неаполе: местные жители, сначала радующиеся приходу французов, затем начинали их ненавидеть. Французским рыцарям следовало бесплатно предоставить «комнату и кровати для двух людей, огонь, свечи, конюшни для лошадей». При этом за всё остальное они должны были платить [87, р. 346] – но платили ли? Недоброжелательно настроенный к французам М. Санудо писал: «Неаполитанцы тотчас стали недовольны французами; это потому, что они были вассалами у себя дома, а французы – [их] сюзеренами» [224, р. 245–246].

С приходом завоевателей в обыденность вошли насилие и злоупотребления. Один характерный случай зафиксирован у того же Санудо: «Неаполитанцы были недовольны наглостью [французов, которые] жили в их домах, ели и пили... и пользовались их одеждой, как своей... и позорили женщин, и... [если женщины] не желали давать согласие, их убивали... и даже в случае согласия, чтобы отнять кольца, которые были на пальцах, они отрезали пальцы». Будучи не в состоянии более терпеть подобное насилие, жители Неаполя обратились к Карлу VIII с просьбой его пресечь. Однако, не имея средств для уплаты солдатам полагающегося им жалованья, король не мог укрепить их дисциплину, так что ситуация принципиально не изменилась [224, р. 267]. Были повешены 8 человек, но этого явно было мало. Насколько плохо король осознавал реальность, говорит его следующий поступок: когда солдат украл у бедной крестьянки курицу, король велел его арестовать и возместил утрату золотой монетой [204, р. 517].

Как следствие, в городе распространялись антифранцузские настроения. Люди ожидали возвращения короля Феррандино. По улицам шёпотом спрашивали один другого: «Брат, когда мы его увидим?» (*mo frate, quando vene lo Compare?*) [204, р. 106]. Недовольство распространилось и за пределы столицы. В Л'Акуиле, беспокойном городе, всегда первым восстававшим против любых властей, жители поднялись против взятого вперёд налога на отгон и ещё в апреле вступили в Равенне в переговоры с венецианцами о том, чтобы перейти под их власть. Впрочем, их предложение было отвергнуто, поскольку противоречило соглашению о Священной лиге [152, р. 338; 224, р. 316].

Карл VIII не сумел завоевать признания и среди знатной верхушки своих новых подданных. Хотя местная знать в основном сохранила свои владения и должности на местном уровне, её гордость была задета французским высокомерием и демонстративной снисходительностью [156, р. 28]. Не случайно Ф. де Коммин поставил в упрёк королю то, что он не сумел привлечь на свою сторону неаполитанскую знать, включая тех, кто имел «анжуйское» происхождение [280, с. 302].

Чтобы подытожить положение, сложившееся в Неаполитанском королевстве после вступления туда французов, обратимся к гению Ф. Гвиччардини, пространную цитату из сочинения которого мы позволим себе здесь привести: «Знать не была привязана к новым правителям ни их вниманием, ни наградами, получить доступ в учреждения и к королю было чрезвычайно трудно для всех без разбора, любые заслуги почти не учитывались, отвращение, которое многие питали к Арагонскому дому, никак не поощрялось. Возвращение владений и имуществ людям анжуйской партии и другим баронам, изгнанным Фердинандом старшим [Ферранте I], наталкивалось на препоны и постоянно откладывалось. Милости и услуги оказывали тем, кто добивался их подарками и окольными путями, кто-то страдал безвинно, а кто-то обогащался незаслуженно. Почти все должности и имущество, отнятое у многих, достались французам, и почти все земли домена (так называют те имения, которыми распоряжается сам король) к неудовольствию жителей были розданы, причём большей частью французам. Всё это причиняло подданным тем больше неудобства, что они привыкли к благоразумному и умелому правлению арагонских королей, а от нового короля ожидали ещё большего. Сказывалась и природная спесь французов, умножившаяся благодаря лёгкой победе и настолько повысившая их самомнение, что итальянцев они ни во что не ставили. При размещении в Неаполе и других частях королевства, где находились французские солдаты, они вели себя наихудшим образом, нагло и бесцеремонно, так что великая симпатия населения к ним сменилась великой ненавистью; напротив, ненависть к арагонцам была вытеснена сочувствием к Фердинанду, подогреваемым всеобщими надеждами на его доблесть и воспоминаниями о том, как кротко и стойчески он говорил перед отъездом с неаполитанцами. Поэтому и столица, и всё королевство с таким же нетерпением ожидали случая призвать арагонцев назад, с каким за несколько месяцев до того желали их краха» [102, р. 152–154; 264, с. 111–112].

4.15. Церемониальное вступление Карла VIII в Неаполь

К началу мая Карл VIII уже был уверен в том, что вскоре французам предстоит отъезд из Неаполя. Он устроил порядок управления в королевстве, произвёл перераспределение должностей и земельной собственности. Перед отъездом требовалось совершить торжественный акт, который мог бы сгладить в глазах подданных ретираду короля. С одной стороны, поскольку Карл уже являлся помазанным монархом (пройдя помазание в Реймсе), повторять эту процедуру в Неаполе не требовалось. С другой стороны, не получив инвеституру от папы (см. ниже), он не мог считаться полностью легитимным правителем. Поэтому было решено ограничиться традиционной неаполитанской церемонией торжественного проезда по городу и вручения королевского титула, что было совершено 12 мая [102, р. 159; 127, р. 361, п. 521; 224, р. 278–279; 264, с. 115].

После завтрака король со свитой, в большом алом плаще и с короной на голове, двинулся во главе процессии к собору Санта-Мария-Ассунта [249, р. 266].

В процессии участвовали все высшие лица Regno и верхушка духовенства, которое возглавлял архиепископ Неаполитанский. Карл был облачён в королевские одежды и специально изготовленную корону, в руках у него были держава и скипетр. Он ехал верхом на кобыле Белладонне, некогда принадлежавшей Ферранте I, в окружении эскорта из пеших арбалетчиков.

Достигнув собора, король сел на приготовленный трон. Герольд торжественно перечислил все пожалования титулов, которые были сделаны Карлом; при этом не упоминались восстановленные в своих правах «анжуйские» нобили (поскольку речь шла только о пожалованиях). Затем перед алтарём монарх дал клятву быть для своих подданных добрым правителем [70, р. 602–603]. Присутствующие прослушали мессу, после чего Джованни Понтано произнёс торжественную речь, полную инвектив в адрес Арагонской династии: «Он был наставником и учителем Альфонса [II], но то ли из ораторских амбиций, то ли чтобы угодить французам, теперь он чрезмерно порицал предшествующую династию, коей был так обласкан» [102, р. 159; 264, с. 116]. Впрочем, исследователи сходятся во мнении, что в действительности речь Понтано не содержала высказываний против Арагонцев [87, р. 363–364; 127, р. 338, 368].

Завершающим этапом церемонии было принесение неаполитанскими баронами присяги королю (17 мая). Вся эта церемония не могла не произвести впечатления на неаполитанцев, тем более что при её завершении казначей разбрасывал толпе у выхода из собора отчеканенные монеты нового государя. Однако при этом отсутствовал один важный элемент – признание со стороны главы церкви, римского папы. Поскольку Regno считалось феодалом, для подтверждения легитимности правления требовалось получить инвеституру от его феодального сюзерена – папы.

4.16. Переговоры об инвеституре

Всё время своего пребывания в Неаполе Карл VIII продолжал добиваться от Александра VI инвеституры. 19 марта в Рим отправилось очередное посольство во главе с Франсуа де Люксембургом. Папский ответ был уклончивым: понтифик сослался на то, что ему необходимо посоветоваться с консисторией. На консистории, созванной 29 марта, были высказаны разные точки зрения. Французскому послу пришлось во всеуслышание заявить, что если в Неаполь не приедет кардинал, чтобы вручить Карлу VIII инвеституру, то король лично приедет за ней в Рим. Папа ответил, что не может разрешить сомнения по поводу инвеституры на Неаполитанское королевство, не выслушав другую сторону (Феррандино). Кроме того, теперь, когда образована столь могущественная лига, король может не найти понтифика в Риме [127, р. 361]. Ответ на запрос французского короля был однозначным, папа сделал свой выбор.

После коронации в Неаполе к папе была направлена ещё одна миссия в составе Жана де Бильера-Лагроля, кардинала Сен-Дени; Филиппа де Бресса, дяди короля, и Франсуа де Люксембурга, которых сопровождал кардинал делла Ро-

вере. После трудного пути 19 мая посольство вступило в Рим и разместилось во дворце кардинала Сан-Клементе [102, р. 158; 224, р. 343; 264, с. 115]. Спустя всего два дня папа принял послов, которые изложили ему предлагаемые королём условия: Карл получает инвеституру на Неаполитанское королевство в обмен на ежегодные выплаты в 50 тыс. дукатов; за два прошедших года выплачиваются 200 тыс. дукатов. Состоится встреча короля с Александром VI, на которой должен быть обсуждён вопрос организации экспедиции против турок [224, р. 347].

Чтобы дать ответ на предложения Карла, понтифик был вынужден снова созвать консисторию. Она собралась, когда король уже направлялся в сторону Рима (22 мая). Послам был дан ответ, что папа оставляет за собой возможность отправить послов к королю Ферранте. Итак, на протяжении длительного времени Александр VI «чинил всяческие препоны переговорам, а касательно инвеституры... говорил, что сначала желает выяснить, кто имеет на неё право по закону». Понтифик заявил, что ему необходимо проконсультироваться со своими союзниками по лиге, после чего он даст Карлу письменный ответ [102, р. 156, 158; 224, р. 347; 264, с. 113, 115].

4.17. Покушение на Карла VIII и его последствия

Итак, население Неаполя становилось всё более недовольным властью французов, и однажды по дороге к мессе на короля было совершено покушение (16 мая). Накануне в Неаполь с Искьи, которая оставалась под властью Арагонцев, прибыли четыре лодки с вооружёнными людьми, которые должны были похитить Карла VIII. Волей случая попытка не удалась. Мул, на котором ехал король, споткнулся, и монарху пришлось пересест на лошадь одного из рыцарей свиты. Поэтому прибывшие с Искьи люди испугались нападать и изменили первоначальный план [204, р. 106; 224, р. 257–268].

На следующий день король собрал представителей итальянской знати и гневно вопрошал их, как подобное могло произойти. Великий канцлер Караччоло оправдывался тем, что покушавшиеся были «подлыми людьми». В этот момент королевский секретарь Флоримон Роберте воспользовался случаем и доложил монарху, что бунтовали швейцарцы, требуя жалованья. Для обеспечения их требований необходимо осуществить у неаполитанцев заём в размере 100 тыс. скудо. Поскольку платить должны были богатые горожане, Карл VIII пожелал с ними встретиться.

Было решено 18 мая созвать представителей городских кругов Неаполя на рыночной площади. Горожане должны были одеть береты с листочком горького апельсина (*arancio amaro*). Сперва король вышел приветствовать их на балкон, а затем пригласил в церковь Сан-Джованни-а-Карбонара, где выступил перед ними с благожелательной речью. Карл назвал себя государём по праву, сказав, что не желает принести им беды и ограбить их. Они же должны быть вассалами короля, а не баронов или рыцарей. Результатом этой встречи стало реше-

ние о воссоздании в столице «народного совета» (*seggio del popolo*), подобно тому, что был у нобилей. В ответ горожане обязались предоставить королю авансом в счёт налога за будущий год 60 тыс. дукатов [204, р. 108–115].

Фактически восстановление *seggio del popolo*, упразднённого Альфонсо I в 1456 г., явилось единственным значимым и долгосрочным результатом краткого французского владычества в Неаполе. В результате этого решения горожане получили возможность принимать участие в самоуправлении посредством избрания 29 магистратов. При этом у аристократов оставалось пять *seggi* (также с 29 представителями) [157, р. 13]. В совокупности все *seggi* образовывали орган городского самоуправления, известный как Трибунал Св. Лаврентия (*Tribunale di San Lorenzo*). Эта система практически без изменений сохранялась вплоть до падения бурбонского режима и объединения Италии в 1861 г.

4.18. Решение Карла VIII вернуться во Францию

Поразительно, но ещё до вступления в Неаполь, в письме Жану Бурре от 6 февраля 1494 г., Карл VIII выразил намерение вернуться во Францию, как только корона южного королевства увенчает его голову [70, р. 580]. В письме шурина, наместнику королевства герцогу Бурбону, написанном уже после вступления в Неаполь, Карл также был предельно откровенен: «После того, как я позабочусь о землях и [обеспечу] безопасность королевства, я выдвинусь в обратный путь, чтобы добраться до гор прежде, чем наступит летний зной» (Карл VIII – герцогу Бурбону, 28 марта 1495 г. [138, р. 186]). Отъезд был запланирован немедленно после торжества вступления в город и коронации [125, р. 218–221; 138, р. 186].

Вместе с тем французам следовало понимать, что им не удастся покинуть Италию без борьбы. До короля достаточно рано стала доходить информация о готовящейся антифранцузской лиге – от Коммина (Венеция) и Брисонне (Рим). Эти слухи не могли не беспокоить Карла: ведь он, его приближённые и французская армия находились за сотни миль от родины [224, р. 263]. В условиях откровенной враждебности или сомнительной верности (Милан) возвращение домой могло оказаться не из лёгких. Карл VIII оказался в ситуации, образно описанной хронистом М. Феррайоло: «крысы, пойманной хозяином» [80, р. 49].

При этом настроение государя, покорившего Неаполь и мечтающего о возвращении на родину, разделяли его французские приближённые: «Но ни эти, ни многие другие признаки грядущих перемен не заставили французов отказаться от возвращения домой или отложить его, ибо помимо разумных доводов к нему склоняло горячее желание короля и всего двора, как будто случай, обеспечивший столь неслыханную победу, должен был обеспечить и её закрепление» [102, р. 157; 264, с. 114–115].

Интересные данные о пребывании французов в Неаполе открывают их письма, написанные родным во Франции и перехваченные службой Лодовико «Моро». Последний рассчитывал обнаружить свидетельства секретных планов

короля или иные политические новости. Увы, коллекция из сотен писем содержала лишь частную информацию, которая не дошла до адресатов и была опубликована в первой половине XX в. [66, р. 183–257]. Хотя те, кто вёл переписку, не принадлежали к политической или военной элите Франции, они не являлись и простонародьем. Это были достаточно образованные лица, которые могли написать письмо и рассчитывать на его прочтение, достаточно богатые, чтобы оплатить его пересылку на весьма значительное расстояние.

Большинство писем, относящихся к периоду между апрелем и маем 1495 г., обнаруживают горячее желание поскорее вернуться на родину. По словам С. Бьянкарди, «грядущая катастрофа французов в Неаполе определена не звёздами, а этими письмами»: французы не хотели осесть на жаркой итальянской земле и стать частью её правящей элиты [18, р. 610]. Последнее могло касаться лишь малой доли прибывших вместе с Карлом VIII. Так, Перрон де Баски в письме супруге писал, что король даровал ему «хорошую» синьорию, хотя и не высказал желания передать ему обещанное ранее графство Сарно. Перрон испытывает одно лишь желание: наслаждаться жизнью в своих новых феодальных владениях, и ожидает того дня, когда его семья присоединится к нему [66, р. 194–195].

Зато Луи де Поншер, казначей Франции, писал, что отказался от предложения короля возглавить финансовую службу Неаполитанского королевства, предпочитая этому возвращение домой [66, р. 247–248]. Примечательно высказывание анонимного юного дворянина в письме советнику Парижского парламента Жермену де Марлю: «Я бы предпочёл доход в 20 франков во Франции, нежели в 100 – в Неаполитанском королевстве» [66, р. 211–212].

Авторы писем хорошо понимали трудности возвращения на родину. Некий Жак де Пюикламан в письме брату писал, что прилагает все возможные усилия, чтобы покинуть Италию, несмотря на то что знает, что «мы столкнёмся с большими страданиями во время возвращения» [66, р. 231–232]. По словам апостольского протонотария Пьера Моро, «возвращение тяжело, трудно и сложно... и оно предстоит нам в самый жаркий период года, опасный для нас и наших лошадей» [66, р. 233–234].

Было очевидно, что чем раньше французы покинут недавно завоёванный ими Неаполь, тем труднее будет удержать это приобретение, даже при условии создания там какого-то порядка управления. Однако о последнем речь не шла: итальянский проект Карла VIII содержал завоевательные планы, но о каких-либо проектах по управлению вновь приобретёнными землями неизвестно [18, р. 569]. Вероятно, увлечённый поистине «пикрошоловскими» планами завоевания сначала юга Италии, а затем Константинополя и Леванта, Карл VIII не задумывался о том, каким образом он организует управление этими землями. Теперь, когда встал вопрос скорейшего возвращения во Францию, проблема организации власти во французском Неаполитанском королевстве была крайне насущной.

4.19. Подготовка к отъезду

В мае 1495 г. Карл VIII был поглощён подготовкой к возвращению во Францию, ускоренной известиями о создании Венецианской лиги, «потому что задержка могла только умножить трудности» [102, р. 154; 264, с. 113]. 7 мая «Моро» сообщил венецианскому послу Себастьяно Бадозру, что «он хочет, чтобы его величество отбыл во Францию как друг... избегая неудобств и опасностей» [230, р. 349–350]. Вскоре после этого король созвал совет, который единогласно решил ускориться с возвращением.

Существовали разные варианты обратного пути во Францию. Часть приближённых короля стояла за возвращение морем – через Геную и Прованс. В первую очередь это были генуэзские изгнанники во главе с кардиналом Фрегосо и Обьетто де Фиески [48, р. 160]. Впрочем, большинство должно было понимать, что этот вариант маловероятен. В гавани Неаполя под французским флагом стояло всего 26 кораблей, которых явно было недостаточно, тем более что в относительно близкой Мессине (Сицилия) им противостояло около 50 кораблей испанцев и неаполитанцев [224, р. 267. Ср.: 280, с. 315].

По этой причине большинство королевских советников выступало за возвращение во Францию по тому же маршруту, по которому они прибыли на юг Италии. Естественно, что итальянские приближённые короля стремились использовать это решение в своих интересах. Так, Пьеро Медичи хотел, чтобы Карл вернул его ко власти во Флоренции. Кардинал делла Ровере желал во время пребывания в Риме сместить папу Александра VI. Джанджакомо Тривульцио мечтал свергнуть «Моро» в Милане. Наконец, епископ Гуркский Раймон Пероди продолжал строить планы крестового похода [224, р. 267].

Финансы являлись ключевой проблемой в организации возвращения. На церемониальный въезд короля в Неаполь были потрачены огромные суммы. Денег катастрофически не хватало; из Флоренции Брисонне привёз только 40 тыс. флоринов. Судя по постоянным запросам герцогу Бурбону, из Франции денег поступало мало [99, р. 701–702]. Возможно, король слишком легкомысленно относился к вопросу о том, за какие средства содержать неаполитанские войска и за какие средства переводить армию через всю Италию.

Второй важнейшей проблемой была организация власти в оставляемом, но остающимся французским, королевстве Неаполитанском. Многочисленные военные и придворные, большинство из которых получили в Regno должности и феоды, – должны они вернуться вместе с королём во Францию либо остаться на своих новых постах? В первом случае Карлу VIII придётся окружить себя на родине новыми советниками. Вряд ли он задумывался об этом, вознаграждая своих приближённых.

Так или иначе, хотя бы часть из французской правящей «верхушки» должна была остаться в Неаполе. Как было сказано выше, наместничество в королевстве было поручено «кузену» короля, Жильберу де Бурбон-Монпансье. Среди его губернаторов были фавориты монарха: Стюарт д'Обиньи – в Калабрии, Этьен

де Виск – в Гаэте, Антуан де Виль сеньор де Домжюльен – в Монте-Сант-Анджело (Бриндизи), Габриэль де Монфокон – в Манфредонии, Гийом де Вильнёв – в Трани, Жорж де Сюлли – в Таранто, Клод де Ленонкур де Витри – в Л’Акуиле, Грасьен де Герр, сеньор д’Обантон и барон де Рюминьи – в Абруццо. Князь Салернский с семьёй, а также семья Колонна получили более 30 крепостей [102, р. 156; 264, с. 114; 280, с. 316]. «Всем им король обещал прислать денег и скорое подкрепление, но не оставил других средств, кроме тех, что ежедневно поступали в казну страны», – отмечал Ф. Гвиччардини [102, р. 156; 264, с. 114].

По поводу возвращающихся на родину французских сил современники приводят различные данные. Согласно М. Санудо, во Францию отправлялось 14 тыс. солдат (8 тыс. кавалеристов и 6 тыс. пехотинцев), а в Неаполитанском королевстве оставалось 10 тыс. (6 тыс. кавалеристов и 4 тыс. пехотинцев) [224, р. 356]. По данным Ф. Гвиччардини, с Карлом VIII уходило 10–11 тыс. солдат: 900 кавалерийских копий (более 5 тыс. человек), 200 дворян гвардии и 5 тыс. пехотинцев. В Тоскане к ним планировали присоединить силы под командованием Камилло Вителли – 250 рыцарских лансов (750–1000 человек). При этом флот под командованием князя Салернского отправлялся в Ливорно, чтобы затем переправиться в Прованс. В Неаполе оставалось 10 тыс. человек – половина швейцарцев и часть французской пехоты, 800 лансов, 500 итальянских кавалеристов под командованием Просперо и Фабрицио Колонна, Антонелло Савелли и других итальянских командиров. Помимо них Карл VIII рассчитывал на частные отряды верных ему итальянских баронов, например князя Салерно и князя Бизиньяно [102, р. 156–157; 264, с. 114, 116].

Данные Гвиччардини о численности отбывающих и остающихся войск подтверждает хронист Мелькиорре Феррайоло [80, р. 49]. Согласно Ф. де Коммину, король оставлял в Неаполе «500 французских кавалеристов, 2500 швейцарцев и немного французских пехотинцев», тогда как в возвращающейся армии всего было около 7 тыс. человек [280, р. 315–316]. При этом Коммин писал, что Никколо Орсини ди Питильяно оценил французские силы на пути на север в 9 тыс. человек [280, с. 316]. Вероятно, это известие заслуживает доверия, поскольку Питильяно, в отличие от названных выше других современников событий, лично сопровождал короля. Наконец, согласно официальному бюллетеню, в Неаполе оставались 7392 человека, тогда как на север двинулись около 11 тыс. солдат. С собой Карл VIII взял 6 серпентин, 2 большие кулеврины, 24 фалькона и 200 ручных кулеврин [125, р. 274–279].

На основании приведённых данных историки XIX–XXI вв. приходят в общем-то к единодушному мнению, сходясь в том, что, отступая из Неаполя, Карл VIII разделил свою армию приблизительно пополам, примерно по 10 тыс. солдат в каждой части [18, р. 619; 48, р. 171; 70, р. 605–606; 127, р. 371].

Французский режим в Неаполе не отличался устойчивостью; после завоевания, по словам Ф. де Коммина, «по всему королевству стало меняться унастроение, и судьба отвернулась от нас» [280, с. 315]. Повсюду в городах и сельской местности происходили волнения, направленные в пользу Арагонской

династии [102, р. 157; 264, с. 114]. Во второй половине апреля «беглый» король Ферранте с испанским флотом подошёл к калабрийскому берегу и высадился в Пьяна-ди-Террануова. Он получил поддержку местных жителей. Первым приобретением возвратившегося короля стал Реджо-ди-Калабрия, жители которого открыли Ферранте ворота (городская цитадель уже находилась в руках Арагонцев). Также в поддержку Арагонцев у берегов Апулии появился венецианский флот в составе 45 галер под командованием Антонио Гримани [102, р. 157; 127, р. 372; 224, р. 309, 316, 348; 264, с. 114]. Это ещё более усложняло морской вариант пути возвращения Карла VIII во Францию.

Постепенно в руках Арагонцев оказались значительные территории королевства: Террануова, Бриндизи, Галлиполи, Амантея и Тропея [102, р. 157–158; 264, с. 115; 280, с. 315]. Несмотря на фактическую угрозу утратить завоевание, французский монарх со своими приближёнными не оставили намерения возвратиться на родину [102, р. 158; 264, с. 114–115]. Более того, Карл Валуа был уверен в благоприятном исходе дела по возвращении домой. 8 мая он писал герцогу Бурбону: его враги «хорошо сделают, если решат закрыть мне дорогу». Также он был уверен в будущем Неаполитанского королевства, «которое я оставлю хорошо всем обеспеченным, насколько необходимо» (Карл VIII – герцогу Бурбону, 8 мая 1495 г., Неаполь [138, р. 204–208]).

4.20. Переговоры в Венеции об условиях обратного пути

Карл VIII и его приближённые отдавали себе отчёт, что возвращение во Францию будет трудным по причине противодействия Священной лиги. При этом намерения ключевых участников лиги – Лодовико Сфорца, Александра VI и венецианской Синьории – были неизвестны. Одним из тех, кто мог помочь с выяснением замысла лигистов, являлся Филипп де Коммин, в мае 1495 г. ещё находившийся в Венеции. Достаточно часто Коммин встречался с дожем и представителями верхушки республики, а также с послами участников лиги. Это могло помочь выяснить их намерения, с одной стороны, и добиться от них определённых уступок или гарантий – с другой.

В подробном письме от 24 мая, отправленном двумя днями позднее, Коммин сообщал своему монарху, что «Моро» (или участники лиги совместно) принял решение дать Карлу VIII возможность пересечь Альпы в сопровождении не более чем 1–1,5 тыс. человек. Столь малая численность «разрешённого» французского отряда объяснялась заботой о главе церкви, положенной в основу соглашения о Священной лиге.

В действительности подобное условие могло быть обусловлено опасениями как папы Александра VI, так и миланского герцога Лодовико Сфорца, через земли которых пролегал обратный путь французов. Оба итальянских правителя поступили с королём Карлом VIII в высшей степени коварно и теперь опасались возмездия с его стороны. Страх перед французским монархом усиливал тот факт, что в его руках находился ряд ключевых крепостей в Лацио и Тоска-

не. Коммин сообщал, что «все участники лиги» (представленные в Венеции послами) уверены в том, что Карл VIII не вернёт эти крепости и вступит в Рим с военной силой. Поэтому, чтобы избежать грозящей понтифику опасности, предлагалось значительно ограничить военное сопровождение короля.

В свой черёд, с целью обеспечения гарантий безопасности короля, послы Сфорца предлагали Ф. де Коммину предоставить французам заложников. Ответ посла был резко отрицательным, он заявил о недоверии «господину герцогу Миланскому». Равным образом Коммин отказал и венецианцам, выразившим согласие предоставить заложников из своего числа. Тогда группа сенаторов предложила французским представителям в Венеции предоставить флот, посредством которого Карл VIII с армией мог бы переправиться сначала в Ливорно, а затем в Марсель, не вступая на территорию Ломбардии. Коммин отказался, заявив, что у него нет полномочий принимать подобное предложение. В свою очередь он обещал, что на своём пути на родину король не вступит ни в один город, будет спать в открытой местности, в палатке, и оплачивать все необходимые его армии припасы. Прохождение французских войск не доставит местному населению никаких неудобств (Филипп де Коммин – Карлу VIII, 24 мая 1495 г. [53, р. 247–251]).

Отчёт Ф. де Коммина королю об этих переговорах демонстрирует явное разделение ключевых участников Венецианской лиги на две группы. Если Л. Сфорца и папа опасались французов и всячески пытались ограничить их возможности на обратном пути, то власти Венеции занимали более умеренную позицию. Коммин прямо свидетельствует, что изменение позиции дожа в сторону больших ограничений происходит из-за давления, оказываемого на него из Милана и Рима (Филипп де Коммин – Карлу VIII, 24 мая 1495 г. [53, р. 251]). Венеция располагалась в стороне от маршрута возвращения. Её интересам скорее отвечало сохранение сильной Франции, которая могла бы послужить противовесом Габсбургам, угрожающим венецианским владениям в Терраферме.

После отъезда Ф. де Коммина из Венеции, на его обратном пути, в Падуе, сопровождавший его венецианский проведитор частным образом известил его, «что их люди не станут переходить реку возле Пармы (кажется, она называется Ольо), которая протекает по их земле, если только король не нападёт на герцога Миланского». Более того, они договорились в случае необходимости обмениваться гонцами, «чтобы найти доброе согласие» [280, с. 317]. Это означало то, что покидающие Италию французы не оставались без потенциальных союзников. «Венецианская дипломатия была слишком гибкой, чтобы полностью закрыть двери» [18, р. 623]. От французского короля и его советников зависело, насколько они сумеют воспользоваться этой возможностью.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ ИЗ НЕАПОЛЯ

«Несмотря на то что все итальянцы, включая папу, флорентинцев, венецианцев, генуэзцев и герцога Миланского, объединились, чтобы следить за нашим отбытием, я всё же думаю, они больше остерегаются наших действий по возвращении, чем наоборот, и полагаю, если мы ничего не станем требовать, они будут рады позволить нам уйти».

*Письмо Жана де Лапьерра из Неаполя
своему другу во Францию [66, р. 191].*

5.1. Отъезд из Неаполя

Карл VIII покинул столицу своего итальянского королевства 20 мая 1495 г., пробыв в Неаполе всего 89 дней. Как говорилось выше, короля сопровождала примерно половина войска, тогда как флот французов отбыл в Ливорно. В рукописи неаполитанской хроники Феррайоло сохранился рисунок, изображающий короля в светской одежде с чёрной шапкой на голове, во главе свиты и конных рыцарей в полном вооружении покидающего Неаполь [18, il. XXVII]. Не исключено, что среди изображённых на иллюстрации нескольких приближённых французского короля были ноланские пленники, кузены Орсини. По свидетельству Ф. Гвиччардини, они следовали с французами без охраны, под честное слово. Им было обещано освобождение «после того, как Карл прибудет в Асти» [102, р. 159–161; 127, р. 480; 156, р. 28; 264, с. 115–117].

Возвращение во Францию ставило перед королём и его приближёнными три основных вопроса. Первый касался возможных враждебных действий Венецианской лиги, которая формально была создана для борьбы с турецкой угрозой. Первым из итальянских государств на пути французов домой лежал Патримоний Св. Петра, и в связи с этим возникал следующий вопрос: дарует ли папа Карлу Валуа долгожданную инвестицию на Неаполитанское королевство? Наконец, между Луи д'Орлеаном и Лодовико «Моро» существовали серьёзные противоречия, связанные с взаимными притязаниями на итальянские владения друг друга. Третий насущный вопрос касался того, предпримет ли герцог Миланский широкомасштабные военные действия против королевской армии, либо же ограничится обороной Ломбардии от возможных враждебных действий?

Карл VIII покидал Неаполь и своё вновь приобретённое королевство со множеством нерешённых проблем, касавшихся, прежде всего, обеспечения финансовой и военной безопасности. Изначально не вся территория Regno была покорена французами; теперь с каждым днём подчинённые ими земли и города уменьшались в количестве. Будущее, которое ожидало владение династии Валуа на юге Италии, было неясным.

5.2. Путь французской армии через Папскую область

Обратный путь французской армии в целом повторял маршрут следования в Неаполь (см. Прил. 2). Очевидно было, что на этом пути французам предстояло столкнуться с неурегулированными проблемами, в том числе в Папской области. Папа Александр VI фактически отказался предоставить Карлу инвеституру на Неаполитанское королевство, обманул французского монарха и примкнул к его врагам, обвинялся своими противниками из числа кардиналов во множестве злоупотреблений. У Карла VIII была последняя возможность разрешить свои отношения со Святым престолом, и Александр VI хорошо это понимал. Однако теперь главной целью Карла было возвращение во Францию, и он предпочёл и на сей раз воздействовать на понтифика убеждением, а не силой.

Ещё 6 мая Карл VIII написал папе очередное письмо, назвав себя послушным сыном церкви и утверждая, что все недоразумения между ними рассеются при личной встрече (Карл VIII – Александру VI, 6 мая 1495 г., Неаполь [138, р. 202]). Понтифик отвечал ему, что Священная коллегия не может одобрить вступление короля в Вечный город, и предложил встретиться в Орвието или Сполето [177, р. 469]. Одновременно начались работы по укреплению Замка Св. Ангела. Опасаясь прихода французов в Рим, Александр VI обратился к венецианцам и «Моро» с просьбой прислать ему на помощь войска, ведь защита римской церкви являлась официальной целью созданной в апреле Священной лиги. Союзники направили понтифику 1 тыс. лёгких кавалеристов и 2 тыс. пехотинцев. Кроме того, были обещаны ещё 1 тыс. тяжёлых кавалеристов, которые, однако, не пришли, поскольку ломбардские войска были заняты осадой Асти [102, р. 158; 264, с. 115].

Ожидая неминуемого второго нашествия французов, папа некоторое время колебался, но за 2 дня до вступления противника в Рим уехал в Орвието. Его сопровождали туда дружественные ему члены коллегии кардиналов (20 человек), венецианские представители, 200 конных рыцарей, 1 тыс. лёгких кавалеристов и 3 тыс. пехотинцев. Кроме того, «достаточный гарнизон» остался в Замке Св. Ангела [102, р. 161; 177, р. 470; 264, с. 117]. Александр VI покинул Рим, спасая себя, но оставляя город возможным неблагоприятным последствиям вступления в него иноземной армии. При этом, по свидетельству венецианских послов С. Бадозера и Д. Лиона, понтифик признавался, что «он остаётся сильно огорчённым, оставляя Рим добычей варваров» [230, р. 403]. Действительно, население Рима было обеспокоено приближающейся французской армией. Миланский посол Дзамбеккари писал 20 мая: «Все в большой скорби и страхе не только за своё имущество, но и за свою жизнь» [177, р. 469].

Опасаясь французов и желая добиться от короля облегчения своей участи, накануне вступления Карла VIII в город группа римских граждан попросила у короля аудиенции. Несмотря на то что они не были приняты монархом, горожан успокоил кардинал Брисонне, сообщивший, что у короля исключительно мирные намерения, и он не предполагает оставаться в городе больше, чем на

несколько дней [224, р. 364]. Кроме того, при вступлении французской армии были предприняты меры для ограждения горожан от насилий. По-видимому, они оказались действенными; Франческо Гвидиччоне сообщал в Венецию, что французы «вели себя очень скромно» [152, р. 345]. По мнению С. Бьянкарди, главной причиной этого было сохраняющееся желание короля достичь с папой соглашения по вопросу инвеституры [18, р. 630].

Тем не менее папа не собирался встречаться, а тем более договариваться с французским королём. По его поручению Карла приветствовал кардинал Антонио Паллавичини Джентили. Со своей стороны, король отказался от предложенных ему апартаментов в Ватикане, остановившись в городском районе Борго, во дворце кардинала Доменико делла Ровере (дальнего родственника Джулиано делла Ровере). В Орвието король отправил Перрона де Баски, которому не удалось добиться от понтифика ничего, кроме пустых слов. Опасаясь негативной реакции, немедленно после встречи папа переехал поближе к Адриатическому побережью, в Перуджу, и готов был уехать в Анкону, чтоб отплыть ещё дальше по морю. Тем не менее, держа данное им в начале года слово, Карл VIII вернул папе крепости Террачину и Чивитавеккью, оставив гарнизон лишь в Остии [102, р. 161–162; 127, р. 382; 224, р. 365–367; 264, с. 117].

Известие о предстоящем сборе войск Священной лиги в Парме ускорили отъезд Карла VIII из Рима. 3 июня, прослушав в соборе Св. Петра утреннюю мессу, король выехал в Витербо, где его приветствовал юный кардинал Алессандро Фарнезе [224, р. 366, 380].

В целом вторичное пребывание французов в Папской области было достаточно спокойным. «Армия Карла прошла по церковным владениям, как по союзным», – писал Ф. Гвиччардини [102, р. 162; 264, с. 117]. Лишь городок Тосканелла (совр. Тускания) пострадал за отказ принять французов и выделить им продовольствие. Солдаты убили от 600 до 800 жителей Тосканеллы, разграбив всё, что было возможно. Несмотря на приказ короля «всем вернуть то, что они забрали» [4, р. 847А], репутация французских солдат в очередной раз оказалась запятнанной. Не случайно в решении венецианского Сената от 19 июня говорилось, что «в любом месте, через которое проходят французы, они совершают столько зла, насилий, грабежей, краж... и любых других видов преступлений» (цит. по: [18, р. 636]).

5.3. Карл VIII в Сиене

Далее на пути французской армии находились тосканские городские республики. 13 июня Карл VIII во главе армии вступил в дружественный город Сиену, где ему был оказан тёплый приём. В это время республика находилась в состоянии внутренней борьбы между партиями пополанов-реформаторов (Riformatori) и оптиматов (Monte dei nove). Первоначально король дал понять, что не желает вмешиваться во внутренние дела республики, хотя впоследствии изменил своё решение.

В Сиене к французской армии присоединился Филипп де Коммин, который приехал из Венеции. По дороге он посетил Флоренцию и Феррару, где пытался при посредничестве герцога Эрколе д'Эсте (не состоящего в Священной лиге) наладить канал связи с Лодовико «Моро» [21, р. 325–329]. Несмотря на увещевания приближённых поскорее двигаться вперёд, чтобы не дать противникам возможность собрать войска, король задержался в Сиене почти на неделю. В эти дни были приняты решения, оказавшиеся ключевыми для последующей кампании по возвращению во Францию.

Был собран военный совет, содержание которого подробно передаёт в своих «Мемуарах» Ф. де Коммин. Опытный дипломат прежде всего доложил своему монарху о своём понимании ситуации с возвращением домой. Карл с молодыми приближёнными с усмешкой восприняли новость о сборе армии венецианцами, которых они считали исключительно торговцами, но никак не воинами. Несмотря на предоставленные Коммином документальные свидетельства о сборе членами Священной лиги 40-тысячной армии, Карл VIII не торопился покинуть Италию. Также он не воспринял доводы своего советника о том, что можно избежать столкновения, если не пересекать границы владений Сфорца [280, с. 317–318].

Задержка в Сиене, столько волновавшая Коммина и некоторых других приближённых короля (делла Ровере, Тривульцио), была вызвана необходимостью разрешить спорные вопросы власти и влияния в Тоскане. Этот вопрос составлял следующий предмет рассмотрения на военном совете. Флорентийские послы Бонци, Сальвиати и Пацци настаивали на соблюдении условий договора от 25 ноября 1494 г., предусматривавшего возврат Флоренции крепостей Сарцаны и Пьетрасанты, порта Ливорно и крупного города Пизы. Взамен они готовы были выплатить французам 30 тыс. дукатов, выделить кредит на 70 тыс. дукатов и предоставить 300 кавалеристов и 2 тыс. пехотинцев. Ф. де Коммин, связанный с флорентинцами давними дружественными узами, настаивал на принятии их предложения с одним исключением: морской порт Ливорно сохраняется за французами до завершения вывода войск с территории Апеннинского полуострова. Родственник короля граф Линьи придерживался другого мнения, которое в итоге было поддержано монархом. Карл VIII принял решение вернуть Флоренции все крепости только после того, как его армия достигнет Асти [70, р. 617; 102, р. 162–163; 168, р. 620–621; 264, с. 117–118; 280, с. 318].

Далее на совете рассматривался вопрос о государственной власти в Сиенской республике. Чтобы решить внутренние проблемы города, один из французов предложил королю стать его сюзереном. В свою очередь, Коммин вновь высказал сомнения: «Королю стоит продолжать свой путь, а не заниматься подобными несерьёзными предложениями, которые не будут иметь никакого значения уже через неделю» [280, с. 318]. Несмотря на это и на то, что Сиена формально входила в состав Священной Римской империи, Карл VIII всё же принял на себя, как было сказано – на вечные времена, верховную власть над городом, «исключая [вмешательство в] права империи» (*salvo jure Imperii*) [4, р. 848C].

Это решение вызвало у сиенцев радость. На улицах кричали «Да здравствует король Франции!» и размахивали флагами с лилиями [249, р. 273].

Как и ранее, главным оппонентом Ф. де Коммина в «сиенском вопросе» выступил граф Линьи, который после принятия королём решения был избран капитаном республики с годовым жалованьем в 20 тыс. дукатов. После выступления французской армии на марш 17 июня он оставил в Сиене своим наместником Жана Дюма, сеньора де Лиля, вместе с гарнизоном из 200 или 300 солдат [4, р. 849D; 102, р. 163; 264, с. 118; 280, с. 318]. Дальнейшие события доказали правоту Коммина. По сообщению Ф. Гвиччардини, вскоре «Партия Девяти, с оружием в руках вернув себе власть, изгнала гарнизон из Сиены и выслала монсеньора Делия [де Лиля], который пребывал там в качестве поверенного Карла» [102, р. 163; 264, с. 118].

5.4. Карл VIII в Поджибонси и Пизе

После Сиены на пути следования французской армии лежала Флоренция, жители которой желали прибытия короля, ожидая от него решения актуальных вопросов (возвращение крепостей, независимость Пизы). Такое понимание ситуации было характерно для почти всех тосканских республик – Флоренции, Пизы, Сиены. Их граждане мечтали освободиться от власти или влияния друг друга (например, Пиза – от Флоренции), так что прибытие Карла VIII было использовано в интересах локальной политики [18, р. 637]. Между тем самим французам их пребывание в Тоскане пользы не принесло.

Флорентийская республика, освободившаяся от синьории Медичи, традиционно придерживалась франкофильской ориентации. Её власти отказались от предложения вступить в Священную лигу [130, р. 103]. Дружественные отношения с Францией могли принести республике существенную пользу, тем более что Карл VIII обладал множеством «козырей» в отношении Флоренции. Прежде всего, в его отступающей армии находился прежний правитель города, Пьеро ди Медичи. А главное, в руках короля по-прежнему оставались ключевые крепости (Сарцана и Пьетрасанта), порт Ливорно и крупный город Пиза, жители которого жаждали в опоре на французов освободиться от власти флорентинцев [198, р. 21]. Наконец, как и ранее, флорентинцы являлись крупными кредиторами французской короны, и их финансовые интересы были тесно связаны с интересами последней. Венецианцам и миланцам же они не доверяли [102, р. 151–152; 264, с. 111].

Большое значение в поддержании ориентации на французов играл монах-проповедник Джироламо Савонарола. В одной из своих проповедей он заявил, что видел, как французская и флорентийская лилии соединились вместе и «чудесно цвели» [173, р. 203]. Савонарола надеялся, что прибытие короля в город решит многие проблемы, возникшие перед республикой. В своём письме монарху от 26 мая он писал: «Помните, что народ Флоренции – все французы» (Джироламо Савонарола – Карлу VIII, 26 мая 1495 г., Флоренция [226, р. 65]).

Савонарола грозил королю Божьей карой в случае несоблюдения им своих обещаний относительно крепостей и Пизы. Беда заключалась в том, что Карл VIII не давал чётких ответов на вопросы флорентинцев, уклоняясь от любых обещаний и обязательств. Он даже не дал ответа флорентийским послам на военном совете в Сиене по поводу того, каким путём будет возвращаться армия и вступят ли французы во Флоренцию [102, р. 168; 167, р. 69; 264, с. 121].

Узнав о том, что её жители ввели в город вооружённых людей, французский монарх, «во избежание непредвиденных задержек, прошёл через флорентийские владения в Пизу, оставив Флоренцию по правую руку» [102, р. 168; 264, с. 121]. Он остановился в городке Поджибонси, где принял Савонаролу, прибывшего к нему в сопровождении трёх других монахов. Карл VIII принял знаменитого проповедника с большим уважением, прервав ради него свой обед и встретившись ради беседы с ним несколько раз. Однако у короля не было много времени на разговоры; армии требовалось как можно быстрее следовать во французские владения на севере Италии. Так и не дав республике в лице Савонаролы никаких обещаний и не приняв её предложения, Карл VIII отбыл в Пизу, а затем в Лукку [102, р. 168; 249, р. 274; 264, с. 121; 280, с. 319]. Он подарил монаху своего мула, на котором вступил в Неаполь, а гражданам Флоренции написал, что решит все проблемы наилучшим образом, когда у него появится на то время [138, р. 222; 224, р. 427].

Несмотря на это, 21 июня Савонарола в своей проповеди перед народом (собралось около 13 тыс. человек) сообщил флорентинцам о своей встрече с королём [130, р. 109]. Фактически доминиканец использовал авторитет французского монарха для того, чтобы придать значение самому себе. После ухода французов во Флоренции в городе фактически установилась диктатура Савонаролы. За несколько месяцев быт жителей изменился до неузнаваемости. Религиозные процессии сменили празднества и развлечения. Горожане, по словам современника, «стали жить как монахи» [171, р. 88. Цит. по: 18, р. 650].

Тем временем 20 июня Карл VIII вместе с армией вступил в Пизу. Поскольку пизанцы ожидали от короля подтверждения своей независимости, встреча была поистине королевской. Одетые в белый шёлк с вышитыми золотыми лилиями дети кричали «Да здравствует король, да здравствует Франция!» Город был разукрашен, на одной из улиц построили триумфальную арку со статуей Карла VIII, попирающего дракона (символизировавшего Альфонсо Неаполитанского) [192, р. 312; 249, р. 274–275]. Год спустя эту статую сменит изображение императора Максимилиана [18, р. 652; 280, с. 287].

На утро следующего дня представители городской верхушки торжественно подтвердили верность города французскому монарху. Вместе с тем был поставлен вопрос о независимости города от Флоренции [192, р. 313; 249, р. 275]. Ещё день спустя делегация горожан – мужчин, женщин и детей, в траурных одеждах, босиком и полуодетых, пала ниц перед королём, умоляя его взять Пизу под свою защиту. «С рыданиями и жалобными воплями они предрекали свои будущие несчастья, неутолимый гнев флорентинцев и гибель отечества

единственно потому, что король даровал им свободу и обещал сохранить её». Король, часть его приближённых и даже суровые швейцарские пикинёры были тронуты мольбами жителей Пизы. Тем не менее Карл VIII также не дал им внятного ответа, обещав разрешить вопрос с независимостью города после своего прибытия в Асти [102, р. 170; 249, р. 274–275; 264, с. 122; 280, с. 320].

После отъезда Карл, по рекомендации графа Линьи, назначил кастиеляном Пизы Робера де Бальзака д'Антрэга, разместив также гарнизоны в ряде других тосканских крепостей. Тем самым он фактически отказал Флоренции в поддержке и отверг её помощь. Следующей на пути французской армии была Лукка, остановка в которой была недолгой [249, р. 276]. Покинув город 25 июня, уже на следующий день Карл VIII добрался до Пьетрасанты, перевалив через Апеннинские горы.

5.5. Военные действия в Ломбардии

В то время как миланская армия под командованием Галеаццо ди Сансеверино вела длительную осаду Асти, находившийся в этом городе герцог Орлеанский не сидел без дела. Получив подкрепление из Франции, он искал возможность нанести противнику существенный удар. Вскоре такая возможность представилась в небольшом городе, находившемся всего в 40 км от Милана – Новаре. К моменту начала операции у д'Орлеана было около 7,5 тыс. человек, включая подкрепления, присланные герцогом Бурбоном, и итальянских солдат маркиза Салуццо [102, р. 165; 264, с. 119–120; 280, с. 320–321].

Ещё в марте 1495 г. близкий советник короля граф де Бресс вступил в тайные переговоры с представителями новарской знати, недовольной правлением «Моро». Был выработан план уступить город д'Орлеану. Во главе заговора стояли кузены из знатной семьи Качча [102, р. 166; 160, р. 186–187; 264, с. 120]. В самом начале лета их план был реализован. В ночь на 10 июня жители Новары открыли ворота французским войскам – в город вступили 300 солдат под командованием Жана де Лувена. Миланскому губернатору Джованни Кастильоне чудом удалось бежать из Новары в сопровождении всего лишь одного спутника, в то время как небольшой гарнизон оказался заперт в цитадели [48, р. 195; 217, р. 7–8, 10–12; 218, р. 53–54]. В тот же день герцог Орлеанский покинул Асти, чтобы вступить в своё новое владение.

Известие о потере Новары было воспринято «Моро» очень тяжело; по словам Алессандро Бенедетти, герцог испытал «большой страх» [14, р. 78–79]; в некоторых источниках сообщается, что он даже потерял сознание, узнав о потере города [125, р. 312]. Миланский правитель бросился к венецианскому послу Джироламо Лиону, умоляя того оказать помощь его «рухнувшей власти» (*titubandi imperio*) [14, р. 78–79]. Так или иначе, осознав грозящую ему опасность и низкий уровень доверия к нему со стороны подданных, герцог немедленно принял соответствующие меры. 14 июня глашатай торжественно объявил жителям Милана об отмене ряда непопулярных налогов, включая пода-

ти на соль и вино. Также был отменён запрет на охоту для простолюдинов [85, р. 104–105; 102, р. 166–167; 264, с. 120].

Несмотря на это, на пути герцога Орлеанского в Новару ломбардское население встречало его с радостью и надеждой, также прося освободить их от непосильных налогов. Утром 13 июня герцог прибыл в город. На следующий день комендант замка, по обыкновению, прождав подмогу сутки, сдался. Ему позволили мирно удалиться из города. Луи д'Орлеан вёл себя в Новаре не как завоеватель, а как естественный господин этого города; так, швейцарским солдатам было запрещено грабить горожан («ощипывать курицу») [125, р. 309–313]. Приобретение Новары оказало на герцога Орлеанского воодушевляющее воздействие. Он направил войска в близлежащее Виджевано, где находились замок и охотничьи угодья герцогов Миланских, что привело к последующей эскалации боевых действий.

Именно опытный Ф. де Коммин первым в историографии расценил военные действия д'Орлеана в Ломбардии как повод для армии Священной лиги перейти пограничную реку и начать боевые действия против французов. Согласно мемуаристу, захват Новары являлся инициативой герцога, «несмотря на предписание короля» [280, с. 321]. Подобное обвинение поддерживают и некоторые современные историки [18, р. 635]. В то же время мы полагаем, что новарская операция не была исключительным делом герцога Орлеанского. Если её планирование осуществлял из Неаполя Филипп де Бресс, то король не мог не быть в курсе этих планов. Не случайно в письме Бурбону король похвалил того за оказанную д'Орлеану помощь в завоевании Новары. Кроме того, Карл VIII писал, что имеет более чем достаточно сил, чтобы противостоять атакам «Моро», и легко сможет пересечь Италию с теми войсками, которыми он располагает в настоящий момент (Карл VIII – герцогу Бурбону, 20 июня 1495 г., Пиза [138, р. 217]).

Однако дальнейшие действия французов в Ломбардии оказались не столь успешными, как захват Новары. Когда французский отряд подошёл к Виджевано, миланский военачальник Галеаццо Сансеверино не решился вступить в бой. Предпочитая сражению бегство, Сансеверино велел соорудить через реку Тичино понтонный мост для отступления и прикрывающую его земляную насыпь. Однако эта переправа не понадобилась: «монсеньору Орлеанскому случайно показалось, что он в опасности, и, решив, что и без того уже многого добился, он отступил в местечко Трекате». В Трекате принц принял посланцев от неких жителей Милана, предложивших ему войти в город, но он отказался, опасаясь подвоха. Тем самым, по словам Ф. Гвиччардини, д'Орлеан «упустил прекрасную возможность» нанести «Моро» решающий удар [102, р. 166–167; 264, с. 120–121; 280, с. 324].

Силы французов в Трекате оставались прежними, тогда как к ломбардцам постоянно прибывали подкрепления. Армию Сансеверино пополнили 2 тыс. ландскнехтов под командованием Фредерика Капеллера, а также 400 венецианских страдиотов. Последние с согласия властей Венеции были отозваны из

военного лагеря Священной лиги под Пармой (см. далее). Настал момент, когда войска «Моро» превысили французов числом. Вскоре им представилась возможность нанести реванш. Когда 500 французских кавалеристов отправились в рейд до Виджевано, они столкнулись с силами противника и были разбиты Сансеверино. После этого ломбардский военачальник выступил на Трекате с намерением дать бой основным силам д'Орлеана. Теперь уже французы уклонились от сражения. Герцог был вынужден отступить во вновь приобретённую Новару, возле которой лагерем расположились итальянские и немецкие солдаты Галеаццо ди Сансеверино [102, р. 167; 264, с. 120–121; 264, с. 324–325].

5.6. Сбор сил Священной лиги

Итак, запланированная операция по укреплению французского анклава в Асти сперва перешла в активные действия против ломбардских войск, а затем привела к сбору вооружённых сил всей Священной лиги. Первоначально намеревавшиеся воздерживаться от военных действий против армии Карла VIII на её пути домой венецианцы совершили то, чего так опасался Филипп де Коммин – перешли пограничную реку Ольо. Практически единогласно Сенат принял решение объявить войну Франции [127, р. 388].

По мнению А. Сантосуосо, решение о сборе вооружённых сил было принято венецианским Сенатом слишком поздно, что лишило Священную лигу преимуществ перед французами. Целый месяц с момента выступления Карла VIII из Неаполя руководители лиги выжидали, прежде чем решились на военные действия – приказ о сборе войск Ф. Гонзага получил 21 июня [221, р. 224]. Между тем нереальность морского пути возвращения во Францию (через Пизу и Ливорно) была очевидна с самого начала. На самом деле, несмотря на то что Сенат республики до последнего момента откладывал объявление начала кампании против французов, всё это время велась активная к ней подготовка.

Назначенный 18 мая проводителем Мелькьоре Тревизан десять дней спустя начал организовывать сбор армии в лагере под Падуйей. Пользуясь советами опытных военачальников, Тревизан стал стягивать к Падуде солдат, организовал завоз снаряжения, артиллерии и, по-видимому, продовольствия. Определённый в качестве командующего силами лиги (*governator zeneral di tutte le zente di da rie' come da cavallo*) маркиз Мантуанский Франческо Гонзага тем временем занимался сбором войск в своих владениях. 24 июня собранные таким образом силы были соединены на берегу реки Таро в окрестностях Пармы [14, р. 80–83; 67, р. 44; 224, р. 360].

Собранные вооружённые силы включали 8 тыс. пехотинцев и 2 тыс. стрadiотов, а также флот в составе 40 малых галер (*galee sottili*) и 3 парусников. Предполагалось также привлечь 2 тыс. швейцарцев и 2 тыс. наёмников (*provisionati*) [102, р. 171; 224, р. 341, 370; 264, с. 123]. Впоследствии общие силы достигли 15 тыс. кавалеристов и 27 тыс. пехотинцев, во главе которых стояли представители самых знатных семейств Италии: Франческо Гонзага, Джоффе Борджа,

Бернардо Контарини, Рануччо Фарнезе, Джованни Сфорца из Пезаро и многие другие [152, р. 349–352]. Помимо М. Тревизана, вторым проводителем венецианского Сената в армии был назначен представитель патрицианской семьи Лука Пизано. Сбор армии требовал значительных расходов; уже к концу мая на армию было истрачено 200 тыс. дукатов. Кроме того, предполагались ежемесячные расходы в 80 тыс. дукатов [224, р. 361].

Именно на Венецию легли основные финансовые тяготы ведения военной кампании. Другой участник антифранцузского союза, герцог Миланский, был практически разорён платой императору за инвестицию на герцогство, приданным сестры и расходами на поход. Его армия была небольшой (1600 человек) и практически полностью направлена им в Геную. При этом моральный климат как жителей Милана, так и самого правителя был крайне низким. По свидетельству современников, Лодовико «Моро» ничего не предпринимал без советов астрологов [152, р. 347–348; 224, р. 379, 385]. Он вёл себя крайне апатично и перестал играть ведущую роль в итальянских делах, присущую ему последние несколько лет.

Соглашение о Священной лиге открывало возможность для включения в её состав других участников, которые вскоре стали прибывать. Генуэзская республика вошла в лигу на условиях передачи ей Сарцаны, Сарцанелло и Пьетрасанты. Болонья также выступила против французов [102, р. 164; 152, р. 348; 264, с. 119].

С другой стороны, Максимилиан фон Габсбург отказался принять участие в войне, мотивировав это тем, что он уже направил в Италию 100 тыс. дукатов, 5 тыс. кавалеристов и 10 тыс. пехотинцев. Никакие уговоры послов Светлейшей республики не возымели действия, даже отмеченный ими факт, что сама Венеция несёт в войне с французами двойную нагрузку – на суше и на море. На просьбу послов направить армию под командованием герцога Саксонского император ответил отказом: он занят конфликтом в Гельдере и проблемой притязаний Йорка (претендент Перкин Варбек) на английский трон. По словам Максимилиана, принятое им по договору обязательство (8 тыс. кавалеристов и 4 тыс. пехотинцев) является для него более обременительным, нежели для итальянских государств по причине значительной удалённости [208, р. 70–73; 224, р. 391].

Испанские государи Фердинанд и Изабелла намеревались участвовать в военных действиях в тех регионах, в которых лежали их собственные интересы: Руссильон, Лангедок, Бретань. Вероятно, Священная лига рассматривалась ими первоначально как одно из средств взаимного притяжения династий Трастамара и Габсбургов в преддверии готовящихся династических браков [224, р. 390].

Итак, с учётом интересов и возможностей союзников, Венеции предстояло столкнуться с французской армией почти что в одиночку, при небольшой поддержке со стороны Милана. Выполняя принятые союзнические обязательства, 23 июня армия Венеции пересекла реку По, вступив в область Пармы, служившую местом сбора вооружённых сил союзников [14, р. 82–83; 102, р. 171; 152, р. 351; 264, с. 123].

5.7. Попытка профранцузского мятежа в Генуе

На границе областей Тосканы, Лигурии и Ломбардии находится небольшой городок Понтремоли, к которому французские войска подступили в конце июня. Понтремоли входил в состав герцогства Миланского, и в нём стоял ломбардский гарнизон – 300–400 пехотинцев. После того, как авангард французской армии численностью в 2 тыс. человек под командованием маршала Жье и Тривульцио подступил к городу, гарнизон был вынужден сдаться. Тривульцио убедил горожан открыть ворота города, уверив их в том, что в город вступят только итальянские солдаты под его командованием, но не французы. «С его помощью город был взят без единого выстрела, и гарнизон ушёл из него», – констатировал Ф. де Коммин [102, р. 170–171; 224, р. 435–437; 264, с. 123; 280, с. 322–323].

В это время королю и его приближённым следовало определить, по какому пути французская армия завершит своё возвращение из Италии на родину. В Сарцане, а затем в Понтремоли Карл VIII держал военный совет с целью оценить возможности дальнейшего продвижения. Существовало два основных сухопутных пути движения армии во Францию. Первый – вдоль лигурийского побережья до Генуи, а затем на север до города Асти (французского владения). Второй – через перевал Чиза в Ломбардию, а далее опять же в Асти. Рассматривались и другие варианты, но два указанных были наиболее вероятными [224, р. 422–423].

Сторонником ретирады в генуэзском направлении был кардинал делла Ровере, который, как вспоминал Коммин, «предложил поднять восстание в Генуе и направить туда наших людей [солдат]» [280, с. 322]. Несмотря на то что в итоге основные силы французов пошли другим путём, король принял решение попытаться привлечь Геную, имевшую важное стратегическое значение, на свою сторону. К ломбардскому губернатору города Агостино Адорно было направлено посольство. Карл VIII предложил генуэзцам в знак дружбы, в обмен на проход через их земли, передать им крепости Сарцану и Сарцанелло. Однако генуэзцы сообщили о посольстве своего сюзерена «Моро» и власти Венеции [224, р. 430].

Тогда для того, чтобы вызвать в городе мятеж и изменить власть в свою пользу, в Геную был направлен отряд под командованием графа де Бресса, Жана де Полиньяка и Юга д'Обижу (около 1–1,5 тыс. солдат, по разным данным). Со стороны моря их действия должен был поддерживать флот под командованием Жака де Мьолана и Этьена де Нева [102, р. 170; 264, с. 123; 280, с. 322]. Ф. де Коммин сообщает, что большинство советников короля выступили против этой операции, считая, что сражение с армией Священной лиги неизбежно и поэтому не следует распылять силы. Однако под влиянием кардинала и генуэзских изгнанников король принял решение; как сетовал Коммин, «неужели у столь юного короля нет добрых советников, которые решились бы объяснить ему, в сколь опасное положение он ставит тем самым самого себя» [280, с. 322].

Итак, армия короля была существенно ослаблена. Основным пехотным контингентом оставались швейцарцы, недовольные перспективой вступить в сражение с противником [125, р. 352]. Между тем ни сухопутные, ни морские действия французов в Лигурии не привели к успеху.

На море французские корабли потерпели поражение у Рапалло – в том самом месте, где год назад начались операции Итальянской войны. В результате столкновения 13 июля генуэзцы сожгли французские корабли и захватили в плен командующего Мьолана. По сообщению М. Санудо, было спасено «200 женщин, включая девиц и других девушек», которых французы похитили в Гаэте, а также 20 монахинь. Кроме того, генуэзцы захватили значительную часть французской добычи из Неаполя, в том числе бронзовые ворота Кастель-Нуово (вероятно, видные в наше время две отметины от пушечных выстрелов на воротах были нанесены при Рапалло) [81, р. 217]. Одни только суммы выкупа захваченных в деле при Рапалло пленных составили, согласно оценке венецианцев, не менее 100 тыс. дукатов. К этому следует прибавить стоимость захваченных кораблей, артиллерийских орудий и захваченных ценностей [70, р. 657; 224, р. 510–511].

Что касается отряда Филиппа де Бресса, расположившегося в предместье Генуи в ожидании мятежа, то он вынужденно бездействовал. Не решаясь напасть на город с его сильным генуэзско-ломбардским гарнизоном, так и не дождавшись выступления дружественных французам сил, де Бресс в конце концов был вынужден отступить из Генуи. Его солдаты «с большим трудом добрались до Асти», так и не приняв участия в битве при Форново [102, р. 191; 224, р. 511; 264, с. 135–136; 280, с. 322].

5.8. Французская армия в Понтремоли

Городок Понтремоли, в котором в последних числах июня стояла французская армия, находился у подножия перевала Чиза, имевшего стратегическое значение при пересечении Апеннин. Ф. де Коммин вспоминал: «Кругом были очень высокие и крутые горы, через которые никогда ранее не проходила мощная артиллерия». Можно было ожидать, что собранная в Парме армия Священной лиги под командованием Франческо Гонзага подступит к перевалу, чтобы преградить французам дорогу, направить их путь в сторону Лигурии и в итоге вынудить их вступить в битву в невыгодных для себя условиях. Однако у командующего силами венецианцев было другое мнение – ошибочное, по мнению Ф. де Коммина [280, с. 322–323].

Удобным местом для генерального сражения Гонзага посчитал окрестности городка Форново в долине По, лежащего севернее перевала. Чтобы не рассеивать силы, Гонзага даже отказал графу Кайаццо в просьбе выслать подкрепление гарнизону Понтремоли. По этой причине к моменту пересечения французскими солдатами Чизы основные силы лиги стояли в Форново, ожидая там прибытия венецианских страдиотов и швейцарских наёмников [224, р. 433–434].

Между тем в городке Понтремоли произошли события, которые окончательно расстроили возможность французам привлечь на свою сторону местное население, будь то лигурийцы или ломбардцы, хотя бы в плане обеспечения фуражом и провизией. Швейцарские солдаты, составлявшие основной контингент пехоты короля Франции, нарушили данное жителям Понтремоли слово и вступили в город, убивая его жителей и поджигая их дома. Пьяные солдаты даже осадили городскую крепость, которую занял итальянский гарнизон Тривульцио. Только приход королевских посланцев сумел их образумить [102, р. 170–171; 224, р. 435–436; 264, с. 123; 280, с. 323].

Узнав о произошедшем, Карл VIII пришёл в ярость. Его успокоило только обещание швейцарцев взять на себя труд транспортировать артиллерию через горы. По воспоминаниям очевидца, «немцы [швейцарские наёмники] попарно ухватились за крепкие верёвки, сразу по 100 и 200 человек, и когда одни уставали, их сменяли другие». В результате тяжёлых усилий швейцарцы сумели протащить через перевал 14 тяжёлых артиллерийских орудий (всего в армии было около 40–50 орудий). Командовал операцией Луи де ла Тремуиль, который в конце «выглядел подобно мавру из-за перенесённой им большой жары» [126, р. 323, 325].

5.9. Подготовка к генеральному сражению

Без потерь преодолев перевал, французский авангард 1 июля расположился в городке Форново, лежавшем на правом берегу реки Таро, притока По. В тот же день солдаты лиги разбили лагерь также на правом берегу в 3 милях от французов, возле аббатства Джарола, располагавшегося на пути из Пармы в Форново. Там был организован хорошо укреплённый лагерь [14, р. 92–93; 87, р. 385; 102, р. 172; 224, р. 442; 264, с. 124]. Командующий Франческо Гонзага считал, что следует любым способом помешать противнику вступить в Ломбардию. Он знал о коварстве Лодовико «Моро» (бывшего его тестем) и опасался, что с прибытием французских войск миланский правитель изменит делу лиги и перейдёт на сторону Карла VIII [67, р. 45].

Переписка маркиза с супругой показывает то, что командующий силами Священной лиги готовился к генеральному сражению. С целью уберечь супруга от гибели Изабелла прислала ему частицу Креста Господня, которую следовало носить на шее. Опасения маркизы были оправданными: по свидетельству самого Франческо Гонзага, накануне битвы он был настолько занят, что не нашёл времени ни поесть, ни поспать [43, р. 118–119].

Ещё одним фактором, предопределившим в качестве места сражения узкую долину вдоль Таро, было желание венецианцев завладеть французским обозом, по слухам, содержавшим несметные богатства Неаполя. Для этого следовало дожидаться, пока французы перейдут горы и спустятся в долину [280, с. 326]. Возможно, что союзники по-разному воспринимали свои задачи. По сообщению секретаря Гонзага, Якопо д'Атри, маркиз запретил брать пленных и за-

хватывать добычу до тех пор, пока враг не будет разбит под угрозой наказания [67, р. 50]. Последующие события показали, что именно действия венецианских страдиотов по завладению французским обозом оказались роковыми для сил Священной лиги.

По словам Ф. Гвиччардини и Ф. де Коммина, лагерь лиги в долине Таро содержал «множество палаток и шатров» [102, р. 175; 264, с. 126; 280, с. 328]. В источниках приводятся разные, хотя и близкие, оценки численности армии Священной лиги при Форново. Марино Санудо называет 25 450 человек; Анджело Маффеи – 27 500–28 500; Ф. де Коммин – 35 тыс.; Жильбер Пуанте – от 36 до 40 тыс.; П. Сала – 60 тыс.; Ф. Гвиччардини – 20 тыс.; П. Джовио – приблизительно 23 600; А. Наваджеро – около 24 тыс.; автор анонимной венецианской хроники – 20 тыс.; Ф. де Мезере – от 40 до 50 тыс.; Ф. де Бельфоре – 12 тыс. французов и 36 тыс. итальянцев [18, р. 662, п. 9]. Выдающийся военный историк Пьеро Пьери полагает, что численность сил лиги при Форново составляла около 26 тыс. человек [188, р. 344]. Примем эту оценку и мы.

Большую часть армии составляли венецианцы; ломбардцев было меньше, поскольку силы «Моро» были заняты операциями при Новаре. Командующим (governatore generale) венецианских войск был 29-летний маркиз Мантуанский Франческо Гонзага, осуществлявший также общее военное командование; миланские войска возглавлял граф Кайаццо, при котором находился комиссар, Франческо Бернардино Висконти, видный представитель «партии» гибеллинов (то есть противник гвельфа Тривульцио) [102, р. 171–172; 264, с. 123–124].

После переправы через горы французского авангарда под командованием маршала Жье, небольшой кавалерийский отряд выступил навстречу лигистам на разведку. Французы были отброшены страдиотами, которые по своему обычаю отрезали голову убитому ими дворянину. Также было захвачено несколько пленников, включая швейцарского капитана Ганса Хедерляйна. Впрочем, командующие силами лиги не стали развивать успех, и это была их первая серьёзная ошибка [69, р. 240; 102, р. 172–173; 224, р. 433–449; 264, с. 124]. Ещё одной ошибкой итальянцев А. Сантосуосо считает организацию лагеря на правом берегу Таро; по мнению исследователя, переход на левый берег мог дать лигистам неоспоримые преимущества в будущем сражении [221, р. 225].

Перейдя перевал, французы вступили с противником в переговоры. Маршал Жье направил в лагерь лиги посланника. Одетый в синюю мантию с золотыми лилиями герольд заявил итальянским командирам, что «его король был очень удивлён, что новая армия венецианского Сената преградила ему путь; как всем известно, он всегда был другом Венецианской республики и не хотел ничего иного, кроме возможности идти во Францию, а также провизии для его армии по честной цене». Посовещавшись, Тревизан и Пизано ответили посланцу, что не в их власти заключать мир или перемирие. «Однако, если король хочет мира, он должен сперва сложить оружие и всего вернуть Новару венецианскому союзнику, герцогу Лодовико, а также вернуть города и поселения, принадлежащие понтифику». Герольду ничего не оставалось, как заявить, что «его король

хотел свободного прохода, в противном случае он пройдёт в крови по мёртвым телам итальянцев» [14, р. 87; 102, р. 172–175; 224, р. 455–456; 264, с. 124–125].

Можно согласиться, что ответ венецианских проведиторов был не запугиванием посланца, а тактическим ходом [18, р. 663]. Венецианцы надеялись, что им удастся избежать прямого военного столкновения с войском Карла VIII. Проведиторы полагали, что их военное превосходство будет достаточным сдерживающим фактором для короля и побудит его направить войско в ту сторону, куда им выгодно, избежав при этом сражения. Дело в том, что многие представители венецианской верхушки выступали против войны; победа французов могла повлечь гибель «Моро» и, как следствие, создание французского государства в Ломбардии, на границе с венецианской Террафермой. Посовещавшись между собой, представители венецианской Синьории и герцога Миланского пришли к выводу, «что если противник готов убраться, не следует преграждать ему путь и вернее соорудить для него, по народной поговорке, серебряный мост» [102, р. 174; 224, р. 444; 264, с. 125].

Впрочем, нельзя сказать, что направленный маршалом Жье посланник не имел результата: герольд осмотрел войско противника и оценил, что армия Светлейшей республики очень велика [14, р. 87]. Поэтому, опасаясь, что лигисты нападут на французский авангард до прибытия основных сил, маршал отвёл своих людей к горам и стал ожидать прибытия короля [102, р. 172–173; 264, с. 124; 280, с. 327].

Со своей стороны лигисты также пытались оценить силы противника, допросив захваченного страдиотами швейцарского капитана. Его допрашивал сам Кайаццо. Швейцарец отвечал графу, что авангард состоит из 300 кавалерийских копий (1800 человек) и ещё 1500 швейцарцев. Граф Кайаццо не поверил ответам швейцарца, но командующий Гонзага, напротив, был сильно встревожен (он опасался швейцарских пикинёров) [280, с. 326–327].

Так или иначе, итальянцы остались в лагере, теряя великолепный шанс разбить французов по частям. По словам Ф. Гвиччардини, лигисты совершили ошибку, сравнимую с ошибкой Карла VIII, которому следовало оставаться в Сиене и Пизе [102, р. 173; 264, с. 124].

Два дня спустя французские посланники снова появились в лагере лиги: один утром, другой вечером. Оба посланника попросили графа Кайаццо отправиться на аудиенцию к Карлу VIII, и оба столкнулись с отказом [224, р. 454–455].

Тогда было решено направить в лагерь лиги Филиппа де Коммина, хорошо знакомого с итальянскими делами и венецианцами в частности (4 июля). Коммин написал Тревизану и Пизано письмо, предложив проведиторам встретиться на нейтральной территории для переговоров. Полученный им на следующий день ответ в целом был неутешительным для французов. По воспоминаниям дипломата, «они ответили, что сделали бы это [встретились для переговоров] с большой охотой, если бы мы не начали [уже] войну против герцога Миланского, но тем не менее один из них или оба – как уж они решат – придёт в определённое место на полпути между нами» [102, р. 176; 224, р. 455–456; 264, с. 126;

280, с. 329]. Это уже был определённый результат, возможно, открывавший перед французами позитивные перспективы.

Успех переговоров для французов означал затягивание начала столкновения. Не случайно один из них, Анжильбер де Невер, писал герцогу Орлеанскому из лагеря маршала Жье: «Сегодня мы ждём короля со всей артиллерией. Мы рассчитываем, как только все соберутся, идти против лангобардов, где бы они ни были... и я гарантирую вам, что я никогда не видел таких решительных людей, в первую очередь короля, а затем других, как верховых, так и пеших. Маркиз Мантуанский и граф [Кайаццо] находятся в 3 милях отсюда... и мы опасаемся только того, что они нас не дождутся» [125, р. 321–322].

В полдень 5 июля король Карл VIII достиг Форново. С ним было примерно 9–10 тыс. измученных переходом спутников, включая свиту и слуг [280, с. 330], хотя год назад в итальянскую экспедицию выступило в три раза больше. Следует учесть, что французские гарнизоны были оставлены в Пьетрасанте, Пизе, Ливорно, Остии, Чивитавеккье ещё на пути армии в Неаполь. Далее, часть войск была оставлена в Неаполе под командованием графа Монпансье. На обратном пути в Сиене осталось не менее 200 человек, а гарнизон в Пизе был увеличен. Ещё 2 тыс. солдат находились в Лигурии, пытаясь захватить Геную в неудавшейся попытке мятежа. В целом за время экспедиции французы не несли существенных потерь, кроме того, в их ряды вступали итальянские солдаты. Так или иначе, какой-либо достоверной информацией о численности французской армии при Форново мы не обладаем [18, р. 667].

Чтобы продолжить движение в направлении Пьяченцы и Асти, французам было необходимо пересечь Таро и занять опорную территорию на левом берегу [125, р. 353]. Оставался вопрос: позволят ли им это сделать, и если позволят, то можно ли будет французской армии продолжить путь на родину? Ответ на этот вопрос зависел прежде всего от венецианских проведиторов, которые представляли в армии Священной лиги власти республики. Важно было, какой ответ Тревизан и Пизано сообщат Коммину.

Однако ситуация менялась очень быстро. В полночь кардинал Брисонне вызвал к себе дипломата, чтобы сообщить ему о состоявшемся разговоре с королём и о решении пересечь реку на рассвете. Французы намеревались попытаться вступить на дорогу в Асти, избежав сражения. Чтобы спасти лицо, артиллерия сделает несколько выстрелов в направлении лагеря лиги. Ф. де Коммин оценил этот план как глупость, вероятно, родившуюся у клирика, не обладавшего военным опытом. Он понимал, что пройти мимо лигистов, не вступая в битву, будет невозможно [280, с. 329–330]. Кроме того, с решением пересечь реку переговоры самого Коммина на следующий день утрачивали смысл.

Между тем ночью над Форново разразилась страшная гроза. Согласно воспоминаниям Коммина, промокшим французам, которые спали на голой земле («у нас палаток и шатров было мало»), гром, молнии и ливень знаменовали «пришествие страшных бед» [280, с. 328, 330]. Даже присутствие короля их не

успокаивало. По замечанию Ф. Гвиччардини, они не напрасно страшились, «ситуация для них сложилась критическая, но главное, небесные знамения, предупреждающие всегда только грандиозные события, явно указывают на ту сторону, где находится великий и могущественный государь» [102, р. 177; 264, с. 127].

5.10. Битва при Форново: переправа французской армии

Итак, французское командование приняло решение отказаться от переговоров и вступить в битву. Утром 6 июля, около 6 часов, король Карл VIII встал, прослушал мессу, позавтракал и вышел в лагерь. Верховым на вороном жеребце, подаренном ему герцогом Савойским, в окружении двух кардиналов, Карл обратился к солдатам с вдохновляющей речью, суть которой сводилась к тому, что, несмотря на то что врагов больше, надо быть готовыми сражаться и вернуться во Францию – либо умереть. По воспоминаниям Баярда, король сказал: «Их насчитывается в десять раз больше, но вы в десять раз лучше». Выслушав короля, рыцари перекрестились, а пехотинцы поцеловали землю. Затем войско в идеальном порядке двинулось к мутным водам Таро. В качестве проводников им служили несколько местных крестьян.

К полудню французы пересекли трудный брод и разместились на левом берегу реки, «в очень безопасном месте». При этом огромный обоз и многочисленные нонкомбатанты (*mulierum gregem*), охраной которых руководил капитан Оде де Риберак, были размещены на вершине высокого холма. Там же первоначально был сам король, обзревавший место будущего сражения. У подножия холма размещались пехотинцы и артиллерия французов [14, р. 88–91, 96–97; 102, р. 176–177; 105, р. 43; 126, р. 118; 249, р. 285; 264, с. 127; 280, с. 330–332].

Советники короля сохраняли надежду на то, что им позволят избежать сражения. По сообщению Ф. де Коммина, «король сказал мне, что если противник согласится вести переговоры, то чтобы я начал их». Пока французская армия переправлялась через Таро, Коммин и Брисонне продиктовали королевскому секретарю Флоримону Роберте письмо для проводников, в котором снова говорилось о том, что король хочет только пройти во Францию и поэтому, если венецианцы желают продолжить вчерашние переговоры, представители Карла находятся в их полном распоряжении.

Однако, как заметил тот же Коммин, армии сошлись слишком близко, и сражения было не избежать. По мере передвижения французские солдаты вступали в стычки с итальянцами и страдиотами, посланными к французскому лагерю для захвата обоза. Кроме того, в тот самый момент, когда письмо Брисонне доставили проводникам, французская артиллерия начала стрельбу: «Наша артиллерия, до сего времени молчавшая, начала вести огонь, на который сразу же ответила их артиллерия, которая была хуже нашей» [280, с. 330–332].

По предположению И. Лабанд-Мэйфер, к этому времени основные силы французов пересекли Таро. Обоз был атакован страдиотами именно в момент

переправы. Что касается артиллерии, то она находилась в авангарде и переправилась через реку вместе с авангардом (по свидетельству Ф. Гвиччардини, артиллерия переправилась первой [102, р. 177; 264, с. 127]). Выстрелы пушек сигнализировали о возможности продолжить переправу оставшейся части войска [127, р. 400].

Именно эти выстрелы, начавшие небольшую артиллерийскую дуэль, ввели в заблуждение командование лиги. Узнав о передвижении французов, они немедленно собрали военный совет. По сообщению Коммина, граф Кайаццо расценил начавшиеся стычки как шаг к победе, он заявил, «что не время вести переговоры, раз мы [французы] наполовину разбиты». Маркиз Гонзага и один из провекторов (вероятно, М. Тревизан) поддерживали это мнение, хотя некоторые другие командиры лиги выказывали сомнения. Так или иначе, командование лиги приняло решение переправиться через реку и вступить в бой [14, р. 92–93; 280, с. 332].

Построение войск противников (табл. 1, 2) ясно показывает то, что стороны по-разному видели предстоящее сражение. Карл VIII разделил армию на три батальи, при этом основные и лучшие силы были размещены в авангарде. Очевидно, французы ожидали лобовой атаки, поэтому под командованием маршала Жье и Тривульцио оказалась швейцарская пехота, а также артиллерийский парк. При этом пушки, расположенные между авангардом и второй батальей, были нацелены на реку и начали обстрел начавшего наступление противника [14, р. 90–91; 102, р. 177; 264, с. 127; 280, с. 332].

Действия лигистов отличались от ожидаемых французами. Согласно выработанному на военном совете плану сражения, армии лиги предстояло разделиться на девять частей, пересечь Таро в разных местах и одновременно атаковать противника. При этом две части войска оставались в резерве и охраняли лагерь. Остальные батальи должны были атаковать французов; при этом по две батальи лигистов должны были «измотать первый и второй отряды французов», обеспечив возможность их флангового охвата (*ab utroque latere*). Молодой и неопытный командир Франческо Гонзага принял решение лично возглавить атаку, доверив «обязанности командования» (*imperandi officio*) своему более опытному дяде, Родольфо [14, р. 92–97].

Сомнения командиров лиги и представителей Сената на военном совете вполне объяснимы. С одной стороны, переправа французов через Таро могла открыть им путь в Асти и далее на родину. В этом случае венецианцы утрачивали возможность захватить столь желанный для них обоз. Находившиеся в лагере под Джаролой командиры опасались, что «венецианский Сенат отложит военные действия»; они понимали, что у них, возможно, последний шанс принудить французов принять генеральное сражение. С другой стороны, как писал очевидец событий врач Алессандро Бенедетти, в случае поражения короля ждала потеря армии и обоза, тогда как поражение армии лиги означало «наступление конца для всей Италии» (*totam protinus Italiam ad extrema venturam*) [14, р. 96–97; 224, р. 476].

Таблица 1. Французская армия при Форново утром 6 июня 1495 года, на момент пересечения Таро

Баталии	Командующие баталиями	Состав
Авангард	Пьер де Роан, маршал Жье; Джанджакомо Тривульцио	300 кавалерийских лансов; 2000 швейцарских пикинёров; аркебузиры, алебардщики; артиллерия
Основная часть	Карл VIII (общее командование); Жан де Фуа, виконт де Лотрек	600 кавалерийских лансов; конные арбалетчики; швейцарские пикинёры
Арьергард	Луи де ла Тремуй; Луи д'Арманьяк, граф де Гиз	400 кавалерийских лансов; 1000 пехотинцев

Таблица 2. Армия Священной лиги при Форново

Цель в армии французов	Командующие баталиями	Состав
Авангард	Пьетро Дуодо	600 страдиотов
	Рануччо Фарнезе (общее командование авангардом); Луиджи Авогадро	510 конных арбалетчиков
Основная часть	Горлино из Равенны	2000 пехотинцев
	Франческо Гонзага, маркиз Мантуанский (общее командование); Родольфо Гонзага (общее командование основной частью); Джанфранческо Сансеверино, граф Кайаццо	580 кавалерийских лансов
Арьергард	Бернардино Фортебраччо да Монтоне	370 кавалерийских лансов
	Джанфранческо де Гамбара	465 кавалерийских лансов
Защита лагеря лиги	Карло де Пьян ди Мелето; Никколо Саворньян	280 кавалерийских лансов; 1000 пехотинцев; артиллерия
Резерв лиги	Алессандро Коллеони, Таддео далла Мотелла; Антонио да Монтефельтро	225 кавалерийских лансов (ломбардцы), кавалеристы
	Джованни Греко; Сончино Бенцони	Лёгкая кавалерия

5.11. Битва при Форново: атака армии лиги

Около 13 часов силы лиги начали переправу. Непогода и связанный с ней разлив реки заставили их поменять планы и пересечь Таро выше по течению, где русло было уже. Таким образом, боевые планы полностью поменялись, и баталия Гонзага атаковала французские силы не с фланга, а сзади [102, р. 179; 188, р. 346; 224, р. 477; 264, с. 129].

Впереди кавалеристов, «действуя подобно солдату, а не командиру» [14, р. 98–99], находился сам Франческо Гонзага. Наблюдавший за атакой Коммин позднее описывал её так: «Итальянцы двигались тихим шагом и тесно сомкнутыми рядами, что представляло собой удивительно красивое зрелище» [280, с. 333]. Когда Карл VIII заметил атакующего противника, он велел своему отряду развернуться на 180°, лицом к врагу. Несмотря на это, первая атака лигистов оказалась для французов серьёзным испытанием. Командиры велели своим подчинённым, вопреки итальянским обычаям, не брать пленных. Продолжался дождь, «многие упали, барахтаясь в грязной канаве, другие не смогли пересечь реку, а некоторые сползли по скользкому валу в трясину», ряды перемешивались, команды утратили своё значение, трудно было отличить своего от противника [14, р. 96–99; 102, р. 180, 183; 264, с. 129, 131].

Многие французские рыцари погибли от итальянских копий и мечей; маркиз лично поразил нескольких из них. По описанию М. Санудо, французы молили о пощаде, по земле текла кровь [102, р. 179; 152, р. 356; 224, р. 477; 264, с. 129]. Находившийся вместе с кардиналом Брисонне на берегу Таро Коммин после начала атаки немедленно направился к королю. Приближённым монарха удалось уговорить его покинуть гущу боя; буквально несколько минут спустя люди Гонзага захватили Матье де Бурбона, Великого Бурбонского бастарда, ошибочно приняв его за короля. Карл VIII тем временем укрылся под защитой рыцарских лансов Тремуя и шотландских гвардейцев [14, р. 102–103; 102, р. 180, 183, 186; 125, р. 356; 264, с. 129, 131, 133; 280, с. 333–335].

Кавалеристы Кайаццо и Фортебраччо вступили в сражение в соответствии с планом, однако не получили поддержки от страдиотов Пьетро Дуодо. Обойдя французские порядки, албанские и греческие кавалеристы наткнулись на обоз противника, состоявший из более чем 6000 вьючных животных. Вместо того, чтобы вступить в схватку с врагом, они занялись грабежом. В результате, пока шло сражение, страдиоты переправляли захваченные ими ценности через реку в расположение лагеря лиги. Как вспоминал Ф. де Коммин, они «из самих животных увели лишь 55 с самой красивой упряжью, принадлежащих королю и его камергерам». Примеру страдиотов последовали некоторые из итальянских кавалеристов и пехотинцев, «которые начали покидать ряды сражающихся», а также некоторые французские солдаты [14, р. 98–101; 102, р. 179; 264, с. 129; 280, с. 333–334, 336].

Как писал впоследствии Ф. Гвиччардини, «армия союзников могла бы одержать победу, если бы не отсутствие в ней порядка, которое повредило больше, чем недостаток людей» [102, р. 188; 264, с. 134]. Возможно, именно действия страдиотов причинили силам Священной лиги наибольший ущерб. Не случайно на завтра командующий Гонзага писал жене: «Причиной беспорядка было, главным образом, неповиновение страдиотов» (Франческо Гонзага – Изабелле д'Эсте, 7 июля 1495 г. [149, р. 221–222]). Из-за того, что они не вступили в сражение, атака сил лиги под командованием Кайаццо и Фортебраччо захлебнулась. Как писал Ф. де Коммин: «Если бы они бросили против нас ещё 1500 лёг-

ких кавалеристов, вооружённых своими страшными мечами, то при своей малочисленности мы были бы полностью разбиты» [280, с. 334]. Однако лишь «немногие из греков сражались... оставшиеся грабили обоз» [14, р. 100–101].

Другой причиной неудачи было то, что рыцари графа Кайаццо избрали неправильное вооружение для нападения на швейцарцев. Они переходили реку с очень длинными пиками, придерживая их левой рукой. Однако наёмники расстроили их ряды, рубя пики двуручными мечами. У ломбардских рыцарей не было иного выхода, кроме как отступить: пики были бесполезны, сражаться мечом, сидя на лошади, было невозможно, а спешиться было трудно. По воспоминаниям Ф. де Коммина, «как только итальянцы сломали или метнули копья, они все бежали». Для победы этого было недостаточно [98, р. 94; 280, с. 334–336].

Итак, атака рыцарской кавалерии оказалась неудачной, а пехотные силы лиги так и не успели полноценно вступить в сражение. По сообщению Ж. Пуанте, столкнувшись с отпором швейцарцев, итальянские пехотинцы предпочли отступить в лагерь [125, р. 357].

Спустя непродолжительное время битва превратилась в беспорядочную бойню (*caedes*) [14, р. 98–99]. Вот как это описывал Ф. Гвиччардини: «Когда копья были сломаны и на земле оказались многие всадники и кони обоих противников, в ход пошли железные булавы, кинжалы и другое оружие ближнего боя; люди и лошади били, толкали и кусали друг друга, и с самого начала итальянцы в полной мере показали свою доблесть» [102, р. 180; 264, с. 129]. Кроме французских кавалеристов и швейцарских пикинёров к схватке присоединились служители обоза. С неожиданной жестокостью Ф. де Коммин описывал, как слуги и лакеи убивали итальянских рыцарей: «Ведь они все были с топорами в руках, которыми рубили деревья для устройства лагеря, и ими они разбивали забрала шлемов и сильными ударами в голову убивали их, ибо иначе убить кавалериста было очень трудно, настолько шлемы были прочными, и я не видел, чтобы кого-либо из них убили иначе, как только втроём или вчетвером» [280, с. 334].

Столкновение было необычайно жёстким и очень коротким. По воспоминаниям Ф. де Коммина, оно длилось не более четверти часа, по мнению А. Бенедетти – час [14, р. 104–105; 280, с. 336]. Множество простых солдат погибло. Были потери и среди командования. Граф Фортебраччо получил удар по голове, когда мчался в направлении королевского штандарта. Копьё ударило его в спину и сбросило с коня. Всего он получил 12 ранений: семь в голову, три – в горло, а ещё два – в плечи. Французы приняли его за мёртвого и оставили в покое; после сражения паж привёл его в свой лагерь [102, р. 186; 152, р. 367–368; 264, с. 133].

В какой-то миг сам Карл VIII оказался в опасности: группа из 25 рыцарей заметила его издалека и на полной скорости бросилась к королю. Монарх выдержал три или четыре очень сильных удара мечом по шлему и даже не пошатнулся. Обратившись за помощью к святым, он обещал подарки церквям Сен-Дени в Париже и Сен-Мартен в Туре. Благодаря ли этому или же по счастливой

случайности, но его спасли солдаты маршала Жье, упустившие при этом возможность пересечь реку в погоне за противником [102, р. 180–181, 184; 264, с. 129–131; 280, с. 335]. Впрочем, М. А. Юсим, на основании сопоставления данных Ф. Гвиччардини (зафиксировавшего клятву короля) и Ф. де Коммина, высказал предположение, что история с обетом была придумана кем-то постфактум для того, чтобы подчеркнуть благочестие французского монарха [305, с. 32].

5.12. Битва при Форново: отступление сил лиги

Когда атака лигистов захлебнулась и кавалеристы стали поворачивать назад, Родольфо Гонзага попытался собрать войско воедино. Увы, он был ранен через открытое забрало, упал с коня и задохнулся под телами павших. Армия лиги утратила потенциального лидера – человека, который мог ввести в бой резерв. Между тем отряд Антонио да Монтефельтро стоял на правом берегу, так и не дождавшись приказа о вступлении в сражение [14, р. 98–99; 102, р. 181, 183; 264, с. 130–131; 280, с. 334]. Несмотря на героический пример маркиза Гонзага, кавалеристы и пехотинцы лиги стали поддаваться напору противника. По замечанию Гвиччардини, «итальянцам пришлось обратиться в бегство, чтобы переправиться через реку назад». При этом французы «яростно преследовали отступающих до реки и беспощадно избивали всех подряд, не думая о добыче или о том, чтобы брать пленных» [102, р. 183; 264, с. 131].

Усилению страха способствовали рассказы выживших: «Было... страшно смотреть на место, где произошло сражение, из-за такого количества трупов, лошадиных кишок, смешанных с человеческими; где-то была одна голова и одна рука; выпотрошенный человек и мёртвая лошадь» [188, р. 488; 224, р. 477].

С большим трудом венецианцы и ломбардцы во главе с маркизом Гонзага пересекли раздувшуюся от дождя Таро в обратном направлении и возвратились в лагерь, а некоторые бежали в Парму. В этой ситуации «каждый думал о том, как спастись самому и спасти своё имущество», люди убегали и «большая дорога, ведущая из Пьяченцы в Парму, была полна людей, лошадей и повозок, удаляющихся в сторону последней» [102, р. 184; 264, с. 132]. Венецианские проведиторы пытались удержать беглецов и подавали им пример достойного поведения: когда кто-то предложил Мелькьоре Тревизану спастись, тот гордо ответил, что «победителям не нужно бежать» [14, р. 102–103].

Тем не менее бегство солдат продолжалось. Бежавший из французского плена Никколо Орсини пытался остановить солдат, собиравших палатки и загружавших мулов. Как сообщает Ф. де Коммин, «он проскакал около трёх лье вслед за убегающими, крича им, что победа за ними»; ему удалось вернуть в лагерь большую часть бежавших. Именно благодаря действиям Орсини армия лиги не обратилась в беспорядочное бегство, а осталась в лагере. Вечером того же дня граф Питильяно пытался убедить командование силами лиги атаковать фран-

цузов, используя резервные силы. Однако солдаты устали и были деморализованы, и маркиз Гонзага принял решение дать им отдохнуть [14, р. 100–103; 102, р. 184; 264, с. 132; 280, с. 336–337].

Франческо Гвиччардини подытожил итоги трудного дня в своей «Истории Италии»: «Так закончилась битва между итальянцами и французами на реке Таро, памятная тем, что впервые в Италии после очень долгого перерыва она сопровождалась убийствами и пролитием крови, ибо до этого в сражениях погибало очень мало людей» [102, р. 185; 264, с. 132]. Поле сражения представляло собой устрашающее зрелище. Повсюду были грязь и пятна крови, постепенно смывавшиеся дождём. В реке плавали погибшие, на земле стонали раненые. С наступлением темноты началось обирание трупов [14, р. 104–105, 108–109; 249, р. 289; 280, с. 336].

После сражения Карл VIII собрал командиров, чтобы проанализировать ситуацию. За рекой находилось множество дезориентированных врагов, однако преследовать их было бы неразумно. Французская армия добилась основной цели – путь на Асти был открыт. Кроме того, для столкновения необходимо было пересечь Таро, которая продолжала разбухать. Итальянские кондотьеры (Тривульцио, Камилло Вителли, Франческо Секко) побуждали короля преследовать врага, тогда как французские командиры выступали против этого [102, р. 185; 264, с. 132]. По воспоминаниям Ф. де Коммина, флорентинский кондотьер Секко указал на дорогу на Парму, заполненную беглецами. По его словам, нужно воспользоваться одержанной победой и повести наступление либо против Лодовико «Моро», либо против армии Гонзага. Секко уверял, что «если бы мы [французы]... мудро повели свои дела и хорошо обходились с народом, то через восемь дней наступления на герцога Миланского у того ничего бы не осталось, кроме Миланского замка». Тем не менее, как горько замечает мемуарист, «по причине своей бестолковости и отсутствия порядка» французы не воспользовались этой возможностью [280, с. 337–338].

5.13. Итоги сражения при Форново

По замечаниям современников, потери сторон в сражении были исключительно велики; особенно это касается армии Священной лиги. Коммин, утверждавший, что получил сведения с обеих сторон, писал, что французы потеряли не более 100 человек, включая одного командира (капитан королевской охраны Жюльен Бурнель) и около 20 рыцарей. Потери армии Гонзага составили 350 кавалеристов и более 3 тыс. пехотинцев. При этом «из знатных людей... полегло до 18 персон, среди которых четверо или пятеро из дома Гонзага» (в другом месте Коммин пишет: «семь или восемь родственников» маркиза). Почти все погибшие полегли от холодного оружия; по причине дождя артиллерия практически не участвовала в сражении [280, с. 336, 339–340. Ср.: 198, р. 27]. Если бы не это, замечал один из участников сражения, французская артиллерия наголову разгромила бы армию лиги [64, р. 371].

Близкие данные потерь приводят Гвиччардини – менее 200 человек у французов, более 300 рыцарей и до 3 тыс. пехотинцев у лигистов, и П. Джовио – 1 тыс. человек у французов и в четыре раза больше у лигистов [102, р. 185; 264, с. 132. Ср.: 98, р. 197]. В числе погибших были представители знатных итальянских родов и семей потомственных кондотьеров: Родольфо Гонзага, Рануччо Фарнезе, Джованни Пиччинино, Роберто Строцци, Алессандро Бероальдо, Галеаццо да Корреджо. По наблюдениям врача А. Бенедетти, погибли 2000 итальянцев и 1000 французов, включая многочисленных слуг и обозников. Слова Бенедетти подтверждает флорентинец Пьеро Веттори, который через неделю после битвы сообщил герцогу Урбинскому о таких же потерях [14, р. 104–105; 168, р. 625]. В написанном в конце августа Фабрицио Колонна письме Карл VIII писал о 60 смертях среди его людей и более 4 тыс. погибших итальянцев, из которых 400 – рыцари (Карл VIII – Фабрицио Колонна, 29 августа 1495 г. [168, р. 627]). Конечно, это преувеличение, хотя и не очень значительное [18, р. 679].

Существуют и другие оценки потерь. Так или иначе, тысячи погибших остались лежать «обнажёнными или без головы или преображёнными кровью, мародёрами и ранами» (Флориано Дольфо – Франческо Гонзага, 18 июля 1495 г. [149, р. 228–229]). Очевидно, что большинство погибших на поле боя и в водах Таро были итальянцами.

Бродя по берегам реки, врач Бенедетти видел «многих раненых, которые обнажёнными лежали среди тел [погибших], некоторых – просящих о помощи, некоторых – полуживых». Страдая от голода и жажды, потери крови, некоторые из них едва имели сил попросить воды. Более сотни французов принесли в лагерь лиги, чтобы оказать им помощь в числе прочих раненых. Бенедетти писал, что некоторые из них были живы, несмотря на то, что лишились рук или ступней ног, их мозг был виден через проломленные черепа, а кишки выпали из живота [14, р. 108–109]. Не исключено, что в значительной мере подобное ужасное состояние было результатом «работы» мародёров.

При этом лагерь лигистов в Джароле был полон добычи, захваченной страдотами. Она была разбросана по земле, так что в грязи лежали многие «менее ценные» предметы, которыми мародёры просто пренебрегли. Общую стоимость захваченного А. Бенедетти оценивал в 200 тыс. дукатов. Оно включало произведения искусства и другую добычу, вывезенную Карлом VIII из Неаполя. Солдаты лиги захватили лари, полные одежды, ковров и гобеленов, посуду. Добыча включала множество золотых и серебряных изделий, богослужебные книги и предметы культа. Великолепная палатка французского короля, украшенная со всей роскошью, «досталась последним из солдат», писал Бенедетти [14, р. 106–107].

Вопрос, кого считать победителем в битве при Форново, с XVI в. до настоящего времени является предметом споров и расхождений историков [221, р. 221–222]. Почти все современники и позднейшие итальянские авторы прославляли маркиза Гонзага как победителя, за которым осталось поле боя. Французы, отразившие все атаки сил Священной лиги и оставившие на поле боя

минимальные потери, в свою очередь считали победителем Карла VIII. Очевидно то, что подданные французского монарха в очередной раз поставили своих итальянских противников перед необходимостью отступать от привычных паттернов военной тактики – битва при Форново стала «архетипом нового рода сражений, непредсказуемых, кровавых, иного масштаба, чем те, с которыми итальянцы были знакомы» [156, р. 31].

Среди причин невыполнения армией лиги задачи удержать и разгромить французов следует назвать лучшее вооружение последних, неподчинение итальянских солдат и страдиотов приказам, фактическое отсутствие верховного командования в сражении, эффект психического воздействия французской артиллерии. Кроме того, французы оказались в численном превосходстве над атакующей итальянской кавалерией. После разрыва её строя они группами по несколько всадников нападали на отдельных рыцарей армии лиги. Отразив натиск кавалеристов Гонзага и Кайаццо, они сумели направить свои силы на успешную фланговую атаку противника. В целом, по замечанию А. Сантосуосо, «французский способ ведения войны теперь доказал своё превосходство над итальянским» [221, р. 240].

В письме, которое командующий силами лиги направил вечером дня сражения своей супруге Изабелле, выказывалось разочарование исходом сражения: враг не был уничтожен и получил возможность продолжать свой путь (Франческо Гонзага – Изабелле д'Эсте, 7 июля 1495 г. [149, р. 221]). Неделью спустя пессимизм исчез – в письме сестре, герцогине Урбино, маркиз писал: «Добившись освобождения и свободы для Италии... мы не можем не возблагодарить Бога» (Франческо Гонзага – герцогине Елизавете Урбинской, 16 июля 1495 г. [149, р. 224]).

В Венецию известие о сражении пришло 8 июля, однако из первого письма проводиторов не было ясно, кто его выиграл. Руководство республики оставалось в недоумении; поэтому в тот вечер в городе не было огней, что было бы естественным при праздновании военного триумфа [14, р. 110–111; 224, р. 483]. Ситуация обрела ясность после повторного сообщения проводиторов, которые, по словам С. Бьянкарди, создали «официальную версию» событий на полях долины Таро [18, р. 689]. Было заявлено о гибели 2,5 тыс. французов и 800 пленных (что не соответствовало действительности) [152, р. 359]. После этого венецианцы стали открыто праздновать победу. По улицам города ходили толпы, призывавшие: «На Феррару!» Однако Синьория не хотела рисковать новой войной и запретила любые враждебные проявления против своего южного соседа [224, р. 484–485].

За свою победу, помимо ежегодного пенсиона в 2 тыс. дукатов для себя и 1 тыс. дукатов для жены, Франческо Гонзага получил от венецианской Синьории подарок в 10 тыс. дукатов. Его жалованье в качестве командующего силами лиги возросло с 42 до 55 тыс. дукатов в год [152, р. 372; 224, р. 524]. Образ маркиза-победителя стал транслироваться по всей Италии. На заказанной живописцу Андреа Мантенье картине «Богородица Победы» Гонзага изображён в доспе-

хах, стоящим на коленях перед Девой Марией. В память об успехе была выбита медаль (автор – Сперандио да Мантова) с надписью: «В честь восстановления свободы Италии» (*Ob restitutam Italiae libertate*) [149, p. 226–227].

Власти Республики Св. Марка вознаградили и других участников сражения; сыновья погибших командиров получили их военные контракты (кондотты), дочери – приданое, а вдовы – пенсию. Например, вдова Родольфо Гонзага Катерина получила пенсион в размере тысячи дукатов ежегодно, а её владения были взяты под защиту. Вознаграждены были родственники умершего от ран Фортебраччо, Рануччо Фарнезе, Винченцо Корсо, Алессандро Бероальдо, Роберто Строцци, Джованни «Мавра» [14, p. 140–143; 69, p. 251; 98, p. 120; 152, p. 366].

5.14. Переход французской армии в Асти

Несмотря на то что сражение при Форново некоторыми современниками воспринималось в качестве финальной сцены кампании [142, p. 200], война на этом не закончилась. После завершения разгрома сил Священной лиги французы стали лагерем на холме Фелегара, в четверти лиги от места сражения. Неподальёку располагалась деревня Медесано, однако домов для солдат не хватало, даже многим из нобилей пришлось ночевать в снопах пшеницы и удовольствоваться на ужин куском хлеба. Ф. де Коммин, по его словам, спал в винограднике на голой земле; он отдал свой плащ королю. Мемуарист вспоминал, как Карл VIII ободрял раненых из числа своих приближённых, размещённых с монархом в одной комнате [102, p. 185; 249, p. 290; 264, с. 132; 280, с. 338] (Об идентификации места лагеря: [70, p. 647–648]).

Утром следующего дня по поручению монарха Коммин возобновил переговоры с противником. Согласно его воспоминаниям, лишь он один из всей французской делегации осмелился перейти на другой берег реки. С ним находились королевский секретарь Роберте, слуга и герольд. Со стороны лиги в переговорах участвовало всё руководство армией лиги при Форново: Франческо Гонзага, граф Кайаццо и венецианские проведиторы Пизани и Тревизан.

Содержание беседы с ними передано в «Мемуарах» Ф. де Коммина. Согласно ему, Гонзага спросил: если бы французам удалось захватить его, убили бы они его или нет? Коммин уверил, что маркиза ожидал в лагере французов радужный приём. По данным Дж. Атри, он добавил, что если стороны достигнут перемирия, то Карл VIII сделает Гонзага «первым человеком в Италии». Командующий армией лиги отказался от этого предложения и попросил Коммина хорошо обращаться с пленниками, особенно с его дядей. Зная, что Родольфо Гонзага погиб, Коммин, тем не менее, заверил маркиза, что всем пленным будет оказан радужный приём (позднее тело Р. Гонзага было отправлено в Мантую). Сам он обратил внимание на необходимость такого же обращения с Бурбонским бастардом. Стороны согласились на перемирие на весь день и договорились на ещё одну встречу [14, p. 112–115; 67, p. 51–52; 102, p. 186–187; 224, p. 487; 264, с. 133; 280, с. 338–340].

Вернувшись в лагерь, Коммин застал короля проводящим в крестьянской хижине военный совет; при этом «никакого решения принято не было, и все только смотрели друг на друга». По сообщению Ф. Гвиччардини, такая же неуверенность царила и в стане лигистов [102, р. 187; 264, с. 133]. В результате после совещания с Брисонне король велел Ф. де Коммину не терять связь с итальянцами, «дабы узнать, что они скажут». Не имея инструкций по поводу содержания переговоров с лигистами, Коммин надеялся по крайней мере узнать от последних об их планах [280, с. 340]. Однако он так и не увидел Франческо Гонзага с его товарищами.

Той же ночью Карл VIII принял решение покинуть лагерь как можно скорее, чтобы отправиться в Асти или союзное маркграфство Монферрат. Свита короля собиралась к отъезду, а солдаты сжигали то, что сложно было увезти с собой. Согласно данным А. Бенедетти и М. Санудо, раненых и больных также бросили в огонь «с варварской жестокостью» [14, р. 116–117; 224, р. 489]. В этих условиях миссия Ф. де Коммина представлялась отвлекающим манёвром, в котором сам переговорщик находился в невыгодном положении. Осознав, что ему грозит оказаться кем-то вроде заложника, дипломат резко ответил королевским приближённым, что не будет тем, кто покинет лагерь последним [280, с. 340]. Он отказался от договоренной на утро 8 июля встречи с итальянцами и покинул лагерь вместе со всей армией.

«Противник не заметил нашего отхода до полудня», – писал Коммин. Это позволило французской армии удалиться на безопасное расстояние. В тот же день французы встретили отряд Джанджакомо Тривульцио, пришедший из Асти, что давало отступающим дополнительные гарантии безопасности. Последним серьезным рубежом, отделявшим их от спасения, была река Треббия, подобно Таро сильно разлившаяся в последние дни от дождей. С большим трудом переправив через реку пехоту, кавалерию и артиллерию, французы оказались по другую сторону от преследовавшего их отряда графа Кайаццо. Обнаружив, что противник покинул поле боя, последний направился вслед за ним во главе отряда в 200 лёгких кавалеристов [102, р. 188–189; 264, с. 134–135; 280, с. 340–341].

Очевидно, что целью Кайаццо было выяснение пути отступления армии Карла VIII. Поскольку перемещение французов проходило по территории герцогства Миланского, оставалась слабая надежда на то, что их удастся перехватить и разгромить. С другой стороны, существовала куда более реальная опасность того, что французы будут разорять земли Ломбардии.

Ни то, ни другое предположения не сбылись. Выступившая на следующий день основная часть армии лиги не сумела нагнать противника и в конце концов направилась к Новаре. С другой стороны, армия Карла VIII обошла стороной сильные ломбардские крепости Пьяченцу, Тортону и Алессандрию, несмотря на имевшихся в некоторых случаях сторонников французов. Стороны соблюдали вежливый нейтралитет, осознавая общий интерес в удалении французов за пределы герцогства Миланского. Комендант Тортонны Гаспаре «Фракасса», род-

ной брат графа Кайаццо (и служившего королю Галеаццо Сансеверино), даже снабдил французское войско припасами [152, р. 354; 224, р. 506–507; 249, р. 292–293; 280, с. 341–344]. Ранее сражавшийся на службе у Карла VIII «Фраккасса» не хотел вступать в конфликт с монархом, даже несмотря на то, что получил от «Моро» предписание остановить французов [224, р. 498].

Переход от Форново к Асти был, по уверениям Ф. де Коммина, самым трудным на его памяти. По пути следования французы ни разу не устраивали лагеря, они недосыпали, страдали от жары и нехватки продовольствия, им приходилось пить грязную стоячую воду, нехватка лошадей для перевозки артиллерийских орудий вынуждала двигаться очень медленно. Тем не менее, пишет дипломат, ему «не приходилось слышать, чтобы люди жаловались» [280, с. 343–344]. Наконец 15 июля армия оказалась во французских владениях – в Асти. Всего за 7 дней 10 тыс. человек, а также обоз и артиллерия, без проводников, прошла почти 140 км, форсируя при этом реки, в сезон непогоды. Совершенно разные люди усматривали в счастливом исходе этого перехода прямую помощь Бога [130, р. 112; 280, с. 343].

Первые дни после сражения в лагере лиги царил беспорядок, связанный с необходимостью разобраться с ранеными и немногими пленными. Проведитор Мелькиоре Тревизан отправил всех раненых, включая французов, в госпиталь в Парму и лично следил за их участью: «Добрый старик... обошёл их кровати и ободрял всех надеждой». При этом проведитор потратил на перевозку раненых «немалые деньги» [14, р. 118–119].

В своём последнем письме в лагерь лиги в Джароле венецианская Синьория объявила за короля Карла VIII, живого или мёртвого, награду в размере 30 тыс. дукатов [152, р. 364]. Однако надежды на второе генеральное сражение были малы. В немалой степени это было связано с той дезорганизованностью, которая была характерна для лигистов во время сражения и после него. Так, занятые дележом добычи страдиоты отказались немедленно отправиться преследовать французскую армию вместе с отрядом Кайаццо, несмотря на увещевания командиров [14, р. 116–117; 224, р. 489].

Вскоре в лагере стали распространяться инфекционные заболевания, вызванные зловонием от трупов, лежавших под открытым небом. Войско лиги было вынуждено покинуть лагерь; 10 июля венецианские проведиторы были в Пьяченце, а 11 июля пересекли Треббию, отставая от французской армии примерно на двое суток [14, р. 120–121]. Действия направленного преследовать французов отряда имели скромные результаты: напав на арьергард, лигисты нанесли врагу лишь небольшой урон. Достигнув Кастеджо, армия лиги повернула на север, к Новаре [13, р. 146–151; 14, р. 116–121].

Итак, армии короля удалось избежать нового столкновения с силами противников и успешно достичь французских владений в Асти. Однако именно в этот момент Карла VIII настигли плохие новости из Неаполя, Генуи и Новары [280, с. 344].

5.15. Битва при Семинаре

Заняв в апреле 1495 г. Реджо-ди-Калабрия, Ферранте II начал продвижение в глубь своего утраченного королевства. Его армию общей численностью до 6 тыс. человек составляли набранные на Сицилии добровольцы, включая городские ополчения и отряды магнатов [102, р. 192–193; 264, с. 136–137].

Помимо них за изгнанного неаполитанского монарха сражались испанцы, прибывшие с Пиренейского полуострова под командованием Гонсало Фернандеса де Кордовы, позже прославленного под прозвищем Великого капитана (*El Gran Capitán*) [102, р. 192–193; 264, с. 136–137]. Армия, с которой де Кордова высадился 24 мая в Калабрии, включала около 600 кавалеристов (включая 500 хинетов – лёгких конников) и 1,5 тыс. пехотинцев. В большинстве своём это были опытные солдаты, участники Гранадской войны, хотя среди них находились и новобранцы. Помощь Фердинанда Арагонского своему тезке не носила безвозмездный характер: в обмен на неё Феррандино соглашался с передачей Сицилийскому королевству (королём которого был монарх Арагона) нескольких важных портов в Калабрии, включая Реджо [241, р. 288].

Продвижению армии Арагонца попытался воспрепятствовать французский коннетабль Неаполитанского королевства, назначенный также губернатором Калабрии, Стюарт д'Обиньи. Его силы встретили армию под командованием Гонсало де Кордовы у городка Семинары. Силы Обиньи насчитывали 100 рыцарских лансов и 1200 швейцарцев; кроме них у него в подчинении находились кавалеристы и пехотинцы профранцузски настроенных южноитальянских баронов.

Несмотря на осознаваемое им превосходство противника, испанский командующий поддался желанию итальянских аристократов вступить в битву. При этом, ошибочно приняв тактический приём хинетов за настоящее отступление, итальянская пехота пустилась в бегство. Оставшиеся на поле боя испанцы не выдержали совместного натиска французских жандармов и швейцарских пикинёров. Результатом сражения (28 июня) стал полный разгром арагонской армии.

По замечанию Ф. Гвиччардини, причиной поражения была неопытность добровольцев и испанских новобранцев, которым пришлось сражаться с «обученными и опытными» французами. При этом молодой король Ферранте отличился мужеством и отвагой, потеряв в сражении коня. Он спас свою жизнь только благодаря самопожертвованию одного из своих приближённых, графа Альтавилла Джованни ди Капуа [102, р. 193; 264, с. 137].

В военной истории битва при Семинаре характеризуется как «мать» последующих побед Великого капитана (Чериньола, 28 апреля 1503 г.; Гарильяно, 28 декабря 1503 г.). Используя опыт своего поражения, де Кордова реорганизовал структуру армии и трансформировал испанскую тактику. Он свёл пехоту в тактические подразделения, которые носили смешанный характер (включали пикинёров, аркебузирова и вооружённых мечами солдат). Роль пехоты на поле

боя возросла, так же, как и значение огнестрельного оружия [107, р. 168–170; 170, р. 4–6].

После поражения при Семинаре Гонсало де Кордова был вынужден отвести войска в преданный Арагонскому дому Реджо, а король Ферранте эвакуировался на Сицилию. На несколько месяцев де Кордова стал избегать крупных столкновений, прибегнув к тактике партизанской войны. Одновременно он тренировал кавалерию и приступил к экипировке части своих пехотинцев пиками и аркебузами [107, р. 167].

Что касается Ферранте, то он не оставил попыток восстановить власть в Неаполитанском королевстве. По замечанию Паоло Джовио, король не сомневался в благосклонности Фортуны [18, р. 693; 98, р. 112]. За несколько месяцев его отсутствия неаполитанцы пресытились «благами» французской оккупации. Известно, что когда в мае 1495 г. в город по морю прибыло подкрепление (13 кораблей), горожане приветствовали его без особенного энтузиазма. Кроме того, случались проявления жестокости французов в отношении местных жителей. Так, вспыхнувшее 24 июня восстание в Гаэте было жестоко подавлено; было убито полторы тысячи человек, включая стариков и детей. Феррандино, который знал об этих эксцессах, рассчитывал воспользоваться настроениями народа, чтобы обратить ситуацию в свою пользу. Он набрал на Сицилии дополнительные войска, намереваясь высадиться в столице [80, р. 50; 102, р. 193–194, 196; 224, р. 439–440; 264, с. 137–139].

5.16. Успехи Арагонской династии в Неаполе

В результате 6 июля у острова Капри появился внушительный арагонский флот в составе 80 кораблей, хотя и с малым количеством солдат на борту. Тем не менее всё неаполитанское побережье (Салерно, Амальфи, Сорренто) перешли на сторону изгнанного короля [102, р. 194; 264, с. 138]. Известия о прибытии противника пришли в Неаполь слишком поздно, чтобы можно было организовать оборону должным образом. Однако вице-король Монпансье успел выдвинуть 16 тыс. солдат.

Губернатор Абруцци Грасьен д'Агерре советовал атаковать арагонцев до того, как против французов поднимется население Неаполя, но ни Монпансье, ни де Веск на это не решились. Это можно объяснить тем, что, несмотря на превосходство в живой силе, у французов было значительно меньше кораблей. Кроме того, недавняя неудачная попытка принца Салернского высадиться на Искье (11 июня) умерила пыл французских властей в Неаполе. Вероятно, имело значение и личность командующего. Гвиччардини так охарактеризовал Монпансье: человек, «столь же готовый проявить отвагу, когда нужно быть осторожным, сколь и склонный быть осторожным, когда... следовало проявлять отвагу» [102, р. 194; 264, с. 138].

Поэтому вместо активной обороны вице-король предпочёл защищать столицу. По улицам Неаполя проехали вооружённые люди, демонстрируя силу

французской власти. Кроме того, к тем представителям местной элиты, которые имели репутацию сторонников Арагонской династии, была приставлена стража [18, р. 695]. Несмотря на принятые меры, многие жители Неаполя решили взять в руки оружие и повернуть его против новой власти.

Впрочем, у Феррандино не было точного плана действий. В полдень 7 июля, сразу после дня сражения при Форново, он высадился со своими силами в устье реки Себето, за стенами Неаполя. Рыбаки приветствовали Арагонца криками «Ферро! Ферро!» В этот момент Монпансье совершил большую ошибку: он вывел большинство своих людей за стены, чтобы не дать Феррандино возможность войти в город. Между тем основная опасность грозила французам изнутри. Как писал хронист Феррайоло, к этому моменту «вся земля была в оружии». Ферранте II вступил в город без кровопролития, через ворота Меркато, так что солдаты Монпансье оказались зажаты между арагонцами и восставшими неаполитанцами. Они с трудом сумели вернуться в Неаполь, обойдя его стены [80, р. 54; 102, р. 194–195; 224, р. 501; 264, с. 138–139].

В сопровождении Альфонсо д'Авалоса и поэта Бенедетто Гарета, секретаря, король Ферранте II проделал триумфальное шествие по своей столице. Примечательно, что он ехал верхом на знаменитой кобыле Белладонне, которую ранее использовали неаполитанские государи от Альфонсо II до Карла VIII. Король поселился в Кагель-Капуано, тогда как две другие городские крепости оставались в руках французов (замок Сант-Эльмо сдали спустя три дня) [80, р. 29, 33, 55].

По сообщениям современников, население Неаполя с радостью восприняло возвращение Ферранте к власти. Немедленно поднялась волна возмущения против французов. Неаполитанцы преследовали солдат вице-короля, отважившихся выйти в город поодиночке, громили дворцы князей Салерно и Бизиньяно и других сторонников французов, сжигали судебные и финансовые документы. Были захвачены некоторые французские чиновники, включая протонотария Жана Рабо, который отправился в заключение в одном плаще, чулках, обуви и ночном колпаке [22, р. 114; 70, р. 659; 80, р. 55].

Несмотря на численное превосходство своих войск, французы предпочли уйти в оборону, укрывшись в замках Кагель-Нуово и Кагель-делль-Ово. Во главе их находился вице-король Монморанси, великий камергер Виск, а также ряд французских капитанов и неаполитанских аристократов (Ив д'Алегр, князь Салерно, Антонелло ди Сансеверино, Маттео Коппола) [80, р. 56; 102, р. 196; 264, с. 139]. В остальной части Неаполитанского королевства положение французов было не лучше. Так, венецианский флот под командованием Антонио Гримани захватил апулийский порт Монополи и, оставив там гарнизон, отплыл для поддержки Арагонцев в Неаполь (см. далее) [14, р. 114–115; 102, р. 196; 264, с. 139].

Безусловно, Карл VIII был обеспокоен неблагоприятной для него ситуацией в Regno. Из Асти в Ниццу был направлен Перрон де Баски, который должен был ускорить подготовку флота. Действительно, осенью был снаряжён флот,

командовал которым Луи д'Альман, сеньор д'Арбан, «хороший воин, но без опыта в море» (Гвиччардини). Планировалось, что корабли отплывут вместе с 2 тыс. гасконских солдат и швейцарцев на борту, которые усилят гарнизон неаполитанских крепостей. Однако у острова Понца корабли д'Арбана столкнулись с флотом короля Ферранте II, были вынуждены отступить и укрыться в гавани Ливорно, где большая часть солдат сошла на берег. Впрочем, неаполитанцы не смогли продолжить операцию; по причине непогоды почти 2 месяца они были вынуждены стоять у Эльбы. Тем не менее именно неудача французского флота подтолкнула защитников крепостей Кастель-Нуово и Кастель-делль-Ово к тому, чтобы сдаться [102, р. 198; 264, с. 140; 280, с. 344–345].

5.17. Образование венецианского оплота в Апулии

Одним из результатов Первой Итальянской войны стало приобретение венецианцами оплота на южной оконечности Апеннинского полуострова – в Апулии. Стремление к контролю за выходами из Адриатического моря, которое привело бы к превращению последнего в «Венецианский залив», обуславливалось как коммерческими, так и геополитическими соображениями.

Впервые интерес Венеции к апулийским портам обозначился ещё в период подготовки итальянского похода Карла VIII, который предложил в обмен на поддержку передать республике Бриндизи и Отранто. Дож А. Барбариго отверг это предложение [54, р. 110; 152, р. 447]. После создания Лиги Св. Марка ситуация изменилась: сначала Венеция стала оказывать поддержку союзнику лиги – королю Ферранте II, а позже вступила с французами в открытый конфликт.

В апреле 1495 г. венецианский флот под командованием генерального капитана Антонио Гримани выступил с Корфу в направлении апулийского побережья. Задачей командующего было побудить жителей городов, сохранявших верность Арагонской династии, продолжать сопротивление французам [54, р. 180–187; 152, р. 339]. В это время венецианцы ещё сохраняли формальный нейтралитет, выступая в Апулии лишь в качестве «моральной поддержки» осаждённым французами городам [120, р. 296].

После официального объявления войны задачи, стоявшие перед венецианским флотом, изменились. В июне того же года Гримани (с силами 12 галер) получил приказ атаковать французские владения в Апулии. Высадив десант в окрестностях Монополи, венецианцы захватили его (1 июля), устроив в городе резню, сравнимую с действиями их противников-французов в Мордано или Монте-Сан-Джованни. Вооружившись кинжалом, Гримани лично остановил солдат, вынудив их вернуться на корабли [152, р. 362, 372–376, 399; 198, р. 29; 224, р. 493–495]. После этого в городе установилась власть Светлейшей республики.

Спустя несколько дней власти венецианцев сдались два других апулийских порта – Полиньяно и Мола. Кроме того, Гримани захватил Трани и Барлетту, уступив их неаполитанскому королю Ферранте [152, р. 380–381].

5.18. Известия о ситуации в Новаре

Помимо новостей о неудачах в Неаполе и Лигурии, французского монарха в Асти застигли известия, присланные его кузеном Луи д'Орлеаном. Герцог сообщал королю о том, что перед Новарой собрались две армии – ломбардская и венецианская, что у защитников мало еды и они просят о помощи [280, с. 344].

Едва узнав о прибытии Карла VIII в Асти, герцог Орлеанский отправил к нему архиепископа Руанского Жоржа д'Амбуаза, поручив тому в подробностях сообщить о состоянии дел в Новаре (Луи д'Орлеан – Жоржу д'Амбуазу, 17 июля 1495 г. [217, р. 31]). Кроме того, не зная о дальнейших планах короля, герцог поручил д'Амбуазу по возможности отстаивать его интересы, касающиеся прав на герцогство Миланское. Орлеан был встревожен слухами о задуманном Дж. Тривульцио проекте возвести на престол в Милане малолетнего сына покойного герцога Джана Галеаццо – Франческо [160, р. 250].

После того как к осаждавшим Новару ломбардским войскам под командованием Галеаццо Сансеверино присоединилась армия Священной лиги Франческо Гонзага, в окрестностях города скопилось большое количество солдат. По данным Ф. Гвиччардини, лагерь осаждающих включал 3 тыс. итальянской рыцарской конницы, 3 тыс. лёгкой кавалерии (включая страдиотов), 1 тыс. немецких тяжёлых кавалеристов, 5 тыс. итальянских пехотинцев. Кроме них было 10 тыс. ландскнехтов под командованием Георга фон Эбенштайна и других капитанов [102, р. 201; 264, с. 142. Ср.: 224, р. 498–499; 280, с. 346].

Задачей этих сил было полностью блокировать город, чего первоначально сделано не было. В первые месяцы лета жизнь в Новаре текла почти в нормальном русле. Осаждённые продолжали получать помощь извне. Так, 5 июля в Новару вступил конвой во главе с адмиралом де Гравилем. Конвой привёз почти 18 тыс. ливров, предназначенных на «возвращение герцогства Миланского» под залог земель герцога во Франции [160, р. 240–241]. При этом все современники отмечают жалобы осаждённых на нехватку припасов. По свидетельству Ф. де Коммина, обозы с продовольствием до Новары не доходили, в результате «там каждый день умирали от голода, а две трети людей были больны» [280, с. 347].

Заболел лихорадкой сам герцог Орлеанский. Несмотря на это, он регулярно встречался с подчинёнными и обсуждал с ними возможности снятия осады. Судя по письмам герцога, его подчинённые регулярно совершали из города вылазки против неприятеля [14, р. 136–137; 160, р. 252].

После того как армия Карла VIII достигла Асти, Новара стала самым насущным вопросом для монарха. С одной стороны, король не желал увеличения влияния герцога Орлеанского. С другой стороны, он поддерживал его притязания на Милан, отказавшись поддержать проект Тривульцио [280, с. 341–342].

Современники отмечали, что осторожный Лодовико Сфорца был готов покинуть своих новых соратников по Священной лиге и вернуться к союзу с французским монархом. Единственными препятствиями в этом были притязания

герцога Орлеанского на Милан, оккупация им же Новары, а также претензии Франции на установление верховной власти над Генуэзской республикой. Как писал Ф. де Коммин, «герцог Миланский говорил, что если ему вернут Новару, не требуя взамен Генуи, то он всё сделает для короля» [280, с. 347].

По этой причине опытный Коммин считал, что герцогу Орлеанскому следует оставить город и выехать в Асти, чтобы лично описать королю ситуацию в Новаре. С другой стороны, кардинал Брисонне, поддержанный представителем герцога Орлеанского, Жоржем д'Амбуазом, оттягивал отъезд Луи д'Орлеана из осаждённого города. Что касается Карла VIII, то он колебался и долгое время не мог принять в отношении судьбы Новары никакого решения [280, с. 346–347].

Между тем с середины июня ситуация в Новаре не менялась. Герцог вместе с 8–10 тыс. горожан был осаждён враждебными войсками. По свидетельству М. Санудо, «герцог Орлеанский... не хотел уходить с этой территории, не желая выйти из города в лагерь герцога [Лодовико Сфорца]», даже несмотря на увещевание со стороны Галеаццо ди Сансеверино [224, р. 399]. Его поведение было истолковано Лодовико Сфорца как признак слабости; 2 июля «Моро» писал кондотьеру Джанфранческо Паллавичино: «Враги закрепились в Новаре и не думают ни о чём другом, как... сбежать, если смогут, и пребывают в величайшем страхе перед тем, что наши [войска] окажутся у ворот города» (цит. по: [211, р. 219]). Того же мнения держались венецианцы, которые считали, что «герцог Орлеанский... желал уйти и вернуться в Асти, но его люди ему не позволили» [224, р. 498].

ОСАДА НОВАРЫ И ЗАВЕРШЕНИЕ ПЕРВОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

«Наконец, французский король и герцог Лодовико по различным причинам торопливо приняли условия поспешного мира».

Алессандро Бенедетти,
«Дневник Карловой войны» [14, р. 130–131].

6.1. Осада Новары маркизом Гонзага

В середине лета (17 июля) маркиз Гонзага прибыл в лагерь войск Священной лиги под Новарой и сразу же начал активно действовать. Он руководил вытеснением французов из Казальджате, Борговерчелли, Камериано [102, р. 202; 217, р. 21; 264, с. 143]. Для устройства лагеря местность в Камериано была расчищена, а для удобств осады венецианцы разграбили и сожгли деревни между Новарой и Тичино, а также предместья самой Новары [14, р. 154–155, 160–161, 172–173].

Благодаря этим действиям 19 июля венецианские войска подступили в непосредственную близость от стен осаждаемого города, так что его жители с башен могли хорошо видеть противника. На следующий день осаждающие отвели от города воды речки Агоньи, так что мельницы, молотившие в Новаре зерно, перестали работать. Вскоре жителям города пришлось есть хлеб вперемешку с отрубями [14, р. 132–133, 158–159; 160, р. 253].

Тем не менее новарцы ожидали скорой подмоги со стороны французского короля и принимали деятельное участие в оборонительных мероприятиях, проводимых герцогом Орлеанским. Перед городскими воротами сооружались защитные щиты из дёрна, соседние поселения окружили рвами и укреплениями [14, р. 132–135].

В качестве пополнения своим войскам герцог нанял швейцарских солдат из кантонов Ури и Швица, которые 21 июля направились в сторону Новары [141, р. 607–614]. Между тем 20 июля между силами осаждённых и осаждающих произошла стычка, в которой приняло участие несколько тысяч солдат. По итогам погибли 6 человек, около 50 были ранены. По настоянию маркиза столкновение происходило по всем правилам рыцарской науки: ему предшествовал формальный вызов [224, р. 514].

Между тем положение Новары постепенно ухудшалось. В Ломбардии беспрестанно лили дожди, но питьевой воды не хватало; солдаты были вынуждены копать резервуары для сбора дождевой воды [160, р. 249]. Вина также не хватало, и швейцарские солдаты выказывали от этого недовольство; по словам А. Бенедетти, вино было им не менее дорого, чем золото или серебро [14, р. 134–

135]. Герцог Орлеанский был вынужден написать королю письмо с просьбой как можно скорее отправить несколько бочек вина. Поскольку провизия также заканчивалась, солдатам разрешили забивать на мясо плохих лошадей [18, р. 702; 98, р. 123]. Угрозу голода приблизил перехват венецианцами конвоя из 10–12 французских телег с припасами (24 июля) [102, р. 208; 224, р. 514; 264, с. 347]. По городу распространялась лихорадка.

Чтобы облегчить положение осаждённых, в августе 1495 г. герцог Орлеанский велел выгнать из города «бедных и бесполезных плебеев», вероятно, по совету Ф. де Коммина [14, р. 158–159; 102, р. 208; 264, с. 147; 280, с. 346–347]. Однако худшее для новарцев было ещё впереди.

6.2. Начало переговоров со Священной лигой

Между тем король Карл VIII проводил время между Асти и савойскими владениями, уделяя значительное время любовным приключениям. В конце июля он посетил Турин, где его встречали вдовствующая герцогиня Савойская Бьянка и её сын, малолетний герцог Карл II. Дома Валуа и Савойя были связаны родственными узами, поэтому французам предоставили в Пьемонте всё необходимое. Франческо Гонзага даже высказывал опасения, что помощь герцогини Савойской позволит французам обустроить военные базы (в частности, в Верчелли), необходимые для обороны Новары (Галеаццо Сансеверино – Лодовико «Моро» Сфорца, 20 июля 1495 г. [217, р. 27]). Чтобы пресечь такую возможность, лигисты направили в сторону Верчелли 400 кавалеристов и 3 тыс. пехотинцев [102, р. 204–205; 224, р. 548; 264, с. 145].

Между тем французы стали предпринимать попытки наладить по разным каналам связь с лигой. В частности, в интересах своего родственника Карла VIII герцогиня Савойская через казначея Себастьяно Ферреро ди Гальянико вела переговоры с Лодовико «Моро» [102, р. 204; 264, с. 144; 280, с. 345].

Другим связующим звеном с союзниками попытался стать Филипп де Коммин, который вступил в переписку с Франческо Гонзага, предлагая ему встретиться. Руководство лиги, собравшееся под Новарой, согласилось с этим предложением и даже предоставило Коммину охранную грамоту для приезда в лагерь. Однако когда информация об этом достигла Венеции, власти республики дали указание избегать переговоров с Ф. де Коммином, который считался «очень сведущим и прозорливым человеком», прибытие которого может негативно отразиться на делах Священной лиги. Кроме того, по воспоминаниям самого Филиппа де Коммина, из-за сопротивления «завистников», в частности, кардинала Брисонне, ему было запрещено продолжать переговоры (Инструкция венецианского Сената проведиторам [54, р. 222]; Галеаццо Сансеверино – Лодовико «Моро» Сфорца, 20 июля 1495 г. [217, р. 30]) [280, с. 345]. Ф. де Коммин был вынужден написать маркизу: «Король и его совет не хотят, чтобы я явился в ваш лагерь» [54, р. 223–224].

Наконец, ещё одним каналом связи с союзными итальянскими государствами стал герцог Феррары Эрколе д'Эсте, который был настроен по отношению к французам благожелательно. Переговоры с ним вёл тот же Коммин [54, р. 222; 280, с. 344]. Противниками Коммина при королевском дворе являлись кардинал Брисонне и архиепископ Руанский Жорж д'Амбуаз. Прелаты принадлежали к «военной партии»: они верили в неизбежность полевого сражения за Новару и подталкивали короля к военному разрешению «новарской проблемы» [280, с. 347–348].

Впрочем, их воинственность следует оценивать весьма условно; вероятно, именно этих прелатов имел в виду А. Бенедетти (со слов савойского посланника), когда писал о трёх приверженцах войны во французском лагере, охочих до денег, которых можно легко подкупить [14, р. 158–159].

Так или иначе, не надеясь вполне на благоприятный исход начавшихся или предполагаемых переговоров, Карл VIII принял меры по усилению своего ослабленного войска. 4 августа в Люцерн было направлено письмо с мандатом двум членам парламента Бордо, Жана де Ситена и Бенуа Адама, набирать солдат для участия в военных операциях в Ломбардии (4–5 тыс. человек) (Карл VIII – кантону Люцерн, 4 августа 1495 г. [138, р. 242–244; ср.: 280, с. 345]). Предпринимались и другие меры по набору наёмников, так что 12 августа король написал герцогу Бурбону: «Каждый день швейцарцы приходят ко мне на службу, и я слышал, что представители Лиги [Конфедерации кантонов] объявили себя на моей стороне и против синьора Людовико [“Моро”]» (Карл VIII – герцогу Бурбону, 12 августа 1495 г. [138, р. 254]). Одно из писем короля было адресовано осаждённому в Новаре, которым Карл обещал подкрепление в ближайшее время (Карл VIII – жителям Новары, 28 августа 1495 г. [138, р. 274]).

6.3. Военный совет в Казаллоджано и парад войск лиги

В начале августа в лагерь лиги, размещённый на полпути между Виджевано и Новарой, в Весполате, с подкреплением и в сопровождении супруги, послов Испании, Неаполя, Венеции и Феррары прибыл Лодовико Сфорца [14, р. 146–147]. 4 августа в городке Казаллоджано состоялся военный совет. Основной вопрос, который на нём рассматривался, это следует ли армии лиги преследовать французского короля, либо же войскам лучше оставаться под Новарой [224, р. 549].

Заинтересованный в последнем «Моро» выступил за немедленное изгнание герцога Орлеанского из Новары, однако его практически никто не поддержал. Присутствующие опасались, что как только армия Священной лиги подойдёт к Новаре, туда же устремятся основные французские силы во главе с королём, и лигисты окажутся между молотом и наковальней. Галеаццо Сансеверино доказывал, что французы не повернут назад, и опасаться прихода Карла VIII не следует. Однако доводы «Моро» и Сансеверино были отвергнуты венециан-

ским командующим, маркизом Франческо Гонзага. По словам маркиза, лучше не подвергаться бесполезному риску, потому что «военное мастерство сохраняется вместе с репутацией, которую он ради своей чести и успеха предприятия не хотел бы потерять» [67, р. 55]. В результате предложение «Моро» было отвергнуто; Гонзага остался наблюдать за движением французов, не предпринимая попыток его остановить [67, р. 55]. Впрочем, по предложению проведитора Тревизано ломбардский и венецианский лагеря были объединены в целях лучшей обороны. Чтобы продемонстрировать единство союзников и их возможности, «Моро» решил устроить большой парад (смотр) войск [14, р. 148–149; 224, р. 549–550].

Торжество состоялось уже на следующий день. Открывали парад Франческо Гонзага, Лодовико Сфорца и Никколо Орсини (принятый на службу Венеции). Первым перед ними проследовало ломбардское войско в составе 420 конных рыцарей и тысячи пехотинцев. «Моро» приветствовал каждого командира, когда тот проезжал мимо его супруги, Беатрисы. На параде впервые было продемонстрировано знамя Сфорца с его новым гербом: чёрный мавр (итал. *il Moro*), правой рукой держащий орла за крыло, а левой рукой – дракона. Смысл этой аллегии неясен.

За ломбардцами следовали ландскнехты – 6 тыс. солдат под командованием Георга фон Эбенштейна. За ними везли пушки [14, р. 148–153; 224, р. 550]. Всего в параде приняло участие, по разным оценкам, 45–50 тыс. человек (А. Бенедетти, П. Джовио), при том, что численность армии лиги не превышала 20 или 35 тыс. [18, р. 708–709]. Восхищённый зрелищем шествующих войск, врач Бенедетти написал в своём «Дневнике Карловой войны»: «По словам ветеранов, никто в наше время не видел в Италии подобной армии, которая не нуждалась ни в чём, кроме доброй фортуны» [14, р. 152–153].

Вечером после парада «Моро» заявил проведиторам, что поражается тому, что они опасаются вступить в новое сражение с французами. Тревизан отвечал, что численное превосходство не всегда гарантирует победу. Кроме того, в случае поражения венецианцы утратят государственное величие (*imperium*). С этим «Моро» был вынужден согласиться. Тем самым было подтверждено вчерашнее решение не провоцировать противника на активные действия, а продолжать осаду Новары с привлечением артиллерии. Штурм было решено отложить на неопределённый срок; пока же герцог велел доставить в лагерь мощные бомбы, настилы, лестницы, осадные черепахи и прочее необходимое снаряжение [14, р. 152–155].

В конце августа под руководством графа Питильяно напротив стен Новары были построены укрепления, на которых можно было разместить пушки для обстрела города [14, р. 170–173]. Однако, несмотря на все принятые меры, ещё 13 сентября Тревизан сообщал венецианскому Сенату, что бомбардировка Новары не началась по причине нехватки артиллерии (Мелькиор Тревизан – венецианскому Сенату, 13 сентября 1495 г. [152, р. 390]).

6.4. Продолжение осады

Между тем французы под командованием миланца Тривульцио постоянно донимали лигистов вылазками из лагеря с тем, чтобы те опасались предпринимать активные действия. Следствием этого стал голод, который стали испытывать солдаты лиги, и нехватка корма для лошадей. Кроме того, в самый день парада Тривульцио удалось преодолеть блокаду и привезти в осаждённую Новару 4 повозки с продовольствием и 28 голов скота [14, р. 154–157; 224, р. 514]. Неделью спустя в город по плохо охраняемой дороге доставили две сотни единиц нового огнестрельного оружия – аркебуз [14, р. 158–159].

Так или иначе, положение обеих сторон было довольно тяжёлым. Условия болотистой местности с сильными ночными туманами и высокой влажностью были губительны как для итальянцев, так и для французов и немецких наёмников. Частые дожди, ночные туманы и стоявшая в середине дня сильная жара изнуряли солдат, часть которых «сlegли от лихорадки, дизентерии и поноса». Особенно страдали от хворей ландскнехты, многие из которых умерли. Нemoщь затронула даже самого командующего, который «претерпевал болезнь, которую называют диареей» [14, р. 154–157, 160–161; 224, р. 571].

Маркиз Гонзага уже поправился, когда 16 августа из Венеции прибыли Пьетро Марчелло и Джорджо Эмо. Венецианские посланники ввели маркиза в должность «главного капитана на суше всех воинов пеших и конных» и вручили ему знаки этой новой должности: серебряный жезл и знамя Св. Марка. Церемония происходила перед шатром маркиза, сопровождалась торжественной мессой у алтаря, захваченного при Форново в обозе французского короля (украшенного инициалами короля и его супруги). Приняв инсигнии командующего, Франческо Гонзага объявил о своей полной верности Венеции, обещав посвятить свою судьбу и жизнь славе венецианской Синьории [14, р. 160–163].

Итак, оба командира (д'Орлеан и Гонзага) страдали от болезней, их армии ослабли от эпидемии и недостатка продовольствия, участились случаи дезертирства наёмников [14, р. 158–165; 224, р. 561]. Патовая ситуация могла разрешиться только активными действиями одной из сторон. Либо армия лиги должна была пойти на штурм стен Новары, либо король Франции должен был прийти на помощь своему родственнику в осаждённом городе.

6.5. Манифест Александра VI

В тот же день, когда армия Священной лиги устроила парад, понтифик Александр VI под влиянием венецианского посла Джироламо Дзордзи издал манифест с обращением к французскому королю. В нём перечислялись обиды папы и его претензии к Карлу VIII, который, вместо того чтобы послушать Александра, обрушился на Италию с огромной армией, занял Рим, «совершил бесчисленные акты насилия, расправ, разрушений, пожаров». Папа обвинил короля в смерти султанзаде Джема и захвате Неаполя без подтверждённого на

то права. Понтифик припомнил совершённые французами массовые убийства в Монтефортино и Монте-Сан-Джованни, похищения девушек и матрон, нарушение прав Пизы и Сиены (находящихся в составе Священной Римской империи). В конце манифеста говорилось о более близких по времени событиях: попытке поднять в Генуе восстание и военных действиях против Венеции и герцогства Миланского. В заключении папа торжественно объявил об отлучении французов и всех их союзников в течение 9 дней, если они не прекратят военные действия. Также Карлу VIII предлагалось обратить своё внимание к делу крестового похода: «Обрати свою душу против жесточайших врагов Христа, следуя нашему отцовскому наставлению», по примеру предка короля – Карла Великого [152, р. 383–389; 224, р. 547].

Спустя 10 дней, 15 августа, манифест был доставлен в Новару, а ещё день спустя папский нунций предстал с ним перед Карлом VIII. Король ответил понтифику письмом, в котором уверял его, что целью похода были турки, сам же Карл стремился возвысить и прославить церковь. Он писал: «Нам пришлось остаться в Италии, чтобы защитить наше Неаполитанское королевство, и в этом месяце мы рассчитываем укрепиться и показать нашим врагам, что они не могут нарушить порядок». Карл называл себя послушным сыном церкви и папы персонально (Карл VIII – Александру VI, 21 августа 1495 г. [224, р. 579–581. Ср.: 138, р. 264–269]).

По мнению Ф. Гвиччардини, папский манифест не оказал должного воздействия на короля и его окружение (которое могло бы оказывать на него влияние) по причине низкого морального авторитета Александра VI [102, р. 205; 224, р. 145]. По этой причине ответ короля фактически состоял из общих фраз, а угроза отлучения была проигнорирована.

6.6. Соглашение между Францией и Флоренцией

Поскольку жители Флоренции продолжали надеяться на помощь французов в противостоянии с мятежными пизанцами, для ведения переговоров с Карлом VIII были направлены послы республики Гвидантонио Веспуччи и Нери Каппони. Переговоры шли с трудом, стороны обвиняли друг друга в нарушениях слова и агрессии [5, р. 375; 173, р. 258]. Вероятно, обвинения не всегда были голословными: во время столкновений в Пизе 31 июля французские солдаты стали на сторону пизанцев (хотя по логике должны были поддержать флорентинцев). Тем не менее, поскольку стороны были заинтересованы друг в друге, послы последовали за королём в Турин, где и было достигнуто соглашение (26 августа).

Договор подтверждал существующий союз Франции и Флоренции (от 25 ноября 1494 г.). По его условиям Карл VIII обещал вернуть республике Сарцану, Сарцанелло, Пьетрасанту, цитадель Пизы и Ливорно. При этом оговаривалось, что если в течение 2 лет Генуя станет французским союзником, то крепости

Сарцана, Сарцанелло и Пьетрасанта должны быть возвращены французам, которые передадут их генуэзцам. В целях примирения Флоренции и Пизы предусматривался обмен пленными между ними, флорентинцам предоставлялись в Пизе прежние торговые привилегии. Далее, республика обязалась выплатить французскому монарху в течение 24 дней оставшуюся часть (30 тыс. дукатов) суммы, предусмотренной прежним договором. В свою очередь король в качестве гарантии возврата крепостей должен передать флорентинцам в залог определённые драгоценности. Кроме того, республика обязалась предоставить Карлу сроком на год заём в размере 70 тыс. дукатов исходя из 12 % годовых для оплаты итальянских кондотьеров, сражавшихся за французское дело в Италии. В качестве гарантии займа Флоренция должна была предоставить 6 заложников. Наконец, для поддержки французов в Неаполе флорентинцы должны были выставить 250 конных воинов [168, р. 630–632].

Соглашение с Флоренцией было достигнуто в тот момент, когда Карл VIII испытывал значительные финансовые трудности. Чтобы отправить подкрепление французским защитникам Неаполя, ему было необходимо как минимум 150 тыс. ливров [128, р. 374]. Фактически флорентинцы были «единственными друзьями в Италии» [265, с. 110], к которым он мог обратиться. Залогом этой «дружбы» была судьба крепостей, которые республика намеревалась вернуть из рук французского короля.

Уже по оценке младшего современника событий, Ф. Гвиччардини, реальные результаты соглашения между французским королём и Флоренцией были весьма скромны: 18 сентября французский губернатор Ливорно Жан де Полиньяк, сир де Бомон, передал флорентинцам Ливорно [102, р. 228; 264, с. 159].

Что касается Пизы, то её губернатор Робер де Бальзак д'Антрэг заявил, что хотел бы остаться жить в этом городе. Он стал гражданином Пизы, получил от пизанцев дом и имущество в подарок [192, р. 322]. Д'Антрэг отказался передать цитадель города флорентинцам даже после предъявления ему письма, подписанного его монархом [102, р. 228–231; 130, р. 115–116; 138, р. 310–311; 264, с. 159–161]. Таким образом, Пиза сохранила свою независимость от Флоренции.

Поскольку тем самым она бросала вызов французскому «лагерю» в Италии, естественным заступником Пизы стали государства – участники Священной лиги. В середине сентября 1495 г. в город вступили ломбардские солдаты под командованием «Фракассы» (Гаспаро ди Сансеверино), направленные Лодовико «Моро», чтобы подчинить Пизу Священной лиге. Летом следующего года с той же целью в Пизу прибыли венецианские страдиоты [98, р. 138; 224, р. 598–599].

Итак, поскольку условия договора между Карлом VIII и Флорентийской республикой выполнены не были, флорентинцы так и не передали королю 70 тыс. дукатов [280, с. 362–363].

6.7. Вопрос перехода власти в Монферрате

Ещё одной точкой конфликта в Италии стал маркизат (маркграфство) Монферрат, правительница которого Мария Сербская умерла 27 сентября в возрасте 29 лет [224, р. 569]. После неё остался несовершеннолетний сын, маркграф Монферратский Гильельмо IX. Таким образом, встал вопрос, кто станет новым регентом этого итальянского княжества, расположенного на пересечении путей из Франции в Ломбардию и в глубь Апеннинского полуострова.

По своим убеждениям покойная маркиза была франкофилом и оказала Карлу VIII немалую помощь при вторжении в Италию (см. главу 3). При этом реальной властью при её регентстве обладал дядя Марии, Константин Арианити. Теперь появился новый претендент, маркграф Салуццо, Лодовико II, первая жена которого была из рода Палеологов (правившего в Монферрате). Лодовико ди Салуццо в это время находился в осаждённой Новаре и, сражаясь на стороне французов, рассчитывал на поддержку короля в своих притязаниях. Кроме того, «король беспокоился, как бы из-за своих распрей они [жители Монферрата] не призвали на помощь герцога Миланского» [280, с. 348].

Для разрешения монферратской проблемы Карл VIII направил в столицу маркграфства Казале-Монферрато Филиппа де Коммина. Последний представлял в королевском совете своего рода «партию» сторонников скорейшего достижения мира. Парадоксальным образом к числу сторонников соглашения с лигой относились ведущие военачальники во французском лагере (принц Оранж (Оранский), маршал Жье и другие), тогда как представители церкви выступали за генеральное сражение. Поэтому Коммин опасался, «как бы эти прелаты [Брисонне и Амбуаз] не убедили короля дать сражение, в котором некому было бы участвовать, если бы не подошли крупные иностранные силы из Швейцарии» [280, с. 348].

Набравшись смелости, Ф. де Коммин обратился к королю, предложив ему вместо того, чтобы «подвергнуть и себя, и своё государство большой опасности из-за незначительного повода» (Новары), вступить с представителями лиги в переговоры. Не получив однозначного разрешения на переговоры, перед отъездом в Казале-Монферрато Коммин проинформировал о состоявшемся с королём разговоре своих сторонников, Луи де ла Тремуиля и Жана де Шалон-Арле, принца Оранского [280, с. 348–349].

Следуя собственному пониманию конфликта в Ломбардии, находясь в Монферрате, Филипп де Коммин продолжил попытки найти точки соприкосновения с лигистами (см. далее). Что касается регентства при юном Гильельмо IX, то оно было передано Константину Арианити при согласии «большинства членов Монферратского дома». По словам Коммина, «все полагали, что так безопаснее для детей [Гильельмо и его младший брат Джованни Джорджо], поскольку он [Арианити] не мог унаследовать маркизат, тогда как у маркиза Салуццо такие права были» [280, с. 349].

6.8. Миссия Филиппа де Коммина в Казале-Монферрато

В те же дни, когда Коммин прибыл в Монферрат, французский монарх принял решение перенести военный лагерь в окрестности Верчелли, всего в 20 км от Новары. Ожидалось, что после прибытия туда новых швейцарских солдат, за найм которых отвечал бальи Дижона, можно будет перейти к силовым попыткам снятия осады. С одной стороны, это решение удовлетворяло «партию» сторонников генерального сражения, с другой – являлось средством давления на лигистов. Прибытие в Верчелли швейцарцев и французов оживило надежды герцога Орлеанского на снятие блокады. При этом Верчелли входил в состав савойских владений и, по словам вдовствующей герцогини Савойской, был занят французами без согласия с её стороны [14, р. 156–159].

Теперь основные силы противоборствующих сторон разделяли только река Сезия и относительно небольшое заболоченное пространство между Верчелли и Новарой. Несмотря на то что сам Карл VIII провёл в новом лагере всего одну ночь, там остался командующий армией принц Оранж, а также маршал Жье и основной контингент швейцарских наёмников. Французские солдаты, по воспоминаниям Ф. де Коммина, «неохотно задерживались в лагере вблизи города» (осаждённой Новары); множество солдат покидало лагерь самовольно, многие заболели. Среди умерших от дизентерии был родственник короля граф Франсуа де Бурбон-Вандом, только недавно прибывший из Франции [102, р. 208–209; 249, р. 309–318; 264, с. 147–148; 280, с. 349, 352–353].

Между тем по причине голода и болезней положение осаждённых в Новаре постоянно ухудшалось. Согласно «Мемуарам» Коммина, «там каждый день умирали от голода, а две трети людей были больны»; осаждённые «были так истощены, что походили скорее на мёртвых, нежели на живых» [280, с. 347, 353]. Во французский лагерь постоянно приходили письма с просьбами о помощи. Безусловно, молодой король считал себя обязанным оказать помощь родственнику и писал императору Максимилиану, что остаётся в Пьемонте только для того, «чтобы помочь нашему возлюбленному кузену герцогу Орлеанскому» (Карл VIII – императору Максимилиану I, Турин, 4 сентября 1495 г. [138, р. 283]). Кроме того, необходимо было также оказать помощь французам в Неаполитанском королевстве. Для перевозки войск нужен был генуэзский порт, а для этого следовало достичь мира с Лодовико «Моро» [128, р. 372].

Крупным успехом лигистов стал захват французского обоза с продовольствием, который под конвоем из 500 солдат в ночь на 26 августа попытался пройти в осаждённый город. Помимо зерна, вина и другой провизии солдаты с радостью для себя обнаружили в обозе деньги и драгоценности. Также был захвачен французский капитан Жан де Ла Палис, прославленный после смерти «лапалисиадами» [14, р. 168–171].

Несмотря на это, ситуация в лагере лиги под Новарой была не лучшей; страдали все – от командиров до простых солдат. Помимо описания бедствий, обусловленных климатическими условиями и болезнями, «Дневник» Алессан-

дро Бенедетти и другие источники содержат впечатляющий перечень происшествий и беспорядков, отягощавших жизнь лигистов. Так, 21 августа в лагере случился бунт немецких ландскнехтов, улаженный их командиром Георгом фон Эбенштейном. Три дня спустя ландскнехты и итальянские солдаты вступили в драку, прекращённую графом Питильяно. 2 сентября граф был ранен в левое плечо (по Гвиччардини – в поясницу) осаждёнными выстрелом из аркебузы; его лечил сам Бенедетти. Войска лигистов продолжали дезертировать: при этом ломбардцы просто бежали, а венецианцы – лишь после того, как получали причитающуюся им оплату [14, р. 164–169, 172–175; 102, р. 208; 264, с. 147].

По всей видимости, руководству Священной лиги было известно о намерении Карла VIII нанять большое количество швейцарцев, что могло привести к началу новой военной кампании. Таким образом, венецианцы и ломбардцы были готовы к миру не менее французов [14, р. 178–179; 224, р. 564–565, 569]. Впрочем, финансов на найм швейцарцев у короля не хватало; в письме герцогу Бурбону он просил прислать ему денег, иначе он «окажется в самой катастрофической ситуации» (Карл VIII – герцогу Бурбону, 5 сентября 1495 г. [138, р. 285]). Значительные финансовые потери несли и венецианцы; по данным источников, месяц кампании обошелся республике в 100 тыс. дукатов [14, р. 144–145]. По свидетельству А. Бенедетти, находившиеся в лагере лиги проводиторы были в отчаянии от того, что предназначенные на войну деньги тратятся впустую, тогда как Новара остаётся незахваченной [14, р. 178–179].

После того как Филипп де Коммин оказался в Казале-Монферрато, стремление возобновить переговоры приобрело новую значимость: в городе находился мантуанский посол граф Джакомо Суардо, фактически являвшийся личным представителем командующего армией лиги, маркиза Франческо Гонзага [102, р. 209–210; 264, с. 148; 280, с. 349].

Первоначально Коммин попытался вбить клин между маркизом и его нанимателями – венецианской Синьорией. Он заявил, что Франческо Гонзага борется и рискует для венецианцев, «людей, которые никогда не приумножат его могущества за оказанные им услуги». По словам Суардо, Гонзага готов пойти на соглашение, но первый шаг должны сделать французы. Поскольку Священная лига включает папу, императора и другие стороны, вести переговоры без их участия и ведома является неправильным [280, с. 349–350].

Вероятно, Ф. де Коммин также пытался выйти на «Моро», чтобы предложить ему условия своего монарха. 12 сентября Лодовико Сфорца отправил в Казале-Монферрато одного из своих доверенных лиц, Джулио Каттанеи, чтобы тот тайно связался с Арианити и попросил его договориться о встрече с Коммином. В инструкции Каттанеи «Моро» писал: заставьте его «понять, что мы всегда будем любить тех, кто проявляет доброжелательность к нам» [54, р. 225–226].

Наконец, 7 сентября гонец Коммина прибыл к венецианским проводиторам и сообщил им, что французский король остаётся в Ломбардии «для достижения договоров с членами лиги и ничего не ищет в Италии, кроме как принадлежащего ему по праву королевства [Неаполитанского], и что он желает мира,

особенно с венецианцами, поскольку понял, что судьба ему жесточайше противостоит» [54, р. 225–226].

Одновременно предпринимались и другие попытки начать процесс мирного урегулирования. В лагерь лиги прибыл тайный посланник Филиппа де Бресса, который объявил М. Тревизану и Л. Пизано, что при согласии Венеции король Франции готов сделать герцогом Миланским сына Джана Галеаццо (проект Тривульцио).

Так или иначе, начавшиеся переговоры не отменяли военных действий. 9 сентября перед городской стеной были размещены 4 мортиры и 2 большие бомбарды, стреляющие каменными ядрами весом по 200 фунтов; на следующий день они «начали бить башни и ворота» [14, р. 176–177].

6.9. Начало переговоров

С разрешения венецианского правительства проводиторы направили во французский лагерь для переговоров графа Альбертино Бошетти и наследника Феррары Альфонсо д'Эсте, которые должны были договориться о безопасном проходе в лагерь маркиза Гонзага. Выбор посредников нельзя назвать удачным, поскольку правитель Феррары был настроен по отношению к Венеции враждебно (по причине территориальных споров) и хотел бы расстроить соглашение. Советы феррарцев французскому королю оказались прямо противоположными тем, которые они должны были дать согласно ожиданию венецианцев [14, р. 180–181; 280, с. 350–351].

Несмотря на советы феррарских посредников и противодействие Тривульцио на военном совете в Верчелли, 14 сентября король Карл принял решение предоставить Франческо Гонзага безопасный проезд в лагерь для переговоров в сопровождении в 50 конных рыцарей. С французской стороны переговоры должны были вести Ф. де Коммин, принц Оранж, маршал Жье и Луи де Пьенн. Местом для переговоров определили башню, находившуюся в местности, занятой французскими войсками, между Верчелли и Камериано [102, р. 210; 264, с. 148; 280, с. 351]. Итак, по словам А. Бенедетти, венецианский командующий обратился от войны к миру [14, р. 180–181].

Первый раунд переговоров начался 15 сентября и продолжался 4 дня (включая 2 дня в лагерях сторон; 19 сентября представители лиги не сумели перебраться через реку из-за рухнувшего моста, так что переговоры в этот день не состоялись). Помимо маркиза Гонзага и венецианца Бернардо Контарини со стороны лиги в них участвовал представитель герцога Миланского – Бернардино Висконти. В последующем к числу участников переговоров присоединились представители императора, королей Испании и герцога Феррарского, а также сам Лодовико Сфорца и венецианские проводиторы.

Основным предметом спора был вопрос принадлежности Новары; «всё дело упиралось в этот единственный город, который герцог Орлеанский хотел удерживать, а герцог Миланский вернуть» [280, с. 347]. Кроме того, французы поддер-

жали права своего короля на сюзеренитет над Генуей, что вызвало несогласие миланского представителя. Со своей стороны, посланник «Моро» предложил французам отказаться от Новары, передать генуэзцам Сарцану и Пьетрасанту, выплатить компенсацию за понесённые ломбардцами во время войны расходы [14, р. 182–185; 249, р. 303; 280, с. 351]. Безусловно, герцог Миланский осознавал неприемлемость своих предложений; можно полагать, что они являлись исходным пунктом для обсуждения [160, р. 299].

Переговоры шли трудно. Ф. Гвиччардини справедливо отметил, что французы и «Моро» «не доверяли друг другу, и чтобы повысить свои шансы, не проявляли большой уступчивости» [102, р. 209; 264, с. 148]. По сведениям Ф. де Коммина, французы хотели бы передать Новару представителям императора (как сюзерена герцогства Миланского), вероятно, в качестве временной меры. Это предложение было отвергнуто миланскими представителями. 20 сентября в присутствии «Моро» состоялась жёсткая дискуссия по поводу будущего Новары. Вначале Сфорца грубо заявил, что не имеет ничего общего с захватившим его город герцогом, но затем, после консультации со своими советниками, согласился предоставить кузену короля пропуск на проход во французский лагерь с обязательством вернуться в осаждённый город, если мир не будет достигнут [14, р. 184–187; 224, р. 608–610; 280, с. 351–352].

6.10. Продолжение переговоров и отъезд Луи д'Орлеана из Новары

Несмотря на продолжающиеся дожди, 21 сентября переговоры о судьбе Новары, Генуи и Неаполя были продолжены. При этом позиции союзников по лиге по каждому из трёх пунктов различались. Вопрос принадлежности Новары касался прежде всего взаимоотношений Франции и Милана, и, судя по всему, мало интересовал других участников Священной лиги.

По поводу Генуи позиция французов заключалась в следующем: Карл VIII признаёт город миланским владением, но в качестве феода французского короля. Поэтому он ожидает помощи, связанной с будущей новой экспедицией в Неаполь (морским путём). Со своей стороны «Моро» отрицал права французской короны на лигурийскую «жемчужину». На просьбу дать гарантии безопасности французским судам, стоящим на якоре в генуэзском порту, миланский герцог ответил лапидарно: «Моего слова достаточно». Зная коварство Сфорца, Ф. де Коммин предложил использовать в качестве гарантии крепость Кастеллетто, которая перейдёт французам в качестве компенсации за понесённые во время неаполитанской экспедиции расходы. «Моро» отказал и ответил, что готов к сражению; при этом военные действия заденут суверенные права императора. Венеция предпочла в конфликт по поводу Генуи не вмешиваться: её проводитеры отказались дать «Моро» совет по этому вопросу [224, р. 610–611].

Неаполитанская проблема, напротив, касалась интересов всех членов Священной лиги. По указанию Синьории 22 сентября Тревизан и Пизано пред-

ложили, чтобы спор относительно Regno был решён компромиссно, усилиями арбитров в составе папы, императора и испанских монархов [224, р. 612]. Современный исследователь называет это «верховным комиссариатом» [18, р. 734] по управлению Неаполитанским королевством, из которого Франция оказалась исключённой. Безусловно, такое положение дел не могло устроить Карла VIII, которому отказывали в признании династических прав на Неаполь. Поэтому французские представители на переговорах перенесли обсуждение неаполитанской проблемы на следующий день. Перед уходом Филипп де Коммин был принят герцогом и его супругой Беатрисой; «Моро» глубокомысленно заявил французскому посланнику, что мир принесёт три выгоды: веру, пользу и честь (*la fede, l'utile et l'honor*) [224, р. 613].

Так или иначе, результатом переговоров стал отъезд герцога Орлеанского из осаждённой Новары, который произошёл 23 сентября (перенесён на 2 дня из-за плохой погоды). Гарантом безопасности проезда герцога со свитой по собственной инициативе был сам Франческо Гонзага, явившийся с этой целью в расположение французских войск. Приехавший в Верчелли Карл VIII с радостью приветствовал кузена, разделив с ним ужин [14, р. 186–187; 102, р. 211; 160, р. 305–307; 224, р. 610; 249, р. 303; 264, с. 149; 280, с. 351].

6.11. Вывод французских войск из Новары

Три дня спустя после отъезда герцога французские войска покинули Новару, оставив город в руках самих горожан, которые должны были распоряжаться его судьбой самостоятельно до окончательного решения (в мирном соглашении) [102, р. 211; 249, р. 307; 264, с. 149]. При выводе войск случилось происшествие, едва не сорвавшее мирный процесс: Галеаццо ди Сансеверино, сопровождавший уходивших французов, вдруг встретил отряд, тянувший с собой из города пушку. Вывоз артиллерии не был предусмотрен условиями соглашения, и ломбардцы захватили орудие. Когда это стало известно в Верчелли, король и герцог Орлеанский отреагировали очень возмущённо. Был отдан приказ сбора войска, которое вскоре выступило по мосту через реку Сезию. Вскоре, однако, недоразумение разрешилось, и Сансеверино вернул пушку назад. Король с армией вернулись в лагерь [249, р. 307–308].

Итак, французы выступили из Новары под контролем со стороны Гонзага и Сансеверино. По свидетельству Коммина, солдаты пребывали в истощённом состоянии и сильно страдали от болезней. Только немногие из них были на лошадях (большую часть которых просто съели). К этому времени от болезней и военных действий умерли 2 тыс. французов. По словам Филиппа де Коммина, который встретил их по пути, «и хотя их было почти пять с половиной тысяч человек, среди них не нашлось бы и 600, способных сражаться». Некоторые просто падали на дорогу без сил. В Верчелли король приказал выплатить солдатам все полагающиеся им деньги, в том числе за умерших, и наградил их премияльными. Тяготы осады настолько истощили несчастных, что ещё

300 человек умерли уже на французской стороне, так что «множество их валялось в городской грязи» [280, с. 353].

Как и следовало ожидать, коварный герцог Сфорца не стремился к точному выполнению условий перемирия. Уже 10 октября жители Новары вынужденно встречали вступившие в город ломбардские войска, что противоречило условиям соглашения [14, р. 194–195]. Губернатором города был назначен Галеаццо ди Сансеверино, который обложил горожан значительными штрафами и налогами, упущенными за время французской оккупации. Повреждённые бомбардировкой стены города были восстановлены за счёт его жителей [217, р. 42–44].

6.12. Завершение переговоров о мире

На завершающей стадии переговоров в лагерь французов в Верчелли прибыл швейцарский контингент, нанятый Антуаном де Бессе. По мнению Ф. Гвиччардини, их прибытие на несколько дней ранее могло бы сорвать переговоры о мире [102, р. 211; 264, с. 149. Ср.: 280, с. 353–354]. Ещё одним угрожающим фактором стало поведение герцога Орлеанского, который примкнул к сторонникам военных действий и «громогласно рассуждал о необходимости сражения» [102, р. 211; 127, р. 435; 264, с. 149; 280, с. 354]. Получив под командование более 800 конных жандармов и значительное число швейцарских пехотинцев, Луи д'Орлеан был готов возобновить военные действия [99, р. 107].

Споры между сторонниками мира и возобновления войны продолжались в королевском совете, но сам Карл VIII, по воспоминаниям Ф. де Коммина, твёрдо решил поскорее вернуться во Францию [280, с. 355]. Существовал большой риск, что даже в случае победы французский монарх окажется фактическим заложником в руках швейцарских наёмников, составлявших большинство французского войска. Герцог Орлеанский был вынужден подчиниться воле короля [14, р. 188–189; 99, р. 106–107; 280, с. 354–356].

Практически ежедневно Луи де ла Тремуиль, Пьер де Роган (маршал Жье), Филипп де Коммин и другие участники переговоров с французской стороны посещали лагерь лиги, обсуждая с венецианцами и ломбардцами условия будущего мира. К прежним представителям короля присоединился президент Парижского парламента Жан де Ганэ как человек, хорошо владеющий латынью и способный оценить адекватность текста договора [280, с. 356]. При этом товарищи по лиге не всегда действовали согласованно. По предложению Коммина французы несколько раз встречались с «Моро» без присутствия венецианцев, дискутируя с ним по поводу Новары и Генуи. Достигнув согласия по этим вопросам, герцог Миланский фактически пригласил Тревизана и Пизано присоединиться к условиям выработанного 24 сентября соглашения [224, р. 615].

Если французы и достигли с «Моро» соглашения по поводу Новары и Генуи, то расхождение с венецианцами по поводу судьбы апулийского порта Монополи сохранялось. Им требовалась консультация с руководством республики,

ответ от которого затянулся. Проведиторы, как и венецианская Синьория, были озабочены вопросом судьбы армии лиги, которой после заключения мира предстояло возвращаться через территорию Ломбардии [224, р. 619]. Раскол лиги грозил углубиться.

Наконец, 30 сентября М. Тревизан передал французам копию письма, полученного им из Венеции (от 28 сентября), с согласием на заключение мира [224, р. 622]. На следующий день французские представители объявили проведиторам, что король не удовлетворён предложением Синьории и желает трёх вещей: чтобы Венеция вывела свой флот из неаполитанских вод и больше не помогала Ферранте II; чтобы Венеция отказалась от апулийских портов; чтобы Венеция вступила в союз с Францией [224, р. 622]. Если эти предложения венецианцами не будут приняты, то Франция заключит с Лодовико Сфорца сепаратный мир. Когда же Тревизан высказал «Моро» недовольство тем, что тот вёл переговоры фактически без ведома проведиторов, герцог кратко ответил, что Синьория будет удовлетворена их результатами [152, р. 394].

6.13. Мир в Верчелли

После достижения согласия между французскими представителями и Лодовико «Моро» вопрос мира оставался нерешённым ещё в течение двух недель. Тем не менее король не мог тянуть, так как пребывание в Италии дорого обходилось ему как в прямом смысле, так и с точки зрения геополитической расстановки сил. Не будучи в состоянии оказать помощь гарнизонам в Неаполитанском королевстве, Карл VIII терял время в бесплодном ожидании. Между тем, по воспоминаниям Филиппа де Коммина, «надвигалось холодное время года»; французам «нужно было с честью уйти, имея на руках письменный текст достойного мира, который можно было бы разослать повсюду» [280, с. 355].

Несмотря на решение венецианского Сената о заключении только общего для всех участников Священной лиги договора, французские представители уговаривали «Моро» пойти на сепаратный мир [14, р. 190–191]. Со своей стороны, французский король ожидал от венецианцев решения в свою пользу относительно порта Монополи. Пока стороны надеялись на взаимные уступки, при посредничестве Эрколе д'Эсте 6 октября состоялась встреча французского короля с Франческо Гонзага. Карл VIII побеседовал с кондотьером о сражении при Форново и подарил ему двух отличных коней [14, р. 190–193].

Наконец, Карл VIII дал согласие на подписание того текста соглашения, который был выработан ранее. 9 октября в лагерь лиги явился маршал Жье, который объявил, что его монарх по-прежнему хочет добиться от Сената решения по поводу «возвращения» ему Монополи. В тот же день Лодовико «Моро» получил от своего представителя во французском лагере, Франческо Бернардино Висконти, известие о состоявшемся там совете, на котором король принял решение о скорейшем возвращении на родину. «Моро» немедленно объявил о на-

мерении распустить войска, предложив проведиторам последовать его примеру. Будучи утомлёнными не столько военными действиями, сколько тягостным и нездоровым «сидением» под Новарой, венецианские проведиторы в тот же день направили Синьории письмо с сообщением о своей готовности покинуть лагерь уже на следующий день [14, р. 192–193; 224, р. 626–627].

Наконец, ничто не препятствовало подписанию условий достигнутого ранее соглашения. Возвратившийся в тот же день в лагерь лиги маршал Жье с другими французскими представителями и герцог Миланский, в присутствии проведиторов и испанского посла, торжественно поклялись «соблюдать все главы [договора]». Немедленно после этого в лагере объявили о заключении мира. Начавшиеся торжества обошли стороной венецианцы, которые считали, что они «оказались исключёнными» из статей договора, который был написан в интересах французов и «Моро» [14, р. 192–193; 224, р. 627].

Итак, результатом длительных переговоров явился договор о мире между французским монархом и герцогом Миланским, заключённый 10 октября 1495 г. Именование Лодовико Сфорца этим титулом уже указывало на определённые уступки со стороны Карла VIII, признавшего за «Моро» права на Миланское герцогство. Со своей стороны, Карл именовался «королём Франции, Сицилии и Иерусалима», то есть не отказывался от притязаний на «анжуйское наследство» в Средиземноморье. Таким образом, вопросы, касающиеся Неаполитанского королевства, договор обходил; ни Испания, ни Венеция не были его участниками, что закладывало под заключённый мир «мину» замедленного действия (текст договора: [60, р. 331–333; 147, р. 1303–1308]; краткое изложение договора: [102, р. 212–213; 264, с. 149–150; 280, с. 355]).

Признавая миланские владения за Лодовико, французский монарх давал гарантию, что не будет оказывать никакой помощи герцогу Орлеанскому в действиях против «Моро». Далее, Карл VIII признавал Священную лигу при условии, что она не будет вмешиваться в дела Франции или Неаполя; если же последнее произойдёт, герцог Миланский будет обязан лигу покинуть и вернуть королю Новару. При этом Генуя оставалась во владении «Моро» (в качестве феода от французского короля), хотя городская цитадель Кастелетто на 2 года передавалась герцогу Феррарскому, выступавшему в качестве гаранта договора. В случае враждебных действий со стороны «Моро» замок должен быть передан французскому королю.

Далее, по условиям договора Лодовико Сфорца взял на себя обязательство снарядить два военных корабля (нефа или каракки) для оказания помощи осаждённым французам в Неаполе. Задержанные в Рапалло и Генуе французские корабли возвращались французам. Кроме того, герцог обязался не оказывать никакой помощи Ферранте II и другим претендентам на неаполитанский трон. Он должен был добиться от папы отмены всех церковных осуждений в адрес Карла и французов, предоставить жителям Новары прощение. В случае направления французских войск в Неаполь герцог обязался предоставить им проход через свои земли (не более 400 лансов конницы и 4 тыс. пехотинцев единовре-

менно). Если же сам Карл VIII захочет вновь вступить на территорию Италии, герцог будет обязан присоединиться к его войску со своими солдатами.

Условия договора предусматривали обмен пленными (включая принца Мьолана) и возвращение изгнанников. Также Сфорца «в счёт расходов, которые принесла королю эта война», прощал французскому монарху часть долга – 80 тыс. дукатов из общей суммы в 180 тыс. На остальную часть давалась рассрочка. Кроме того «Моро» обязался в течение полутора лет выплатить герцогу Орлеанскому 50 тыс. дукатов, в обмен отказавшись от притязаний на графство Асти.

Наконец, договор предусматривал включение в срок до 2 месяцев в число сторон Венеции. Если за это время венецианцы не присоединятся к договору (что означало для короля поддержку Арагонского дома), герцог Миланский «должен объявить им войну и помочь королю [Франции] в защите Неаполитанского королевства от венецианцев». Захваченные им в случае войны земли Террафермы будут присоединены к миланским владениям.

6.14. Возвращение Карла VIII во Францию

Вероятно, заключённый в Верчелли мир обеспечивал достижение указанных выше в воспоминаниях Ф. де Коммина целей: «Честь была спасена, и столь необходимая для защиты Неаполя помощь получена» [156, р. 32].

Уже на следующий день после подписания мира лагерь лиги в Камериано был демонтирован. «Венецианцы, ломбардцы и миланцы уехали... со всей своей артиллерией, багажом, едой и всем прочим; и чтобы показать, что они больше не собираются возвращаться, они подожгли то, что осталось на их поле, так что всё было в огне» [249, р. 319. Ср.: 14, р. 194–195]. Карл VIII также «мечтал вернуться во Францию» [280, с. 355]. После того как вернувшиеся в Верчелли послы сообщили ему о сборе лигистов, он отдал приказ как можно скорее снять палатки [249, р. 319].

Между тем собравшиеся в огромном количестве (по сведениям Коммина – почти 20 тыс. человек, прибывшие вместе с семьями; по сведениям Гвиччардини – 22 тыс. человек) в Верчелли вновь нанятые швейцарские солдаты подняли бунт, вероятно, опасаясь, что их лишат платы. Ударив в барабаны, они стали собираться отрядами, представлявшими разные кантоны. Знавший немецкий язык француз Луи де Лорне предупредил короля о бунте. По его словам, наёмники вели следующие разговоры. Некоторые предлагали взять короля со свитой в плен, чтобы получить за них выкуп. Другие были готовы удовольствоваться 3-месячным жалованьем. Наконец, третьи желали захватить для выкупа как можно больше представителей французской знати, исключая при этом монарха [102, р. 216, 220; 264, с. 152, 154; 280, с. 355–356].

Напуганный событиями в лагере, 11 октября Карл VIII покинул его, направившись в Асти. Швейцарских солдат, часть из которых находилась на службе не более 5 дней, распустили по домам, на что из опустевшей казны было истра-

чено 500 тыс. ливров. Достигнув городка Трино и оказавшись там в безопасности, Карл VIII предложил Лодовико Сфорца через Коммина и маршала Жье вновь встретиться и обсудить вопросы реализации мирного договора. Поскольку «Моро» по надуманным причинам отказался это сделать, вероятно, из-за страха быть похищенным, король удалился в Кьери, затем в Турин и, наконец, во Францию [102, р. 220–221; 264, с. 154–155; 280, с. 356].

Формально выкупив Асти у герцога д'Орлеана и сделав его французским королевским владением, Карл VIII разместил там гарнизон в 500 лансов под командованием Тривульцио (который по условиям мира в Верчелли получил право вернуться в Милан). Поскольку разногласия с венецианцами улажены не были, король направил в город в лагуне Филиппа де Коммина, который должен был выяснить, «желают ли они принять этот мир». Другой опытный дипломат Перрон де Баски направился в Геную для того, чтобы проследить за подготовкой двух кораблей, обещанных герцогом Миланским для помощи французским войскам в Неаполе [102, р. 220–221; 264, с. 154–155; 280, с. 356–357].

Пройдя через перевал Монженевр, 23 октября король Карл VIII оказался на территории Франции. В начале ноября в Лионе его встретили супруга, королева Анна, и сестра, герцогиня Бурбонская [249, р. 324]. Фактически «Карл вернулся восвояси скорее как побеждённый, чем как победитель», не оставив французам в Неаполе ничего, кроме призрачных надежд на помощь [102, р. 221; 264, с. 155].

6.15. Празднование мира в Венеции

Исключение Венецианской республики из условий подписанного в Верчелли мирного договора явилось следствием её сурового отношения к своему основному союзнику по Священной лиге – Милану. Не сумев преодолеть разность интересов, Венеция и Милан достигли основной цели – изгнания французов с Апеннинского полуострова. Их противоречия после сражения при Форноводи-Таро, прежде всего по поводу судьбы Новары и мира с Карлом VIII, были предпосылкой к близкому распаду лиги [116, р. 78–79].

Так или иначе, мир был подписан, и венецианские войска под командованием маркиза Мантуанского могли быть выведены из Ломбардии. Проведя какое-то время во владениях Лодовико «Моро» и Франческо Гонзага, 1 ноября проводиторы Тревизан и Пизано пересекли реку По и оказались в венецианской Терраферме.

Неделю спустя дож Агостино Бабариго устроил празднества, посвящённые скорее не завершению войны, а чествованию командующего Гонзага. Глава республики в сопровождении всего Сената и послов союзных государств пригласил маркиза на церемониальную галеру «Бучинторо», поздравив его с «достойной похвалы победой» (*victoria collaudando*). После этого триумфальное шествие проехало через весь город, «в соответствии со старинным обычаем». В своём «Дневнике» А. Бенедетти писал, как «многочисленные барки горожан

сопровождали главный корабль». По обе стороны каналов толпились люди, встречавшие процессию громкими аплодисментами.

Следующие несколько дней были посвящены обсуждению «вопросов, касающихся войны и мира». Наконец, 13 ноября Гонзага покинул Венецию, направившись в свои владения. Новым командующим венецианской армией был назначен Мелькьоре Тревизан [14, р. 196–197].

6.16. Венецианские переговоры Филиппа де Коммина

Согласно воспоминаниям Ф. де Коммина, на переговорах с руководством Венецианской республики он должен был выдвинуть три условия. Прежде всего, венецианцы должны были вернуть порт Монополи. Далее, «чтобы они отозвали маркиза Мантуанского и других, которых направили в Неаполитанское королевство на службу к королю Ферранте». Третьим условием было исключение Ферранте II из состава Священной лиги [280, с. 356–357]. Как видно, эти условия дополняли одно другое и предусматривали политическую изоляцию арагонского соперника Карла VIII в Regno. По поводу второго пункта следует отметить, что речь шла об отказе венецианцев от оказания военной помощи Феррандино, которая в действительности была направлена под командованием Ф. Гонзага лишь весной 1496 г. [18, р. 756, n. 90].

На первой аудиенции дож Агостино Барбариго заметил, что по причине военных тягот посол сильно сдал, на что Филипп де Коммин учтиво ответил, что ему не хватало венецианского гостеприимства [224, р. 651].

Несмотря на почётный приём, посланнику французского монарха пришлось ожидать ответа две недели, и он оказался отрицательным. Ф. де Коммину было сказано, что поскольку Венеция не воевала с французами, а лишь оказывала помощь своему союзнику (Лодовико «Моро»), то вести переговоры о мире не имеет смысла.

В частной беседе Барбариго предложил Коммину план, который предусматривал сохранение на Апеннинском полуострове status quo при формальном соблюдении высказанных Карлом VIII требований. План гласил: Ферранте Арагонский с согласия папы принесёт французскому королю за Неаполь оммаж с ежегодной выплатой 50 тыс. дукатов. При этом, поскольку выплату «дани» предполагалось делать за счёт займа у венецианцев, дож рассчитывал сохранить контроль за апулийскими городами. В качестве гарантии соблюдения предложенного соглашения Ферранте должен был уступить французскому монарху «какой-либо город в районе Апулии» с тем, чтобы Карл мог начать оттуда крестовый поход. Также дож обещал помощь со стороны Венеции и «всей Италии» в будущем походе против турок [280, с. 357].

Выслушав предложение венецианского дожа и обещав передать его своему королю, в конце ноября Филипп де Коммин покинул город в лагуне и направился в Ломбардию.

6.17. Переговоры Коммина с Лодовико «Моро»

Задачей пребывания Ф. де Коммина в Ломбардии было поторопить «нового» французского союзника «Моро» с направлением кораблей для оказания помощи осаждённому в Кастель-Нуово и Кастель-делль-Ово французам. По воспоминаниям Коммина, будучи верен себе, герцог Миланский «только притворялся, будто готов их [корабли] передать нам» [280, с. 357–358].

Над той же задачей в Генуе работал другой французский дипломат, Перрон де Баски, а также командующий флотом Этьен де Нев. Между тем генуэзские власти отказывались допустить на свои суда французских солдат; их сюзерен «Моро» отговаривался тем, что договор в Верчелли предусматривал лишь снаряжение двух нефов, но вовсе не перевозку на них солдат. Поскольку в гавани Неаполя стояли венецианский и испанский флоты, французских кораблей в Провансе было недостаточно для оказания помощи неаполитанскому гарнизону, и он был обречён на сдачу.

В последующих переговорах с Лодовико французский посланник предложил ему в обмен на помощь герцогство Бари и княжество Тарантское, по-прежнему находившиеся в зоне французского контроля. Длившееся 3 дня пребывание Филиппа де Коммина у «Моро» завершилось уверениями в дружбе и обещаниями помощи со стороны герцога Миланского [102, р. 224–226; 264, с. 157–158; 280, с. 358–359].

Однако последний быстро забыл о своих обещаниях. Какое-то время Лодовико Сфорца мнил себя спасителем Италии, хитроумным дипломатом, который сумел добиться от Карла VIII удаления французского войска с территории Апеннинского полуострова. «Успехи опьянили его», писал о Лодовико «Моро» Франческо Гвиччардини [102, р. 250; 264, с. 173]. В столице Ломбардии Милане «день и ночь были слышны праздные речи, всякий старался прославить в латинских и народных [итальянских] стихах, в публичных здравицах и панегириках поразительную мудрость Лодовико Сфорцы» [102, р. 250–251; 264, с. 174].

Первое время после окончания военных действий в Ломбардии герцог Сфорца продолжал политику лавирования между Францией и Венецией, с которыми его связывали договорные отношения. Сложная дипломатическая игра, в итоге завершившаяся для «Моро» потерей Милана и смертью в плену, явно доставляла ему удовольствие. Согласно хронисту Д. Малипьеро, в декабре 1496 г. Лодовико пошутил, что в его распоряжении находятся капеллан (папа), кондотьер (император), кассир (Венеция) и почтмейстер (король Франции), который «приходит и уходит с удовольствием» [152, р. 482]. На самом деле именно политика «Моро» явилась одной из главных причин начала длительного периода Итальянских войн.

6.18. Сдача неаполитанских крепостей

Несмотря на то что в июле 1495 г. Ферранте II вернул себе столицу, под французским контролем продолжали оставаться замки Неаполя и целый ряд областей и городов королевства. Осенью казалось, что удача вновь повернулась

к французам лицом. Силы Бери Стюарта д'Обиньи и Франсуа д'Алегра, барона де Преси, сумели разбить войско Феррандино, которым командовал Джованни Караффа, граф Маддалони, в битве при Эболи (2 октября). Одержав победу, Преси направил свой отряд на помощь осаждённому в неаполитанском замке Кастель-Нуово вице-королю Жильберу де Монпансье [102, р. 198–199; 264, с. 140–141].

Между тем последний отчаялся увидеть помощь, обещанную французским монархом. Коменданты тосканских крепостей, остававшихся в руках французов, не стремились оказать поддержку своим сородичам в Regno. Первая попытка прислать подмогу морем из Генуи не удалась по причине противодействия со стороны «Моро». Более того, по свидетельству Ф. де Коммина, Карл VIII предпочитал проводить своё время в Лионе в увеселениях вместо того, чтобы поддержать оставшихся на юге Апеннинского полуострова солдат [280, с. 360, 366].

Убеждённый в невозможности дальнейшего сопротивления, 24 сентября 1495 г. Монпансье подписал с Феррандино двухмесячное перемирие (по Ф. Гвиччардини – 30 дней). Перемирие вступало в силу с понедельника 5 октября и должно было продлиться до 6 декабря. В период перемирия неаполитанцы обязались снабжать французов необходимым пропитанием. В случае, если к началу декабря солдаты Монпансье не получают помощи из Франции, крепости Кастель-Нуово и Торре-ди-Сан-Винченцо должны сдаться; гарнизон Кастель-делль-Ово из соглашения о перемирии был исключён. При этом французы смогут вернуться на родину с оружием и багажом, исключая захваченное ими имущество. В качестве гарантии соблюдения соглашения Ив д'Аллегр, Робер де ла Марк, сеньор де Ла Шапель и Хуан Рокаберти были отправлены к королю Ферранте в качестве заложников [102, р. 198; 264, с. 140; 280, с. 362].

Одержав победу при Эболи, силы барона Преси подошли к Неаполю, не зная о перемирии; в свою очередь, вице-король не смог получить известий о приближении помощи, поскольку письма де Преси к нему были перехвачены противником. Тем не менее даже в этой ситуации Ферранте II чувствовал себя неуверенно. Собрав представителей неаполитанцев в Кастель-Капуано, он предложил им отречься от престола, если они не хотят видеть его своим монархом. Горожане встали на сторону своего короля, «побуждаемые не только любовью к нему, но и страхом наказания за мятеж [против французов]» [102, р. 199; 264, с. 141].

Результатом стало строительство укреплений, которые должны были преградить отряду Преси дорогу к замку Кастель-делль-Ово. Французы расположились на побережье перед Кастель-делль-Ово, в полностью лишённом пресной воды районе. С окружавших дорогу холмов их обстреливала неаполитанская артиллерия. Прождав в этих условиях несколько дней, барон Преси был вынужден отвести свой отряд к Ноле, где был блокирован войском Ферранте II. Осознавая, что шансов на снятие блокады у них больше нет, в ночь на 26 октября Монпансье и князь Антонелло ди Сансеверино покинули Кастель-

Нуово и направились во владения последнего, в Салерно. С ними эвакуировалась большая часть гарнизона; в замке осталось 300 человек, «которых было достаточно для обороны и которые ещё могли там прокормиться» [70, р. 676; 102, р. 199–200; 224, р. 631; 264, с. 141].

Безусловно, ретирада командующего не могла не подорвать моральный дух оставшихся в замках Неаполя французов. В течение месяца гарнизоны Капель-Нуово и Капель-дель-Ово были вынуждены сдаться; «все находившиеся в замке вернулись домой морем» [102, р. 200; 264, с. 141–142; 280, с. 362]. Теперь основной базой французов в Неаполитанском королевстве стала Газта, куда в середине зимы прибыло несколько галер с провизией, деньгами и подкреплением из 2500 солдат [102, р. 256; 264, с. 177; 280, с. 365].

Командовавшие французами Монпансье, Вирджинио Орсини и Камилло Вителли достигли определённых успехов, захватив ряд крепостей на юге Апеннинского полуострова. По замечанию Ф. Гвиччардини, Монпансье «бесспорно добился бы больших успехов, если бы не нехватка денег, ибо он не получил их из Франции, а на месте добыть не мог». Кроме того, французские капитаны по-прежнему удерживали отдельные области и города Неаполитанского королевства: д'Обиньи – Калабрию, Грасьен де Герр – Абруцци, Домжюльен – Монте-Сант-Анджело, Жорж де Сюлли – Отранто. По признанию Ф. де Коммина, они находились в очень тяжёлом положении, испытывая нужду и сталкиваясь с пустыми обещаниями получения подкрепления [102, р. 238–240; 264, с. 166–167; 280, с. 360, 363]. В Калабрии французам противостояли испанцы во главе с Гонсало де Кордовой, в Апулии – высадившиеся там венецианцы.

6.19. Венецианско-неаполитанский договор 1496 г.

Выполняя задачу возвращения своей власти в Неаполитанском королевстве, Ферранте II столкнулся со значительными трудностями. Молодой монарх отчаянно нуждался в деньгах, войске и оружии. Формально не входя в состав Священной лиги, он не мог получить помощи от Венеции, Милана либо других её участников. В то же время, фактически входя в антифранцузскую коалицию, он нуждался в помощи с их стороны. Король писал своим послам в Риме, прося их донести до Александра VI, «что наша гибель не принесёт никому ни славы, ни пользы» (письмо от 29 октября 1495 г.) [224, р. 639–641. См.: 102, р. 253–254; 264, с. 175–176].

Как и на севере Италии, основную помощь войском и финансами королю могла оказать Венецианская республика. После того как стало известно о заговоре, направленном против жизни молодого короля, власти республики предложили ему свою помощь. 20 января 1496 г. между Венецией и Неаполем был подписан договор, согласно которому венецианцы выделили королю 200 тыс. дукатов и направили в Regno своего генерал-капитана, Франческо Гонзага, вместе с 700 кавалеристами, 700 страдиотами и 3 тыс. пехотинцами [102, р. 254; 264, с. 176].

6.20. Расширение венецианских владений в Апулии

После начала масштабных боевых действий Ферранте против французских войск на юге Апеннинского полуострова венецианцам представилась возможность расширить свои владения в Апулии. В частности, предоставленный королём заём обеспечивался городами Трани, Бриндизи и Отранто. Эти порты должны были оставаться во владениях республики до момента возвращения займа. С учётом того, что формально Неаполитанское королевство являлось феодалом, полученным от папы, для вступления договора в силу требовалось согласие со стороны Александра VI, которое довольно легко было получено венецианским послом в Риме [18, р. 759; 102, р. 254; 120, р. 298–299; 264, с. 176; 280, с. 363].

По словам Ф. Гвиччардини, «вышеназванные порты... сильно приумножали её [Венеции] могущество» [102, р. 254; 264, с. 176]. Владея Трани, Молой, Полиньяно, Бриндизи и Отранто, венецианцы контролировали выход из Адриатического моря со стороны итальянского побережья. Их оплоты в Иллирии и Греции позволяли осуществлять контроль с противоположной стороны. Таким образом, в определённой степени Адриатика действительно превратилась в «Венецианский залив».

Приобретения в Апулии составили значительный успех венецианцев. На долгие годы Апулия стала главным источником зерна для Венеции [117, р. 159. Ср.: 259, с. 340, 344–345]. В захваченные города были назначены венецианские губернаторы – ректоры (проведиторы). При этом Трани, Отранто и Бриндизи сохранили собственные правовые системы и органы самоуправления, которые должны были действовать в тесном сотрудничестве с ректорами и их администрацией [120, р. 300–302].

6.21. Капитуляция французов

Учитывая неблагоприятную стратегическую обстановку, французы не могли длительное время сопротивляться. Столкнувшись с объединёнными силами неаполитанцев и венецианцев (под командованием маркиза Гонзага), Жильбер де Монпансье был вынужден сдаться. Капитуляция была подписана им 23 июля 1496 г. в городе Ателле. По словам Ф. де Коммина, «другого столь бесчестного соглашения в наше время не было и не будет» [102, р. 267–271; 264, с. 186–188; 280, с. 364].

Действительно, условия капитуляции оказались неблагоприятными для французов. Король Ферранте получал все захваченные ими города, включая расположенные в Калабрии и Абруцци. Французы передавали противнику всю свою артиллерию. В обмен они получили возможность вернуться на родину, но вместо этого были интернированы в окрестностях Неаполя. По сообщению Коммина, на острове Прочида был организован лагерь, где в тяжёлых условиях содержались пленные французы; 2/3 из них умерли там от голода и болезней. Среди погибших в плену был сам вице-король Монпансье. В результате во

Францию вернулось не более полутора тысяч солдат, включая 350 швейцарских наёмников. «Они все были больны, и по их лицам было видно, сколь много они выстрадали», – писал Филипп де Коммин [280, с. 364–365].

Несмотря на подписанное в Апелле соглашение, французские гарнизоны Гаэты и Отранто какое-то время продолжали сопротивление. Гаэта сдалась лишь в ноябре 1496 г., а Таранто – 25 февраля 1497 г. [136, р. 38].

Потери ожидали Карла VIII и в других областях Италии – вольно или невольно, его капитаны отказывали монарху в повиновении, сдавая защищаемые ими города, «к бесчестью и урону короля и его подданных». Выше было сказано о цитадели Пизы, которую д'Антрэг фактически уступил пизанцам. Крепости Сарцана и Сарцанелло были проданы генуэзцам Антуаном, Бастардом де Сен-Полем; Пьетрасанту д'Антрэг уступил Луккской республике, а Рипафратту – Венеции [280, с. 362].

6.22. Смерть Ферранте II и Карла VIII

Одержавший победу над французами король Ферранте II выехал на отдых к подножию Везувия, в Сомму, где вступил в брак с собственной тёткой, 17-летней Джованной д'Арагона, дочерью своего деда Ферранте I от второго брака. Этот брак, совершившийся с папского разрешения, вызвал у простодушного Ф. де Коммина ужас [102, р. 200–201; 264, с. 142; 280, с. 365].

Однако король недолго наслаждался триумфом победы и радостями супружества. В сентябре 1496 г. он тяжело заболел и вернулся в столицу, скончавшись там 7 октября. На престоле его сменил дядя, принц Федерико д'Альтамора (как Федерико III).

Французский соперник неаполитанского короля ненадолго его пережил. Согласно свидетельствам источников, вернувшись во Францию, осенью 1495 г. Карл VIII занимался в Лионе пирами и турнирами, не помышляя об итальянских делах, которые всё ещё требовали его внимания [280, с. 359, 366]. Между тем ему поступало из Италии множество предложений от сторонников и потенциальных союзников. На протяжении 1495–1498 гг. велись активные дипломатические сношения практически с каждым значимым князем или республиканским правительством; Филипп де Коммин писал, что «переговоры шли повсюду» [280, с. 378].

Однако при жизни Карла VIII этим возможностям не было суждено осуществиться. Будучи в замке Амбуаз, 7 апреля 1498 г. король случайно ударился лбом о дверной косяк. Спустя несколько часов он скончался, так и не реализовав все свои планы [280, с. 379]. Тем не менее совершённая им военная экспедиция на Апеннинский полуостров стала предвестием последующих длительных войн; как заметил о смерти французского короля Ф. Гвиччардини, «он простился с жизнью после того, как привёл в смятение весь мир» [102, р. 320; 264, с. 219].

Теперь историю Апеннинского полуострова предстояло вершить другим монархам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период Возрождения сопровождался глубокой трансформацией политической подсистемы западноевропейской цивилизации; ядром перемен являлась Италия. На протяжении веков Апеннинский полуостров являлся центром притяжения крупнейших в Западной Европе политических сил. Германские короли совершали походы через Альпы с целью короноваться в Риме императорской короной; французские монархи с середины XIII в. пытались распространить сферу своего влияния на южную оконечность полуострова. В условиях значительной политической раздробленности борьба императоров с римскими папами привела к обострению соперничества, выразившемуся в борьбе «партий» гвельфов и гибеллинов.

Противоречия между множеством расположенных на территории Италии княжеств, синьорий и городских республик выражались в постоянных трениях и конфликтах. В результате со второй половины XIV в. Апеннинский полуостров стал полем почти постоянных военных действий. Нестабильность власти в Неаполитанском королевстве вызвала борьбу претендентов на престол; помимо внешних сил (Франция, Венгрия) в эту борьбу оказались вовлечены все более или менее значимые итальянские государства. Одновременно возвысился Милан, правители которого из рода Висконти претендовали на доминирование в Северной Италии. Именно канцелярию миланского герцога Джана Галеаццо Висконти (1378–1402 гг.) называют «зародышем министерства иностранных дел» [20, р. 44].

Период постоянных войн прекратился только после утверждения в Неаполе в 1435–1442 гг. Арагонской династии, а в Милане – кондотьера Франческо Сфорца (1450 г.). Сложившееся к середине XV в. равновесие было закреплено миром, заключённым при посредничестве папы Николая V в ломбардском городке Лоди (1454 г.). Его подписали ведущие государства, год спустя образовавшие так называемую Итальянскую лигу. В состав лиги вошли Неаполитанское королевство, Венеция, Флоренция, Милан, Папская область, а также менее значительные княжества и республики. По условиям мира в Лоди основные государства Италии признавали существующие границы в качестве *status quo*, обещали не нарушать территориальную целостность и обязались помогать друг другу в случае внешней угрозы [238].

Продолжительные военные действия на Апеннинском полуострове во второй половине XIV – первой половине XV в. и связанное с этим усиление финансового давления привели к глубоким изменениям как во внутреннем устройстве итальянских государств, так и во внешних сношениях их между собой. Основным содержанием преобразований в сфере дипломатии согласно «классической» школе дипломатической истории является появление постоянных дипломатических миссий (*resident embassies*). Считается, что к моменту заключения мира в Лоди значимость и необходимость обмена послами с целью поддержания союзнических отношений и координации военных действий была осознана синьорами и правительствами даже традиционно нейтральных итальянских государств [20, р. 45; 159, р. 61–86].

У истоков практики направления постоянных дипломатических представителей находится несколько институтов: венецианские баило (торговые агенты) в Константинополе; прокураторы итальянских государств при римской курии; специальные дипломатические миссии *ad hoc*. Кто именно являлся первым резидентным послом в истории Италии, точно сказать нельзя. По различным данным, таковым можно считать венецианского «оратора» в Риме с 1435 г. Закариа Бембо или некоего Никодемо из Понтремоли, с 1446 г. на протяжении более 20 лет исполнявшего эти обязанности на миланской службе во Флоренции. В середине XV в. миланские послы появились в Неаполе, Генуе и Риме, а также в Венеции. Позднее эту практику стали заимствовать другие итальянские государства. Уже в 1460-е гг. они стали направлять постоянных представителей за Альпы: при французском дворе миланские послы обосновались с 1463 г., флорентийские – с 1474 г., венецианские – с 1479 г. [6, р. 7–8; 20, р. 44–45; 159, р. 74].

Институциональные преобразования явились следствием ментальной трансформации и укоренения определённых практик дипломатического взаимодействия. Главной из них было складывание многослойной и бесперебойной переговорной системы (сети). Плотное, постоянное и доказавшее свою эффективность взаимодействие, выражавшееся в обмене предложениями и поиске компромиссов интересов больших и малых итальянских государств, привело к формированию переговорного паттерна в разрешении конфликтов. В этих условиях снятие противоречий сводилось к интенсификации обмена информацией, как следствие – к формированию постоянных сетей взаимодействия. Соответственно, возрастала продолжительность посольских миссий и росло влияние послов на принятие политических решений [133, р. 112; 134, р. 20]. Основные функции послов в это время можно свести к репрезентативной, переговорной и информационной [96, р. 181].

Краеугольным камнем системы межгосударственных отношений в Италии во второй половине XV в. стали союзные договоры или лиги, задачей которых было предотвращение возможных войн и урегулирование конфликтов. Система лиг была иерархичной. Вершину системы составляла «всеобщая» Итальянская лига, образованная в 1455 г. путём альянса пяти ведущих государств Апеннинского полуострова. Несмотря на заключение Итальянской лиги, войны в Италии

не прекратились. За четыре десятилетия после заключения мира в Лоди Италия пережила шесть внутренних вооружённых конфликтов, а также три турецких вторжения. Войны между собой вели практически все ведущие государства. Их главной причиной была внутренняя политическая нестабильность итальянских монархий и синьорий – отсутствие легитимности правящих там семейств или режимов. Во всех случаях войн одно из итальянских государств оспаривало, и не без оснований, легитимность правительства другого [159, р. 80].

Тем не менее ни один из конфликтов, шедших в Италии во второй половине XV в., не смог поколебать систему реального равновесия сил ведущих государств. Функции её поддержания взяли на себя «частные лиги» (*leghe particolari*) – ситуативные альянсы отдельных государств, создававшиеся преимущественно с целью сдержать потенциального гегемона [154, р. 63]. Этот инструмент был сугубо конъюнктурным, а значит, отличался динамизмом. По словам Дж. Пиллинини, система итальянского равновесия была «равновесием узких интересов» (*equilibrio di egoism*) [189, р. 52]. Совокупное действие пересекающихся интересов приводило в движение дипломатию и поддерживало неустойчивый баланс сил.

Четыре десятилетия политической нестабильности, взаимной подозрительности и постоянных перемен союзников в результате привели систему межгосударственного равновесия в Италии, основанную на конъюнктурных альянсах, к краху. К 1490-м гг. основные действующие силы региона уже настолько не доверяли друг другу, что единственным способом разрешения кризиса доверия к соседу было обращение за помощью извне. Между тем внешнее вмешательство составляло не меньшую опасность, чем соседская враждебность. Не случайно Н. Макиавелли писал, что у правителей пяти ведущих итальянских государств «было две главных заботы: во-первых, не допустить вторжения в Италию чужезмцев, во-вторых, удержать друг друга в прежних границах» [289, с. 333].

В этой ситуации дипломатия итальянских государств ведёт поиск новых переговорных пространств и новых средств разрешения конфликтов. В практику дипломатии входят новые элементы.

Во-первых, дипломатические союзы стали всё чаще подкрепляться династическими. Матримониальные связи между правящими домами становятся дополнительным средством обеспечения союзнических обязательств, а в некоторых случаях – защитой нейтральной позиции государства. Брачный союз предоставляет дополнительный, иногда – весьма значимый, канал обмена информацией.

Во-вторых, происходит иерархизация дипломатии. Политические акторы разделяются на тех, отношения с которыми являются более или менее значимыми для какого-либо государства. Соответственно этому складывается иерархия дипломатических представителей, определяемая их близостью к «первому лицу», то есть реальными возможностями выполнять указанные выше функции.

Наконец, в-третьих, возрастает значение послов неитальянских государств, которые начинают играть при дворах и правительствах политическую роль.

В условиях борьбы блоков Габсбургов и Валуа представители «великих держав» выступают в качестве близких советников или доверенных лиц правителей тех или иных итальянских государств [133, р. 113–114].

Следует добавить, что уже в XV в. ведущие неитальянские монархи (император, французский и испанский короли), поддерживающие сношения с итальянскими государствами – Венецией, Миланом, Флоренцией и т. д., заимствуют многие дипломатические практики последних. В целом в это время постепенно возрастает интенсивность дипломатических сношений между всеми основными государствами Западной Европы, и всё большее распространение получает институт резидентных (постоянных) дипломатических представителей – нунциев и послов.

Сложившаяся «модель» переговорной дипломатии достигла своего пика во время создания Итальянской лиги 1455 г., но к концу XV в. оказалась неадекватной новым вызовам. Вторжение в Италию французских войск короля Карла VIII в 1494–1495 гг. продемонстрировало неэффективность превентивных дипломатических мер. Так, созданная буквально накануне вторжения Лига Св. Марка оказалась неспособной скоординировать усилия основных итальянских государств перед лицом явной угрозы [287, с. 40]. В дальнейшем жителям Апеннинского полуострова пришлось столкнуться с непривычным для них «французским способом ведения войны» [51, р. 193–194], предполагавшим приверженность к сражениям, активное использование полевой и осадной артиллерии, жестокость в отношении побеждённых.

Кровопролитные и длительные Итальянские войны (1494–1559 гг.) – «беда, постигшие Италию» [264, с. 7], показали неэффективность итальянской дипломатической модели, так же, как и «итальянского способа ведения войны», перед прямым проявлением насилия.

Итальянские войны занимают особое место как в военно-политической истории Западной Европы, так и в истории формирования современной системы международных отношений. На смену разнообразию институциональных форм политических сообществ в это время в Европе приходит складывающаяся модельная государство-центричная система. Инфраструктурные (прежде всего, в фискальной сфере) возможности национального государства обусловили то, что последнее становится ведущим актором международных отношений. При этом воздействие иных факторов (территориальные федерации, межгосударственные альянсы, династические интересы, финансовые корпорации) не меняло базовую межгосударственную структуру международных отношений.

Согласно сложившемуся в исторической науке консенсусу, начавшиеся в 1494 г. Итальянские войны «являются рубежом в истории дипломатии Средних веков и раннего Нового времени» [256, с. 379]. На протяжении этого длительного периода времени (1494–1556 гг.) французские Валуа и испанские Трастамара (с 1516 г. – Габсбурги) не просто вели между собой вооружённую борьбу за отдельные области Италии (Неаполь, Милан), но соперничали за роль правителя ведущей западноевропейской державы. В процессе этого соперниче-

ства в первой половине XVI в. оформляется европейская политическая география Нового времени [83, р. 32].

Десятилетия Итальянских войн явились продуктивным временем для развития не только военного искусства, но и дипломатии. Это был период межгосударственных конгрессов и тайных переговоров, подготовки и перемены альянсов, сложных внешнеполитических комбинаций и внезапных импульсивных решений. Растущее значение тесных контактов в условиях постоянных конфликтов и противоречий явилось причиной принятия итальянской модели дипломатии другими западноевропейскими государствами. Естественным результатом этого процесса стало складывание системы государств, отношения между которыми были взаимно обусловлены сложным комплексом обязательств, прецедентов и прямых интересов.

Первым элементом новой модели межгосударственных отношений в Италии можно считать Священную лигу 1495 г., с которой начинается история не имевших средневековых прецедентов широких по географическому охвату и амбициозных альянсов [6, р. 3]. Новой чертой стало участие в итальянских лигах внешних сил (империи, Испании, Франции, Англии), что не могло не привести к переменам в дипломатии.

По мере углубления общеевропейского конфликта конца XV – первой половины XVI в. происходило вызревание и закрепление новых тенденций в развитии итальянской дипломатии и их восприятие и принятие за пределами Апеннинского полуострова. Именно благодаря фокусировке внимания ведущих государств Европы на Италии в начале XVI в., «итальянский дискурс и практика дипломатии начали распространяться на обширном пространстве, становясь стандартизированным и общепризнанным европейским языком политического взаимодействия» [132, р. 6]. Выделяют три характерные черты развития дипломатии периода Итальянских войн [6, р. 4–6].

Первая – институциональная связь дипломатии с государством. По мере укрепления государств как форм организации политической власти и монополизации ими последней происходит «сворачивание» переговорной практики между прочими субъектами. «Постепенно кристаллизуется и приобретает признание идея, что только суверены могут играть в благородную игру дипломатии» [6, р. 5]. Точнее говоря, происходило разграничение дипломатических сношений, которые осуществляют носители суверенитета, и прочих видов переговоров. Начинается процесс перехода последних из публичной сферы в частную.

В одном из первых своих актов только вступивший на престол король Людовик XI (1461 г.) строго оговорил то, что исключительно он один может направлять и принимать во Франции послов [68, р. 5–6]. Однако, несмотря на стремление к монополизации дипломатической деятельности суверенами, ещё длительное время сохранялась практика направления «послов» от корпоративных (купеческих, религиозных и иных учреждений) и индивидуальных (князей церкви, кондотьеров и прочих лиц) субъектов.

Например, Томас Мор получил свой первый опыт дипломатических переговоров в 1509 г. как официальный представитель лондонской Компании мерсеров у муниципальных властей Антверпена. Иногда даже государственные власти не осознавали в полной мере границы между правами суверена и подчинённых ему субъектов. Дополнительные трудности в разграничении государственных и негосударственных представителей создавали средневековые представления об иерархии власти в рамках единой *respublica Christiana*, а также ситуация сеньориальной раздробленности (прежде всего в Италии и Германии).

Второй новой чертой дипломатии стало включение в дипломатические сношения гораздо более широкого, нежели раньше, круга государств. В период непрерывных конфликтов небольшие государства Италии стали активными участниками дипломатической «игры». Кроме того, дипломатические механизмы взаимодействия приобрели ещё большее значение, нежели прежде, для неитальянских государств. С одной стороны, интенсифицировался дипломатический обмен между итальянскими государствами и западноевропейскими «великими державами». С другой стороны, трансальпийские страны активно восприняли итальянскую практику содержания в ключевых пунктах резидентных послов. Важнейшим центром посольской активности в конце XV – начале XVI в. стал Рим, что было связано с юридической, церковной и политической (в Италии) ролью пап [83, р. 15–16].

Именно папская курия во многих случаях стала местом, с которого ведётся отсчёт практики направления резидентных послов ведущими государствами Европы. Одновременно начинает развиваться институт кардиналов-протекторов: члены коллегии кардиналов (зачастую влиятельные лица, иногда – папские родственники) брали на себя заботу о защите интересов того или иного государя или республики в римской курии. Безусловно, кардиналов-протекторов не только нельзя считать резидентными послами, но и относить к дипломатическим представителям как таковым. Тем не менее определённые дипломатические функции они выполняли [253, р. 5–10; 254]. Впрочем, их влияние со временем уменьшалось за счёт возрастания значения резидентных послов.

Третьей характеристикой «новой дипломатии» периода Итальянских войн стало распространение института постоянных послов, представлявших суверенов или правительство тех или иных стран. Процесс институционализации резидентного дипломатического представительства был длительным и прерывистым. Иногда принимающая сторона весьма недоверчиво относилась к постоянному пребыванию иностранных агентов, в которых подозревали шпионов. Поэтому, например, в первой трети XV в. папа Мартин V ограничил срок пребывания послов в Риме 6 месяцами [12, р. 650]. Основные препоны в развитии института дипломатической резидентуры связаны с внутренними ограничениями направляющей стороны. Не все суверены верили в необходимость содержания послов при дворах, иногда предпочитая им обмен письмами, направление специальных миссий, оплату дипломатических агентов либо иные механизмы сношений.

Например, английский король Генрих VIII и его канцлер кардинал Т. Уолси в первую декаду правления монарха явно ставили специальных послов выше резидентных, не осознавая преимущества содержания последних. Постоянные представители рассматривались ими преимущественно как сборщики новостей, тогда как серьёзные миссии доверялись специально направленным послам [150, р. 25–28]. Аналогичная ситуация была в других государствах Западной Европы. Первый резидентный посол Франции у императора появился только в 1509 г., в Англии – в 1518 г. Постепенно «галльские» монархи осознали необходимость в постоянных дипломатических представителях. География последних неуклонно расширялась, даже несмотря на кризисы, связанные с Религиозными войнами второй половины XVI в. В результате к 1589 г. во Франции сложилась «самая широкая в Европе система послов» [118, р. 44].

Уплотнение дипломатического взаимодействия и распространение практики направления резидентных послов сопровождалось формированием целого комплекса связанных между собой явлений, отражающих общую тенденцию к формализации дипломатической деятельности. Дипломатический церемониал становится как более разработанным, так и более значимым в отношениях между государствами. Повысился статус послов, которых стали всё чаще назначать из представителей нобилитета. Появилась тенденция к подчёркиванию внешних атрибутов их статуса (ношение послом золотой цепи, богатство одежд, величина свиты и т. д.). По мере увеличения значимости статусных вопросов между дипломатическими представителями разных стран возникают споры и конфликты о соблюдении достоинства и должной иерархии в церемониях. Чтобы избежать подобного, уже в 1504 г. папа Юлий II утвердил первую схему иерархии представителей европейских монархов при курии [202, р. 202].

Побочным эффектом практики направления постоянных послов стала задержка в принятии политических решений: чем более полагались на информацию, поставляемую послами, тем больше времени требовалось для её анализа [154, р. 68]. В то же время активная роль дипломатов в определении внешней политики государства в целом вызвала рост внимания к информационному сегменту дипломатической работы. Послы стали гораздо чаще сноситься с направившими их государями или министрами. В некоторых случаях обычной стала практика ежедневных подробных отчётов о состоянии дел. Примером высокой культуры письменных отчётов являются реляции (*relazioni*) венецианских послов, содержавшие информацию о географии, экономике, демографии, а также социальном, военном, политическом устройстве страны пребывания. Будучи настоящими «путеводителями» по политической и придворной жизни, в XVII в. реляции послов стали копироваться и распространяться в рукописной форме [201].

В ответ на возросший поток информации в столицах ведущих государств (Флоренция, Венеция, Испания) развивается практика учёта и архивирования дипломатической документации. Складываются правила защиты информации – к началу XVI в. относятся первые пособия по шифрованию писем. Приблизительно тогда же, с осознанием дипломатии как отдельного рода деятельности, формируются нормы международного права и создаются первые теоре-

тические трактаты об обязанностях послов. Первое сочинение, посвящённое постоянным послам, было издано Эрмолао Барбаро в 1490 г.

В 1560-м гг. процесс формирования единой дипломатической сети в Европе был прерван возросшим конфессиональным антагонизмом. Вследствие этого период Религиозных войн во Франции (1562–1598 гг.) был ознаменован разрывом в сношениях между государствами Апеннинского полуострова и европейскими протестантскими державами. Этот разрыв был преодолен только в начале XVII в. [6, р. 10–11].

Не касаясь последующей истории дипломатии в Европе, отметим только, что исторической границей начала современного периода её развития в «классической» школе считаются Вестфальский мир 1648 г. и Пиренейский мир 1659 г. Именно тогда, по словам Г. Мэттингли, «система европейских государств добилась стадии гетерогенной организации и ненадёжного равновесия, которой итальянские государства достигли после Лоди» [159, р. 178]. Это означало, что основные государства Западной Европы окончательно восприняли итальянский опыт дипломатических институтов. Основным содержанием произошедших преобразований в сфере дипломатии стало утверждение модели резидентных дипломатических миссий во главе с послами, осознание пользы от содержания которых утвердилось в умах государственных деятелей большинства европейских стран [6, р. 3–8; 159, р. 105–138].

Безусловно, итальянский поход Карла VIII Валуа нельзя считать «блицкригом», равно как и приписывать победы французов их артиллерии, видя в Первой Итальянской войне признаки победы новых технологий над старыми [181, р. 270, 280–281]. Вместе с тем война 1494–1495 гг. сильно изменила облик Италии. Прежняя система доминирования на Апеннинском полуострове пяти государств прекратила существование. С изгнанием из Флоренции Медичи и растущими там внутренними беспорядками, финансовыми и политическими затруднениями короля Феррандино, главную роль в Италии стали играть два государства – Милан и Венеция.

Согласимся с исследователем: «Династическое равновесие подталкивало к войне, а не к миру. Но война вела не к новому равновесному распределению сил между постоянным числом акторов, а к систематической ликвидации менее крупных государств» [299, с. 341]. С приобретением апулийских портов Адриатическое море становилось «Венецианским заливом». Не случайно Филипп де Коммин писал: «Все желающие плавать по заливу [имеется в виду Адриатическое море] должны платить пошлину Венеции, и поэтому приобретение этих городов значит для неё гораздо больше, нежели многие думают» [280, с. 363]. Договор 1496 г. между Венецией и Неаполем начал новый этап в истории Италии, в котором главное значение приобретали борьба за Милан и борьба против гегемонии Венеции. Эти обстоятельства составили главное содержание военно-политической борьбы в последующие десятилетия. Именно поэтому за первой войной последовали другие: не только растущие стремления к гегемонии Франции и Испании, но и сама природа политического устройства Италии раннего Нового времени катализировали последующие крупные военно-политические конфликты.

ДОКУМЕНТЫ И ПЕРЕПИСКА

Манифест Карла VIII о целях итальянского похода, 22 ноября 1494 г.

Карл, милостью Божьей король франков, всем верным во Христе, что увидят этот документ, [желает] ревности католической веры и вечного спасения в Господе. Тщательно рассмотрев и в тайниках нашего ума многократно обдумав бесчисленные беды и вред, убийства, истребление и опустошение знаменитых городов и верных [Христу] народов, и разорение, и многочисленные иные самые ужасные злодеяния, которые нечестивые турки, непрерывно проливающие христианскую кровь на протяжении пятидесяти лет до сих пор, как мы узнали от предков наших, совершенно достойных веры, бесчеловечно совершали; и желая по обычаю родоначальников наших, христианнейших королей франков, в меру сил противостоять столь многочисленным преступлениям – ведь эти вероломные турки постоянно угрожают христианской религии – и их жаждущее неистовство всеми усилиями подавить, после того, как было угодно Всевышнему в королевстве и владениях наших мир и спокойствие установить, мы постановили ради противоборства неистовой ярости этих турок и ради возвращения Святой земли и других владений, отнятых ими у христианских правителей и народов, не щадить ни самого себя, ни трудов, ни средств; и даже оставив нашу любимую жену, и единственного сына, и наше королевство величайшее, мирное и сильнейшее и наперекор воле принцев и знати нашего королевства, мы решили с помощью Бога, делу которого мы себя посвящаем, и с высшей поддержкой понтифика и пастыря всех христиан, и правителей, и других верных с благоговением веры и с великим желанием приступить к этому самому священному труду, и эта святая идея, мы даже верим, была вложена в наше сердце самим божественным внушением. И пусть никто не подумает, что для захвата владений каких-либо правителей или народов или для захвата городов мы приступаем к этому труду, столь священному, столь славному, но когда сам Бог является невыразимым истинным свидетелем, мы посвящаем себя этому только для Его прославления и славы и для величия и распространения веры в Него и христианской религии, надеясь, что в самом Боге, от которого все совершенные труды принимают совершенство, мы это наше святое намерение

доведём до желаемого результата. Но так как королевство Сицилии, которое называют Неаполитанским, весьма часто предками нашими из рук неверных и других врагов римской церкви и Апостольского престола вырывалось и этой церкви возвращалось, и в отношении которого предки наши получили двадцать четыре инвеституры¹, а именно двадцать две от разных римских понтификов и две другие от двух других священных великих соборов, и оно принадлежит нам по праву наследования, хотя папа Пий II, желая своих, рождённых в низком звании, возвысить на вершину власти, это королевство вопреки справедливости у нас отнял и его некогда отдал Ферранте Арагонскому², [оно] могло способствовать нам в лёгком наступлении для борьбы с вышеназванными вероломными турками главным образом через порт Валону (Valonie)³ и через некоторые другие места, то его с Божьей помощью мы намерены получить обратно, чтобы нам и нашим [людям] можно было легко приходить и уходить и чтобы могло быть безопасное убежище. И мы не намерены, кроме того, [нашей] матери-кормилице Риму, как со своей стороны нынешний Альфонсо Арагонский и его предшественники, другой Альфонсо и Ферранте⁴, с большим безрассудством и мятежом грабили его⁵, и другим землям римской церкви наносить какой-то ущерб или вред, а [мы намерены] её, как [и] подданных самой церкви, ради чести и уважения её и апостольского престола от всякого ущерба и вреда в меру нашей возможности сохранить невредимыми и самой церкви положение, честь и достоинство по обычаю наших вышеназванных предков настолько увеличить, насколько мы сможем с Богом. Но так как для получения обратно вышеназванного королевства и для достижения нашей святой цели, для более лёгкого и короткого пути к вышеназванному городу⁶ нам нужен проход через некоторые земли вышеназванной церкви, и мы просим, побуждаем и убеждаем святейшего во Христе отца и господина Александра, божественным провидением шестого папу, и святой римской церкви коллегию кардиналов, и правителей, губернаторов, власти, чиновников, граждан, жителей и прочих обитателей каких бы то ни было городов, посёлков и земель, и мест этой самой римской церкви, чтобы они, по крайней мере, как врагам нашим и [всем,] в этом святом намерении нам противостоящим, благосклонность и помощь, какую они смогли, предоставляли и предоставляют, так и нам и нашим [людям] пусть соизволят открыть путь вперёд и назад через города, поселения, земли и вышеназванные места и предоставят необходимое продовольствие за наш счёт и средства, ведь

¹ Начиная с Урбана IV Карлу I Анжуйскому в 1262 г.

² В обмен на инвеституру Ферранте I Арагонскому племянник папы Пия II Антонио Тодескини-Пикколомини стал герцогом Амальфи и женился на незаконной дочери короля. Другой племянник, Андреа, получил во владение тосканский город Кастильоне-делла-Пеская и остров Джильо.

³ Современная Влёра (Албания).

⁴ Альфонсо II (1494–1495 гг.) и его предшественники Альфонсо I (1435–1458 гг.) и Ферранте I (1458–1494 гг.).

⁵ Речь идёт о конфликтах неаполитанских королей Арагонской династии с папами.

⁶ Константинополью.

если они не помешают нам в этом ценнейшем труде, мы полагаем, что завоюем город Неаполь и большую часть королевства и в начале весны будущего года сможем войти на территорию врагов; если, однако, в движении вперёд и назад, и свободном проходе, и продовольствии для нас и наших [людей] по должной цене будет отказано (во что мы не верим), тем не менее мы попытаемся из всех наших сил найти путь и взять необходимое продовольствие, какового было бы достаточно, официально заявляя, что это должно вменять в вину не нам, но скорее тем, кто по причине вероломства, несправедливости, не понимая нашу веру, захотел воспрепятствовать нашему благочестивому и святому намерению. Мы заявляем, как и выше, о причинении несправедливости Богу, и также о нанесении ущерба нам, и кроме того, о вреде, уже произошедшем из-за нас, и если мы в будущем подвергнемся [ущербу], мы последуем этим заявлениям перед лицом вселенской церкви и правителей всего христианского мира, которых мы намерены созвать для этого святейшего похода, который должен свершиться под предводительством Бога. Мы позаботились о том, чтобы этот документ был представлен вере и свидетельству их всех, подписан и обнародован нашим нижеуказанным государственным нотариусом, скреплён подвешенной нашей королевской печатью.

Составлено во Флоренции в день 22 месяца ноября в год Господа 1494 и нашего царствования двенадцатый¹.

Договор Карла VIII с Флорентийской республикой, 25 ноября 1494 г.

Во имя Бога, аминь. В году Господа нашего Иисуса Христа от Его спасение несущего воплощения 1494-ом, в тринадцатый индикт, в 25 день месяца ноября. Заключён в приходе Св. Лаврентия² [во] Флоренции в доме наследников Лоренцо ди Медичи из Флоренции, в присутствии свидетелей, призванных, принятых и запрошенных для того, что ниже написано в целом и по отдельности, с выдающимся доктором искусств и медицины господином Теодоро Гуаньяно, подданным папы, советником и настоящим врачом ниже упомянутого королевского величества, и Нери Джино ди Каппони, гражданином Флоренции, и сером Бартоломео Доминичи, сером Джованни ди Бинди, гражданином и публичным нотариусом флорентийским и советником ниже упомянутого христианнейшего королевского величества.

Так как стало так, что в прошедшие месяцы из-за некоторых граждан города Флоренции³, которые, ведомые дурным советом, оказывали сопротивление христианнейшему королевскому величеству в том, чтобы его королевское величество могло осуществить свой самый справедливый поход, который его

¹ Текст: [37, р. 542–543]. Перевод с латинского: Д. Г. Минкевич, Д. В. Мазарчук.

² Приходская церковь – базилика Сан-Лоренцо, в которой находится фамильная усыпальница Медичи.

³ Пьеро ди Медичи и его сторонники.

христианнейшее величество осуществляет для возвращения своего Неаполитанского королевства, и это самое христианнейшее величество пошло с войной на господ флорентинцев, захватило некоторые укрепления, другие же сдались по своей воле; и принимает во внимание его христианнейшее величество то, что флорентийский народ всегда был, есть и будет самым преданным его христианнейшему величеству и его предшественникам, желая вместе с ними, как подобает великодушному правителю, поступить как можно более милостиво и каждому продемонстрировать своё намерение не захватывать чужое, но возвращать своё; здесь то, что его христианнейшее величество, с одной стороны, и выдающиеся мужи господин Гуидантонио Джованни ди Веспуччи, Доминико Бальтассаро ди Бонси, граждане и должностные лица флорентийские, и уважаемые мужи Франческо Филиппи ди Валори и Пьеро Джино ди Каппони, граждане флорентийские также, как синдики и представители высочайших господ приоров свободы и гонфалоньера справедливости¹, с другой стороны, пришли к ниже написанному соглашению, а именно:

Во-первых, его вышеупомянутое величество, принимая во внимание то, что всё, которое до сих пор было совершено против его королевского величества, совершено по причине дурного совета, убеждения и страха; и так как это было сделано из-за страха, оно не имеет никакой силы и не должно ставиться в счёт совершающим и приносить вред; и так как Бог, в руке которого сердца правителей, Он милостивейшие, милосердные и кроткие руки Свои простирает просящим Его и никому, приходящему к Нему, не закрывает двери, но уделяет дары, подарки, милость и милосердие; и так же это должны делать сами правители, так как всякое деяние христиан должно быть их наставлением; и так как правителям подобает искусно заботиться о республике и свободе и искать согласия подданных, и друзей, и союзников, чтобы были прочными королевства его и друзей польза и свобода, и положение его, подданных и друзей непрерывно сохранялось невредимым; ввиду этого его христианнейшее величество совершённое против его христианнейшего величества предаёт забвению; и восстанавливает названный флорентийский народ в том положении – и это благодаря его христианнейшему величеству – в каком он и был до названного совершённого против его королевского величества.

Во-вторых, его христианнейшее величество, принимая во внимание, что Карл Великий был первым восстановителем этого города и переименователем названия Флюенции во Флоренцию, и он был тем, кто дал земли, городки и крепости, и строителем стен, и некоторых храмов этого знаменитого города зодчим, настоящего Св. Креста и других реликвий и украшений храму Св. Иоанна² и другим жертвователем; и что его христианнейшее величество этого города восстановитель, пастырь, хранитель и защитник, и он был у него в милости, и также всех тиранов гонитель; и притом, что заслуженно сам христианней-

¹ Неназванные поимённо помощники гонфалоньера справедливости Пьеро ди Каппони.

² Баптистерий Св. Иоанна Крестителя (Сан-Джованни Баттиста).

ший король Карл VIII достоин называться великим и величайшим, особенно со стороны народа флорентийского; потому пришли к согласию, что сам Карл и его наследники всегда и во всякое время называются: отец отечества нашего и флорентийского народа попечитель, заступник, защитник, и свободы нашей хранитель, и его тиранов гонитель; и при вступлении в должность господ флорентийских, и в их присяге всегда пусть он называется отец отечества, и хранитель, и защитник нашей свободы; так как и сам Карл королевским словом обещает, что он всегда будет хранителем его [города] свободы, и гонителем его же тиранов, и отцом отечества.

В-третьих, пришли к соглашению, что город Пиза и крепость вместе с городком и крепостью Ливорно пусть остаются в руках названного королевского величества и что он может удерживать их в течение своего похода на Неаполитанское королевство, однако при этом юрисдикция, господство и доходы остаются у господ флорентинцев как и прежде, а по завершении названного похода пообещало вышеупомянутое королевское величество немедленно вышеназванное всё и по отдельности (*omnia et singula*) вернуть Флорентийской республике, или её синдику, или синдикам, без всякого исключения или возмещения каких-либо расходов, без правового ущерба для других, вместе со всеми укреплениями, бомбардами, спингардами¹, инструментами и другими любыми вещами для утешения избраннейшего и самого преданного ему флорентийского народа и для сохранения его чести и достоинства. И чтобы все понимали королевскую волю, необходимость во всём этом есть только для безопасности и удобства его величества и его войска, но совсем не для ущерба флорентийского народа; и до каких пор это считается осуществлённым, сразу по завершении похода и после того, как будет захвачен город Неаполь, когда его величество такой поход в отношении Неаполитанского королевства завершит либо закончит или с помощью мира, или долгого перемирия на протяжении двух лет или больше, или каким-то иным способом, или даже по какой-то причине его величество уйдёт из Италии или прекратит в ней находиться; и если случится, что перемирие длится в течение двух лет и христианнейшее его величество уходит из Италии, пусть не считается поход завершённым из-за такого рода ухода, совершённого на протяжении длящегося названного перемирия, пока не вернётся его христианнейшее величество в течение названного двулетия в Италию для упомянутого похода: и что тем временем, в течение названного похода, пусть будут два ключа от названного города Пиза, из которых один должен удерживать назначенный его величеством представитель, а другой должны хранить официальные представители господ флорентинцев для открывания и закрывания названных ворот в привычное время и обычными способами.

В-четвёртых, так как пизанские граждане во время прибытия названного королевского величества захотели провозгласить свободу и вырваться из-под власти флорентийской, и знамёна и оружие их уничтожили, и многое другое

¹ Имеется в виду крепостная артиллерия городских укреплений.

испортили, как говорят, то согласовано и принято, что всё, что было сказано, сделано и совершено названными пизанцами, как в сообществе, так и по отдельности, будет прощено и отпущено этим пизанцам: и с настоящего времени господа флорентинцы отпускают и прощают, и без того, чтобы некоторый ущерб мог быть причинён лицам или их имуществу, несмотря на всё это всё же названные господа флорентинцы будут относиться к ним достойно. И если случайно позднее они будут или множеством налогов, или трудностями подавлены, то названные флорентинцы умерят названные налоги, полученные в соответствии с качеством земель и лиц, в соответствии с тем, как будет видно свободно названным господам флорентинцам: и в случае, когда названные господа флорентинцы из-за этой причины мятежа, теми сотворённого, возобновили бы что-то против лиц или имущества названных пизанцев, с настоящего момента будет позволено названному королевскому величеству принять меры в соответствии с тем, [что] его королевскому величеству будет угодно.

В-пятых, также пришли к соглашению, что город Сарцана и крепости названного города, и Сарцанелло, и крепость и городок Пьетрасанта пусть останутся также в руках названного королевского величества в течение его упомянутого похода; при этом, однако, доходы, юрисдикция, господство и справедливость над ними остаются у господ флорентинцев. И так как генуэзцы, которых названный христианнейший король является верховным господином, оказали ему много услуг и выказали послушание в названном его походе, и эти генуэзцы предъявляют права на названный город Сарцана и городок Пьетрасанта, и названных господ флорентинцев вышеупомянутый христианнейший король является защитником; испытывая сильное желание устранить разногласия и распри, которые существуют между названными флорентинцами и генуэзцами, он позаботится о том, чтобы их вернуть к согласию и миру посредством дружбы или справедливости, устранив всякую силу и насилие: и в случае, когда он не сможет названных привести к названному согласию и миру посредством дружбы или справедливости, как выше [сказано], названное его королевское величество немедленно по завершении похода названные крепости городов и городки названным господам флорентинцам вернёт со всеми их укреплениями, бомбардами, спингардами, инструментами и прочими вещами без всякого исключения и компенсации каких-либо расходов, сохранив права других; и будет сказано, что поход завершён, как выше, сказано в параграфе, где упоминается о городе Пиза и городке Ливорно; заявляя, что названное королевское величество все выше названные крепости: Ливорно и [крепость] города Пизы, и Пьетрасанты, Сарцаны и Сарцанелло на протяжении похода вышеназванного может удерживать, как выше, однако за счёт своих расходов.

В-шестых, пришли к соглашению, что всякие стражи и гарнизоны, которые в течение названного похода будут на время размещены названным королевским величеством в вышеназванных крепостях, должны принести клятву и обязаться в лучшей форме и способом, каковые такими покажутся названным господам флорентинцам, что они вернут названные крепости и городки флорентийскому

народу согласно тому, что обещано выше, и ничего не потребуют от Флорентийской республики за такое возвращение; и также они должны поклясться и пообещать, что они не отдадут названные крепости и городки какому-либо преемнику, пока прежде этот преемник или преемники не пообещают, и обязуются, и поклянутся, что они будут соблюдать всё в отношении этого рода крепостей и городков и возвращения одних и других, вышеназванным способом и в соответствующей форме.

В-седьмых, пришли к соглашению, что названное его королевское величество на время его названного похода может иметь двоих назначенных представителей в названном городе Флоренции, но за свои средства, которые должны обо всём происходящем сообщать названному королевскому величеству и общаться с названными господами флорентинцами или другими их должностными лицами, назначенными для этого, или с другими, с которыми они захотят, так, как с добрыми и старыми друзьями, которые смогут находиться и присутствовать на всех их советах; и они¹ не будут иметь дела и заключать соглашения, касающиеся положения, или сделки, касающиеся положения названного королевского величества, его владений или его похода иначе, чем с теми названными. Но остальные сделки частные или общественные названные флорентинцы могут заключать обычным для них образом и без того, чтобы они воздерживались призывать названных представителей, если тем будет угодно, и это в течение названного похода, как было сказано.

В-восьмых, пришли к соглашению: так как во время названного похода может возникнуть спор между вооружёнными отрядами названного королевского величества, которые он оставил в названных местах, с одной стороны, и с некоторыми из проживающих в этих местах, с другой; и пусть отряды названного королевского величества не беспокоят ни словами, ни делами обитателей названных мест; так что назначит королевское величество капитана в названных крепостях Пизы, Ливорно, Пьетрасанты и Сарцаны, для частей их и постов, который будет главным его заместителем в вышеназванных местах, который сможет находиться в городе Флоренция или в другом месте, как ему будет угодно: с которым будут обсуждаться все дела, связанные с положением королевского величества, как ранее было сказано, и он сможет обсуждать все дела, связанные с войной, дружелюбно, а не подчиняя; и будет иметь названный капитан королевского величества власть наказывать преступных людей из числа своих, пребывающих в названных городах, замках и землях.

В-девятых, пришли к соглашению, что названные господа флорентинцы в течение названного похода, который считается законченным, как выше [сказано], не будут выбирать себе главного капитана войск, кроме как после обсуждения с королевским величеством, чтобы более легко таким образом был назначен капитаном человек, удобный его королевскому величеству.

¹ Флорентинцы.

В-десятых, вышеназванное королевское величество обещает вернуть и с настоящего момента возвращает названному флорентийскому народу все вместе и по отдельности замки, городки, поместья, земли и города, которыми он владеет сейчас, которые неким образом были прежде во владении названного флорентийского народа до его [Карла VIII] прихода в Италию; так что названный флорентийский народ может в них свободно владеть, осуществлять правосудие и всё возвращённое забрать и всё хранить и по своей воле и желанию свободно управлять, как мог прежде. И так как существует возможность, что некая из этих возвращённых настоящим соглашением земель не захочет подчиниться королевским предписаниям, пришли к соглашению, что названное королевское христианнейшее величество должно будет отправить открытые письма таким землям, крепостям и замкам, и их народам и общинам, которые были подчинены флорентийскому народу до прибытия его королевского величества, с тем, что они должны подчиниться его власти и юрисдикции, каковыми они и были до прибытия названного его королевского величества. И в случае, если они не подчинятся и не примут официальных представителей флорентийских, тогда будет позволено господам флорентинцам, даже применив силу, принудить такого рода сопротивляющихся к подчинению письмам его христианнейшего королевского величества; обещает также его королевское величество предоставить господам флорентинцам всякую помощь, возможную для него.

В-одиннадцатых, пообещали вышеназванные господа синдики, также по возвращении вышеназванных крепостей и городков, что когда захочет королевское величество вышеназванное вернуться во Францию со своим войском или из Франции вернуться к названному походу на Неаполитанское королевство, предоставить ему проход и продовольствие, однако за собственные расходы самого королевского величества.

В-двенадцатых, обещает королевское величество, что он и его наследники вечно будут город Флоренцию, и флорентийский народ, и его Синьорию (*dominium*) оберегать, защищать и усиливать, и что он будет другом всех его друзей и благодетелем и врагом врагов; и что в лигах и союзах с какими угодно королями, принцами, князьями, маркграфами, общинами и республиками он будет их поддерживать. И также с врагами их какими-либо и особенно с генуэзцами, которых вышеназванное королевское величество является верховным господином, он позаботится о вечном мире, как было сказано выше, чтобы наконец могла названная Флорентийская республика и её народ и все её подданные безопасно и свободно плавать, куда они захотят, и их товары и имущество могли идти по суше и по морю, вывозиться и перемещаться по морю; и с другой стороны названные господа флорентинцы обещают относиться к друзьям названного королевского величества как к [своим] друзьям и к врагам – как к врагам, и не вступать в какую-либо лигу или конфедерацию с врагами названного королевского величества.

В-тринадцатых, обещает названное королевское величество, словно истинный пастырь, хранитель, попечитель и защитник, и покровитель, и вечный отец

нашего отечества, предоставить и с настоящего момента предоставляет всем флорентинцам и их подданным настоящим, как и будущим, полную, свободную и вечную охранительную грамоту; так что свободно они могут ныне и в будущем в каких угодно его королевского величества владениях, герцогствах, графствах, поместьях, замках, городках, маркграфствах и княжествах, как приобретённых, так и тех, что должны быть приобретены, безопасно и свободно, однократно и многократно идти и возвращаться с их товарами, торговцами и любыми вещами, и тканями, и шелками и золотыми; и приобретать, и позволять приобретать, и имена должников настоящих, как и будущих, требовать; и вещи и товары их, всевозможного вида, материала и качества, которые существуют, также те, которые в настоящем, как и в названном Неаполитанском королевстве, как и в другом месте, существуют или будут существовать в будущем, ввозить и вывозить и позволять ввозиться и вывозиться, так же по земле, как и по морю; так чтобы флорентинцев корабли считались французскими, и такими, как настоящие и природные французы пользуются, и могут получать пользу какими угодно неприкосновенностями французов и привилегиями, какими они до сих пор привыкли; и также чтобы могли в каком угодно месте так уже приобретённом, как и в том, что будет приобретено его королевским величеством, составлять контракты на покупку, продажу, обмен, долгосрочную аренду и какие угодно обязательства и заключать, и могли дарить; и также во всех вышеназванных местах свидетельствовать, и составлять приложения к завещанию, и оставлять в дар из-за смерти, и дарить среди живых, в соответствии с их волеизъявлением навечно: так что в имуществе там же находящемся пусть наследуется у них согласно форме и изложению флорентийских статуты; и по мере необходимости, обещает также названное королевское величество, дать открытые письма о правах [чужеземцев, приравненных к французам] по желанию просящего: и чтобы могли повсюду также владеть бенефициями и званиями церковными любыми, и как если бы были рождены настоящими и природными французами, и которых с этого времени считает названное королевское величество среди своих французов и желает, чтобы они считались, из полноты его христианнейшей господствующей власти; обещает также названное королевское величество, если это самим господам флорентинцам покажется [нужным] и понравится, что всё вышесказанное и ниженаписанное следует скрепить на заседаниях собраний, и публично подтвердить во всех владениях и местах его величества, составить каждому открытые письма, особенно, чтобы стало известно всем его подданным из полноты власти его, что флорентинцы и их подданные действительно стали настоящими французами.

В-четырёхнадцатых, желает названное королевское величество в знак доказательства вышеназванной охраны, попечения, защиты и усиления, и чтобы каждому было известно и очевидно, что он является отцом их отечества, истинным и явным хранителем и усилителем их свободы, и вечным гонителем каких угодно тиранов, каковыми всегда были его предшественники; и для вечной памяти о его счастливейшем прибытии в этот город и о восстановленной

свободе; чтобы названная Флорентийская республика могла на воротах городов, поместий, замков, городков, крепостей, дворцов, кораблей – бирем, трирем, каравелл и любых других типов судов, а также другими из фрахтователей или нанимателей, наносить, прикреплять и носить, позволять прикрепляться, наноситься и носиться оружию¹, знамёнам и знакам отличия, на которых поле голубое жёлтыми лилиями, или шафрановыми, или золотыми засеянное, с вырезанной лентой, или нарисованной, или вышитой, на которой написано «Свобода» золотыми буквами.

В-пятнадцатых, так как названный королевский поход идёт для общего блага и также ради дара названного сохранения свободы, обещают вышеупомянутые синдики, поименованные выше, в помощь вышеупомянутому христианнейшему королю для возвращения его Неаполитанского королевства сообразно с их истинной свободой подарить и выплатить названному христианнейшему господину королю, их законному прокуратору, сумму и количество флоринов 120 тысяч в полновесном золоте во время и сроки написанные ниже, а именно: сорок тысяч в течение ближайших 15 дней, пятьдесят тысяч на протяжении всего ближайшего месяца марта и тридцать тысяч на протяжении всего ближайшего месяца июня.

В-шестнадцатых, вышеупомянутые синдики, движимые просьбами христианнейшего королевского величества, который попросил это из-за своей милости, пообещали отозвать талью, иначе награду, которую названные их принципалы пообещали тому, кто убьёт Пьеро ди Медичи или тому, кто его схватит и живым передаст названным господам флорентинцам; и так с настоящего времени они отзывали талью, иначе награду, и пообещали также повелеть оповестить о названном отзыве через общественного глашатая в городе Флоренции и в публичных и обычных местах названного города.

В-семнадцатых, так как названный Пьеро ди Медичи стал и был объявлен мятежником против названного города Флоренции, из-за этого мятежа ему мог быть безнаказанно причинён вред, и всё его имущество конфисковывалось, и оно было конфисковано в силу самого права и согласно форме статуты названного города, побуждённые также просьбами вышеупомянутого христианнейшего королевского величества, которое желает всем прощения, пообещали вышеупомянутые синдики названное наказание за мятеж и за всё, что последовало за этим мятежом, отозвать, и с настоящего времени так отзывают, и сделать, и позаботиться о том, чтобы в Совете народа и коммуны Флоренции и всяким соответствующим образом, как требуется исходя из права, названный отзыв был подтверждён.

В-восемнадцатых, пообещали названные синдики, что названные их принципалы не наложат другое наказание на названного Пьеро ди Медичи за преступления, совершённые до настоящего момента, кроме наказания изгнания, иначе проскрипции; в этом наказании никоим образом не наступает конфи-

¹ Доспехам.

скация имущества, в то время как сам Пьеро придерживается изгнания, иначе проскрипции, это изгнание должно иметь такие последствия, а именно, что названный Пьеро ди Медичи не должен находиться у границ флорентийской территории ближе, чем на сто миль под угрозой наказания, которому подвергаются подвергнутые ограничениям, иначе изгнанные, в 1434 году флорентинцы, кроме ситуации, когда он находится вместе с христианнейшим королевским величеством; в этом случае он может оставаться и задерживаться в любом месте, где будет вышеупомянутое королевское величество, но вне флорентийской территории; также с тем исключением и без нарушения, что если названный Пьеро ди Медичи – только по этой причине – пройдёт через флорентийскую территорию и по тому пути, по которому его проведут жезлоносец и комиссар господ флорентинцев, чтобы он нашёл вышеупомянутое королевское величество, и в такой ситуации не будет считаться, что он нарушил границы и подлежит наказанию, которому подлежали нарушающие границы и изгнанные в 1434 г.

В-девятнадцатых, обещает названное королевское величество не делать никакого запроса к названным господам флорентинцам по поводу освобождения названного Пьеро ди Медичи от названного изгнания, о котором выше, кроме как по истечении четырёх месяцев от сегодняшнего дня. Но по истечении четырёх месяцев может позволить себе названное королевское величество просить названных господ флорентинцев о вышеназванном освобождении, в этом случае названные господа флорентинцы обязываются вынести на обсуждение между самими господами и коллегией, и их советами то, что необходимо для его восстановления [в правах], и согласно форме статуты названного города и не иначе; и если так будет и это будет поддержано, что сам Пьеро должен быть восстановлен, иначе освобождён, от названного изгнания, тогда будет позволено названному Пьеро безнаказанно вернуться в названный город Флоренцию и на его территорию; а если это не будет поддержано, тогда не будет позволено вернуться, так как действительно вышеупомянутое христианнейшее королевское величество, будучи хранителем этой Флорентийской республики, ничего другого не желает и не требует, кроме того, чтобы народ флорентийский сохранялся в его достоинстве и свободе, и его усилить.

В-двадцатых, пришли к соглашению относительно того, что должно отозвать, и таким образом с настоящего времени названные синдики отзывают талью¹, положенную за многоуважаемого кардинала² и Джулиано ди Медичи, за убийство их или выдачу их живыми, и также вину за мятеж, однако с отменой конфискации имущества, кроме первого удовлетворения кредиторам названного Пьеро ди Медичи, каким бы лицам этот Пьеро не был должен, и также собственным кредиторам или наследникам самих господина кардинала и Джулиано, или им всем, или кому-то из них те дали в долг: при этом сами же господин кардинал и Джулиано остаются в изгнании за сто миль от флорентийского города, во всем и касательно всего так же, как изложено об их брате Пьеро.

¹ Награду.

² Джованни ди Медичи.

В-двадцать первых, пришли к соглашению, что позволено госпоже Альфонсине, жене названного Пьеро ди Медичи, вернуться в дом, в котором пребывал названный Пьеро, и пребывать в нём, однако без какой-либо преюдиции кредиторов названного Пьеро ди Медичи.

В-двадцать вторых, пришли к соглашению, что от имущества названного Пьеро ди Медичи должно быть выплачено с настоящего момента названной госпоже Альфонсине, жене названного Пьеро, в сумме приданого самой госпожи Альфонсины.

В-двадцать третьих, пришли к соглашению, что будет и должна быть опись движимого имущества названного Пьеро, и что само имущество передаётся на хранение в руки двух достойных купцов, а именно: один должен быть избран самой госпожой Альфонсиной, а другой господами флорентийскими приорами, и эти избранные пусть хранят это имущество в ящиках, если оно сможет там храниться, или в другом безопасном месте, и пусть оно будет заперто ключами, из которых один пусть хранит названная госпожа Альфонсина, а другой названные господа приоры, с таким уговором, что если в течение трёх месяцев кредиторы, находящиеся на флорентийской территории, и в течение шести месяцев кредиторы, находящиеся вне флорентийской территории, их законному судье подадут свои требования, из которых будет ясно, что их требования превосходят стоимость этого движимого имущества, тогда названное имущество пусть остаётся в руках названных хранителей ради удовлетворения названных кредиторов на основании их законно подтверждённых кредитов, а если они не превзойдут стоимость названного имущества, тогда только в соответствии с долей этих кредиторов пусть останется в руках названных хранителей для возмещения, как [сказано] выше; остальное же пусть вернётся к названной жене, имеющей законное поручение от самого Пьеро и братьев его, но не нарушая права других кредиторов, не подавших требования в названные сроки.

В-двадцать четвертых, пришли к соглашению, что позволено названному господину кардиналу ди Медичи получать доходы из любых своих бенефициев.

В-двадцать пятых, пришли к соглашению, что названный Пьеро ди Медичи или названные [выше] его братья не могут объявляться должниками какого-либо лица, коллегии, общества, магистрата или университета, если не осуществлён вызов в суд к дому их обычного местопребывания в городе Флоренции, чтобы они могли подготовиться через представителя и защищаться, и все свои права предоставить и привести.

В-двадцать шестых, пришли к соглашению, что ребёнок мужского пола названного Пьеро ди Медичи может вернуться во Флоренцию и оставаться с названной Альфонсиной, своей матерью, пребывать и получать питание без какого-либо ущерба.

В-двадцать седьмых, пришли к соглашению, что названная госпожа Альфонсина может сохранить любых своих обычных слуг, но не может послать к Пьеро, своему мужу, более двоих, которых, однако, она должна назвать.

Это всё вместе и по отдельности выше написанное вышеупомянутое христианнейшее королевское величество словом и верностью королевской пообещал блюсти и соблюдать под поручительством своим и своих наследников и потомков, и собственности настоящей и будущей; и вышеупомянутые синдики пообещали и также по моему требованию, Франциска, публичного нотариуса нижеподписавшегося, поклялись на Святом Евангелии, телесно прикоснувшись рукой к Писанию, вышеназванное всё вместе и по отдельности и блюсти и соблюдать под поручительством названных своих принципалов и названного флорентийского народа и его собственности настоящей и будущей; попросили вышеупомянутые стороны меня, Франциска, уже названного и нижеподписавшегося нотариуса, чтобы я подготовил публичный документ, один или больше¹.

Письмо Карла VIII герцогу Бурбонскому, 28 марта 1495 г.

Брат мой, из писем, которые я вам писал в последнее время, вы уже узнали о капитуляции Кастель-Нуово города Неаполя, о том, что он покорён и находится в моей власти². После [капитуляции] дон Федериго³ с семьёю или восемью галерами прибыл в Кастель-делль-Ово, но не ради сражения, а чтобы заключить мир. Он взывал ко мне и просил поговорить с ним о доне Ферранте, его племяннике⁴, на что я охотно согласился⁵. После долгих речей и сетований, он стал взывать и умолять меня, чтобы я, помимо прочего, согласился оставить его племяннику королевский титул и некоторое содержание, чтобы жить так, как я ему дозволю. Я же ответил ему на это, что перед тем, как покинуть Францию, я поручил удостовериться в правомерности моих притязаний, и все мудрые принцы и рыцари этого королевства [Франции] сошлись во мнении о том, что он [королевский титул] несправедливо и вопреки здравому смыслу был отобран у моих предков, подобным образом, вернув титул, я просил права им владеть у нашего Святого отца, папы, когда направился в Рим. Посему я не намеревался ни уступать что-либо из своего наследства, ни отдавать титул, но ради чести дома, к которому он [Ферранте] принадлежит, я не хотел оставить его без наследства; и если бы он пожелал отправиться во Францию, я выделил бы ему 30 тысяч ливров ренты, 30 тысяч ливров пенсиону в год и вооружённую свиту с тем, чтобы сочетать его браком где-нибудь в моем королевстве и, таким образом, составить его счастье. Никакого ответа на этот счёт он [Федериго] не дал и сказал мне, что ему должно уехать, дабы справиться о желании своего племянника, что он и сделал. Он вернулся на следующий же день за ответом, всё ещё надеясь добиться того, о чём просил, на что я согласия не дал по назван-

¹ Текст: [36, р. 647–656]. Перевод с латинского: Д. Г. Минкевич, Д. В. Мазарчук.

² Капитуляция защитников Кастель-Нуово произошла 7 марта 1495 г.

³ Принц Федериго д'Альтамур, сын короля Ферранте I, будущий король Неаполя (1496–1501 гг.).

⁴ Ферранте II (Феррандино, 1495–1496 гг.).

⁵ Встреча Карла VIII с Федериго д'Альтамур состоялась 7 марта 1495 г.

ным выше причинам, и он немедля удалился. Я тотчас выдвинул артиллерию к Кастель-делль-Ово, удар по нему был настолько молниеносным, что все, кто находились внутри, оказались под таким давлением, что в следующий же четверг, на 13-й день нынешнего месяца, стали просить переговоров и пятнадцать дней перемирия, чтобы сдаться или продолжить сопротивление. Я согласился дать им лишь восемь дней на решение, по истечении коих они покинули укрепления, дабы передать эту землю в мои руки, что произошло в пятницу, 20-го [дня] этого самого месяца, капитулировавшие остались целы и невредимы. Подобным образом вчера была взята и подчинилась мне крепость Гаэты, а все, кто был внутри, смиренно вверили мне свои жизни и имущество. Моя артиллерия так их теснила, что они не имели возможности сдаться на выгодных для себя условиях.

Что касается Отранто и других земель, расположенных на окраинах этого королевства ближе к турецким владениям, то мессир Камилло¹, коему принадлежит Отранто, уже отправил ко мне одного из рыцарей Родоса, и тот просил обеспечить ему безопасность, когда он приедет, чтобы передать в мои руки все земли и служить мне как своему королю, сеньору и суверену, я же обещал ему защиту. Кроме того, с момента моего вступления в этот город и до настоящего времени сюда прибывает большое число знатных особ из упомянутых выше мест и стран, дабы присягнуть мне на верность и [выразить] абсолютную покорность. Всё это время я постоянно занимался и занимаюсь наведением порядка в правовой системе этого королевства. Я застал здесь такое безурядье, а дворян и их подданных в таком угнетении, что они больше не могли этого выносить. Дабы явить им мою добрую волю и милость, решением совета я отменил для них ряд повинностей и непомерных податей почти на 260 тысяч дукатов в год, чем они остались весьма довольны. После того, как я позабочусь о землях и [обеспечу] безопасность королевства, я выдвинусь в обратный путь, чтобы добраться до гор прежде, чем наступит летний зной.

Брат мой, я получил от вас множество писем, где вы рассказываете мне о положении дел в государстве, за что я вам благодарен. Прошу вас и в дальнейшем писать мне как можно чаще.

Кроме того, я прошу вас сообщить прелатам, моим благородным подданным и во все добрые города Французского королевства о великой милости, которую даровал мне Господь, о победе в походе на Неаполитанское королевство, и прикажите им вознести хвалу Господу надлежащим образом. Пусть повсюду совершают процессии, возносят молитвы и устраивают другие торжества, кои полагаются в подобных случаях, ибо, уверяю вас, мой брат, Италию здесь больше не называют... кладбищем для французов, хоть говорили, что она станет таковым, но наша нация добыла здесь всевозможные почести и славу. Говорят без конца о моем подвиге и о моей артиллерии, встреча с которой в этот раз произошла совсем не так, как им здесь хотелось.

¹ Камилло Пандоне, неаполитанский дипломат, организатор обороны Отранто и Бриндизи от французов. Погиб 30 апреля 1495 г. в стычке у Мезанье.

Мой брат, как я вам уже написал, я нашёл здесь судебную систему в таком беспорядке, что хуже и быть не могло. Мне остаётся лишь найти мужей грамотных и учёных, чтобы её восстановить, потому как жители королевства этого очень хотят. Со своей стороны, я желал бы этому поспособствовать: посему прошу вас, брат мой, разыщите там [у себя] нескольких судей, кто захотел бы служить здесь. Я желал бы видеть здесь, в первую очередь, президента Бургундского [парламента]¹; я дам ему должность протонотария королевства, который является главой Великого совета, занимает важное и почётное положение; за что ему также полагается жалованье в 2180 дукатов в год. Напишите ему об этом и сообщите мне в письме о его решении как можно скорее, а также имена тех, кто выкажет желание сюда прибыть, чтобы я мог распорядиться об их назначении и жаловании.

Мой брат, я сообщаю вам, что лицо моё отныне украшает не только оспа, но и корь, от которой, по Божьей милости, я излечился. Вместе с тем вы и представить себе не можете красоту садов, окружающих меня в этом городе, ибо, как мне кажется, чтобы стать земным раем, этому месту не достаёт лишь Адама и Евы, так оно хорошо и полно вещами прекрасными и редкими, о чём я надеюсь вам рассказать, если мы свидимся. Помимо прочего я нашёл в этой стране наилучших живописцев; я пришлю их к вам, чтобы [они] расписывали своды. Потолки в Босе, Лионе и других местах во Франции не сравнимы по красоте и богатству с тем, что есть здесь; потому я разыщу этих мастеров и привезу их с собой, чтобы создать такие же своды в [замке] Амбуаз.

Мой брат, я намереваюсь взойти на престол и провести коронацию до Пасхи, а затем, сразу по истечении Пасхальной Октавы², я сяду на лошадь и покину [эти земли], не останавливаясь и не задерживаясь в пути. А пока дайте мне знать, если в Италии или в моём Неаполитанском королевстве есть что-то, чего бы вы пожелали, и я вам это отправлю. Храни вас Бог, брат мой. Написано в Капуанском замке, в городе Неаполе, в XXVIII день марта³.

Договор об образовании Священной лиги, 31 марта 1495 г.

Договор о союзе, заключённом между великим понтификом Александром VI, королём римлян Максимилианом I, королями Кастилии Фердинандом и Изабеллой, дожем Венеции Агостино Барбариго и герцогом Милана Лодовико Марией Сфорца Ангьярским⁴ ради сохранения спокойствия [в] Италии, в последний день марта 1495 года.

¹ Жан Рабо, сьер д'Юппи (Uppie).

² Неделя после Пасхи до следующего воскресенья включительно. В 1495 г. Пасхальная Октава завершилась 26 апреля. Отъезд Карла VIII из Неаполя состоялся только 20 мая.

³ Текст: [138, р. 183–188]. Перевод с французского: М. А. Савко, А. С. Герус, Д. В. Мазарчук.

⁴ Лодовико Сфорца носил титул графа Ангьяри.

Во имя святой и неделимой Троицы – Отца, и Сына, и Духа Святого, преславнейшей Девы Марии и всей торжествующей небесной курии. В году от рождения Господа 1495, в тринадцатый индикт, в день самый последний месяца марта святейший и блаженнейший господин, господин Александр папа Шестой и т. д., светлейший и высочайший господин Максимилиан, король римлян и т. д., светлейшие и высочайшие господа Фердинанд и Изабелла, короли Кастилии и т. д., сиятельнейший и высочайший господин Барбариго, дож Венеции и т. д., сиятельнейший и высочайший господин Лодовико Мария Сфорца Ангьярский, герцог Милана и т. д., или их делегаты и т. д. В целях мира, и ради спокойствия [в] Италии, и ради благополучия всей христианской веры, ради сохранения достоинства и авторитета Апостольского престола, ради поддержания права Священной Римской империи и ради защиты и сохранения государств всех вышеназванных сторон к нижеподписанной конфедерации, унии, союзу, соглашению и лиге прибегли, с появлением взаимных соглашений, специально повторённых в отдельных главах. С нижеподписанными договорами, статьями, соглашениями, обещаниями, штрафами, обязательствами, оглашениями, положениями и клятвами на тот промежуток времени и в тех формах и главах, что соответствуют тому, что содержится ниже.

Прежде всего, вышеназванный святейший господин наш¹ со стороны своей и своих канонически интронизированных преемников, и [всей] святой римской церкви, и своих последователей (*adherentibus*), и доверенных лиц, и подданных; и указанные выше светлейшие господа короли и сиятельнейшие господа князья, со стороны своей, и своих последователей, и доверенных лиц, и подданных, или нижезаписанные по именам делегаты, о которых [упомянуто] выше, вступают [в союз] и заключают благую, подлинную и чистую унию, конфедерацию, соглашение и прочную лигу на 25 лет и далее на всё то время, которое будет угодно этим сторонам, ко взаимному (как было сказано) сохранению государств вышеназванных сторон и каждой из них против всех и каких угодно (кем бы они ни были) господ и сил, имеющих и удерживающих государственную власть в Италии в настоящее время. И даже если, пока лига существует, прекратят иметь государственную власть в Италии те², которые, не спровоцированные и не побеспокоенные, причинили вред сами по себе или посредством другого вышеназванным сторонам, или какой-то из них, или государствам, или последователям, и доверенным лицам, и подданным кого-либо из вышеназванных сторон.

Также согласились, что во всё время названной конфедерации и лиги святейший господин наш должен держать и иметь всадников 4 тысячи и пехотинцев 2 тысячи. И каждый из вышеназванных светлейших господ королей и сиятельнейших господ князей – всадников 8 тысяч и пехотинцев 4 тысячи из хороших военных, которыми поочерёдно и взаимно они должны помогать друг другу

¹ Александр VI.

² Имеются в виду французы.

и поддерживать за собственный счёт таким именно образом. Если какая-нибудь из договаривающихся сторон подвергнется, как выше [сказано], нападению, то обязаны другие стороны, которые свободны от такого нападения, послать названное число военных или их часть согласно требованиям дела за свой счёт, как было сказано, в помощь и поддержку стороны, что подверглась нападению. Если таким образом ситуация нападения потребует либо самих военных назначить против нападающего и его государства, либо своевременно послать вместо такого войска стороне, подвергшейся нападению, нижеописанные деньги годичного содержания согласно суждению и выбору стороны помогающей и вносящей свою долю, а именно: святейший господин наш 30 тысяч дукатов и каждый из вышеназванных светлейших господ королей и сиятельнейших господ князей – 60 тысяч дукатов, и эта сумма, для кого-либо выделенная, и не по причине включения в лигу других, и не по причине выхода кого-либо из лиги не может уменьшиться или увеличиться. И если потребует случай необходимости помощь в виде морских галер, или [парусных] кораблей, или грузовых судов от какой-либо из сторон, в этом случае должны быть вычтены и вычислены такого рода морские расходы из числа сухопутных войск или денежных [расходов]. Но в случае, когда в одно и то же время многие из договаривающихся сторон подвергаются нападению, тогда должна быть послана помощь от других конфедератов, свободных от нападения, соразмерно тому, как следует, а именно: если двое подвергаются нападению, то помощь распределяется пополам, если трое – то по трети, если четверо – то по четверти. И да будет обязан каждый из вышеупомянутых договаривающихся [сторон], который подвергнется нападению, для наших людей, посланных ему же на помощь по его территории и владениям, заранее позаботиться о необходимых обоях и снабжении, которые должны быть оплачены, однако, за счёт самих военных по цене достойной и сообразной. Всё же выше- и ниженаписанное пусть будет согласовано добросовестно, и без хитростей, коварства и лжи, которые не должны привести к ничьей выгоде. Однако из-за соседства и близости расположения государств святейшего господина нашего и сиятельнейших господ правителей Венеции и Милана пришли к соглашению святейший господин наш и сиятельнейшие господа герцоги о том, чтобы если кто-то из них подвергнется нападению, как выше [сказано], то другие два обязаны не только предоставить помощь тому, на кого напали, согласно предыдущей статье, но и помогать ему с обеих сторон [той] численностью войск, которые каждый из них обязался иметь и содержать в духе этой конфедерации.

Также они пришли к соглашению, что вышеназванный святейший господин наш кроме названной помощи должен также помогать своим союзникам по конфедерации духовным оружием, согласно требованиям дела и насколько это его святейшеству позволено правом.

Также если вдруг случится, да отвратит Господь, что дойдёт до войны, то не может каким-то образом установиться мир, кроме как с ведома союзников и с сохранением и без ущерба для настоящей конфедерации и лиги.

В случае же, когда нападающий даёт удовлетворение за нападение тому, на кого он напал, он просит передышки и перемирия, прекращения войны и тягот, желает подчиниться праву в присутствии членов конфедерации, тогда подвергшийся нападению пусть успокоится и примет эти предложения и оставит [их] суждению и совету конфедератов. И если подвергшийся нападению не захочет, то прочие из лиги могут в этом случае удалить свою помощь от того, кто подвергся нападению, и отказать и в остальном в этой войне.

Также они пришли к соглашению, что какая-либо сторона из вышеназванных с заключением настоящей лиги не может заключать иное соглашение или лигу с некоей силой, имеющей, как заявлено выше, государственную власть в Италии, кроме как с общего согласия и по воле всех сторон и если только это будет [совершено] без ущерба и с сохранением статей настоящей лиги, от которых нельзя отказаться никаким соглашением.

Также сохраняется для любого господина и власти возможность вступления в эту лигу для выгоды каждого на тех условиях и с теми правилами и обязательствами, которые будут рассмотрены сторонами, образующими эту лигу, и понравятся им.

Также после заключения настоящей лиги каждая из сторон обязана в течение трёх месяцев назвать друг другу своих последователей и доверенных лиц, с таким обязательством для пущей осторожности, чтобы никакая из сторон не могла сама назвать при формировании власти господина или силу, кто достоинством, титулом или могуществом не был бы ниже кого-либо из главных участников (*partium*) этой конфедерации. И это потому, что если кто-то более высокий по рангу захочет воспользоваться милостью этой конфедерации, то это означает, что он подпадает под условия и обязательства других конфедератов, в зависимости от того, что покажется удобным для сторон соглашения.

Также настоящая лига и конфедерация через соглашающиеся стороны в пределах двух месяцев со дня заключения договора всеми силами и всей лигой в публичной и аутентичной форме посредством публичных документов и писем должны быть одобрены и получить юридическую силу, и документы или письма такого подтверждения в свою очередь должны быть разосланы и переданы, с сохранением юридической силы во всяком случае и всех прочих статей этой конфедерации.

Также они пришли к соглашению, что главная лига должна быть обычным образом обнародована почтенным понтификом и вышеупомянутыми сиятельными господами князьями в день вербного воскресенья, которое будет 12 апреля на землях и во владениях каждого из них с торжествами и процессиями, выражением и знаками радости и веселия, как обычно. Это же самое пусть будет соблюдено в тот же день [его] цесарейшим величеством, если позволят время и обстоятельства. Если нет, то в один из ближайших пасхальных дней. Светлейшие же короли Испании пусть сделают подобное оглашение после получения известия в один из праздников, последующих вскоре после получения известия [их] величествами.

Также да не окажут давление более могущественные на менее могущественных, и пусть каждому воздаётся то, что ему по праву положено; пришли к соглашению договаривающиеся стороны, что если вдруг дела приведут к войне, в которой будут захвачены войсками конфедератов ранее захваченные владения, территории или имущество, которые принадлежали на этот момент или ранее какой-либо из этих сторон, или их последователей и доверенных лиц, или подобным образом тех, кто по согласию и воле конфедератов вступят в лигу после заключения лиги, то в этом случае эти захваченные владения, территории или имущество должны быть возвращены ограбленным с теми договорами и условиями, которые будут рассмотрены сторонами, заключающими эту лигу.

Также если какая-то сторона, принятая в лигу или которая вступит в неё после заключения лиги, или господа, или общины, представленные в лиге в качестве последователей или доверенных лиц через какую-либо из сторон лиги, нападёт на кого-либо из главных сторон, или на последователей, или доверенных лиц какой-либо из этих сторон, то лига, подвергшись нападению, не согласится с этим, пока другие стороны не согласны, но все другие главные стороны, связанные в лигу, пусть будут обязаны для взыскания обиженного против обидчика предоставить помощь обиженному для его защиты добросовестно, в соответствии с ситуацией, подобно тому как делали и должны делать, если таковой обидчик не будет в лиге основным членом, или каким-то образом принятым дополнительным [членом].

Также в случае войны, да не будет её, с кем-либо из лиги или принятым в лигу другие стороны пусть будут обязаны не только не дать проход и приют и снабжение военным, которые попытаются пройти для нападения на какую-либо из сторон, но воспрепятствовать их проходу, не только отказывая им в вышесказанном, но даже противодействуя, да не пройдут [те] к стороне, подвергающейся нападению, как сказано выше, добросовестно и в соответствии с ситуацией.

Также, никакая из вышеназванных сторон не может и не должна ни принимать, ни нанимать на службу и в свои наёмники какого-либо капитана воинов, полководца, коннетабля или другого наёмника какой-либо другой стороны без уведомления и согласия той стороны, которой принадлежит наёмник, и если кто-то из вышеназванных капитанов воинов, полководцев военных, коннетаблей и наёмников убежит и будет принят во владении какой-либо из тех же сторон, то та сторона, во владение которой он перебежит, пусть будет обязана помочь действительно и лично удержать их в каком-либо месте своего владения для всякого расследования и разбирательства стороны, от которой они убежали, и они не смогут найти покой, пока не вернут то, что унесли, или пока не помирятся с теми, от кого убежали.

Также когда в соответствии с установленным достославным обычаем священных канонов светлейший господин король римлян, избранный на императорское достоинство, отправится в Рим для получения цезаревой диадемы¹,

¹ Императорская коронация Максимилиана I так и не состоялась.

вышеназванный святейший господин наш и сиятельнейшие высшие князья пообещали и обещают вышеназванному цесарейшему величеству и всем его войскам свободный проход через все города, и какие угодно территории, и всё, что под их властью, и с выставлением необходимого снабжения, которое, однако, должно приобретаться за счёт самих военных за подходящую цену; и не должны причиняться ни какое-либо беспокойство, вред, ущерб или нападение теми же самыми войсками кому-либо из подданных или какой-либо из упомянутых территорий святейшего господина нашего и сиятельнейших князей, которые предоставят ему всякую помощь и уважение, ради более обильного запаса вышеназванного снабжения.

Также чтобы показать всему миру высочайшее уважение, которым сиятельнейшие и высочайшие господа правители Венеции и Милана удостоивают цесарейшее величество, вышеупомянутые сиятельнейшие господа князья пообещали его величеству во время его путешествия в Рим ради получения короны своей империи послать для его сопровождения 240 [воинов] от каждого из этих сиятельнейших господ князей за их счёт, каковые войска должны сопровождать вышеназванное величество в Рим и находиться во всяком ему подчинении и распоряжении.

Эту унию, соглашение, лигу и конфедерацию и всё [вообще] и отдельные статьи, в настоящем документе содержащиеся, вышеуказанные стороны или делегаты их от их имени и каждый из них, назвав [своё] имя, пообещали друг другу со взаимными соглашениями крепко соблюдать и ненарушимо сохранять также со всеми особыми пунктами, штрафами, клятвами и обязательствами, и заявлениями общими и частными, которые полагаются в подобных обычных случаях, которые пусть будут объявлены слово в слово. И для большей силы и надёжности все перечисленные делегаты своими руками подпишутся на следующей стороне¹.

Мирный договор в Верчелли, 10 октября 1495 г.

Это Договор о мире, союзе и дружбе, составленный, заключённый, согласованный и подписанный 10 октября 1495 года христианнейшим королём Франции, Сицилии и Иерусалима, с одной стороны, и Людовико Мария Сфорца, герцогом Миланским, — с другой, включающий нижеследующие пункты.

1. Во-первых, геноуэзский замок и крепость Кастеллетто будут переданы герцогу Феррарскому как нейтральному лицу. Герцог Феррарский, мессир Агостино Адорно², его брат Джан Адорно и Джан Луиджи Фиески³, равно как и старейшины города, поручаются, что герцог Миланский получит и сохранит

¹ Текст: [146, р. 111–118]. Перевод с латинского: Д. Г. Минкевич, Д. В. Мазарчук.

² Губернатор Генуи.

³ Командующие геноуэзским флотом.

обязательства феода в отношении Генуи от христианнейшего короля, равно как и право вооружать и разоружать Геную, а также все иные обязательства, налагаемые на него этим феодом. В случае если герцог Миланский нарушит что-то из оговорённого здесь, герцог Феррарский передаст крепость Кастелетто христианнейшему королю, а вышеупомянутые губернаторы мессир Джан Адорно, Джан Луиджи и старейшины города Генуя перейдут в полное подчинение королю.

2. Далее, в случае кончины герцога Феррарского, милостью Божией тот, кого выберет христианнейший король, и кого одобрит герцог Миланский, должен будет принести присягу [королю]. Также наместник герцога Феррарского и все солдаты, размещённые герцогом в крепости Кастелетто, обязуются принести подобную присягу и сохранять в крепости нейтралитет, как оговорено выше.

3. Далее, замок и крепость будут переданы герцогу Феррарскому на срок в 2 года, равно как и обязательство сохранять нейтралитет, присяга губернатора и старейшин действительна 10 лет. Однако по истечении оговорённых выше 2 лет герцог Феррарский обязуется передать замок герцогу Миланскому. По истечении 10 лет губернаторы и старейшины, мессир Джан Адорно и мессир Джан Луиджи освобождаются от присяги, обязательства же феода сохраняются в полной мере. Следовательно герцог Миланский, получив в феоде Геную и Савойю, подчиняется христианнейшему королю, в ином случае король и герцог Миланский отказываются от [правовой] природы и содержания данного феода.

4. Далее, король обещает не направлять, прямо или косвенно, свои корабли, галеры и армию ни против Генуи, ни против герцога Миланского, ни против нынешнего правительства Генуи. Собирая армию в Генуе, король будет брать корабли только у сторонников правительства (Генуи), при условии, что они предоставят королю свои корабли по сходной цене, а также обязуются не передавать корабли его противникам. Военачальники и моряки кораблей, передаваемых королю, обязуются присягнуть ему на верность.

5. Далее, герцог Миланский не будет оказывать содействие и помощь королям Альфонсо и Ферранте, их союзникам либо кому-то, кто прямо или косвенно заявляет права на Неаполитанское королевство. В случае если они выдвинут против христианнейшего короля свои корабли или солдат на суше или на море, герцог выступит против них.

6. Далее, герцог Миланский гласно заявит, что никто из его подданных не будет выступать против короля в Неаполитанском королевстве, если же кто-то ослушается, то понесёт наказание физическое и имущественное.

7. Далее, герцог Миланский обязуется возратить мессире Джанджакомо Тривульцио всё имущество движимое и недвижимое, какого бы качества или в каком бы состоянии оно ни было, и право свободно перемещаться по всем территориям синьорий герцога, а также дарует ему милость, коей он его одаривал ранее.

8. Далее, в отношении мессира Франческо Серо (Sero) герцог должен призвать маркиза Мантуанского даровать ему своё прощение, вернуть и восстано-

вить всё имущество, и сам герцог, если владеет каким-то имуществом мессира Серо, также обязуется его вернуть.

9. Далее, также герцог Миланский обязуется вернуть мессире Джану Рессо (Ressio) и его детям всё то, чем они владели до участия в военном походе с королём, если у герцога есть что-либо принадлежавшее Рессо, то он должен им это возвратить.

10. Далее, герцог Миланский обязуется незамедлительно и без каких-либо условий освободить господина де Мьолан, а также Этьена де Нев¹, если де Нев находится в руках герцога или его подданных, вернуть всё его движимое имущество или то, что прикажет король.

11. Далее, герцог обязуется вернуть 9 галер вместе с боеприпасами, которые были захвачены в генуэзском порту им или его сторонниками, пока король пребывал в Неаполе.

12. Далее, герцог обязуется отозвать мессира Гаспаро ди Сансеверино, прозванного «Фракасса»², с людьми и военными, которые сейчас находятся в Пизе, и других солдат – своих подданных и всех тех, кто действует от его (герцога) имени.

13. Далее, король признаёт действительной лигу, союз, заключённый между нашим Святым отцом папой римским, королём римлян³ и королём Испании, венецианской Синьорией и герцогом Миланским, но лишь при условии, что со стороны лиги не будет предприниматься ничего ни против лично короля Франции, ни против его Неаполитанского королевства, в противном случае герцог Миланский обязуется покинуть лигу.

14. Далее, король будет следовать договорённостям, установленным между ним и королём римлян.

15. Далее, в случае если кто-либо из союзников [Священной лиги] ранее воевал против христианнейшего короля, чтобы помочь герцогу Миланскому или отвлечь королевскую армию на этих землях, король не станет начинать с ними войну, прощая им всё, что они совершили против него.

16. Далее, король, снимаясь с лагеря, обязуется вернуть город и замок Новару.

17. Далее, король будет покровительствовать генуэзским и миланским торговцам, снимет ограничения с имеющихся у них во Франции товаров, они, как и ранее, смогут вновь свободно вести торговлю в его королевстве.

18. Далее, герцог Миланский не может действовать против Савойского дома, ни самого герцогства, ни его синьорий, самостоятельно или под предлогом какой-либо помощи, оказываемой королю, герцогу Орлеанскому или его людям.

19. Далее, в настоящее мирное соглашение включаются все нижеследующие союзники короля [Франции]: король римлян, король Испании, король Англии, короли Венгрии, Шотландии, Дании, эрцгерцог Австрийский, [Георг] Богатый герцог Баварии, граф-палатин и весь Баварский дом, курфюрсты Священной

¹ Командующий французским флотом.

² «Крушитель».

³ Максимилиан I, формально до 1508 г. не являвшийся императором.

Римской империи, герцог Савойский, герцог Феррарский, старые и новые лиги, республика Флоренция, маркиз Монферратский, элю и правитель Константин [Арианити], маркиз Салуццо, синьория и графство Асти, республика Сиена, республика Лукка, синьор префект¹, кардинал Генуэзский², кардинал Винколи³, синьор Джанджакомо Тривульцио, назначенный королём в его графство Nuysset (Auisset).

20. Далее, кардинал Винколи сохранит всё своё имущество и привилегии, коими владеет в синьории герцога Миланского; герцог не станет никоим образом сам лично или через кого-либо препятствовать деятельности синьора префекта на своей земле.

21. Далее, герцог Миланский добьётся от нашего святейшего папы аннулирования всякого осуждения, официально им высказанного по случаю происходящей войны и завоеваний, которые король осуществил или собирается осуществить в своём Неаполитанском королевстве, дабы эти осуждения не имели больше никакой силы и действия.

22. Далее, в течение двух месяцев герцог Миланский должен назвать своих союзников.

23. Далее, герцог Миланский обязуется вернуть всё имущество [представителям] графства Асти, захваченное им во время перемирия с королём.

24. Далее, синьоры старых и новых союзных лиг получают право передвигаться по землям и синьориям герцога Миланского в торговых и иных целях, вернут себе льготы, свободы и привилегии, коими обладали до настоящей войны.

25. Далее, чтобы гарантировать всё, что изложено в данном договоре со стороны Генуи, герцог Миланский в залог отдаст старшего сына мессира Агостино Адорно, а также любого, кого потребует король.

26. Далее, герцог Миланский позволит кардиналу Генуи сохранить все без исключения привилегии, коими он обладает в его синьории.

27. Далее, подобным образом мессир Баттиста Кампофрегозо получит назад всё своё имущество движимое и недвижимое, сможет свободно перемещаться всюду, за исключением земель герцога Миланского и Генуи.

28. Далее, что касается мессиров Алессандро и Микеля Рефт (Refes), то герцог Миланский простит им всё со своей стороны, и они смогут получить назад их имущество.

29. Далее, все, кто оказался за пределами герцогства и Генуи из-за происходящей войны, смогут вернуться туда, если им это будет угодно. Герцог Миланский обязуется всех помиловать и восстановить в правах на имущество движимое и недвижимое.

30. Далее, за то, что синьор Моннегю (Monnegue) встал на сторону короля, он не будет преследуем, не будет нанесён ущерб ни ему, ни его владениям, а если таковое уже произошло, всё его имущество должно быть ему возвращено.

¹ Префект Рима Джованни делла Ровере.

² Паоло Кампофрегозо.

³ Джулиано делла Ровере.

31. Далее, герцог Миланский должен помиловать всех дворян и жителей Новары, любого, кто относится к данной епархии и территории, а также к Blandure, вне зависимости от сословия или положения, равно как и тех, кто отдал, предложил или советовал отдать город Новару. В случае если герцог не станет наказывать или мстить прямо или косвенно, лично или посредством других лиц людям или имуществу Новары, тогда и король помилует всех подданных герцога, кто воевал против него (короля).

32. Далее, все вышеуказанные дворяне и жители могут постоянно пребывать, если на то есть их воля, внутри и за границами синьории герцога Миланского, и никто не может ограничивать их проживание или пребывание ни в синьории герцога, ни на подвластных ему территориях. При этом они могут беспрепятственно получать продукты и доход с феодалов и аллодов и всем этим распоряжаться, невзирая на какие-либо соглашения, акты дарения или отчуждения, заключённые ранее герцогом Миланским.

33. Далее, будут освобождены все пленные, кроме отданных в залог, и все те, кого нельзя будет обязать заплатить большую сумму.

34. Далее, герцог Миланский обязуется помиловать всех, кто оказывал помощь герцогу Орлеанскому. Они смогут, если пожелают, остаться проживать в миланской синьории и получить своё движимое и недвижимое, феодальное и аллодиальное имущество.

35. Далее, герцог Миланский обязуется вернуть галеры, галеоны и другие корабли и боеприпасы, которые были им взяты в Рапалло во время похода, вместе с захваченной там же артиллерией.

36. Далее, герцог Миланский обязуется вернуть феодальное и аллодиальное имущество всем, кто служил королю во время его военного похода, и позволить им возвратиться к своим прежним довоенным занятиям, равно как и вернуть движимое имущество, если таковое будет установлено.

37. Далее, король обязуется вернуть преподобнейшему кардиналу Сансеверино, графу ди Кайаццо, губернатору Генуи мессину Джану Адорно и его брату, мессину [Джану] Луиджи Фиески и другим подданным герцога Миланского, кто сражался на его стороне в этом походе, всё их имущество и все привилегии феодальные и аллодиальные, которыми они обладали ранее, что будет действительно до тех пор, пока Неаполитанское королевство находится во владении короля. Король также позволит им возвратиться к их довоенным занятиям, равно как и вернёт движимое имущество, если таковое будет установлено сейчас.

38. Далее, будет предоставлен проход через все территории и гарантирована безопасность лично королю и его армии, которую он направит в Неаполитанское королевство, при условии, что её численность не превышает одновременно 400 конных рыцарей и 4000 пехотинцев.

39. Далее, король обязуется не оказывать поддержку герцогу Орлеанскому в борьбе против герцога Миланского и его земель при условии, что герцог Миланский выполнит всё оговорённое в данном соглашении.

40. Далее, в счёт расходов, которые принесла королю эта войны, герцог Миланский освободит короля от выплаты ему долга в сумме 80 тысяч дукатов и вернёт долговые обязательства его камергеров и некоторые иные, имеющиеся у него, за вычетом указанных 80 тысяч дукатов.

41. Далее, также герцог Миланский выплатит герцогу Орлеанскому в течение 18 месяцев 50 тысяч дукатов следующим образом: выплата производится тремя частями, одна часть выплачивается каждые 6 месяцев, герцог обязуется перед королём произвести первую выплату в первый день ближайшего апреля месяца.

42. Далее, герцог Миланский должен предоставить королю в этом году две, а в следующем – три большие каракки, оснащённые и вооружённые за счёт средств герцога.

43. Далее, когда король и герцог встретятся для переговоров, король обязуется принять решение в интересах герцога касательно княжества Таранто.

44. Далее, герцог не может заявлять право на обладание, суверенитет либо какие-то иные права на графство Асти и примыкающие и зависимые от него земли, коими являются маркграфство Сиена. Также он не имеет прав на присоединение, конфедерацию, протекцию или создание лиги с подданными, вассалами или маркизами указанных земель.

45. Далее, всякий раз, как король решит совершить поход в Неаполитанское королевство, герцог должен лично его сопровождать на море или на суше, направлять ему в помощь армию.

46. Далее, если венецианцы через 2 месяца не примут этот мир, не утвердят все три статьи [договора] и будут воевать против короля в Неаполитанском королевстве на стороне Ферранте или кого-либо иного, кто заявит права на данное королевство, в этом случае герцог Миланский, независимо от того, кто будет помогать венецианцам в борьбе против короля прямо или косвенно, должен объявить им войну и помочь королю в защите Неаполитанского королевства от венецианцев. Герцог Миланский также обязуется пропустить короля и его армию через свои владения, оказать военную поддержку на оговорённых землях или на землях, захваченных венецианцами в Неаполитанском королевстве. Данная помощь будет включать 500 конных рыцарей и любое содействие, которое герцог обязался предоставить в минувшем году.

Настоящий договор с герцогом Миланским заключают синьоры де Жье, маршал Франции; шевалье Филипп де Коммин, сеньор д'Аржентон; Рауль де Ланнуа, также шевалье, советник и камергер короля; мэтр Жан де Ганэ, президент в суде Парижского парламента, хранитель печати; шевалье Риго д'Орей, гофмейстер двора короля, бальи – послы христианнейшего короля.

10 октября 1495 года.

Заверено подписью, Карл и Дамон¹.

¹ Текст: [60, р. 331–333]. Перевод с французского: М. А. Савко, Д. В. Мазарчук.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ИТИНЕРАРИЙ КАРЛА VIII¹

Дата	Место пребывания ²	Примечания
23–28.08.1494	Гренобль	
02.09	Пересечение перевала Монженевр (Монджиневро)	Вступление французской армии в Италию
05–06.09	Турин	
06–09.09	Къери	
09.09	Вилланова-д’Асти	
09.09–06.10	Асти	Первая встреча короля с Лодовико «Моро» Сфорца
06.10	Обед на мельнице	
06.10	Монкальво	Приём короля вдовствующей маркизой Монферратской
07–10.10	Казале-Монферрато	
10.10	Коццо	
10.10	Мортара	
11–12.10	Виджевано	Приём короля Лодовико «Моро» и Беатрисой д’Эсте
13.10	Сфорцеска	Посещение королём поместья «Моро»
14–17.10	Павия	Встреча короля с герцогом Миланским Джаном Галеаццо Сфорца
17.10	Кастель-Сан-Джованни	
18.10	Сан-Рокко-аль-Порто (Rouquesse, Rouqueste)*	
18–23.10	Пьяченца	Известие о смерти Джана Галеаццо Сфорца
23.10	Фьоренцуола-д’Арда	
24.10	Борго-Сан-Доннино (современная Фиденца)	
25.10	Форново-ди-Таро	
26.10	Борго-Валь-ди-Таро	
27.10	Братто (Beers, Bellée)*	

¹ Составлено Д. В. Мазарчуком по данным: [18; 99; 184].

² Топонимы приведены в современных вариантах написания за исключением специально оговорённых. В круглых скобках со звёздочкой указаны французские названия тех мест, точная идентификация которых остаётся сомнительной.

Продолжение табл.

Дата	Место пребывания	Примечания
28–30.10	Понтремоли	Переговоры короля с Пьеро де Медичи
31.10	Аулла	
31.10–06.11	Сарцана	Последняя встреча короля с Лодовико «Моро» Сфорца
06–07.11	Масса	
07.11	Пьетрасанта	
08–09.11	Лукка	Приезд кардинала Пикколомини
09.11	(Primat)*	
09–10.11	Пиза	
10.11	Понтедера	
10–11.11	Эмполи	
11–16.11	Синья	
17.11	Прато (крупный город возле Флоренции)*	
17–29.11	Флоренция	Издание манифеста о целях похода (22.11); договор с Флоренцией (25.11)
29–30.11	Сан-Кашано	
01.12	Поджибонси	
02.12	Аббадия-а-Исола (аббатство Ауге)*	
02–04.12	Сиена	Встреча короля с кардиналом Пикколомини
04.12	Буонконвенто	
04.12	Сан-Квирико-д'Орча	
05.12	Монтальчино (Monte Aquila)*	
06.12	Сан-Квирико-д'Орча	
06.12	Радикофани (Ricoure, Ritouro)*	
06.12	Валь-ди-Палья	
07–09.12	Аквапенденте	
10.12	Монтефьясконе	
10–15.12	Витербо	
15.12	Рончильоне	
15–19.12	Непи	
19–31.12	Браччано	
31.12.1494– 27.01.1495	Рим	Соглашение короля с папой (15.01); встреча короля с Александром VI (16.01)
28.01	(Marigni)*	
29.01	Марино	
29.01–02.02	Веллетри	Бегство Чезаре Борджа из французской армии (30.01)
03.02	Вальмонтоне	
04.02	Монастырь Сант-Антонио-Абате (La Batine, La Tour)*	
04–06.02	Ферентино	

Продолжение табл.

Дата	Место пребывания	Примечания
06–11.02	Вероли	
12.02	Чепрано	
13.12	Аквино	
13–15.02	Сан-Джермано	
15.12	Миньяно-Монте-Лунго	
16.02	Чаянелло-Веккьо (Notre Dame di Corregio)*	
16.02	Теано	
17.02	(Couy, Carcy)*	
18–19.02	Капуя	
19–20.02	Аверса	
21.02	Поджореале	Отречение Альфонсо II
22.02–20.05	Неаполь	«Милость и статьи для города и общности Неаполя» (05.03); Создание Священной лиги (31.03); торжественное вступление короля в Неаполь (12.05)
20–21.05	Аверса	
21–22.05	Капуя	
22.05	Сесса-Аурунка	
22–23.05	Кассино	
23.05	Сан-Джермано	
23.05	Гаэта	
24.05	Сан-Джермано	
25.05	Понтекорво	
26.05	Чепрано	
27.05	Фросиноне или Ферентино	
28.05	(Luague)*	
29.05	Вальмонтоне	
30–31.05	Марино	
01–03.06	Рим	
03.06	Исола-Фарнезе	
03.06	Кампаньяно-ди-Рома	
04.06	Сутри	
05.06	Рончильоне	
05–08.06	Витербо	
08.06	Монтефьясконе	
09–10.06	Аквапенденте	
11.06	Валь-ди-Палья	
12.06	Радикофани (Ricolle)*	
12.06	Сан-Квирико-д'Орча	
13.06	(Pont Saval)*	
13–17.06	Сиена	
17–18.06	Поджибонси	
18.06	Кастельфьорентино	

Окончание табл.

Дата	Место пребывания	Примечания
19.06	(Campane, Campana)*	
20.06	Кашина	
20–23.06	Пиза	
23.06	(Pommart)*	
23–24.06	Лукка	
25–26.06	Пьетрасанта	
26.06	Авенца	
26–27.06	Сарцана	Военный совет французской армии (27.06)
28.06	Аулла (La Boulle)*	
28.06	Виллафранка-ин-Луниджана	
29.06–02.07	Понтремоли	
02–03.07	Версола	
03–04.07	Кассио	
04–05.07	Теренцо	
05–06.07	Форново-ди-Таро	Сражение с армией Священной лиги (06.07)
07.07	Ночёвка в лагере у Медезано	
08.07	Медезано	
08–09.07	Фьоренцуола-д'Арда	
10.07	Кастель-Сан-Джованни	
11.07	Тортон	
12.07	Нови-Лигуре	
12–13.07	Каприата-д'Орба	
14–15.07	Ницца-Монферрато	
15–27.07	Асти	
27–30.07	Кьери	
31.07–12.10	Турин и окрестности	Подписание мира в Верчелли (10.10)
12–30.10	Верчелли	
05.11	Асти	
06–11.11	Верчелли	
11–22.11	Турин и окрестности	
22–23.11	Суза	
23.11	Пересечение перевала Монженевр (Мондженевро)	
23–24.11	Бриансон	
С 28.11	Гренобль	

ИЛЛЮСТРАЦИИ. КАРТЫ

Иллюстрации

Карл VIII Валуа

Бронза, автор – неизвестный скульптор из круга Антонио дель Поллайоло, около 1495 г. Фотография экземпляра из замка Лош, Франция.

Источник: <https://daysontheclaise.blogspot.com>.

Кенотаф Лодовико «Моро» Сфорца и его супруги Беатриче д'Эсте

Беатриче умерла в 1497 г. в возрасте 21 года и была похоронена в церкви Санта-Мария-делле-Грации в Милане. По приказанию «Моро» для него и супруги изготовили мраморный саркофаг, который после смерти и захоронения герцога во Франции был разобран. Крышка от саркофага была перенесена в монастырь Чертоза-ди-Павия. Мрамор, автор – Кристофоро Солари, между 1497 и 1499 гг. Чертоза-ди-Павия, Италия.

Источник: <https://www.italianways.com>.

Папа Александр VI

Деталь фрески «Воскресение Христово» из росписей Апартаментов Борджа, Ватикан. Автор – Бернардино Пинтуриккьо или его ученики, около 1494 г.

Источник: <https://en.wikipedia.org>.

Франческо Гонзага

Медаль отлита в честь победы войск Священной лиги в сражении при Форново. Аверс – изображение Франческо Гонзага, перевод надписи: «Франческо Гонзага, маркиз Мантуанский и командующий венецианской армией». Реверс – маркиз верхом на лошади в окружении всадников и пехотинцев, перевод надписи: «За возвращение свободы Италии».

Бронза, автор – Сперандио Мантуанский, 1495 г. Диаметр – 95 мм.

Источник: <https://www.coingallery.de>.

Рыцарский турнир

Деталь синопии Антонио Пизанелло, часть незаконченного цикла росписей мантуанского дворцового комплекса, 1446–1447 гг. После крушения перекрытия во дворце в конце XV в. росписи оказались заброшенными и были отреставрированы только к 1972 г.

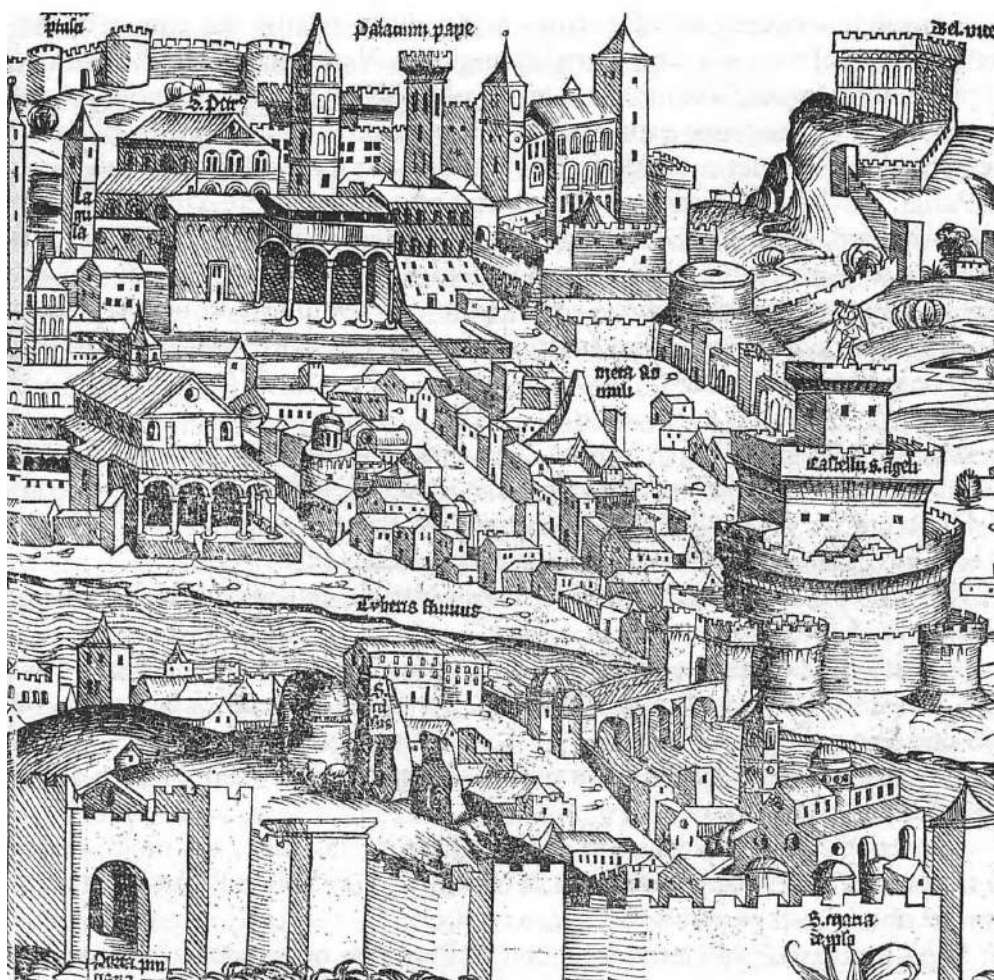
Автор фотографии – Д. В. Мазарчук.

Вступление Карла VIII в Неаполь

В верхней половине изображён французский король верхом на маленьком муле; следом за ним, предположительно, едут Жильбер де Монпансье и Пьер де Роан, маршал Жье. В нижней половине изображены французские и неаполитанские бароны. Миниатюра из неаполитанской иллюстрированной хроники Мелькиорре Феррайоло, выполненная самим хронистом, около 1498 г.

Источник: *Biancardi S. La chimera di Carlo VIII (1492–1495). Novara, 2009. P. XX.*

Центральная часть Рима

Крепость справа в центре – Замок Св. Ангела, строение вверх – папский дворец в Ватикане, слева от него – собор Св. Петра. Ксилография из трактата Гартмана Шеделя «Книга хроник», 1493 г.

Источник: *Biancardi S. La chimera di Carlo VIII (1492–1495). Novara, 2009. P. 124.*

Замок Кастель-Нуово в Неаполе

Один из ключевых элементов линии фортификаций Неаполя конца XV в.
Замок сдался французской армии после артиллерийского обстрела.

Автор фотографии – А. В. Козленко.

Кавалерист в рыцарском доспехе

Музей оружия в Брешии, сделано в Италии или Германии, первая половина XVI в.

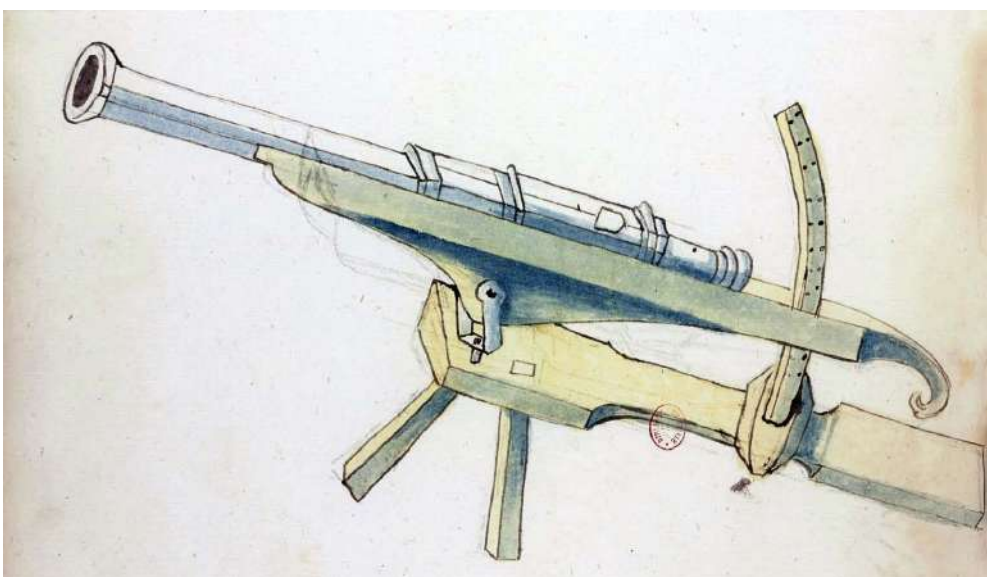
Автор фотографии – Д. В. Мазарчук.

Чинкведея

Коротко-клинковое оружие с лезвием в самой широкой части размером с развёрнутую ладонь (cinquedeia – «божественная пятерня»). Музей оружия в Брешии, Италия, начало XVI в.

Автор фотографии – Д. В. Мазарчук.

Большая сарбатана

Ручное огнестрельное оружие, использовавшееся защитниками неаполитанского замка Кастель-Нуово (описано в инвентаре артиллерии замка 1499 г.).

Миниатюра из «Книги вооружений» (Libro degli armamenti), прославляющей интерес Ферранте I Арагонского к техническим новациям. Художник Джозуе Кантельмо, 1474 г.

Источник: *Ansani F. Imitazione, adattamento, appropriazione. Tecnologia e tattica delle artiglierie "minute" nell'Italia del Quattrocento // Nuova Antologia Militare. 2021. Т. 2, № 5. Р. 337.*

Два французских орудия

Орудие с длинным стволом – кулеврина, с более коротким – пушка.
Миниатюра из рукописи хроники Мелькиорре Феррайоло, около 1498 г.

Источник: *Ansani F.* Imitazione, adattamento, appropriazione. Tecnologia e tattica delle artiglierie “minute” nell’Italia del Quattrocento // *Nuova Antologia Militare*. 2021. T. 2, № 5. P. 354.

Карты¹

Политическая карта Италии в конце XV в.

¹ Автор С. Н. Темушев.

Итальянский поход Карла VIII (август 1494 – февраль 1495 г.)

Военные действия в Италии после создания Священной лиги и возвращение Карла VIII во Францию (1495 г.)

Военные события в Неаполитанском королевстве (1495 г.)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Abulafia, D. Ferrante of Naples the statecraft of a renaissance prince / D. Abulafia // *History Today*. – 1995. – Vol. 45, № 2. – P. 19–20.
2. Abulafia, D. Introduction: from Ferrante I to Charles VIII / D. Abulafia // *French descent into Renaissance Italy, 1494–95: antecedents and effects* / ed. D. Abulafia. – Aldershot, 1995. – P. 1–25.
3. Abulafia, D. The crown and the economy under Ferrante I of Naples (1458–94) / D. Abulafia // *City and countryside in late medieval and Renaissance Italy : essays* / P. Jones : ed.: D. Trevor, W. Chris. – London, 1990. – P. 125–146.
- 3a. Ady, C. M. A history of Milan under the Sforza / C. M. Ady. – London : Methuen & Co, 1907. – 408 p.
- 3b. Ady, C. M. The Bentivoglio of Bologna: a study in despotism / C. M. Ady. – Oxford : Oxford Univ. Press, H. Milford, 1937. – 214 p.
4. Allegretti, A. Ephemerides senenses ab anno MCCCCL usque ad annum MCCCCXCVI italicō sermone scriptae / A. Allegretti // *Rerum Italicarum Scriptores*. – Mediolanum, 1733. – Vol. 23. – P. 763–860.
5. Ammirato, S. *Istorie Fiorentine* : [in 8 vol.] / S. Ammirato. – Firenze : Per V. Batelli e C., 1849. – Vol. 5, pt. 2. – 531 p.
6. Anderson, M. S. The rise of modern diplomacy, 1450–1919 / M. S. Anderson. – Harlow : Longman, 1993. – 320 p.
7. *Annales ecclesiastici denuo et accurate excusi* / ed. C. Baronio. – London : Forgotten Books, 2019. – Vol. 29 : 1454–1480. – 642 p. – (Classic Reprint).
8. Ansani, F. This french artillery is very good and very effective: hypotheses on the diffusion of a new military technology in Renaissance Italy / F. Ansani // *J. of Military History*. – 2019. – Vol. 83, № 2. – P. 347–378.
9. Atlas, A. W. Music at the aragonese court of naples / A. W. Atlas. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1985. – 260 p.
10. Baluze, S. *Miscellanea novo ordine digesta et non paucis ineditis monumentis opportunisque animadversionibus aucta opera at studio Johannis Dominici Mansi lucensis* : in 4 vol. / S. Baluze. – Lucae : V. Juntinium, 1761. – Vol. 1 : Monumenta historica tum sacra tum profana. – 621 p.
11. Beccadelli, A. De dictis et factis alphonsi regis aragonum et neapolis libri quatuor Antonii Panormitae. Cum respondentibus principum illius aetatis, germanicorum potissime, dictis et factis similibus, ab Aenea Sylvio collectis et scoliis Iacobi Spiegelii, quibus chronologia vitae Alphonsi et Ludovici XII Galliae regis, et Caroli V imperatoris aliorumque apophthegmata et aliae annotationes historicae recens accesserunt / A. Beccadelli. – Rostii [Rostock] : typis Myliandrinis, 1589. – 188 p.
12. Behrens, B. Origins of the office of english resident ambassador in Rome / B. Behrens // *Engl. Hist. Rev.* – 1934. – Vol. 49, № 196. – P. 640–656.
13. Bembo, P. History of Venice : in 4 vol. / P. Bembo / ed.: R. W. Ulery. – Cambridge, Ma. : Harvard Univ. Press, 2007. – Vol. 1. – 384 p.
14. Benedetti, A. *Diaria de Bello Carolino* (diary of the Caroline war) / A. Benedetti ; ed. M. Schullian. – New York : Fr. Ungar Publ. Co., 1967. – 276 p.

15. Bentley, J. H. *Politics and culture in renaissance Naples* / J. H. Bentley. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1987. – 342 p.
16. Bernardi, A. *Cronache forlivesi dal 1476 al 1517* : in 3 vol. / A. Bernardi ; a cura di G. Mazzatinti. – Bologna : Presso la R. Deputazione di storia patria, 1896. – Vol. 1. – 322 p.
17. Beverley, T. *Venetian ambassadors 1454–94: an italian elite* : PhD thesis / T. Beverley. – Warwick, 1999. – IX+466 p.
18. Biancardi, S. *La chimera di Carlo VIII (1492–1495)* / S. Biancardi. – Novara : Interlinea, 2009. – 821 p.
19. Black, J. *Absolutism in Renaissance Milan: plenitude of power under Visconti and Sforza, 1329–1535* / J. Black. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2009. – 300 p.
20. Black, J. *History of diplomacy* / J. Black. – London : Reaktion Books, 2010. – 312 p.
21. Blanchard, J. *Philippe de Commines* / J. Blanchard. – Paris : Fayard, 2006. – 592 p.
22. Boislisle, A. A. G. M. de. *Notice biographique et historique sur Etienne de Vesc, sénéchal de Beaucaire: pour servir à l'histoire des expéditions d'Italie* / A. A. G. M. de Boislisle. – Paris : [s. n.], 1884. – 324 p.
23. Bowd, S. D. *Renaissance Mass Murder: civilians and soldiers during the Italian wars* / S. D. Bowd. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2018. – 304 p.
24. Breisach, E. *Caterina Sforza: a Renaissance Virago* / E. Breisach. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1967. – 375 p.
25. Bridge, J. S. C. *A history of France from the death of Louis XI* : [in 5 vol.] / J. S. C. Bridge. – Oxford : Clarendon Press, 1924. – Vol. 2 : *Reign of Charles VIII, 1493–1498*. – 356 p.
26. Brown, A. *Bartolomeo Scala, 1430–1497, chancellor of Florence: the humanist as bureaucrat* / A. Brown. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1979. – 366 p.
27. Brown, A. *Lorenzo and Public Opinion in Florence: The Problem of Opposition* / A. Brown // *Lorenzo il Magnifico e il suo mondo: Convegno internazionale di studi (Firenze, 9–13 giugno 1992)* / ed. G. C. Garfagnini. – Florence : Olschki, 1994. – P. 61–85.
28. Brown, A. *Lorenzo de' Medici's new men and their mores: the changing lifestyle of quattrocento Florence* / A. Brown // *Renaissance Studies*. – 2002. – Vol. 16. – P. 113–142.
29. Brown, A. *Medicean and Savonarolan Florence: the interplay of politics, humanism and religion* / A. Brown. – Turnhout : Brepols, 2011. – XXVIII, 326 p.
30. Brown, A. *Medici in Florence: the exercise and language of power* / A. Brown. – Florence : L. S. Olschki, 1992. – XIII, 356 p. – (The University of Western Australia Italian Medieval and Renaissance Studies ; 3).
31. Brown, A. *The revolution of 1494 in Florence and its aftermath: a reassessment* / A. Brown // *Italy in Crisis, 1494* / ed.: J. Everson, D. Zancani. – Cambridge, 2000. – P. 13–40.
32. Brown, C. J. *Shaping of history and poetry in late medieval France: propaganda and artistic expression in the works of the rhétoriciens* / C. J. Brown. – Birmingham : Summa Publ., Inc, 1985. – 196 p.
33. Bullard, M. *Lorenzo and patterns of diplomatic discourse in the late fifteenth century* / M. Bullard // *Lorenzo the Magnificent: culture and politics* / ed.: M. Mallett, N. Mann. – London, 1996. – P. 263–274.
34. Bullard, M. M. *Lorenzo il Magnifico: image and anxiety, politics and finance* / M. M. Bullard. – Florence : L. S. Olschki, 1994. – 245 p. – (Istituto Nazionale di Studi sul Rinascimento, Studi e Testi ; 34).
35. Bullard, M. M. *The Magnificent Lorenzo de' Medici: between myth and history* / M. M. Bullard // *Politics and culture in early Modern Europe: essays in honor of H. G. Koenigsberger* / ed.: Ph. Mack, M. C. Jacob. – Cambridge, 1987. – P. 25–58.
36. Burchardus, J. *Diarium sive rerum urbanarum commentarii (1483–1506)* : [in 3 vol.] / J. Burchardus ; ed. L. Tuasne. – Paris : E. Leroux, 1884. – Vol. 2. – 728 p.
37. Burchardus, J. *Liber notarum ab anno MCCCCLXXXIII usque ad annum MCVI* / J. Burchardus ; a cura di E. Celani. – Città di Castello : S. Lapi, 1906. – Vol. 1. – 663 p.
38. *Calendar of state papers and manuscripts, existing in the archives and collections of Milan, 1385–1618* / Great Britain. Public Record Office ; ed. A. B. Hinds. – Milan : His Majesty's Stationery Office, 1912. – IX, 758 p.

39. Calvi, F. Bianca-Maria Sforza-Visconti regina dei romani Imperatrice germanica e gli ambasciatori di Lodovico il Moro alla corte Cesarea secondo nuovi documenti / F. Calvi. – Milano : [s. n.], 1888. – 190 p.
40. Cappello, P. Sommario della relazione di Roma (28 settembre 1500) / P. Cappello // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato / a cura di E. Albèri. – Firenze, 1846. – Ser. 2, vol. 3. – P. 3–14.
41. Carteggio inedito d'artisti dei secoli XIV, XV, XVI : pubbl. ed ill. con doc. : in 3 vol. / J. W. Gaye. – Firenze : Presso G. Molini, 1839. – Vol. 1 : 1326–1500. – 596 p.
42. Cartwright Ady, J. Beatrice d'Este, Duchess of Milan, 1475–1497: A Study of the Renaissance / J. Cartwright Ady. – London : J. M. Dent and Sons, 1920. – 387 p.
43. Cartwright Ady, J. Isabella d'Este, Marchioness of Mantua, 1474–1539: A Study of the Renaissance / J. Cartwright Ady. – London : John Murray, 1903. – Vol. 1. – 392 p.
44. Catalano, F. Il Ducato di Milano nella politica dell'equilibrio / F. Catalano // Storia di Milano. – Milano, 1956. – Vol. 7 : L'Età sforzesca, 1450–1500. – P. 227–419.
45. Cerretani, B. Storia fiorentina / B. Cerretani ; a cura di G. Berti. – Firenze : Leo S. Olschki, 1994. – 498 p. – (Istituto Nazionale di Studi sul Rinascimento. Studi e Testi ; 31).
46. Chambers, D. S. Popes, cardinals and war: the military church in Renaissance and early Modern Europe / D. S. Chambers. – London : I. B. Tauris & Co. Ltd, 2006. – 257 p.
47. Cherrier, C. de. Histoire de Charles VIII: roi de France: d'après des documents diplomatiques inédits ou nouvellement publiés : [in 2 vol.] / C. de Cherrier. – Paris : Didier et cie, 1868. – Vol. 1. – VIII, 500 p.
48. Cherrier, C. de. Histoire de Charles VIII: roi de France: d'après des documents diplomatiques inédits ou nouvellement publiés : [in 2 vol.] / C. de Cherrier. – Paris : Didier et Cie, 1868. – Vol. 2. – 502 p.
49. Chojnacki, S. Marriage legislation and patrician society in fifteenth-century Venice / S. Chojnacki // Law, custom and the social fabric in medieval Europe: essays in honor of Bryce Lyon / Western Michigan Univ. ; ed.: B. S. Bachrach, D. M. Nicholas. – Michigan, 1990. – P. 163–184.
50. Cicogna, E. A. Saggio di bibliografia veneziana / E. A. Cicogna. – Venezia : Merlo, 1847. – 942 p.
51. Clough, C. H. The Romagna campaign of 1494: a significant military encounter / C. H. Clough // The french descent into renaissance Italy 1494–1495: antecedents and effects / ed. by D. Abulafia. – Aldershot, 1995. – P. 191–215.
52. Cochrane, E. W. Historians and historiography in the Italian renaissance / E. W. Cochrane. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1981. – 670 p.
53. Commynes, Ph. de. Lettres / Ph. de Commynes ; ed. J. Blanchard. – Genève : Droz, 2001. – 331 p.
54. Commynes, Ph. de. Lettres et négociations : publ. avec un comment. historique et biogr. : [in 3 vol.] / Ph. de Commynes. – Bruxelles : V. Devaux et Cie, 1868. – Vol. 2. – 311 p.
55. Conclave of August 26–29, 1484 (Innocent VIII) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://cardinals.fiu.edu/conclave-xv.htm#1484>. – Date of access: 17.09.2021.
56. Contarini, Z. Relazione di Francia (1492) / Z. Contarini // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto / ed. E. Albèri. – Firenze, 1860. – Ser. 1, vol. 4. – P. 1–26.
57. Convenzione della Repubblica Fiorentina con Carlo VIII, 25.11.1494 // Archivio Storico Italiano. – 1842. – Vol. 1. – P. 348–375.
58. Córdova Miralles, A. F. de. Alejandro VI y los reyes católicos: relaciones político-eclesiásticas (1492–1503) : diss. : ser. Theologica, 16 / A. F. de Córdova Miralles. – Rome, 2005. – 840 p.
59. Corio, B. Storia di Milano : [in 2 vol.] / B. Corio ; a cura di A. M. Guerra. – Torino : Unione tip.-ed. torinese, 1978. – Vol. 2. – 1636 p.
60. Corps universel diplomatique du droit des gens: contenant un recueil des traitez d'alliance, de paix, de treve, de neutralite, de commerce, d'échange : [in 8 vol.] / ed. J. Dumont. – Amsterdam : P. Brunel [autre] ; La Haye : P. Husson et C. Levier, 1726. – Vol. 3, pt. 2. – 455 p.
61. Corrispondenza degli ambasciatori fiorentini a Napoli : [in 2 vol.] / a cura di E. Scarton. – Salerno : Carlone, 2005. – Vol. 1 : Corrispondenza dell'ambasciatori Giovanni Lanfredini (aprile 1484 – maggio 1485). – XLIV, 724 p. – (Italian Institute for Philosophical Studies. Sources for the history of Aragonese Naples ; second series ; 1).
62. Corrispondenza degli ambasciatori fiorentini a Napoli : [in 2 vol.] / a cura di E. Scarton. – Salerno : Carlone, 2002. – Vol. 2 : Corrispondenza dell'ambasciatore Giovanni Lanfredini, 1485–1486. – XCVI, 813 p. – (Istituto italiano per gli studi filosofici. Fonti per la storia di Napoli aragonese ; serie seconda ; 2).

63. Cox, O. C. The foundations of capitalism / O. C. Cox. – New York : Philos. libr., Cop. 1959. – 512 p.
64. Cronache forlivesi di Leone Cobelli dalla fondazione della città sino all'anno 1498 / a cura di G. Carducci, E. Frati. – Bologna : Regia tip., 1874. – XXVII, 533 p.
65. Crouzet-Pavan, E. Venice triumphant: the horizons of a myth / E. Crouzet-Pavan ; transl. by L. G. Cochrane. – Baltimore ; London : Johns Hopkins Univ. Press, 2002. – XXI, 386 c.
66. Cutolo, A. Nuovi documenti francesi sulla impresa di Carlo VIII / A. Cutolo // Archivio storico per le provincie Napoletane. – 1938. – Vol. 63. – P. 183–257.
67. D'Atri, J. Croniche del marchese di Mantova / J. D'Atri // Archivio Storico Lombardo. – 1879. – Vol. 6. – P. 38–68, 333–356, 500–513.
68. Degert, A. Louis XI et ses ambassadeurs / A. Degert // Rev. Hist. – 1927. – Vol. 154. – P. 1–19.
69. Del Prato, A. Contributo alla storia della battaglia di Fornovo / A. Del Prato // Archivio storico per le provincie Parmensi. – 1905. – Vol. 5. – P. 229–251.
70. Delaborde, H.-F. L'expédition de Charles VIII en Italie: histoire diplomatique et militaire / H.-F. Delaborde. – Paris : Libr. de Firmin-Didot et Co., 1888. – 699 p.
71. Di Benedetto, F. Un breve di Sisto IV contro Lorenzo / F. Di Benedetto // Archivio Storico Italiano. – 1992. – Vol. 150. – P. 371–384.
72. Diarium ferrariense ab anno MCCCCIX usque ad MDII a non uno auctore synchro italic scriptum et continuatum // Rerum Italicarum Scriptores / coll. L. A. Muratori. – Mediolanum, 1738. – Ser. 1, vol. 24. – P. 173–408.
73. Dina, A. Ludovico Sforza detto il Moro e Giovan Galeazzo Sforza nel canzoniere di Bernardo Bellincone / A. Dina // Archivio Storico Lombardo. Ser. 2. – 1884. – Vol. 1. – P. 727.
74. Dover, P. M. Royal diplomacy in Renaissance Italy: Ferrante d'Aragona (1458–1494) and his ambassadors / P. M. Dover // Mediterranean Studies. – 2005. – Vol. 14, № 1. – P. 57–94.
75. Dufournet, J. Commynes, l'Italie et la ligue anti-française / J. Dufournet // Italie 1494 : études / ed. A. Ch. Fiorato. – Paris, 1994. – P. 95–120.
76. Durrieu, P. Le Royaume d'Adria / P. Durrieu // Rev. des Questions Historiques. – 1880. – Vol. 28. – P. 43–78.
77. Election of Pope Alexander VI (1492) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://cardinals.fiu.edu/election-alexandervi.htm>. – Date of access: 17.09.2021.
78. The election of Pope Innocent VIII (1484) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://cardinals.fiu.edu/election-innocentviii.htm>. – Date of access: 17.09.2021.
79. Ferente, S. Guelphs! Factions, Liberty and Sovereignty: Inquiries about the Quattrocento / S. Ferente // History of Political Thought. – 2007. – Vol. 28, iss. 4. – P. 571–598.
80. Ferraiolo, M. Cronaca / F. Ferraiolo ; a cura di R. Coluccia. – Firenze : Accad. della crusca, 1987. – LXIX, 249 p.
81. Filangieri, R. Castel nuovo, reggia angioina ed aragonese di Napoli / R. Filangieri. – Napoli : Editrice Politecn., 1934. – 321 p.
82. Fink, K. A. The Popes of the high renaissance / K. A. Fink // History of the Church / ed.: H. Jedin, J. Dolan. – London, 1970. – Vol. 4 : From the high middle ages to the eve of reformation / H.-G. Beck [et al.]. – P. 543–561.
83. Fletcher, C. Diplomacy in renaissance Rome: the rise of the resident ambassador / C. Fletcher. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2015. – 202 p.
84. Foedera, conventiones, literae, et cujuscunque generis acta publica, inter reges Angliae, et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates ... : [in 14 vol.] / ed. T. Rymer. – 3rd ed. – Hagae : Apud Neaulme, 1741. – Vol. 5. – 472 p.
85. Formentini, M. Il Ducato di Milano: studi storici documentati / M. Formentini. – Milano : Libreria Editrice G. Brigola, 1877. – 749 p.
86. Fournel, J.-L. Narrating the Italian wars (1494–1540): contamination, models, and knowledge / J.-L. Fournel // Annali dell'Istituto storico italo-germanico in Trento. – Bologna ; Berlin, 2013. – Contributi 28 : Narrating war: early modern and contemporary perspectives / ed.: M. Mondini, M. Rospoche. – P. 45–61.
87. Frede, C. de. L'impresa di Napoli di Carlo VIII: commento ai primi due libri della storia d'Italia del Guicciardini / C. de Frede. – Napoli : De Simone, 1982. – 455 p.

88. Frede, C. de. La bruttezza e l'incultura di Carlo VIII nella rappresentazione degli italiani del Rinascimento / C. de Frede // *Bibl. d'Humanisme et Renaissance*. – 1982. – Vol. 44, № 3. – P. 581–582.
89. Frede, C. de. Alfonso II d'Aragona e la difesa del regno di Napoli nel 1494 / C. de Frede // *Archivio storico per le province Napoletane*. – 1981. – Vol. 99. – P. 193–220.
90. Frizzi, A. Memorie per la storia di Ferrara : [in 5 vol.] / A. Frizzi. – 2o ed. – Ferrara : A. Forni ed., 1848. – Vol. 4. – 528 p.
91. Fueter, E. Storia del sistema degli stati europei dal 1492 al 1559 / E. Fueter. – Firenze : Firenze La Nuova Italia, 1969. – XX, 514 p.
92. Galasso, G. Storia del Regno di Napoli : [in 3 vol.] / G. Galasso. – Torino : UTET, 1992. – Vol. 1 : Il mezzogiorno angioino e aragonese (1266–1494). – 919 p. – (Storia d'Italia / dir. da G. Galasso ; vol. 15).
93. Gentile, M. L. Pisa, Firenze e Carlo VIII / M. L. Gentile. – Pisa : Lischi, 1934. – 133 p.
94. Georgelin, J. Venise au siècle des Lumières / J. Georgelin. – Paris : Mouton, 1978. – 1225 p. – (École des hautes études en sciences sociales, Centre de recherches historiques. Civilisations et sociétés ; № 41).
95. Gherardi, G. Il diario romano / G. Gherardi // *Rerum Italicarum Scriptorum* / a cura di E. Carusi. – Città di Castello, 1904. – Vol. 23, pt. 3. – P. 1–137.
96. Gilli, P. La fonction d'ambassadeurs dans les traités juridiques italiens du XVe siècle: l'impossible représentation / P. Gilli // *Mélanges de l'école française de Rome*. – 2009. – Vol. 121, № 1. – P. 173–187.
97. Gilpin, R. War and change in world politics / R. Gilpin. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1981. – 272 p.
98. Giovio, P. Delle istorie del suo tempo / P. Giovio. – Venezia : per Francesco Rocca, 1565. – 548 p.
99. Godefroy, Th. Histoire de Charles VIII, roy de France, par Guillaume de Jaligny, André de la Vigne et autres Historiens de ce temps-là / Th. Godefroy. – Paris : De L'Imprimerie Royale, 1684. – 759 p.
100. Gratie et capituli per la città et università de Napoli // *Diurnali di Giacomo Gallo e tre scritture pubbliche dell'anno 1495* / G. Gallo. – Napoli, 1846. – P. 42–49.
101. Guazzo, M. Historie di M. Marco Guazzo ove se contengono la venuta et partita d'Italia, di Carlo VIII Re di Franza / M. Guazzo. – Venezia : All'insegna di S. Bernardino, 1547. – 239 p.
102. Guicciardini, F. Storia d'Italia / F. Guicciardini. – Torino : Einaudi, 1971. – 1960 p.
103. Guicciardini, F. Storia fiorentina / F. Guicciardini. – Firenze : B. Biancini e Comp., 1859. – 405 p.
104. Guicciardini, F. Storie fiorentine dal 1378 al 1509 / F. Guicciardini ; a cura di R. Palmarocchi. – Bari : Guis. Laterza & Figli, 1931. – 441 p. – (Scrittori d'Italia ; № 134).
105. Guyonnaud, J.-P. Le chevalier Bayard héros national suivis d'un petit dictionnaire des personnages les plus importants de l'époque (1476–1524) / J.-P. Guyonnaud. – Paris : Clavreuil, 1990. – 279 p.
106. Hale, J. R. Introduction / J. R. Hale // *History of Italy and history of Florence* / F. Guicciardini. – London, 1966. – P. VII–LII.
107. Hall, B. S. Weapons and warfare in renaissance Europe: gunpowder, technology, and tactics / B. S. Hall. – Baltimore ; London : J. Hopkins Univ. Press, 1997. – XVI, 300 p. – (Johns Hopkins studies in the history of technology ; 22).
108. Hauser, H. Les sources de l'histoire de France, XVIe siècle (1494–1610) : in 4 vol. / H. L. Hauser. – Paris : A. Picard et fils, 1906. – Vol. 1 : Les premières guerres d'Italie: Charles VIII et Louis XII (1494–1515). – XX, 197, [2] c. – (Les sources de l'histoire de France depuis les origines jusqu'en 1815 / éd. par A. Molinier [et aut.] ; pt. 2).
109. Herbst, E. Zug Karl's VIII Nach Italien und Urteil der Italienischen Zeitgenossen / E. Herbst. – Berlin ; Leipzig : W. Rothschild, 1911. – 48 S. – (Abhandlungen zur Mittleren und Neueren Geschichte / Hrsg. von G. v. Below, H. Finke, F. Meinecke ; Hft. 28).
110. Il Memoriale di Paolo dello Mastro // *Rerum Italicarum Scriptorum* / L. A. Muratori ; a cura di F. Isoldi. – Città di Castello, 1912. – Vol. 24, pt. 2. – P. 85–100.
111. Ilardi, V. The Italian league, Francesco Sforza and Charles VII (1454–1461) / V. Ilardi // *Studies in Renaissance*. – 1959. – Vol. 6. – P. 129–166.
112. Ilardi, V. Towards the Tragedia d'Italia: Ferrante and Galeazzo Maria Sforza, friendly enemies and hostile allies / V. Ilardi // *The French descent into renaissance Italy, 1494–95: antecedents and effects* / ed. D. Abulafia. – Aldershot, 1995. – P. 91–122.

113. Īnalcik, H. A Case study in renaissance diplomacy: the agreement between Innocent VIII and Bayezid II regarding Djem Sultan / H. Īnalcik // *The Middle East and the Balkans under the Ottoman empire: essays on economy and society*. – Bloomington, 1993. – P. 342–368.
114. Infessura, S. *Diario della città di Roma* / S. Infessura ; Ist. Storico Italiano ; a cura di O. Tommasini. – Roma : Forzani e C., 1890. – 334 p. – (Istituto Storico Italiano ; Fonti per la storia d'Italia ; vol. 5).
115. Isom-Verhaaren, Ch. *Allies with the infidel: the ottoman and french alliance in the sixteenth century* / Ch. Isom-Verhaaren. – London ; New York : Tauris Acad. Studies, 2011. – 304 p.
116. Jacoviello, M. *La lega antifrancese del 31 marzo 1495 nella fonte veneziana del Sanuto* / M. Jacoviello // *Archivio Storico Italiano*. – 1985. – Vol. 143, № 1. – P. 39–90.
117. Jacoviello, M. *Sui traffici veneziani nel Mezzogiorno d'Italia durante la seconda metà del secolo XV* / M. Jacoviello // *Atti dell' Accademia Pontaniana*. – Naples, 1987. – Vol. 35. – P. 159–179.
118. Jensen, D. *French diplomacy and the wars of religion* / D. Jensen // *Sixteenth Century J.* – 1974. – Vol. 5, № 2. – P. 23–46.
119. Kekewich, M. L. *The good king: René of Anjou and fifteenth century Europe* / M. L. Kekewich. – New York : Palgrave Macmillan UK, 2008. – 300 p.
120. Kidwell, C. *Venice, the french invasion and the apulian ports* / C. Kidwell // *The French de-scent into renaissance Italy, 1494–95: antecedents and effects* / ed. D. Abulafia. – Aldershot, 1995. – P. 295–308.
121. Kleiman, I. R. *Philippe de Commynes: memory, betrayal* / I. R. Kleiman. – Toronto : Univ. of Toronto Press, 2013. – 296 p.
122. Knapton, M. *The Terraferma state* / M. Knapton // *Companion to Venetian History, 1400–1797* / ed. by E. R. Dursteler. – Leiden, 2013. – P. 85–124.
123. Kraußold, L. *Dr. Theodorich Marung der Vorbote der Reformation in Franken: Ein Urkundlicher Beitrag zur Zeit- und Kirchen-Geschichte des 15. Jahrhunderts zum 50 Jährigen Jubiläum des Historischen Vereins in Bayreuth* : [in 2 bd.] / L. Kraußold. – Bayreuth : Th. Burger, 1878. – Bd. 2 : Theodor Morung und seine Gefangenschaft. – 136 S.
124. Kretschmayr, H. *Geschichte von Venedig* : in 3 Bd. / H. Kretschmayr. – Gotha : Perthes, 1920. – Bd. 2 : Die Blüte. – XIX, 701 S. – (Allgemeine Staatengeschichte ; Abt. 1, Geschichte der Europäischen Staaten ; Werk 35, 2 ; Allgemeine Staatengeschichte / 1).
125. La Pilorgerie, J. L. de. *Campagne et bulletins de la grande armée d'Italie commandée par Charles VIII, 1494–1495 : d'après des documents rares ou inédits, ...* / J. L. de La Pilorgerie. – Nantes : V. Forest et É. Grimaud, 1866. – XXXVII, 477 p.
126. *La très curieuse et chevaleresque hystoire de la conquest de Naples par Charles VIII* / coassocié P. M. Gonon. – Lyon : C. Savy, 1842. – 196 p.
127. Labande-Mailfert, Y. *Charles VIII et son milieu (1470–1498). La jeunesse au pouvoir* / Y. Labande-Mailfert. – Paris : Klincksieck, 1975. – 615 p.
128. Labande-Mailfert, Y. *Charles VIII: le vouloir et la destine* / Y. Labande-Mailfert. – Paris : Fayard, 1986. – 512 p.
129. Landucci, L. *A Florentine diary from 1450 to 1516: continued by an anonymous writer till 1542* / L. Landucci. – London : J. M. Dent & Sons Ltd., 1927. – 308 p.
130. Landucci, L. *Diario fiorentino dal 1450 al 1516* / L. Landucci ; a cura di I. Del Badia. – Firenze : G. C. Sansoni, 1883. – XV, 377 p.
131. Larivière, C. J. de. *Naviguer, commercer, gouverner: économie maritime et pouvoirs à Venise (XVe–XVIe siècles)* / C. J. de Larivière. – Leiden ; Brill Acad. Pub., 2008. – 377 p. – (The Medieval Mediterranean ; vol. 79).
132. Lazzarini, I. *Communication and conflict: Italian diplomacy in the Early Renaissance, 1350–1520* / I. Lazzarini. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2015. – 326 p.
133. Lazzarini, I. *News from Mantua: Diplomatic Networks and Political Conflict in the Age of the Italian Wars (1493–1499)* / I. Lazzarini // *Maximilian I (1459–1519). Wahrnehmung – Übersetzungen – Gender* / Hrsg von H. Noflatscher, M. A. Chisolm, B. Schnerb. – Innsbruck, 2011. – P. 111–129.
134. Lazzarini, I. *Storia della diplomazia e International Relations Studies fra pre- e postmoderno* / I. Lazzarini // *Storica*. – 2016. – Vol. 22, № 65. – P. 9–41.

135. Le Fur, D. Charles VIII / D. Le Fur. – Paris : PERRIN, 2006. – 480 p.
136. Lemonnier, H. Histoire de France depuis les origines jusqu'à la révolution : [in 9 vol.] / E. Lavissee. – Paris : Hachette, 1903. – Vol. 5, iss. 1 : Les guerres d'Italie. La France sous Charles VIII, Louis XII et François I (1492–1547) / H. Lemonnier. – 400 p.
137. Léonard, E.-G. Les Angevins de Naples / E.-G. Léonard. – Paris : P. U. F., 1954. – 575 p.
138. Lettres de Charles VIII roi de France : [in 5 vol.] / ed. P. Pélicier. – Paris : Libr. Renouard, H. Laurens, success., 1903. – Vol. 4 : 1494–1495. – 371 p.
139. Lettres et négociations de Philippe de Commines : [in 2 vol.]. – Bruxelles : V. Devaux et cie, 1868. – Vol. 2. – 312 p.
140. Lev, E. Tigress of Forli: renaissance Italy's most courageous and notorious countess, Caterina Riario Sforza de' Medici / E. Lev. – N. Y. : Hardcover, 2011. – 320 p.
141. Liebenau, T. di. Il duca di orléans e gli svizzeri nell'anno 1495 / T. di Liebenau // Archivio Storico Lombardo. – 1889. – Vol. 6, fasc. 3. – P. 607–624.
142. Linder, A. An unpublished "Pronosticatio" on the return of Charles VIII to Italy / A. Linder // J. of the Warburg and Courtauld Inst. – 1984. – Vol. 47. – P. 200–203.
143. Lopez, G. Una signoria fra due epoche / G. Lopez // Gli Sforza a Milano / G. Lopez [et al.]. – Milano, 1978. – P. 7–103.
144. Lot, F. Recherches sur les effectifs des armées françaises des guerres d'Italie aux guerres de religion, 1494–1562 / F. Lot. – Paris : S.E.V.P.E.N., 1962. – 285 p.
145. Luc, P. Un appel du pape Innocent VIII au roi du France (1489) / P. Luc // Mélanges d'archéologie et d'histoire de l'Ecole française de Rome. – 1939. – Vol. 56, fasc. 1. – P. 332–355.
146. Lünig, J. Ch. Codex Italiae Diplomaticus: quo non solum Multifariae Investiturarum Literae, ab Augustissimis Romanorum Imperatoribus Italiae Principibus & Proceribus concessae atque traditae ... : [in 4 vol.] / J. Ch. Lünig. – Frankfurt ; Leipzig : Impensis Hæredum Lanckisianorum, 1725. – Vol. 1. – 44 ungezählte S., 2524 p.
147. Lünig, J. Ch. Codex Italiae Diplomaticus: quo non solum Multifariae Investiturarum Literae, ab Augustissimis Romanorum Imperatoribus Italiae Principibus & Proceribus concessae atque traditae ... : [in 4 vol.] / J. Ch. Lünig. – Frankfurt ; Leipzig : Impensis Hæredum Lanckisianorum, 1726. – Vol. 2. – 50 ungezählte S., 2524 p., 108 ungezählte S.
148. Luzio, A. Delle relazioni di Isabella d'Este Gonzaga con Ludovico e Beatrice Sforza / A. Luzio, R. Renier // Archivio Storico Lombardo. Ser. 2. – 1890. – Vol. 7. – P. 74–120, 345–399, 619–674.
149. Luzio, A. Francesco Gonzaga alla battaglia di Fornovo (1495) secondo i documenti mantovani / A. Luzio, R. Renier // Archivio Storico Italiano. Ser. 5. – 1890. – Vol. 6. – P. 205–246.
150. MacMahon, L. The ambassadors of Henry VIII, the personnel of English diplomacy / L. MacMahon. – London, 1999. – 1550 p.
151. Magistretti, P. Lutto e feste della Corte di Napoli, relazione diplomatica dell'ambasciatore milanese al duca di Bari (1494) / P. Magistretti // Archivio Storico Lombardo. Ser. 1. – 1879. – Vol. 4, № 4. – P. 685–720.
152. Malipiero, D. Annali veneti dall'anno 1457 al 1500 / D. Malipiero // Archivio Storico Italiano. – 1843. – Vol. 7, pt. 1. – P. 5–586.
153. Mallett, M. E. The military organization of a renaissance state: Venice c. 1400 to 1617 / M. E. Mallett, J. R. Hale. – New York : Cambridge Univ. Press, 1984. – XVI, 525 p.
154. Mallett, M. Italian Renaissance diplomacy / M. Mallett // Diplomacy and Statecraft. – 2001. – Vol. 12, № 1. – P. 61–70.
155. Mallett, M. Personalities and pressures: Italian involvement in the french invasion of 1494 / M. Mallett // French descent into renaissance Italy, 1494–1495: antecedents and effects / ed. by D. Abulafia. – Aldershot, 1995. – P. 151–163.
156. Mallett, M. The Italian Wars, 1494–1559: war, state and society in early Modern Europe / M. Mallett, Ch. Shaw. – New York : Pearson, 2012. – 368 p.
157. Marino, J. A. Becoming Neapolitan: citizen culture in Baroque Naples / J. A. Marino. – Baltimore : J. Hopkins Univ. Press, 2011. – 342 p.

158. Masi, B. Ricordanze di Bartolomeo Masi: calderaio fiorentino dal 1478 al 1526 / B. Masi ; a cura di G. O. Corazzini. – Firenze : G. C. Sansoni, 1906. – 311 p.
159. Mattingly, G. Renaissance diplomacy / G. Mattingly. – New York : Dover Publ., 1988. – 284 p.
160. Maulde La Clavière, R. A. M. de. Histoire de Louis XII : [in 3 vol.] / R. A. M. de Maulde La Clavière. – Paris : Ernest Leroux. – 1891. – Vol. 3. – P. 1. – 440 p.
161. Mazzoleni, J. Gli apprestamenti difensivi dei Castelli di Calabria Ultra alla fine del Regno Aragonese, 1494–1495 / J. Mazzoleni // Archivio storico per le province Napoletane. – 1944–46. – Vol. 30. – P. 132–144.
162. McNeal Caplow, H. Sculptors' partnerships in Michelozzo's Florence / H. McNeal Caplow // Studies in the Renaissance. – 1974. – Vol. 21. – P. 145–175.
163. Molinier, A. Les sources de l'histoire de France des origines aux guerres d'Italie (1494) / A. Molinier. – Paris : A. Picard et fils. – Vol. 5 : Introduction générale. Les Valois (suite), Louis XI et Charles VIII (1461–1494). – 1904 p.
164. Muir, E. Civic ritual in renaissance venice / E. Muir. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1981. – 356 p.
165. Muir, E. Images of power: art and pageantry in renaissance venice / E. Muir // Amer. Hist. Rev. – 1979. – Vol. 84. – P. 16–52.
166. Najemy, J. M. History of Florence, 1200–1575 / J. M. Najemy. – Oxford : Blackwell Publ., 2006. – 516 p.
167. Nardi, I. Istorie della cita di Firenze di Iacopo Nardi / I. Nardi. – Firenze : A spese della Societa editrice delle storie del Nardi e del Varchi, 1838. – Vol. 1. – 458 p.
168. Négotiations diplomatiques de la France avec la Toscane / ed.: G. Canestrini, A. Desjardins. – Paris, 1859. – Vol. 1. – 713 p.
169. Negri, P. Le missioni di Pandolfo Collenuccio a papa Alessandro VI (1494–1498) / P. Negri // Archivio della Società Romana di Storia Patria. – [S. l.], 1910. – Vol. 33. – P. 333–439.
170. Notario López, I. and I. Spanish Tercios, 1536–1704 (Men-at-Arms 481) / I. and I. Notario López. – Oxford : Osprey, 2012. – 48 p.
171. Pacifico Burlamacchi. La vita del Beato Ieronimo Savonarola / Pacifico Burlamacchi. – Firenze, 1937. – 177 p.
172. Paladino, G. Per la storia della Congiura dei Baroni. Documenti inediti dell'Archivio Estense (1485–1487) / G. Paladino // Archivio storico per le province Napoletane. – 1919. – Vol. 44. – P. 245–246.
173. Parenti, P. Storia Fiorentina / P. Parenti, A. Matucci. – Firenze, 1994. – Vol. 1 : 1476–78, 1492–96. – 366 p.
174. Partner, P. Pope's men. The papal civil service in the Renaissance / P. Partner. – Oxford : Clarendon Press, 1990. – 54 p.
175. Pasolini, P. D. Caterina Sforza / P. D. Pasolini. – Rome, 1893. – Vol. 3. – 456 p.
176. Passero, G. Storie in forma di giornali sotto nome di questo autore da V. M. Altobelli / G. Passero. – Napoli, 1785. – 50 p.
177. Pastor, L. The history of the popes: from the close of the Middle Ages / L. Pastor. – 3d ed. – London : J. Hodges, 1911. – Vol. 5 : (1484–1497). – 576 p.
178. Pastor, L. The history of the popes: from the close of the Middle Ages / L. Pastor. – London : J. Hodges, 1891. – Vol. 2 : (1447–1458). – 580 p.
179. Péliissier, L.-G. Sur quelques épisodes de l'expédition de Charles VIII en Italie / L.-G. Péliissier // Rev. Historique. – 1900. – Vol. 72, № 25. – P. 291–313.
180. Pellegrini, M. Le guerre d'Italia 1494–1530 / M. Pellegrini. – Bologna, 2009. – 96 p.
181. Pepper, S. Castles and Cannons in the Naples Campaign of 1494–95 / S. Pepper // French descent into renaissance Italy, 1494–95: antecedents and effects / ed. D. Abulafia. – Aldershot : Variorum, 1995. – P. 263–293.
182. Perret, P.-M. La mission de Péron de Baschi a Venise, d'après des documents vénitiens (1493) / P.-M. Perret // Bibliothèque de l'École des Chartes. – [S. l.], 1891. – Vol. 52. – P. 285–298.
183. Peter Martyr. Documentos inéditos para la historia de España / Peter Martyr. – Madrid : Imprenta Góngora, 1953. – T. 9 : Epistolario de Pedro Mártir Angeria. – 281 p.

184. Petit, E. *Séjours de Charles VIII (1483–1498)* / E. Petit. – Paris : Imprimerie nationale, 1896. – 64 p.
185. Peyronnet, G. The distant origins of the Italian Wars: political relations between France and Italy in the fourteenth and fifteenth centuries / G. Peyronnet // *French Descent into Renaissance Italy, 1494–1495: antecedents and effects* / ed. D. Abulafia. – Aldershot, 1995. – P. 29–53.
186. Phillips, M. *Francesco Guicciardini: the historian's Craft* / M. Phillips. – Manchester, 1977. – 212 p.
187. Picotti, G. B. *Caterina Sforza e la Romagna alla calata di Carlo VIII* / G. B. Picotti // *Atti e Memorie della Deputazione di Storia Patria per le provincie di Romagna, series 5.* – 1963–1965. – T. 15–16. – P. 207–221.
188. Pieri, P. *Il Rinascimento e la crisi militare italiana* / P. Pieri. – Torino : Einaudi, 1952. – 661 p.
189. Pillinini, G. *Il sistema degli stati italiani 1454–1494* / G. Pillinini. – Venezia : Univ. editrice, 1970. – 167 p.
190. Pontieri, E. *Dinastia, regno e capitale nel Mezzogiorno aragonese. Cap. 1 : La conquista* / E. Pontieri // *Storia di Napoli.* – Napoli, 1964. – Fa parte di 4.1. – P. 1–230.
191. Pontieri, E. *Napoletani alia corte di Carlo VIII. Giovanni de Candida e due suoi compendi di storia del Regno di Napoli* / E. Pontieri // *Archivio storico per le provincie Napoletane.* – 1938. – Vol. 63. – P. 127–182.
192. Portovenieri, G. *Memoriale dall'anno 1494 sino al 1502* / G. Portovenieri // *Archivio Storico Italiano.* – 1845. – Vol. 6, № 2. – P. 283–360.
193. Porzio, C. *La congiura de 'baroni del regno di Napoli contro il re Ferdinando primo* / C. Porzio. – Napoli, 1853. – 201 p.
194. Porzio, C. *Opere di Camillo Porzio pubblicate per cura per cura di C. Monzani* / C. Porzio. – 2 ed. – Firenze : Felice le Monnier, 1855. – 421 p.
195. Poull, G. *La Maison ducale de Lorraine devenue la maison impériale et royale d'Autriche, de Hongrie et de Bôhème* / G. Poull. – Nancy : Pres. Univ. de Nancy, 1991. – 591 p.
196. Pouspin, M. *Des lettres de nouvelles au temps de la guerre d'Italie de Charles VIII (avril-mai 1495)* / M. Pouspin // *Cahiers de Recherches Médiévales.* – 2009. – Vol. 18. – P. 459–478.
197. Prato, G. A. *Storia di Milano* / G. A. Prato // *Archivio Storico Italiano.* – 1842. – Vol. 3. – P. 221–418.
198. Priuli, G. *I diarii di Girolamo Priuli: AA. 1499–1512: a cura di Roberto Cessi* / G. Priuli, R. Cessi. – Bologna : Zanichelli, 1938. – 480 p.
199. *Proposta di pubblicazione di carteggio diplomatico, 1492–94–95 / a cura di C. Foucard* // *Archivio storico per le province Napoletane.* – 1879. – Vol. 4. – P. 753–803.
200. Puga, D. *International trade and institutional change: medieval Venice's response to globalization* / D. Puga, D. Treffer // *Quarterly J. of Economics.* – 2014. – Vol. 129, № 2. – P. 753–821.
201. Queller, D. E. *The development of Ambassadorial Relazioni* / D. E. Queller // *Renaissance Venice* / ed. J. R. Hale. – London, 1973. – P. 174–196.
202. Queller, D. E. *The office of Ambassador in the middle ages* / D. E. Queller. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1967. – 202 p.
203. Quillet, B. *Louis XII. Père du peuple* / B. Quillet. – Paris : Fayard, 1986. – 518 p.
204. *Racconti di storia napoletana* // *Archivio storico per le province Napoletane.* – 1908. – Vol. 33. – P. 86–127, 474–544.
205. *Recherches dans archives italiennes : Louis XII et Ludovic Sforza (8 avril 1498 – 23 juillet 1500)* : in 2 vol. / ed. L.-G. Pélissier. – Paris : A. Fontemoing, 1896. – Vol. 2 : Thèse de doctorat présentée à l'Université de Lyon. – 640 p.
206. Ricciardi da Pistoia, F. *Ricordi storici, 1494 al 1500* / F. Ricciardi da Pistoia. – Bologna : Romagnoli, 1882. – 178 p.
207. Ridolfi, R. *Studi Savonaroliani* / R. Ridolfi. – Firenze, 1935. – 318 p.
208. Romanin, S. *Storia documentata di Venezia* / S. Romanin. – Venezia : P. Naratovich, 1856. – Vol. 5. – 567 p.
209. Roover, F. E. de. *Francesco Sassetti and the downfall of the Medici banking house* / F. E. de Roover // *Bulletine of the Business Historical Society.* – 1943. – Vol. 17, № 4. – P. 65–80.

210. Roover, R. de. The rise and decline of the medici bank, 1397–1494 / R. de Roover. – London : Harvard Univ. Press, 1963. – 500 p.
211. Rosmini, C. de. Dell'istoria intorno alle militari imprese e alla vita di Gian-Jacopo Trivulzio, detto il Magno : in 2 vol. / C. de Rosmini. – Milano : G. G. Destefanis, 1815. – Vol. 1. – XXI, 692 p.
212. Rospoche, M. Songs of war. Historical and literary narratives of the “Horrendous Italian Wars” (1494–1559) / M. Rospoche // Narrating war: early Modern and contemporary perspectives. – Bologna ; Berlin, 2013. – P. 79–97.
213. Rubinstein, N. I primi anni del Consiglio Maggiore a Firenze / N. Rubinstein // Archivio Storico Italiano. – 1954. – Vol. 112. – P. 151–192.
214. Rubinstein, N. Le origini della missione di Lorenzo a Napoli / N. Rubinstein // Lorenzo de' Medici. Lettere. – Florence, 1981. – Vol. 4 / ed. N. Rubinstein. – P. 391–400.
215. Rubinstein, N. The formation of the posthumous image of Lorenzo de' Medici / N. Rubinstein // Oxford, China and Italy: writing in honour of Sir Harold Acton on his eightieth birthday / ed.: E. Chaney, N. Ritchie. – London, 1984. – P. 94–106.
216. Rubinstein, N. The government of Florence under the Medici (1434 to 1494) / N. Rubinstein. – 2nd ed. – Oxford : [England] : Clarendon Oxford Univ. Press, 1997. – 428 p.
217. Rusconi, A. Assedio di Novara (1495) : doc. inediti / A. Rusconi. – Novara : Premiata Tipografia dei fratelli Miglio, 1884. – 47 p.
218. Rusconi, A. Lodovico il Moro e la sua cattura in Novara / A. Rusconi. – Novara, 1878. – 122 p.
219. Russo, A. Federico d'Aragona (1451–1504): politica e ideologia nella dinastia aragonese di Napoli / A. Rusconi. – Napoli : FedOA Press, 2018. – 407 p.
220. Ryder, A. The Angevin bid for Naples, 1380–1480 / A. Ryder // French descent into Renaissance Italy, 1494–5: antecedents and effects / ed. D. Abulafia. – Aldershot, 1995. – P. 55–69.
221. Santosuosso, A. Anatomy of defeat in renaissance Italy: the battle of Fornovo in 1495 / A. Santosuosso // Intern. History Rev. – 1994. – Vol. 16, № 2. – P. 221–250.
222. Sanudo, M. De origine, situ et magistratibus urbis Venetae, ovvero, La città di Venetia (1493–1530) / M. Sanudo, A. C. Aricò. – Milano : Cisalpino-La Goliardica, 1980. – XXIX, 356 p.
223. Sanudo, M. Vitae Ducum Venetorum / M. Sanudo // Rerum Italicarum Scriptores / L. A. Muratori. – Milano, 1733. – Vol. 22. – P. 529.
224. Sanuto, M. La spedizione di Carlo VIII in Italia / M. Sanuto. – Venezia : Tip. del commercio di M. Visentini, 1883. – 684 p.
225. Savonarola, G. Compendio di rivelazioni, testo volgare e latino e Dialogus de veritate prophetica, a cura di Angela Crucitti / G. Savonarola. – Firenze : Libro usato vintage, 1974. – 476 p.
226. Savonarola, G. Lettere e scritti apologetic / G. Savonarola. – Roma : A. Belardetti, 1984. – 437 p.
227. Scarton, E. La congiura dei baroni del 1485–87 e la sorte dei ribelli / E. Scarton // Poteri, relazioni, guerra nel regno di Ferrante d'Aragona, Studi sulle corrispondenze diplomatiche a cura di Francesco Senatore e Francesco Storti / Univ. degli Studi di Napoli Federico II. – Napoli, 2011. – P. 213–290.
228. Schiappoli, I. Napoli aragonese: traffici e attività marinare / I. Schiappoli. – Napoli, 1972. – 282 p.
229. Schmidt, A.-M. Andry de la Vigne et la Ressource de la Chrétienté (1494) / A.-M. Schmidt // Lettres Nouvelles. – 1956. – Vol. 41. – P. 267–278.
230. Segre, A. I prodromi della ritirata di Carlo VIII re di Francia da Napoli. Saggio sulle relazioni tra Venezia, Milano e Roma durante la primavera del 1495 / A. Segre // Archivio Storico Italiano. Ser. 5. – 1904. – Vol. 33. – P. 3–27, 332–369, 350–405.
231. Segre, A. Lodovico Sforza, detto il Moro, e la repubblica di Venezia dall'autunno 1494 alla primavera 1495 / A. Segre // Archivio Storico Lombardo. Ser. 3. – 1903. – Vol. 20. – P. 33–109, 249–317, 368–443.
232. Setton, K. M. The Papacy and the Levant (1204–1571) / K. M. Setton. – Philadelphia : The Amer. Philos. Soc., 1978. – Vol. 2 : The Fifteenth Century. – 580 p.
233. Shaw, Ch. Barons and Castellans: the military nobility of renaissance Italy / Ch. Shaw. – Leiden : Brill, 2015. – 284 p.
234. Shaw, Ch. Julius II: The warrior pope / Ch. Shaw. – Oxford : Blackwell, 1993. – 360 p.

235. Sigismondo de Conti. Le storie de'suoi tempi dal 1475 al 1510 / Sigismondo de Conti. – Roma, 1883. – Vol. 1. – 484 p.
236. Sigismondo de Conti. Le storie de'suoi tempi dal 1475 al 1510 / Sigismondo de Conti. – Roma, 1883. – Vol. 2. – 486 p.
237. Soranzo, G. Il tempo di Alessandro VI papa e di fra Girolamo Savonarola / G. Soranzo. – Milano : Vita e pensiero, 1960. – 348 p.
238. Soranzo, G. La Lega Italica (1454–5) / G. Soranzo. – Milano : Vita e pensiero, 1924. – 213 p.
239. Soranzo, M. Poetry and Identity in Quattrocento Naples / M. Soranzo. – Farnham, 2014. – 184 p.
240. Stöckly, D. Le système de l'Incanto des galées du marché à Venise (fin XIIIe – milieu XVIe siècle) / D. Stöckly. – Leiden : E. J. Brill, 1995. – XVIII, 434 p.
241. Suárez, F. L. Fernando el Católico / F. L. Suárez. – Barcelona : Grupo Planeta, 2004. – 475 p.
242. Suárez Fernandez, L. La España de los reyes católicos (1474–1516). El camino hacia Europe / F. L. Suárez. – Madrid : Espasa Calpe, 1990. – 368 p.
243. Thuasne, L. Djem-sultan, fils de Mohammed II, frère de Bayezid II (1459–1495) d'après des documents originaux en grande partie inédits. Etude sur la question d'Orient à la fin du XVe siècle / L. Thuasne. – Paris : Ernest Leroux, 1892. – 457 p.
244. Trinchera, F. Codice Aragonese, o sia lettere regie, ordinamenti ed altri atti governativi de'sovrani Aragonesi in Napoli riguardanti l'amministrazione interna del reame e le relazioni all'estero: con una introduzione ove a schiarimento degli atti qui compresi, e del metodo usato nella compilazione si tocca de tutte le opere del Grande Archivio : [in 3 vol.] / F. Trinchera. – Napoli : G. Catanea, 1868. – Vol. 2, pubbl. 1. – 384 p.
245. Trinchera, F. Codice Aragonese, o sia lettere regie, ordinamenti ed altri atti governativi de'sovrani Aragonesi in Napoli riguardanti l'amministrazione interna del reame e le relazioni all'estero: con una introduzione ove a schiarimento degli atti qui compresi, e del metodo usato nella compilazione si tocca de tutte le opere del Grande Archivio : [in 3 vol.] / F. Trinchera. – Napoli : G. Catanea, 1868. – Vol. 2, pubbl. 2. – 512 p.
246. Valeri, N. L'Italia nell'età dei principati dal 1343 al 1516 / N. Valeri. – Milano : Mondadori, 1949. – 723 p.
247. Vatin, N. Sultan Djem: un prince ottoman dans l'Europe du XVe siècle d'après deux sources contemporaines: Vâi'ât-i Sulân Cem / N. Vatin. – Ankara : Imprimerie de la Société Turque d'Histoire, 1997. – 379 p.
248. Vigne, A. de La. Extrait de L'Histoire de voyage de Naples du Roy Charles VIII / A. de La Vigne // Godefroy Th. histoire de Charles VIII, roy de France, par Guillaume de Jaligny, André de la Vigne et autres historiens de ce temps-là. – Paris : de l'imprimerie royale, par Sebastien Mabre-Cramoisy, 1684. – 760 p.
249. Vigne, A. de La. Le voyage de Naples / A. de La Vigne ; ed. par A. Slerca. – Milano : Vita e Pensiero, 1981. – 406 p.
250. Villapalos, G. Fernando V (1474–1516). Los Estados del Rey Católico / G. Villapalos. – Burgos : Diputación Provincial De Palencia Editorial La Olmeda, 1998. – 332 p.
251. Vitale, G. Élite burocratica e famiglia. Dinamiche nobiliari e processi di costruzione statale nella Napoli angioino-aragonese / G. Vitale. – Missouri : Liguori, 2003. – 360 p.
252. Welch, E. Art and society in Italy 1350–1500 / E. Welch. – Oxford ; New York : Oxford Univ. Press, 1997. – 351 p.
253. Wilkie, W. E. The Cardinal Protectors of England: Rome and the Tudors before the reformation / W. E. Wilkie. – New York : Cambridge Univ. Press, 1974. – VIII, 262 p.
254. Wodka, J. Zur Geschichte der Nationalen Protektorate der Kardinäle an der Römischen Kurie / J. Wodka. – New York : Johnson, 1938. – 146 S. – (Publikationen des Österreichischen Historischen Instituts in Rom ; № 4).
255. Zancarini, J.-C. Les guerres d'Italie: des batailles pour l'Europe (1494–1559) / J.-C. Zancarini, J.-L. Fournel. – Paris : Gallimard, 2003. – 322 p.
256. Бергер, Е. Е. Раннее Новое время и «Всемирная история» в шести томах: размышления над страницами третьего тома (материалы круглого стола, состоявшегося в Ин-те всеобщ.

- истории РАН, 11–12 дек. 2013 г.) / Стенограмму подготовили Е. Е. Бергер, О. В. Окунева // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2014. – Вып. 75, № 3/4. – С. 324–386.
257. Бернадская, Е. В. Политический строй итальянских государств. Синьории и принципаты / Е. В. Бернадская // История Италии : в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; под ред. С. Д. Сказкина. – М., 1970. – Т. 1. – С. 295–346.
258. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. / Ф. Бродель ; пер. с фр. Л. Е. Куббеля ; ред. Ю. Н. Афанасьева. – М. : Прогресс, 1992. – Т. 3 : Время мира. – 752 с.
259. Бродель, Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II : в 2 ч. / Ф. Бродель ; пер. с фр. М. А. Юсима. – М. : Яз. рус. культуры, 2003. – Ч. 2 : Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. – 806 с.
260. Буркхардт, Я. Культура Италии в эпоху Возрождения: опыт : [пер. с нем.] / Я. Буркхардт. – М. : ИНТРАДА, 1996. – 527 с.
261. Вазари, Д. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих : полное издание в одном томе / Д. Вазари ; [пер. с ит.: А. Г. Габричевского, А. И. Венедиктова]. – М. : Альфа-кн., 2008. – 1278 с.
262. Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / [В. А. Антонов и др.] ; Моск. гос. ун-т, Ист. фак. ; отв. ред. Т. П. Гусарова. – М. : Университет, 2011. – 572 с.
263. Всемирная история : в 6 т. / под ред. В. А. Ведюшкина, М. А. Юсима. – М. : Наука, 2013. – Т. 3 : Мир в раннее Новое время. – 1257 с.
264. Гвиччардини, Ф. История Италии : в 2 т. / Ф. Гвиччардини ; пер. М. А. Юсима ; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М. : Канон-плюс, 2019. – Т. 1. – 744 с.
265. Гвиччардини, Ф. История Флоренции : (отрывки) / Ф. Гвиччардини ; [пер. И. П. Подземской] // Сочинения великих итальянцев XVI в. / сост. Л. М. Брагина. – СПб., 2002. – С. 72–140.
266. Гуковский, М. А. Итальянское Возрождение / М. А. Гуковский ; под ред. А. Н. Немилова, А. С. Кантор-Гуковской. – 2-е изд., испр. и доп. – Л. : ЛГУ, 1990. – 624 с.
267. Домнина, Е. Г. Английская дипломатическая служба и римская курия, 1485–1558 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Е. Г. Домнина. – М., 2008. – 245 л.
268. Иванова, Ю. В. Франческо Гвиччардини / Ю. В. Иванова // История литературы Италии : в 2 кн. / под общ. ред. М. Л. Андреева. – М., 2010. – Т. 2 : Возрождение, кн. 2 : Чинквеченто. – С. 223–244.
269. Ивонин, Ю. Е. Международные отношения в Западной и Центральной Европе XVI в. : очерки / Ю. Е. Ивонин ; Смол. гос. пед. ун-т. – Смоленск : СГПУ, 2001. – 131 с.
270. Ивонин, Ю. Е. Становление европейской системы государств: Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох / Ю. Е. Ивонин. – Минск : Университетское, 1989. – 199 с.
271. Ивонин, Ю. Е. У истоков европейской дипломатии Нового времени / Ю. Е. Ивонин. – Минск : Университетское, 1984. – 160 с.
272. История Европы : в 8 т. / Е. С. Голубцова [и др.]. – М. : Наука, 1993. – Т. 3 : От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.) / ред.: Л. Т. Мильская, В. И. Рутенбург. – 656 с.
273. История международных отношений : учебник : в 3 т. / Моск. гос. ин-т междунар. отношений ; МИД России ; под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. – М. : Аспект Пресс, 2012. – Т. 1 : От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны / А. В. Ревякин, Н. Ю. Васильева. – 400 с.
274. История средних веков : учеб. пособие : в 3 ч. / под ред. В. А. Федосика, И. О. Евтухова. – Минск : БГУ, 2008. – Ч. 3 : Позднее средневековье / [В. А. Федосик и др.]. – 287 с.
275. История средних веков : учебник : [в 2 т.] / [Н. М. Богданова и др.] ; под ред. С. П. Карпова. – 6-е изд. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2008. – Т. 2 : Раннее Новое время / под ред. С. П. Карпова. – 429 с.
276. Катушкина, Л. Г. Итальянские войны / Л. Г. Катушкина // История Италии : в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; под ред. С. Д. Сказкина. – М., 1970. – Т. 1. – С. 426–465.

277. Климанов, Л. Г. *Consilia et Officia: историографические заметки о венецианской бюрократии* / Л. Г. Климанов // *Античная древность и средние века* : сб. науч. тр. – Екатеринбург, 2009. – Вып. 39 : К 60-летию профессора В. П. Степаненко. – С. 339–351.

278. Клула, И. Борджиа / И. Клула ; пер. с фр. С. В. Пригорницкой. – Ростов н/Д : Феникс, 1997. – 412 с.

279. Коллинсон-Морлей, Л. История династии Сфорца / Л. Коллинсон-Морлей. – СПб. : Евразия, 2005. – 352 с.

280. Коммин, Ф. де. Мемуары / Ф. де Коммин ; пер. с фр. Ю. П. Малинина ; Акад. наук СССР. – М. : Наука, 1986. – 500 с.

281. Контамин, Ф. Война в Средние века / Ф. Контамин. – СПб. : Ювента, 2001. – 416 с.

282. Контарини, Г. О магистратах и устройстве Венецианской республики / Г. Контарини ; пер. с лат. М. А. Юсима ; под ред. М. М. Крома, О. В. Хархордина. – СПб. : ЕУСПб., 2013. – 222 с.

283. Ле Руа Ладюри, Э. История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460–1610 / Э. Ле Руа Ладюри ; пер. с фр.: Е. Н. Корендясова, В. А. Павлова. – М. : Междунар. отношения, 2004. – 416 с.

284. Лемонье, А. Итальянские войны (1492–1518) / А. Лемонье ; пер. с фр. М. Ю. Некрасова. – СПб. : Евразия, 2020. – 288 с.

285. Мазарчук, Д. В. Англия в межгосударственных отношениях последней трети XV в. и дипломатическая подготовка итальянского похода Карла VIII / Д. В. Мазарчук // *Журн. междунар. права и междунар. отношений*. – 2019. – № 1/2. – С. 52–56.

286. Мазарчук, Д. В. Баланс сил и политика альянсов в Италии во второй половине XV в.: к истории становления дипломатии Нового времени / Д. В. Мазарчук // *Журн. междунар. права и междунар. отношений*. – 2016. – № 3/4. – С. 47–52.

287. Мазарчук, Д. В. Лига св. Марка 1493 г. как элемент механизма межгосударственных отношений: к вопросу о кризисе системы баланса сил в Италии в конце XV в. / Д. В. Мазарчук // *Журн. междунар. права и междунар. отношений*. – 2017. – № 3/4. – С. 35–41.

288. Мазарчук, Д. В. Публично-частное партнёрство в сфере морской торговли: исторический опыт (на материале Венецианской республики) / Д. В. Мазарчук, И. А. Мурашко // *Вестн. Брѣсц. ун-та. Сер. 2. Гісторыя. Эканоміка. Права*. – 2018. – № 1. – С. 98–106.

289. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли // *Избр. соч.* : пер. с ит. / Н. Макиавелли ; [сост. Р. Хлодовский]. – М., 1982. – С. 301–378.

290. Макиавелли, Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Н. Макиавелли // *Избр. соч.* : пер. с ит. / Н. Макиавелли ; [сост. Р. Хлодовский]. – М., 1982. – С. 424–442.

291. Макьявелли, Н. История Флоренции / Н. Макьявелли ; пер. с ит. Н. Я. Рыковой ; общ. ред. В. И. Рутенбурга. – Л. : Наука, 1973. – 439 с.

292. Малинин, Ю. П. Филипп де Коммин и его «Мемуары» / Ю. П. Малинин // *Мемуары / Ф. де Коммин* ; пер. с фр. Ю. П. Малинина ; Акад. наук СССР. – М., 1986. – С. 385–437.

293. Миньяр-Белоручев, К. В. Ядро и периферия системы международных отношений: характер взаимодействия / К. В. Миньяр-Белоручев // *Новая и новейшая история*. – 2019. – № 6. – С. 5–18.

294. Наумов, А. В. Карл VIII и начало борьбы Франции за политическую гегемонию в Западной Европе в конце XV века / А. В. Наумов. – Н. Новгород : Издат. салон О. В. Гладкова, 2014. – 134 с.

295. Норвич, Д. История Венецианской республики / Д. Норвич ; пер. с англ. Н. Забилюцкого [и др.]. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 957 с.

296. Плешкова, С. Л. Французская монархия и церковь (XV – середина XVI в.) / С. Л. Плешкова. – М. : МГУ, 1992. – 171 с.

297. Савонарола, Д. Проповедь на тему обновления церкви, 13 января 1495 г. / Д. Савонарола // *Джироламо Савонарола и его время* : в 2 т. / П. Виллари ; пер. с ит. Н. Бережкова ; ред. А. Л. Волынский. – СПб., 1913. – Т. 2. – С. 201.

298. Савонарола, Д. Цикл проповедей на книгу пророка Аггея / Д. Савонарола ; отв. ред. М. Л. Андреев. – М. : Наука, 2014. – 310 с.

299. Тешке, Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений / Б. Тешке ; пер. с англ. Д. Кралечкина. – М. : Высш. шк. экономики, 2011. – 414 с.
300. Топорова, А. В. Политическая проповедь Джироламо Савонаролы (цикл проповедей на книгу пророка Аггея) / А. В. Топорова // Цикл проповедей на книгу пророка Аггея / Д. Савонарола ; [сост., пер. с ит. А. В. Топорова]. – М., 2014. – С. 215–247.
301. Фракасторо, Д. О сифилисе / Д. Фракасторо ; пер. с лат. В. О. Горенштейна. – М. : Медгиз, 1956. – 99 с.
302. Фурцев, Р. В. Борьба Максимилиана I Габсбурга за политическое влияние империи в Италии в конце XV в. / Р. В. Фурцев. – М. : Спутник, 2015. – 158 с.
303. Фурцев, Р. В. Особенности политической системы итальянских государств во второй половине XV в. / Р. В. Фурцев. – М. : Спутник, 2016. – 100 с.
304. Хобсбаум, Э. Век Империи. 1875–1914 / Э. Хобсбаум. – Ростов н/Д : Феникс, 1999. – 512 с.
305. Юсим, М. А. Гвиччардини и Коммин (два взгляда на начало Итальянских войн) / М. А. Юсим // Новая и новейшая история. – 2017. – № 4. – С. 24–33.
306. Юсим, М. А. Франческо Гвиччардини – от «Истории Флоренции» к «Истории Италии» / М. А. Юсим // Новая и новейшая история. – 2018. – № 4. – С. 3–14.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Италия накануне французского вторжения	16
1.1. Итальянская сцена.....	16
1.2. Неаполитанское королевство.....	21
1.3. Герцогство Миланское.....	26
1.4. Флоренция.....	31
1.5. Престол Св. Петра.....	38
1.6. Венеция.....	48
1.7. Италия накануне войны.....	54
Глава 2. Карл VIII Валуа: от династических притязаний к подготовке похода	57
2.1. Личность Карла VIII.....	57
2.2. Правление дома Анжу в Неаполе.....	58
2.3. Права Французского дома на Неаполь.....	61
2.4. Французские интересы в Италии.....	63
2.5. Миссия Эразмо Браска.....	64
2.6. Посольство Кайаццо и Бельджойозо.....	65
2.7. Мирные договоры с Англией, Испанией, империей.....	67
2.8. Посольство Беатрисы д'Эсте в Венецию.....	69
2.9. Миссия Перрона де Баски.....	71
2.10. Перрон де Баски в Риме.....	73
2.11. Папско-неаполитанский союз.....	74
2.12. Миссия Маркварда Брейзахера.....	77
2.13. Завершение дипломатической и правовой подготовки к походу.....	78
2.14. Реакция Ферранте I на подготовку похода.....	81
2.15. Оборонительные планы и действия Альфонсо II.....	82
2.16. Подготовка французской армии.....	85
2.17. Первые столкновения.....	88
Глава 3. Поход Карла VIII на Неаполь	91
3.1. Столкновение при Рапалло.....	91
3.2. Соглашение с наследником Палеологов.....	92
3.3. Дипломатия и военные действия в Романье.....	93
3.4. Смерть Джана Галеаццо Сфорца.....	95
3.5. Вступление французов в Тоскану.....	98
3.6. Карл VIII в Лукке и Пизе.....	101
3.7. Свержение власти Медичи во Флоренции.....	103
3.8. Карл VIII во Флоренции.....	104

3.9. Карл VIII в Сиене	106
3.10. Намерения Карла VIII в отношении римской церкви	106
3.11. Переговоры папы с императором и султаном	108
3.12. Продвижение французов по Папской области	109
3.13. Карл VIII в Риме	112
3.14. Вступление французской армии в Regno	114
3.15. Отречение Альфонсо II	116
3.16. Попытки Ферранте II защитить королевство	117
3.17. Вступление Карла VIII в Неаполь	119
Глава 4. Установление французского господства в Неаполе и образование Венецианской лиги	121
4.1. Первые действия Карла VIII в Неаполе	121
4.2. Завершение завоевания Неаполитанского королевства	122
4.3. Переговоры принца Альтамура	124
4.4. Попытка антитурецкого восстания на Балканах	125
4.5. Противоречия между Флоренцией и Пизой	127
4.6. Миссия Филиппа де Коммина в Венеции	128
4.7. Переговоры о создании антифранцузской лиги	130
4.8. Создание Венецианской лиги	134
4.9. Реакция на создание Венецианской лиги	136
4.10. Военные приготовления участников Священной лиги	137
4.11. Попытка захвата Асти Лодовико Сфорца	138
4.12. Карл VIII в Неаполе	140
4.13. Организация власти в Regno	141
4.14. Недовольство неаполитанцев французами	144
4.15. Церемониальное вступление Карла VIII в Неаполь	146
4.16. Переговоры об инвеституре	147
4.17. Покушение на Карла VIII и его последствия	148
4.18. Решение Карла VIII вернуться во Францию	149
4.19. Подготовка к отъезду	151
4.20. Переговоры в Венеции об условиях обратного пути	153
Глава 5. Обратный путь французской армии из Неаполя	155
5.1. Отъезд из Неаполя	155
5.2. Путь французской армии через Папскую область	156
5.3. Карл VIII в Сиене	157
5.4. Карл VIII в Поджибонси и Пизе	159
5.5. Военные действия в Ломбардии	161
5.6. Сбор сил Священной лиги	163
5.7. Попытка профранцузского мятежа в Генуе	165
5.8. Французская армия в Понтремоли	166
5.9. Подготовка к генеральному сражению	167
5.10. Битва при Форново: переправа французской армии	171
5.11. Битва при Форново: атака армии лиги	173
5.12. Битва при Форново: отступление сил лиги	176
5.13. Итоги сражения при Форново	177
5.14. Переход французской армии в Асти	180
5.15. Битва при Семинаре	183
5.16. Успехи Арагонской династии в Неаполе	184
5.17. Образование венецианского оплота в Апулии	186
5.18. Известия о ситуации в Новаре	187

Глава 6. Осада Новары и завершение Первой Итальянской войны	189
6.1. Осада Новары маркизом Гонзага	189
6.2. Начало переговоров со Священной лигой	190
6.3. Военный совет в Казаллоджано и парад войск лиги	191
6.4. Продолжение осады	193
6.5. Манифест Александра VI	193
6.6. Соглашение между Францией и Флоренцией.....	194
6.7. Вопрос перехода власти в Монферрате	196
6.8. Миссия Филиппа де Коммина в Казале-Монферрато.....	197
6.9. Начало переговоров.....	199
6.10. Продолжение переговоров и отъезд Луи д'Орлеана из Новары	200
6.11. Вывод французских войск из Новары	201
6.12. Завершение переговоров о мире	202
6.13. Мир в Верчелли	203
6.14. Возвращение Карла VIII во Францию	205
6.15. Празднование мира в Венеции	206
6.16. Венецианские переговоры Филиппа де Коммина	207
6.17. Переговоры Коммина с Лодовико «Моро»	208
6.18. Сдача неаполитанских крепостей	208
6.19. Венецианско-неаполитанский договор 1496 г.	210
6.20. Расширение венецианских владений в Апулии.....	211
6.21. Капитуляция французов.....	211
6.22. Смерть Ферранте II и Карла VIII	212
Заключение.....	213
Приложение 1. Документы и переписка	221
Манифест Карла VIII о целях итальянского похода, 22 ноября 1494 г.....	221
Договор Карла VIII с Флорентийской республикой, 25 ноября 1494 г.	223
Письмо Карла VIII герцогу Бурбонскому, 28 марта 1495 г.	233
Договор об образовании Священной лиги, 31 марта 1495 г.	235
Мирный договор в Верчелли, 10 октября 1495 г.	240
Приложение 2. Итальянский итинерарий Карла VIII.....	246
Приложение 3.....	250
Иллюстрации	250
Карты	258
Список использованных источников.....	262

Научное издание

Мазарчук Дмитрий Валерьевич

**ПЕРВАЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА
И МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В КОНЦЕ XV в.**

Редактор *М. И. Ременица*

Художественный редактор *И. Т. Мохнач*

Технический редактор *М. В. Савицкая*

Компьютерная верстка *М. Э. Маляревич*

В оформлении обложки использованы анонимная французская гравюра, изображающая эпизод битвы при Форново (около 1500 г.); медаль, отчеканенная в честь победы Франческо Гонзага при Форново (автор Бартоло Тальпа, 1495 г.); деталь синопии Антонио Пизанелло (Мантуя, 1446–1447 гг.); изображение кавалериста в рыцарском доспехе (Брешия, первая половина XVI в.)

Подписано в печать 01.10.2021. Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 22,75. Уч.-изд. л. 20,2. Тираж 120 экз. Заказ 214.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013, № 2/196 от 05.04.2017.

Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.